

**PAGE NOT
AVAILABLE**

PENNSTATE

**UNIVERSITY
LIBRARIES**

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Т. XV.

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ИСТОРИЧЕСКІЕ РОМАНЫ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

№ 264 Канон.

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

Т. XV.

Н О В А Я Р У С Ъ.

РОМАНЪ — ХРОНИКА

КОНЦА 17-го ВѢКА.

6467

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами. Г.г. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ къ издателю Николаю Николаевичу Михайлову, кн-во „Прометей“, Петроградъ, Поварской, 10.

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РОМАНЫ.

-
-
- Т. I. Въ стѣнахъ Варшавы. Кн. I.
Т. II. Въ стѣнахъ Варшавы. Кн. II.
Т. III. Осажденная Варшава. Кн. III.
Т. IV. „Сгнбла Польша!“ Кн. IV.
Т. V. Послѣдній фаворитъ. Кн. I.
Т. VI. Послѣдній фаворитъ. Кн. II.
Т. VII. Былые дни Сибири. Кн. I. ✓
Т. VIII. Былые дни Сибири. Кн. II.
Т. IX. Третій Римъ. ✓
Т. X. Грозное время.
Т. XI. Боярыня Морозова.
Т. XII. Протопопъ Аввакумъ.
Т. XIII. Цесаревичъ Павелъ. ✓
Т. XIV. Павелъ Императоръ.
Т. XV. Новая Русь. ✓
Т. XVI. Петръ и Софія.
Т. XVII. Петръ Императоръ.

Оглавленіе.

	СТР.
Отъ автора	7
Г л а в а I. Вдовство и сватовство	10
„ II. Дворцовыя козни	57
„ III. Нежданная развязка	105
„ IV. Великій въ грядущемъ	133
„ V. Сестры-подвижницы	164
„ VI. Братъ и сестра	185
„ VII. Начало разрухи	208
„ VIII. Смерть тишайшаго царя	259

~~~~~  
Тип. Т-ва Общ. Полза“,  
Петрогр., Б. Подъяч., 39.  
~~~~~


Отъ автора.

1467

Загадочна судьба народа русскаго, Московскаго царства и, — потомъ, — Имперіи Россійской.

На западѣ — все гораздо проще и яснѣе: растетъ и проявляется понемногу сознаніе толщи народной, извѣстныя стремленія и цѣли намѣчаются въ правящихъ кругахъ, возникаютъ и крѣпнута постепенно государственные и общественные идеалы...

Все это выѣдряется въ душу извѣстнаго народа, затѣмъ, путемъ многообразныхъ треній извнѣ и внутри, путемъ сознательнаго, дѣятельнаго созиданія все новыхъ и новыхъ взаимоотношеній, — куются прочные устои, выливаются въ опредѣленныхъ очертаніяхъ западныхъ имперіи, королевства, республики со всѣмъ многообразіемъ кипучей практической и отвлеченной, умственной дѣятельности населенія, образующаго эти государства.

На восточномъ полушаріи наоборотъ, — исторія какъ-бы создается усиліями единичныхъ, геніально-одаренныхъ личностей, или — работой высшихъ кастъ. Они умѣютъ уловить, усвоить то именно, что въ каждый данный мигъ можетъ привести въ движеніе народныя „тѣмы темъ“, что способно вывести миллионы живыхъ существъ изъ состоянія полупрозябанія, свойственнаго племенамъ благословеннаго края, гдѣ солнце свѣтитъ такъ знойно, гдѣ лучи его, полныя твор-

ческой силы съ избыткомъ,—почти безъ труда со стороны людей,—даютъ имъ все необходимое для жизни.

И послѣ короткаго, порою—безумно порывистаго всплеска,—снова на цѣлые вѣка почти замираетъ жизнь духа у народовъ Востока.

Другую совершенно картину даетъ жизнь индо-славянскихъ племенъ, населяющихъ Великую русскую равнину.

Они проходятъ свой историческій путь, словно вѣчно тая въ глубинѣ души полный смыслъ и пониманіе своихъ конечныхъ, стихійно-неотвратимыхъ цѣлей. И — ждутъ своего часа!..

И этотъ часъ приходитъ, большею частью, въ дыму битвъ, въ крови насилія, въ минуты наскока внѣшнихъ враговъ, или въ дни кроваваго внутренняго произвола со стороны тѣхъ, кто обычно рѣшаетъ судьбы народа.

И встаетъ тогда русское племя, стряхивая съ себя цѣпи, гонить, поражаетъ враговъ-захватчиковъ... И съ неожиданной силой дѣлаетъ скачки впередъ по пути, предопределенному самимъ рокомъ жизни для cadaго народа, какъ и для каждой отдѣльной личности.

Минула разруха удѣльная, забыта татарщина и засыле Литвы, и ужасы лихолѣтья... Пепломъ вѣковъ покрыто ужасное, кровавое имя Ивана IV... Бироновщина... Аракчеевщина, гнетъ крѣпостныхъ цѣпей... Все это ушло въ прошлое, какъ и многое другое, болѣе близкое и знакомое намъ...

Часто Русь стояла на рубежѣ,—казалось-бы, — гибели и распада... Но въ ней шла внутренняя, мощная работа и страна возрождалась къ новымъ, лучшимъ днямъ!

Въ послѣдніе годы царствованія Алексія Михайловича царство Московское испытывало также не мало потрясеній, находясь въ переходномъ состояніи отъ старыхъ формъ

жизни къ новымъ, вылившимся въ годы власти Петра въ Имперію Россійскую.

Духовный и свѣтскій византизмъ, всѣ дружинно-дворцовые уклады правленія народомъ должны были уступить мѣсто новымъ, широко-государственнымъ, народно-правовымъ законамъ и порядкамъ... И это дѣлалось не безъ судорожныхъ содроганій... Интриги боярскія, вмѣшательство стрѣleckихъ, буйныхъ громадъ, этихъ „преторіанцевъ“ московскихъ, и ашедшихъ подражателей и отомъ и въ дружинахъ петровской новой столицы,—засилье женской половины дворца, въ лицѣ царевны Софьи... Всѣмъ этимъ богаты послѣдніе годы 17 столѣтія. И юный тогда еще Петръ — сумѣлъ разрубить опасный узелъ. И повелъ царство на новые, славные пути.

Событія со времени смерти Марьи Ильинишны Милославскихъ, первой жены Тишайшаго Царя и до его смерти—составляютъ содержаніе настоящей книги.

Борьба Царь-дѣвицы Софьи съ ея геніальнымъ братомъ и паденіе ея, разгромъ стрѣleckихъ войскъ, вздумавшихъ бросить свои бердыши на вѣсы Московскаго царства—обрисованы въ романѣ-хроникѣ „Петръ и Софья“.

Л. Ж.

Май, 1915 г.

ГЛАВА I.

Вдовство и сватовство.

26 февраля, 1669 года, въ четвергъ на масляной недѣлѣ, чудный выдался день.

Шумить, ликуеть людъ московскій, весело справляетъ широкую масляницу. Плещеть кипучая жизнь торговой, многолюдной столицы, затихая лишь у стѣнъ царскаго Кремля, гдѣ за высокой оградой съ башнями по угламъ укрыты палаты царя, терема царицы, древніе соборы, патріаршія палаты и дворцы первыхъ вельможъ московскихъ.

Обычно и въ палатахъ царскихъ весело справляли эти дни полуязыческаго праздника, самаго любимаго на Руси. Но сейчасъ особое настроеніе владѣетъ всѣми обитателями царскихъ палатъ и теремовъ, особенно на женской половинѣ.

Царица Марья Ильинишна, несмотря на свои 43 года и хрупкое здоровье, — собралась подарить мужу еще ребенка, кромѣ тѣхъ восьми живыхъ и двухъ умершихъ, которыхъ принесла мужу до этихъ поръ.

Этой ночью почувствовала царица родовыя боли. Алексій, которому донесли о страданіяхъ любимой, кроткой жены, — съ разсвѣтомъ уже появился на ея половинѣ и теперь одинъ сидитъ у окна въ покоѣ, сосѣднемъ съ опочивальней, гдѣ лежитъ роженица.

Глядитъ въ окно взволнованный царь. Туда бы хотѣлъ онъ войти, взять за руку жену, ободрить ее голосомъ и

лаской, отереть лобъ, на которомъ, навѣрное, застыли капли липкаго пота, вызваннаго невыносимой мукой... Но обычаи не позволяютъ этого.

И покоряясь этимъ неписаннымъ законамъ, предъ которыми безсильны сами цари, — Алексій сидитъ, сдвинувъ брови, глядитъ въ слюденія окна терема на аллеи голыхъ деревьевъ, одѣтыхъ снѣгомъ, на отлогій берегъ Москвы-рѣки, видный изъ-за стѣнъ кремлевскихъ, на крыши Замоскворѣчья, видныя такъ ясно отсюда въ солнечный, февральскій день.

Любить природу царь, понимаетъ ее. Не даромъ большую часть года живетъ по своимъ загороднымъ дворцамъ, цѣлые дни проводя на охотѣ.

И воображеніе рисуетъ ему широкую картину.

Пушистая, бѣлая пелена снѣговъ одѣваетъ весь край земли, гдѣ раскинулось его обширное царство. Зимніе обозы чернѣютъ — тянутся по ухабистымъ, безконечнымъ путямъ-дорогамъ, пролегающимъ вдоль полей и лѣсовъ, подъ навѣсами вѣковыхъ сосенъ, дубовъ и елей въ густыхъ дубравахъ московскихъ.

Толстымъ слоемъ лежитъ снѣгъ на крышахъ домовъ, на островерхихъ кровляхъ палатъ кремлевскихъ, на куполахъ церквей и соборовъ.

Но уже не сверкаетъ этотъ снѣгъ своею прежней, ослѣпительной бѣлизной. Верхній пластъ его принялъ синеватоматовый, вешній оттѣнокъ. Трещатъ еще въ избахъ бревна отъ мороза по ночамъ. Но поутру спозаранку — снопы яркихъ лучей такъ и загораются на золоченыхъ главахъ кремлевскихъ соборовъ, яркими проймами разсыпаясь на посинѣломъ, словно вспухнувшемъ, слегка вздутомъ льдистомъ покровѣ Москвы-рѣки.

Чувствуетъ царь: весною, тепломъ повѣяло откуда-то,

не то съ высотъ блѣдно-голубаго, зеленоватаго по краямъ, неба, не то—и нивѣсть откуда...

Заглядѣлся царь на кипучую жизнь, какая льется за окнами его дворца по улицамъ, площадямъ и переулкамъ торговой Москвы, престольнаго русскаго града „Третьяго Рима“, — какъ любилъ величать свою столицу Иванъ 4-й, мучитель людей по своей извращенной, больной природѣ, а по призванію „риторъ“, сочинитель на тронѣ московскихъ царей.

И къ прошлому перенесся думой Алексій.

Нѣтъ давно Ивана... Угасъ весь родъ его, державный родъ Рюрика. Нѣтъ Шуйскаго—царя-хитреца. Нѣтъ лукавца, честолюбца, непреклоннаго и гибкаго въ тоже время, Годунова. Погибъ загадочный Димитрій, названный царь московскій, трупъ его сожженъ и самый пепелъ развѣянъ по вѣтру вдоль полей и луговъ.

Отцарствовалъ мягкій, податливый и ласковый государь, отецъ Алексія, Михаилъ Федоровичъ, первый изъ новой на Руси династіи Романовыхъ.

Около четверти вѣка сидитъ на тронѣ Мономаха самъ Алексій, „Тишайшій царь“, — какъ еще заживо прозвали его во всемъ народѣ... И, правда, любитъ онъ, чтобы все было тихо да мирно и въ дому у него, и по царству.

— Тише — оно лучше! — думаетъ царь.—И отъ порчи, и отъ лихого глазу убережися легче, коли смирененько живешь... И отъ злого умыслу подалѣй, коли никто не вѣдаетъ: што удумано тобою, либо што ты творить собираешься...

„Порча“, „лихой глазъ“... Для людей того времени это были зловѣщіе призраки, незримо и властно пролетающіе перѣдко подъ сводами боярскихъ и царскихъ палатъ.

У самага Тишайшаго не разъ ужъ бывали столкновенія съ этими чудовищами.

Развѣ не отнята была у царя почти изъ-подъ вѣнца

его первая невѣста, дочь простаго дворянина, Рафа Всеволожскаго. „Испортили“ дѣвушку, чтобы „чужая“ царица изъ незнатнаго рода не пробралась въ царскіе, златоверхіе терема. Чтобы не ввела за собой голодной родни, не прибавилось бы лишнихъ рукъ и ртовъ ко всѣмъ тѣмъ, которыхъ издавна надѣляетъ царь доходами, собранными со всей земли въ казну государеву.

Вспоминаетъ царь первенца своего, Дмитрія.

Несчастливое, видно, это имя въ роду царей московскихъ. Двоихъ Дмитріевъ потерялъ Иванъ 4-й. А раньше того царевичи, носящіе роковое имя,—гибли молодыми, если не попадали въ заточеніе, какъ внукъ царя Василія...

Ребенкомъ умеръ и Дмитрій Алексіевичъ. И, не смотря на долгіе годы—жжетъ это воспоминаніе душу отца. А второй царевичъ, Алексій, разумный, красивый юноша, объявленный было уже наслѣдникомъ,—и онъ умеръ внезапно на 13-мъ году. Эта утрата еще тяжелѣе первой отразилась на царѣ и на царицѣ Марѣ.

Третій сынъ, Федоръ, четвертый—Симеонъ и пятый—Иванъ, эти совсѣмъ хворые мальчики. Особенно младшій, Ваня. Видитъ плохо. Такой странный, словно бы и разума нѣтъ у него. Только мычитъ да къ мамкѣ своей, къ груди ея тянется. А, вѣдь, мальчику уже четвертый годъ пошелъ.

Правда, цѣлыхъ шесть дочерей далъ Алексію Господь. И всѣ онѣ гораздо здоровѣе и бойчѣй, чѣмъ братья. Да отъ этого не легче. Дѣвченку не посадишь на тронъ послѣ себя. Не ведется того на Руси.

Часто, тяжело задумывается объ этомъ „Тишайшій“. И совсѣмъ тихо, беззвучно становится тогда во дворцѣ, напоминающемъ скорѣе монастырь, чѣмъ роскошное царское жилище.

Но, вотъ, надежда снова согрѣла усталое сердце еще не стараго, полнаго силъ, царя.

Услышалъ Богъ мольбы его и царицы. Собирается она дать жизнь... Кому?..

Если-бы мальчикъ! Здоровый, сильный, который выростеть и близкимъ на радость, царству на славу... Окрѣпнетъ, возьметъ въ руки царскую власть послѣ отца и на многіе годы снова родъ Романовыхъ будетъ править землей...

Мечтаетъ объ этомъ Алексій, сидя у окна. Жаркіе обѣты даетъ въ душѣ.

— Господи! Пошли, какъ молю Тебя... Богатыми дарами одарю всѣхъ сирыхъ... Пѣшкомъ обойду обители ближнія и дальнія... Всѣмъ недругамъ моимъ отпущу вины, только не гнѣвайся на меня, Боже, ежели согрѣшилъ вольно и невольно... Вотъ, Никона, скажемъ... Его обѣлить повелю... можетъ, осердился ты, Господи, что унижилъ я служителя Твоего... можетъ, и не до чиста правъ я въ дѣлѣ томъ... Господи! не постави въ вину!.. Боже, дай сына царицѣ... дай наслѣдника царству...

Тихая мольба перешла въ полупшепотъ...

Не выдержалъ, съ мѣста поднялся царь. Слегка раскачиваясь грузнымъ тѣломъ, тяжелыми шагами заходилъ изъ угла въ уголъ по невысокому, тѣсному покою, какіе обычно устроены въ теремахъ.

Вдругъ медленно распахнулась дверь, ведущая въ опочивальню. Робкая фигура бабки-повитухи появилась на порогѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, земно кланяясь, женщина объявила:

— Радость Господь послалъ, царь-государь. Даровалъ тебѣ дочь, нареченную Евдокіей.

Глубокое разочарованіе ярко отразилось на лицѣ царя. Но онъ сдержался.

— Благодарствуй, бабушка, на доброй вѣсти. Царица въ добромъ-ли здоровьи? Какъ съ ею? Туда мнѣ не можно-ли?

— Здравствуетъ государыня-матушка... А войтить по-
годить изволишь, царь милостивый... Не обрядно ошпо тамо
малость... Я мигомъ!..

И, замѣтивъ, какъ мало радости доставила вѣсть царю,
торопливо отдавъ поклонъ, поспѣшила вернуться въ опочи-
вальню бабка, не дожидаясь даже обычнаго дара—пары
рублевиковъ, какіе полагались за „добрую вѣсть“ отъ
каждаго отца.

Надежда рухнула. Темнымъ показался теперь Алексію
морозный солнечный день за окномъ.

Опечаленный, молчаливый, ушелъ къ себѣ государь. Тя-
желыми шагами сталъ мѣрять свой покой, гдѣ любилъ от-
дыхать и работать всегда. Но иныя, еще худшія вѣсти
пришли спустя нѣсколько часовъ.

Ребенокъ больной, слабый родился. Трудно достались
роды царицѣ. Крови много потеряла она. Врядъ ли обѣ и
проживутъ долго.

Такъ говорили повитухи-бабки. Врачи царицы и самого
Алексія, позванные немедленно послѣ родовъ къ больной,
подтвердили слова женщинъ.

— Упредить тебя, государь великій, посланъ я!—гово-
ритъ бояринъ Хитрово, кланяясь Алексію.—Самъ бы поиз-
волилъ сказать: что дѣлать теперь?

— Господь знаетъ!—растерянно отвѣтилъ царь.—Пусть
лекари доглядаютъ... да меня бы пустили къ ей, когда можно
будетъ... На все Божья воля!..

Двѣ слезы выкатились и застыли на темныхъ, красивыхъ
глазахъ царя, теперь полуугасшихъ и печальныхъ.

Печальныя предсказанія сбылись очень скоро.

Трехъ дней не прожила малютка-Евдокія.

На зарѣ, 2-го марта, въ чистый Понедѣльникъ—раньше
обычнаго явился спальникъ царя, Илья Данилычъ Мило-

славскій, родичъ царицы, сталъ звать царя къ больной въ опочивальню.

— Што, Илюша? Али кончается?—спросилъ Алексій, боярина, поспѣшно одѣваясь и совершая утреннее омовеніе свое.

— Должно, что часъ приспѣлъ матушкѣ-царицѣ!—печально отозвался Милославскій.—А царевна Евдокія...

— Ну, што... договаривай...

— Ужъ въ ночи представилась, ангельская душка!.. За попамъ послали. Патріарху святѣйшему знать дадено. Со кресты пойдутъ, какъ обычно... Слышь, государь, благо-вѣстятъ... Это по ей, по ея чистой душенькѣ!..

Царь только вздохнулъ тяжело, осѣняя себя крестомъ нѣсколько разъ подъ рядъ. И затѣмъ они оба быстро, молча двинулись по знакомымъ, слабо-освѣщеннымъ сейчасъ, переходамъ на половину царицы, въ женскіе терема.

Дѣтей царскихъ не стали до поры пугать тяжелыми вѣстями.

Только старшую, Евдокію, которой уже 19-й годъ, съ утра позвали къ матери.

Вторая, Марфа, гостила въ Горицкомъ монастырѣ, куда не разъ сама просилась у отца, желая постричься. Хилая, болѣзненная, робкая, Марфа, въ 17 лѣтъ, казалась много моложе. И ее тянуло прочь отъ міра. Стать „Христовой невѣстой“—вотъ о чемъ только и мечтала царевна.

Остальныя дѣти, Анна, 14 лѣтъ, Софья, бойкая, крѣпкая, черноглазая дѣвочка, не похожая ни на мать, ни на отца, шалунья 11 лѣтъ, Катя, на годъ младше ея, погодки: Маша и Федя—9 и 8 лѣтъ, Федосья, семилѣтняя дѣвочка, блѣдная и застѣнчивая,—по обычаю, всѣ они встали рано, съ первыми лучами солнца, помолились и, послѣ перваго завтрака, собрались въ большой, невысокой, сводчатой горницѣ, въ дѣтской, которая служила и классной комнатою.

Четырехлѣтній, болѣзненный Симеонъ и самый младшій, Ваня — остались въ опочивальнѣ, на попеченіи своихъ мамокъ и нянекъ.

Царевны и царевичъ Федоръ знали, что Богъ послалъ имъ было маленькую сестренку, но она, проживъ всего два дня, вчера умерла, а нынче, или завтра — ее будутъ хоронить.

И, собравшись въ дѣтской, гдѣ постоянно, въ ожиданіи учителей, затѣвали забавы и игры съ нѣсколькими боярскими дѣтьми, допущенными сюда, теперь всѣ дѣти: отъ старшей дѣвочки до самого меньшого — разсѣлись чинно у стола, или подъ окномъ и только изрѣдка перекидывались словцомъ, въ полголоса, словно опасаясь нарушить жуткое, томительное молчаніе, которое царило во всемъ опечаленномъ дворцѣ.

Мамушки царевенъ, довольныя, что ихъ питомицы при-
смирѣли, усѣлись на лавкѣ, поодаль, и шушукались между собою, конечно, толкуя про дворцовыя бѣды.

Дядька царевича Федора, Иванъ Богдановичъ Хитрово, полный, тяжелый и лѣнивый по натурѣ бояринъ, всегда съ большой неохотой встающій на свое раннее дежурство, прислонился къ спинкѣ кресла, у печки и, убаюканный тепломъ и тишиной, задремалъ.

Въ другое время Софья или лукавая, хотя и скромная на видъ, Катя не упустили бы случая пошалить, пользуясь отсутствіемъ надзора. Но сейчасъ дѣвочки только пересмѣхнулись, указавъ другъ другу на пріоткрытыя боярскія уста, изъ которыхъ исходилъ легкій храпъ, — и снова примолкли. Самая младшая рядила въ новые лоскутья старую, любимую куклу. Анна просматривала книгу съ описаніями разныхъ странъ и людей. Въ сотый разъ разглядывала она грубые рисунки и мечтала:

— Какъ бы хорошо самой побывать повсюду, увидеть разныхъ людей. Видѣть иные города, иные обычаи узнать...

Звонко пробили часы на Фроловской (Спасской) башнѣ, надъ воротами.

И, какъ всегда, появился придверникъ съ докладомъ къ дядькѣ царевича Федора, какъ къ старшему въ горницѣ:

— Его благословеніе, инокъ Симеонъ пожаловать изволилъ. Чести молить: царевича очи видѣть мочно ли есть?

— Зови, проси милости! — проснувшись, отряхаясь и поднимаясь на встрѣчу наставнику, торопливо проговорилъ Хитрово.

Въ горницу вошелъ средняго роста, худощавый инокъ, іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, извѣстный словесникъ, ученый и пѣтъ. Дверь была очень низка, и на порогъ ему пришлось слегка склонить голову въ высокомъ, черномъ клобукѣ.

Царь столкнулся съ Симеономъ въ Полоцкѣ, зная уже объ инокѣ, какъ о человѣкѣ большой учености. Очень понравилось ему привѣтственные вирши, поднесенныя Алексію умнымъ монахомъ, скорѣе — царедворцемъ съ гибкой, честолюбивой душой, чѣмъ инокомъ.

Послѣ двухъ—трехъ свиданій и разговоровъ царь предложилъ бѣлоруссу-монаху ѣхать на Москву, заняться воспитаніемъ и образованіемъ царевича Федора, который являлся прямымъ наследникомъ престола.

— Але-жь, пресвѣтлый царь-государь, — не найдется развѣ на Москвѣ своихъ, что ты мене, чужого, ни до чего не привычнаго у васъ, хочешь призвать на столь трудное діло? — началъ было отговариваться Симеонъ.

Между тѣмъ, его неправильное, но выразительное лицо, обыкновенно блѣдное и спокойное, такъ и вспыхнуло, а въ глазахъ, темныхъ и проницательныхъ, — даже огонекъ какой-то загорѣлся.

— И не спорь со мной, отче! — по обычаю, неторопливо, но внушительно-настоячиво возразилъ Алексѣй: —

Аль, я не знаю, что творю? Не отецъ я сыну? Не царь въ своей землѣ? Слыхалъ, вѣдь: не мало новины хотѣлъ-бы завести я въ московскомъ царствѣ. Вотъ ты и пособляй мнѣ.

— Твоя правда, государь. Будь, какъ твоя воля царская есть. А я стану служиць тобѣ, якъ отцу родному. А царевича научать, якъ свое дѣцко родное...

Такъ переѣхалъ Симеонъ на Москву изъ просвѣщеннаго Полоцка и поселился въ царскомъ дворцѣ, въ качествѣ воспитателя царевича—наслѣдника.

Сейчасъ, при появленіи Симеона, дѣти, очень любившіе инока, едва дождались, пока тотъ обмѣнялся обычными привѣтствіями съ бояриномъ Хитрово и отвѣтилъ на поклоны мамушекъ, совсѣмъ отошедшимъ въ дальній уголъ.

Сразу всѣ царевны и Федоръ обступили наставника.

— Отецъ Симеонъ, благослови!

— Благослови, отче!—лепетали дѣти, перебывая одинъ другого и цѣлуя благословляющую руку инока, такую мягкую, выхоленную, что она скорѣе походила на женскую, чѣмъ на мужскую.

Такія руки бываютъ у католическихъ патеровъ, особенно у тѣхъ, кто возвращается въ высшемъ кругу.

Вообще, и своимъ, явно нерусскимъ говоромъ, и видомъ, и всей, уклончивой и вкрадчивой манерой и рѣчью, — Симеонъ не походилъ на представителей московскаго духовенства, обычно рабски-угодливыхъ, или рѣзкихъ и строгихъ до грубости, даже по отношенію къ царю.

Не любило Симеона московское духовенство, до самого патріарха включительно, и за его манеры, и за близость, за вліяніе на слабовольнаго царя... Не любили его попы и за новшества, допускаемыя инокомъ въ церковномъ обиходѣ.

Напримѣръ, проповѣди Симеона.

Обычно, если надо было сказать слово прихожанамъ, русскіе священники приводили слова апостоловъ и отцовъ церкви, читали главы изъ Евангелія, кое-гдѣ давая осторожное толкованіе.

Симеонъ завелъ нѣчто иное.

По примѣру западнаго священства, онъ говорилъ проповѣди, если не сочиненныя тутъ-же въ храмѣ, то заранѣе приготовленныя и составленныя имъ самимъ на какой-нибудь церковный текстъ.

Эти живыя, умно составленныя рѣчи,—сильно вліяли на слушателей и храмъ бывалъ переполненъ, когда ждали, что инокъ Симеонъ скажетъ свое „слово“.

У знатныхъ и у простыхъ—только и разговору было, что о пріѣзжѣмъ „риторѣ-іеромонахѣ“. Его сравнивали со своими, московскими проповѣдниками — и, конечно, не въ пользу послѣднихъ.

Но, пока Симеонъ былъ въ полной силѣ при дворѣ, попы таили свою зависть и злобу, терпѣли посрамленіе и только ждали дня, когда можно будетъ свести счеты съ „наѣзжимъ сладкогласомъ“...

Царевны и царевичи любили ласковаго, разговорчиваго наставника, жадно ловили каждое его слово и своею привязанностью, своими успѣхами въ наукахъ — еще больше упрочили положеніе Симеона при московскомъ дворѣ.

Сейчасъ, конечно, первымъ вопросомъ у дѣтей былъ вопросъ о матери:

— Што родная?—Какова осударыня матушка въ здоровьи своемъ? Не слыхать-ли? Ты все, поди, знаешь, все вѣдаешь, отче! — одинъ за другимъ зазвенѣли дѣтскіе голоса.

И личики у нихъ поблѣднѣли. Сдерживаемая до сихъ поръ тревога вырвалась наружу у старшихъ.

— Чему быть? Все буде, якъ Божя воля... Не слыхаць

злого, значить, все ладно! — успокоилъ дѣтей наставникъ. — Ну, а теперь, по почнемъ учить? — желая отвлечь дѣтскія мысли отъ печальныхъ событій, проговорилъ Симеонъ, подошелъ къ столу, опустился на свое обычное мѣсто, вынулъ очки и сталъ протирать стекла большимъ, цвѣтнымъ шелковымъ платкомъ.

— Что учить-то? Не до учебы. Все про мамушку мнится, — грустно, слегка на-распѣвъ сказала Анна: — я и сна не имѣла нонѣ во всю ноченьку...

— А я и спала, — только учиться неохота! — подхватила Софья. — Скажи намъ лучше самъ чеве... Изъ гисторіи... али иное что...

— Да, ужъ, лучше скажи што! — запросилъ и Федоръ, очень любившій рассказы инока, примѣнявшаго уже и тогда систему обученія живымъ словомъ, а не мертвой книжной буквой.

— Добро... Вижу: душки-то ваши малыя смятенны. И у тебя, царевичъ... А, ли-ко, ты вьюношъ еси, мужъ будешь, царемъ настанешь на Руси, егда часъ придетъ... Не гораздо то есть... Вотъ, скажу я вамъ про нѣкую дѣвицу, царскаго тоже роду, Пульхеріей, си-рѣчи, Прекрасною нарицаемой. Како она, духа мужеска преисполнясь, всяки бѣды на царствѣ познавала и отводить ихъ могла...

— Скажи... Сказывай, отче.

Сплетясь живымъ кольцомъ, кто стоя, кто сидя рядомъ на табуретѣ, кто прямо опустившись на коверъ у ногъ инока, дѣти стали слушать его рассказъ.

— Было то не столь давно, однако, и не въ близку одъ насъ пору. Скончалъ дни живота своего императоръ преславной Византіи, Аркадій, коего царица, Евдокія — воздвигла гоненія на блаженнаго псалмопѣвца, рачителя вѣры Христовой, Іоанна рекомаго Хрезостома, си — рѣчи: Златыя уста по словенски.

— Вотъ ровно-бы ты у насъ, отче Симеоне—замѣтила бойкая Софья, которая всегда особенно внимательно прислушивалась къ словамъ краснорѣчиваго наставника.

— А ты слухай, молчи да помалкивай, царь-дѣвица!— съ ласковой угрозой отозвался инокъ.

Такъ прозвалъ онъ свою любимицу—царевну. Живая, находчивая, настойчивая по характеру, она всегда верховодила въ играхъ съ братьями и даже со старшими сестрами. Ученье—тоже ей давалось много легче, чѣмъ остальнымъ дѣтямъ царя.

— Скончалась та Евдокія и представился императоръ самъ Августусъ. Остались по нимъ сироты-дѣтки, малолѣтки: наслѣдникъ—цезаревичъ, чадо единое мужеска пола, малость постарѣй, вотъ, нашего царевича, такъ годковъ десяти, да четверо сестеръ-царевенъ. Старшой-то самой, никакъ,—19-тый годокъ...

— Какъ сестрѣ Овдотѣ,—снова вставила Софья.

— Такъ, скажемъ. И волей родителя — Августа, въ Божѣ опочиваго, остался правителемъ на царствѣ нѣкакій еунукъ, Антиохъ изъ персіановъ, вѣрою однако, Христовой просвѣщенъ еси былъ...

— Еунукъ—это безбородый такой... Што царицыны терема въ Цареградѣ стерегутъ?—опять задала вопросъ Софія.—Я видала: мнихъ одинъ къ намъ такой наѣзжалъ. Даровъ молилъ для патріарха для цареградскаго. Словно баба старая,—у-у, какой...

И дѣвочка забавно сморщила все свое лицо, изображая евнуха-монаха, недавно гостившаго на Москвѣ.

— Вотъ, вотъ... Былъ такой Антиохъ пѣстуномъ — дядькой царя-отрока. Да покуль живы были родители, и онъ дѣло свое добре правилъ. А какъ остался самъ старшой во всей землѣ—и здурѣлъ. Неподобно вести себя почалъ. И дѣла государскія въ небреженіи покинулъ...

— А казнить-бы ево за то!—строго сдвигая темныя, густыя свои брови, снова вставила замѣчаніе Софья.

— Ну, гдѣ казнить? Кому? Слыхала-жъ: государь малолѣтокъ самъ еще. Да и духу не хватило-бы наставника свою позорить.

— Ну, ежели онъ — ровно баба, сестра бы старшая вступилася!—не унимаясь, сказала царевна. Очевидно, она очень близко къ сердцу приняла исторію, которую началъ имъ рассказывать Симеонъ.

— И то... По твоимъ по словамъ и вышло, мудренная ты моя! Призвала царевна Пульхерія многихъ вельможъ первыхъ, кто съ Антиохомъ не въ дружбѣ былъ. Къ отцу-патріарху святѣйшему сама понавѣдалась. Говорить: „можно-ль на царствѣ еунука персіана терпѣть да ко всему,—о землѣ нерачителя. Одно знаетъ: злато гребетъ, шлетъ караванами въ свою персидскую сторону. Скоро и вовсе казну опустошить“. Согласились всѣ съ царевной. Нашлися воины вѣрные, ночью въ опочивальнѣ захватили персюка.

— И смерти предали?—сверкая глазами, задала снова вопросъ бойкая дѣвочка.

— Сослали далеко. Въ такой край, гдѣ и не выжить никому. И то добре, безъ кровипролитія, какъ Христось заповѣдалъ... Тогда взяла себѣ царевна Пульхерія правительство и, како подобаетъ, Августой-цезаревной нареклася. По-мужески царствомъ стала править, вѣстимо, за одно съ мужами совѣта старѣйшими да разумнѣйшими. А сама жизнь истинно-святую вела, въ постѣ и въ молитвѣ пребывала, храмы воздвигала, строила Господни, обители иноческія ухичивала, дарами одѣляла щедрыми... И долго тако было. Братъ подросъ, оженила она ево. А сама по старому землей владѣла...

— А что-же братъ-то? Ежели женатый ужъ онъ да большой сталъ? Какъ-же онъ? Каковъ-же онъ государь былъ?

— Да, ни во што и не мѣшался. Съ малыхъ лѣтъ видѣлъ, что сестра хорошо править. Ему и лучше. Слабосильный былъ той Феодосій — императоръ. Умомъ тоже не больно востеръ. Вотъ и радъ! Что ему ни подастъ сестра на царскую скрѣпу, онъ любой указъ подмахнетъ, даже не прочтя. Стала ужъ сестра Пульхерія ему съ досады толковать: „этакъ править можно-ль? Мало что тебѣ подадутъ. А ты, не глядя, и руку приложилъ! Срамъ!“ — „Пустое, — говоритъ ей братъ-государь: мнѣ за тобой спокойно. Жизнь долга-ли намъ на землѣ дана? Ты — царствомъ вѣдай. Я — поживу на свое удовольствіе. Что еще тамъ съ дѣлами главу свою мнѣ сушить!“ — Ни слова не сказала Пульхерія-Августа. А на друго утро и приноситъ ему за большой печатью харатейный листъ. — „Подпиши!“ — говоритъ. Онъ — и черкнулъ по обычаю своему, и не глянувши: Феодосій-Императоръ.

А къ вечеру — сестра присылаетъ свою еунука съ той самой хартіей къ брату и еунукъ говоритъ: — „Прислала меня Пульхерія-Августа. Поизволь, государь, супругъ твоей, Евдокіѣ-афинянкѣ въ гинекеіонъ идти въ царевниинъ. Утромъ твой своеручный указъ даденъ: „аки рабу, во оно время сребромъ купленную, передалъ ты супругу свою сестрѣ въ рабство“!.. Вотъ подпись твоя царская, печать большая и скрѣпа. Все, какъ слѣдъ!“ Поблѣднѣлъ, затрясся даже Феодосій. — „Не дамъ, не пущу!“ — кричитъ: жена моя, императрица, государыня, не раба Евдокія“!.. А та, при всемъ была, слушала и говоритъ: „Пусти меня, государь! Перво дѣло: ты самъ подписалъ. И печать большая при указѣ. Самъ царь, коли разъ руку приложилъ, своего указу мѣнять не можетъ. Не водится такъ. А, второе: худа мнѣ не будетъ. Шутку завела сестра — правительница. Поучить тебя хоче: не чтя указовъ, не прикладывалъ-бы руки своей кесарской. Поглядимъ, што со мной дѣлать станетъ“? И

пошла въ гинеціонъ, въ теремъ женскій въ царевнинъ... А Пульхерія и впрямь, аки рабу, приняла золовку — императрицу, за работу засадила за простую... Чуть-ли не въ брань да въ толчки приняла, кода та ей не потрафила. Узналъ Федосѣй. Не свой сталъ. Кричитъ: „пускай сестра жену вернетъ. Не то — стражу возьму, весь ея гинеціонъ раззорю“... Послушала Пульхерія, сама привела къ брату императрицу Евдокію. Пытаетъ его: „станешь-ли на слѣпо указы давать, не прочтя—руку прикладывать“?—Слова не сказалъ братъ-государь, отвернулся, молчитъ—нахмурился. Только съ той поры—каждую строку дважды перечтетъ, ничѣмъ подпишетъ... Вотъ какая дѣвица, царевна Пульхерія была.

— Ну, а далѣй што? Какъ съ ими было?

6467

— Далѣе, зло затаила Евдокія и другіе на Августу-Пульхерію. Навѣты навели. Удалилъ ее братъ отъ себя, изгналъ изъ чертоговъ царскихъ. Та, лихъ, не стало царевны, и порядку въ дѣлахъ да на царствѣ не стало. Всѣ—тащицъ казну почали на разные стороны. Народъ замутился. Только и слышно по стогнамъ стало: „Вернуть намъ Пульхерію-Августу. Одна народу она оборона отъ вельможъ, отъ грабителей“! Ну, и вернули. Такъ до кончины до братней она и правила всѣмъ царствомъ.

— А какъ онъ скончался? Ужель дѣвица—царемъ и взаправду стала? Нежто, можно оно?—вся раскраснѣвшись, захваченная разговоромъ допытывалась Софія.

— Никакъ не можно. Законъ византинскій не велитъ. Обычай не ведется. Царямъ подобаетъ лишь престолъ занимать. Не то у византинцевъ, како у насъ, у словенъ было, гдѣ и жены государили, скажемъ, Ольга, княгиня великая да инныя... Тамо—мужеску полу единому скипетромъ владѣть надлежитъ... Избрала и Пульхерія супруга себѣ и нарекла его императоромъ. Простого, незначнаго воина

взяла, изъ стражи своей изъ кесарской, именемъ — Маркіанъ. И до брака ему сказала: „людей ради, для всенароднаго мнѣнія потребно на тронѣ — императору, у меня супругу быть. Но помни: какъ прожила я въ дѣвствѣ, въ чистотѣ монашеской 50 и 4 года жизни моей, тако и впредь будетъ. Почести тебѣ всякія. Утѣхи и воля. Мнѣ власть, молитва и келья моя дѣвичья, опочивальня особая во дворцѣ нашемъ императорскомъ“... Такъ и пребыла чистой дѣвой, непорочной до конца дней своихъ. А при кончинѣ — и вовсе схиму пріяти сподобилась, какъ оно подобаетъ государямъ христіанскимъ, право-вѣрующимъ... Вотъ она какая Пульхерія — дѣвица государыня византинская на свѣтѣ была!..

Симеонъ умолкъ. Наступило небольшое молчаніе. Не только дѣти, но и взрослые, очевидно, находились подъ впечатлѣніемъ занятой были изъ царской жизни, рассказанной ученымъ монахомъ.

— А я-жъ таки, коли стану царемъ... вотъ и не стану тебя слушать, Софка! — неожиданно нарушилъ молчаніе первый — Федоръ царевичъ.

Его слабый, сиповатый голосъ и самыя слова вызвали улыбку у старшихъ и взрывъ громкаго, веселаго смѣха у дѣтей.

— Вонъ онъ што! Ишь, куда метнулъ! Ахъ, ты, воинъ! — привлекая къ себѣ мальчугана, ласково погладилъ его по рѣдкимъ, шелковистымъ кудрямъ монахъ-наставникъ.

— Ахъ, ты, Федюля! Помалкивай лучше! Какъ дѣвченка ты теперь: одно, знай, хнычешь, да плачешь, да „бобо“ тебѣ безперечь... Такъ и вѣкъ проживешь. Не то — меня, всякаго чужова послухаешь! А я, вотъ, погляди... — начала было громко, задорно, быстро-быстро, по своему обыкновенію, Софья.

Но вошелъ придверникъ и доложилъ:

— Царь-осударь самъ изволить жалуется.

Въ раскрытыхъ дверяхъ показалась сутулая слегка фигура Алексія, теперь, какъ будто, еще болѣе поникшаго своей усталой головой. Глаза его были красны, вѣки припухли, не то отъ бессонницы, не то отъ невыплаканныхъ слезъ.

Съ его появленіемъ сразу что-то печальное, тяжелое, какъ ожиданіе большой бѣды, разлилось по всему покою, заставляя сильнѣе биться сердца.

Ласково отвѣтивъ на низкій поклонъ Симеону, кивнувъ головой остальнымъ, которые „добили челомъ“, государь Алексій подошелъ подъ благословеніе къ монаху, потомъ самъ благословилъ дѣтей и далъ имъ цѣловать руку. Федора и Софью поцѣловалъ. Дѣвочка была любимицей отца, какъ и у всѣхъ другихъ.

— День добрый, дѣтки мои! Добры-ль въ здоровьи своемъ? Ну, и ладно, коли все ладно. Хвала Господу силъ... Вотъ слышьте... Самъ я по васъ пришелъ... Часъ, видно, приспѣ воли Божіей... Осударыня-матушка ваша, видно, вамъ много лѣтъ жить приказать собралася... Проститься зоветъ... Пойдемъ ужъ... Только, тише бы, дѣтки... Дайте съ миромъ, покойно духъ испустить родимой. Не мрачите часъ смертный рыданіемъ да стенаньями многими... Слышь, Федя, съ мамушкой проститься, — да не реви... Невмѣстно тебѣ то... Посмирнѣ будь...

— Я... я смирненько, батя! — отвѣтилъ мальчикъ, плохо понявъ, чего хочетъ отецъ, но робѣя отъ его печальнаго вида, заражаясь волненіемъ, отъ котораго дрожалъ и рвался голосъ Алексія, обычно — такой ровный, пріятный, густой.

— Съ Богомъ... Идемъ... И ты, отче! — обратился царь къ Симеону: — Не чужой, слышь: свой...

Взявъ за руку сына, онъ первый двинулся изъ горницы снова на половину царицы.

Остальные печально, безшумно, по возможности, пошли за царемъ.

* * *

Небольшой, невысокій покой со сводчатымъ потолокомъ, убранный и обставленный очень просто, напоминалъ скорѣе келью, чѣмъ опочивальню царицы богатаго московскаго государства.

Полумонахиня на тронѣ, Марья Ильинишна Милославскихъ охотно всю свою жизнь слѣдовала завѣтамъ отцовъ, строгому ученію, такъ полно выраженному въ строкахъ Домостроя.

Молитва, дѣти, мужъ — этими тремя словами исчерпывалась тогда жизнь каждой хорошей русской женщины. Конечно, болѣе обезпеченныхъ сословій. Въ простомъ народѣ — сюда прибавлялся еще трудъ, тяжелый, безпросвѣтный, ради котораго женщинамъ изъ черни приходилось забывать и дѣтей, и молитву.

Большая кровать съ тяжелымъ шатромъ — пологомъ, скамьи по стѣнамъ, туалетный столъ и сундуки съ необходимыми вещами, табуреты кой-гдѣ, да еще — поставецъ съ серебряной и золотой посудой въ одномъ углу, — вотъ обстановка опочивальни. Только кіотъ рѣзной, большой, занимающій весь передній уголъ — уставленъ большими и малыми иконами въ богатыхъ ризахъ.

Златокованные, тяжелые оклады на этихъ иконахъ, усыянные крупными самоцвѣтами, жемчужныя „сорочки“, — сплошь одѣвающие дерево иконъ рядами крупныхъ жемчужинъ, низанныхъ и подобранныхъ искусной рукой, — только эта роскошь и говорила, что здѣсь не келья, а опочивальня государыни — царицы всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси.

Сейчасъ дневной свѣтъ совершенно не проникаетъ въ покой.

Оба небольших оконца плотно завѣшаны. Спущена суконная портьера и на дверяхъ, ведущихъ въ покой изъ сосѣдней горницы, гдѣ постоянно дежурить нѣсколько женщинъ изъ числа приближенной къ царицѣ дворни.

По обычаю, до 9 дней новорожденный ребенокъ и мать—не должны подвергаться вліянію солнечнаго свѣта.

И плотно бывають спущены даже завѣсы полога надъ кроватью, гдѣ въ духотѣ и спертomъ воздухѣ лежитъ больная.

Но сейчасъ пологъ раскрытъ. На пуховикахъ, на высоко-взбитыхъ подушкахъ лежитъ умирающая.

Осторожно подойдя съ дѣтьми къ постели, Алексій смотритъ на царицу и вспоминаетъ.

Больше 20 лѣтъ прожили они вмѣстѣ. Ему было 19, ей—23 года, когда сосваталъ и повѣнчалъ ихъ „дядька“ и пестунъ юноши-царя, бояринъ Борисъ Морозовъ. Милостивидная, съ дѣтски-пріятнымъ лицомъ, пухленькая и стройная Марья Ильинишна казалась много моложе своихъ 23 лѣтъ. Но потомъ, какъ и большинство боярынь и царицъ, стала полнѣть, тяжелѣть... Пошли болѣзни...

11 человекъ дѣтей, которыхъ подарила Алексію Марья Ильинишна, тоже унесли не мало здоровья у царицы... И теперь лежитъ она, почти старуха на видъ, не смотря на свои 43 года. Полное лицо осунулось, исхудало за дни короткой, но тяжелой болѣзни. Царица такъ блѣдна, какъ будто ни капли крови не осталось у нея въ жилахъ... Губы—тоже иссиня блѣдны. Совсѣмъ полутрупъ. Только глаза еще не потухли совсѣмъ, слабо свѣтятся. И словно ищетъ она кого-то ими. Конечно, дѣтей...

Вотъ, подвели Федора, подняли руку умирающей, положили на русую головку мальчика. Уста царицы чуть задвигались, слабо, беззвучно. Не то молитву творить, не то хочеть благословить—и не можетъ... Такъ и всѣхъ дѣтей подвели подъ благословенье умирающей.

Старшія царевны, сдерживая слезы, цѣловали руку матери, осторожно, какъ къ святынь, прикасаясь къ этой исхудалой, прозрачной, словно изъ воска вылитой, рукѣ.

Федоръ захныкалъ было.

Мамушка, Хитрово, увела его въ сосѣдную горницу, гдѣ толпились ближнія боярыни, бояре, шуты, шутихи и карлицы царицы, нищіе, юродивые и монахини, которые проживали у царицы „на верху“, то-есть, въ теремахъ ея.

Патріархъ Іоасафъ, для котораго установили аналой у самой постели умирающей, началъ творить послѣдній печальный, торжественный обрядъ... И на нее, уже вытянувшуюся въ послѣднемъ содроганіи, возложили мантию, посхимили, чтобы прямо въ селенія блаженныхъ, очищенная ото всѣхъ грѣховъ, вступила душа царицы, оставя бременное тѣло свое... „Въ отдачу часовъ дневныхъ“, въ 6 часу дня—царица скончалась.

— Донннн... Донннннн... Донннн...

Густо, властно „вѣстникъ“ — колоколъ тремя могучими ударами прорѣзалъ протяжные, многоголосые перезвоны московскихъ всѣхъ колоколовъ.

Печальный „вѣстникъ“ этотъ колоколъ. Въ него ударяютъ только тогда, когда умираетъ кто-либо изъ царской семьи...

И обнажаются головы у москвичей, руки тянутся ко лбу съ крестнымъ знаменіемъ.

— Помяни Господи душу усопшей рабы твоея, осударыни царицы, Маріи Ильиничны!—шепчутъ всѣ, до кого уже долетѣли раньше вѣсти, что новорожденная царевна умерла, а сама царица—при смерти.

Съ обычными почестями и пышностью схоронили царицу Марью въ каменномъ склепѣ Вознесенскаго монастыря, гдѣ двумя днями раньше нашла упокоеніе ея малютка-дочь.

При жизни царицы Алексій берегъ ее и былъ примѣрнымъ супругомъ, хотя горячая любовь первыхъ лѣтъ брака давно угасла у него.

Правда, кровь еще сильно бурлила въ этомъ большомъ, здоровомъ человѣкѣ. Но избѣгая нареканій, боясь грѣха, онъ убѣгалъ отъ соблазновъ, сдерживалъ свою страсть, если посторонняя женщина порою овладѣвала его думами... И, только лаская отяжелѣлую, уже старѣющую жену, онъ представлялъ себѣ иныхъ, болѣе юныхъ, красивыхъ подругъ... Но и за такія, мысленныя измѣны, корилъ себя набожный царь, каялся въ нихъ передъ Богомъ и усиливалъ число поклоновъ, налагалъ самъ на себя посты въ видѣ искупленія, какъ и для обузданія грѣшной, бунтующей плоти...

Когда умерла тихая, кроткая Марья Ильинишна,—царь погрустилъ немного, но не почувствовалъ особенной пустоты, не сталъ утруждать себя особенно печалью.

Въ глубинѣ души даже словно легче стало почему-то, невнятный вздохъ освобожденія какъ будто готовъ былъ вырваться и замереть на устахъ.

А дѣла по царству, заботы о дѣтяхъ наполняли время и умъ царя настолько, что скоро и тѣни скорби не стало видно на полномъ, здоровомъ лицѣ молодого еще вдовца.

Замѣчали это близкіе къ царю люди. Стали поговаривать о томъ, что — „недолга-де будетъ государева печаль... Надо готовиться къ новой царской радости“...

Алексію шелъ всего сороковой годъ. О вѣбращной связи не помышлялъ ни онъ самъ, ни окружающіе его. Но жить безъ жены, безъ подруги?

Все понимали, что долго такъ не проживетъ Алексій.

И самъ онъ, и другіе стали подумывать, кѣмъ-бы замѣнить покойницу.

Хитрово, Милославскіе уже стали приглядываться, подыскивать дѣвушку, которая и понравилась бы царю, и въ тоже время, сама со своимъ родомъ не явилась помѣхой старымъ „своикамъ царскимъ“...

Слушалъ ихъ Алексій, кивалъ ласково головой и, наконецъ, сказалъ:

— Самъ знаю, что мнѣ дѣлать надоть. Порядки извѣстные. Невѣстины сборы сдѣлаемъ, смотры учредимъ. Авось... что Богъ пошлетъ...

Толковалъ объ этомъ дѣлѣ царь и съ новымъ другомъ и совѣтникомъ своимъ, съ бояриномъ Артамономъ Сергѣичемъ Матвѣевымъ.

Тотъ отмалчивался больше, да только внимательно слушалъ рѣчи царя, зная, что слабовольный, онъ не любитъ прямыхъ наскоковъ.

— Да, слышь, Сергѣичъ! Покою, просто, не даютъ мнѣ совѣтчики... Ровно бы я самъ не знаю, что мнѣ надобно. Не говоря обо мнѣ самомъ... И потерпѣть бы можно... Угодники святыя, вонъ, и вовсе отрекались отъ женской прелести и всѣхъ радостей, утѣхъ любовныхъ... Да, иное дѣло взять... Девятеро дѣтокъ осталось безъ матери... Правда, въ дому у меня не мало бабъ, родни покойной царицы Марьи.. Пестуютъ они дочекъ и сыновей... А все не то... Все-жъ таки жена въ дому—аки матка во ульѣ! Што?... Аль не такъ скажешь, Сергѣичъ? — задалъ прямой вопросъ Матвѣеву царь, сидя у него въ гостяхъ. Бесѣда съ умнымъ, многознающимъ бояриномъ привлекала царя. А Матвѣевъ незамѣтно сумѣлъ овладѣть довѣріемъ, старался направлять волю Алексія на то, что казалось ему самому наиболѣе важнымъ и полезнымъ для царства.

— Такъ-ли, пытаешь, государь? Вѣстимо, такъ. Все

вѣрно. Ужъ ты-ли зря слово скажешь, другъ мой, государь! Скорѣе не доскажешь, ничѣмъ лишнее проговоришь што либонь. Все такъ. Да... на комъ тебѣ жениться угодно? Кого возьмешь, другъ мой, милостивецъ! Али ужъ запри-мѣтилъ касатушку?

Этимъ вопросомъ отвѣтилъ Матвѣевъ на вопросъ гостя.

Собесѣдники сидѣли въ большой, просторной горницѣ, въ новомъ домѣ Матвѣева, выстроенномъ на западный, голландскій ладъ.

Еще раньше Рюриковичи, норманны по крови, ставъ царями московскими, неизмѣнно помышляли новую свою отчизну, весь славянскій край слить и уравнить съ просвѣщеннымъ, богатымъ Западомъ, откуда, по преданіямъ, и сами они пришли на Русь.

Стремленіе это особенно ярко выразилось у Ивана 4-го, жестокаго, грознаго деспота, но дальновиднаго политика и государя. Послѣ него царь Годуновъ и Шуйскій—тоже не измѣнили стародавнему завѣту, хотя и случайно лишь попали на московскій престолъ.

Дмитрій Ивановичъ, оглашенный Самозванцемъ, — тотъ уже слишкомъ быстро принялся передѣлывать весь укладъ старо-русской жизни на западный образецъ и поплатился именно за это трономъ и самой жизнью...

Романовы, принявъ державу, хотя и не были особыми сторонниками новшествъ на Руси, однако ясно понимали, что оставить царство, какъ раньше оно существовало,—значить осудить его на застои, на ослабленіе, на гибель.

Если и новыми хозяевами царства московскаго явились Романовы, однако, дѣло свое знали хорошо. Да и въ остальномъ русскомъ высшемъ обществѣ тогда уже не мало насчитывалось людей побывавшихъ на Западѣ, знакомыхъ съ плодами европейской, образованной жизни, такой интересной и сложной во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Послы различныхъ европейскихъ государей, годами проживая со многочисленной свитой на Москвѣ, своимъ примѣромъ успѣли внушить богатымъ москвичамъ желаніе пожить получше, чѣмъ жилось имъ до тѣхъ поръ по завѣту отцовъ и дѣдовъ. Вотъ почему царь Михаилъ не чуждался „новыхъ“ людей и новыхъ порядковъ, даже завелъ обученіе войскъ на „нѣмецкій ладъ“.

А сынъ его, Алексій, — прямо могъ почитаться „западникомъ“.

Однако, какъ человекъ крайне осторожный, нерѣшительный по природѣ, царь никогда не дѣлалъ сразу крупныхъ, значительныхъ шаговъ. Вѣчно приглядывался, прислушивался, совѣтовался со всѣми.. Выжидалъ удобныхъ случаевъ, когда можно было-бы, безъ хлопотъ, никого не раздражая и не рискуя ничѣмъ, — вводить полезныя новизны на Руси.

И только въ личныхъ сношеніяхъ онъ открыто тяготѣлъ къ людямъ, понимающимъ пользу просвѣщенія, выгоду близкихъ сношеній съ культурнымъ Западомъ.

Изъ такихъ людей, которые давно и открыто порѣшили перестроить прежній свой полуазіатскій образъ жизни на европейскій ладъ, — и по личнымъ качествамъ и по уму — особенно выдавался полковникъ стрѣлецкихъ войскъ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Еще въ 1638 году, 13-ти лѣтъ, Матвѣевъ былъ взятъ и записанъ на службу въ „жительство на верху“, т. е. попалъ въ число мальчиковъ, допущенныхъ къ играмъ и ученью вмѣстѣ съ царевичемъ Алексіемъ, которому пошелъ тогда десятый годъ.

Съ тѣхъ поръ росла и крѣпла дружба между будущимъ государемъ и его сверстникомъ.

Въ ученіи Матвѣевъ проявилъ незаурядныя способности и уже черезъ 3 года назначенъ стряпчимъ, причисленъ къ дворовому штату царевича. Еще черезъ годъ — 18-лѣтній

юноша получилъ званіе стрѣleckаго головы, рѣшивъ посвятить себя ратному дѣлу.

На этомъ поприщѣ Матвѣевъ быстро выдѣлился, не только какъ любимецъ будущаго царя, но какъ отважный и способный воинъ.

Началась долгая польская компанія. На поляхъ битвъ Матвѣевъ проявилъ быструю сообразительность, яркій талантъ военачальника, а также большую личную отвагу.

Раненый въ нѣсколькихъ бояхъ, къ 30 годамъ онъ уже былъ пожалованъ въ полковники.

Какъ человекъ, знающій иностранные языки и немного латинскій, который въ дипломатическихъ сношеніяхъ тогдашняго времени былъ необходимъ, — Матвѣевъ неоднократно ѣздилъ въ чужія края съ посольствомъ отъ московскаго престола.

Особенно часто бывалъ Матвѣевъ въ Лондонѣ. Завязывая тамъ торговыя сношенія, сулящія большія выгоды и русскимъ, и англичанамъ, Матвѣевъ не забывалъ о томъ, какъ слабо и плохо обучено московское войско.

Англійскіе наемники, особенно — шотландцы, служили въ качествѣ отборной гвардіи, личныхъ тѣлохранителей у многихъ западныхъ „потентатовъ“.

Въ Варшавѣ славилась рота Шотландцевъ вельможнаго князя Радзивилла. У Шведовъ такой-же ротой начальствовалъ генералъ Дугласъ.

И вотъ, при содѣйствіи Матвѣева — поступилъ на русскую службу маіоръ Крауфордъ, собравшій вокругъ себя не мало отважныхъ товарищей. Одинъ изъ нихъ, Патрикъ Гордонъ впоследствии явился даже сотрудникомъ Петра и сослужилъ не малую службу ему и Россіи.

Успѣшно исполняя дипломатическія порученія, славно сражаясь и воюя мечомъ и словомъ, — Матвѣевъ широко пользовался самъ всѣми благами западной жизни. Живя въ

Москвѣ, въ годы отдыха — онъ весь свой домъ устроилъ на англо-голландскій образецъ. И, наконецъ, въ 1664 году, во время своего пребыванія въ Англіи, женился на красивой дочери одного шотландскаго дворянина, которая въ православіи приняла имя Евдокіи.

Сейчасъ, по англійскому обычаю, полковница и ея сестра, сидѣвшія въ качествѣ хозяекъ за столомъ, — удалились, оставя на свободѣ мужчинъ за сладкими настойками и заморскими, крѣпкими винами: поболтать, покурить, отдохнуть отъ повседневныхъ заботъ и мыслей.

Алексій, очевидно, только и ждалъ этой минуты, чтобы завести рѣчь о важномъ дѣлѣ, которое затѣялъ совершить: о своемъ второмъ бракѣ. Выждавъ, пока красивый, рослый арапъ, Джонъ, подалъ кофе, раскурилъ кальянъ и удалился, Алексій сдѣлалъ два-три глотка изъ чашки, затянулся ароматнымъ дымомъ кальяна, отложилъ янтарный мундштукъ на столъ и заговорилъ:

— На комъ? На комъ Богъ укажетъ да моя душа поволить... Знаешь, намъ, царямъ московскимъ, многое, по обычаю, не вольно, въ чемъ и простымъ людямъ воля полная дана... Вотъ, скажемъ, сія вещь... — Алексій указалъ на кальянъ: что въ ней плохого? Восточные владыки преславные дымятъ изъ нево. Западные патенты тако-же табачное зелье уважаютъ... И ничего. Народъ христіанскій не булгачится... А прознай мои москвичи, особливо — мнихи да попы, что ихній царь православный куревомъ пробавляется... Ошшо проклянуть, анафему скажутъ... А за што?.. Гдѣ есть писано противъ сего зелья? Кой въ немъ грѣхъ? Такъ, сказки пущены... И не смѣй его касаться... Доходъ бы какой былъ землѣ, кабы многіе люди дымить стали... и отрада многая... Голова свѣтлѣе ровно станетъ... Вотъ, много-ли подымилъ... Анъ, нельзя... Такъ и во многомъ...

— Такъ, такъ! — покачивая въ раздумьи головой и попыхивая короткой трубочкой, — подтвердилъ Матвѣевъ... Что-же, и въ женитьбѣ, видно, придется тебѣ, государь не своей волей жить? Какъ невѣсту намѣтять думные бояре, ту и берешь, а?

И Матвѣевъ особенно внимательно поглядѣлъ на Алексія, ожидая: что тотъ скажетъ?

— Гмъ... Намѣтили-бы они, што и говорить... Да, имъ тоже то не вольно... Обычай живетъ, чай самъ знаешь, по царству царь всѣхъ дѣвокъ пригожихъ, молодыхъ невѣстъ созывать волентъ. Изъ нихъ стану себѣ вторую царицу поискивати... Ну, вѣстимо, будутъ втесываться... Вонъ, слыхалъ, самъ знаешь, какъ у меня перву невѣсту мою: Рафовну-то, вороги колдовствомъ, да вѣдомствомъ поотняли? Ильиничну, царицу мою богоданную, хоша и не полной волей взялъ, Морозовы навязали... Да Богъ далъ, хороша была мнѣ весь вѣкъ, помяни Господи душеньку ея... Авось, нонѣ, коли выберется какая невѣста, полюбится мнѣ — не позволю сгубить ее, какъ Рафовну-голубушку сгубили... Отстоимъ теперя нареченную, какъ мыслишь, Сергѣичъ?

— Да, ужъ, выбирай... А мы побережемъ! — какъ-то машинально отозвался Матвѣевъ. Очевидно совершенно неожиданно какая-то дума охватила его.

Подавая короткіе, несложные отвѣты, хозяинъ съ едва скрываемымъ облегченіемъ проводилъ высокаго гостя, когда тотъ поднялся отъ стола.

Сейчасъ же поспѣшилъ Матвѣевъ въ опочивальню, къ женѣ, которая сидѣла тамъ и читала любимую свою книгу Библію.

Долго-долго толковали о чемъ-то они. Два раза уже стучался въ двери съ докладомъ дворецкій, объявляя, что готовъ вечерній столъ. И не было ему отвѣта.

Наконецъ, задумчивые, озабоченные, вышли къ своимъ

домочадцамъ въ столовый покой мужъ и жена. Молча просидѣли за трапезой.

Ночью, послѣ обычной молитвы, укладываясь на широкую постель, Матвѣевъ лишній разъ оѣвнилъ собѣ грудь крестомъ и, словно не обращаясь ни къ кому, проговорилъ:

— Вотъ, послалъ бы Господь?..

— Дай-Богъ... Дай-Богъ!—отозвалась полковница.

Набожно приподнявъ съ подушки свою русую головку, она полными, розовыми губами зашептала слова тихой молитвы на языкѣ ея далекой родины, Шотландіи.

Недѣли не прошло съ этого дня, какъ Алексій снова послѣ полудня заглянулъ въ домъ къ Матвѣеву, гдѣ онъ чувствовалъ себя много лучше и свободнѣе, чѣмъ въ душныхъ, невысокихъ покояхъ царскаго дворца въ московскомъ Кремлѣ, куда и свѣтъ плохо проходилъ сквозь небольшія оконца, пробитыя въ толстыхъ стѣнахъ, затянутыя частымъ переплетомъ оконницъ.

Легче дышалось, привольнѣе думалось въ высокихъ покояхъ Матвѣевского дома съ его ровными потолками, перехваченными дубовыми балками, съ широкими, веселыми окнами, за которыми шумѣли деревья густого сада съ одной стороны, а съ другой—доносился веселый, смѣшанный гамъ и шумъ людной улицы, на которую выходили ворота усадьбы полковника.

Нерѣдко здѣсь царь видѣлся съ пріѣзжими торговыми людьми, или заѣзжими иностранцами, потолковать съ которыми хотѣлось Алексію, а, между тѣмъ, согласно обычаямъ и этикету московскаго двора,—ихъ нельзя было принять во дворцѣ, наравнѣ съ послами и своими вельможными людьми.

Здѣсь же, у Матвѣева, тишайшій царь порою видѣлся и вель продолжительныя бесѣды съ иностранными послами и агентами, такъ какъ на торжественныхъ пріемахъ, на

аудиенціяхъ можно было говорить только объ очень немногомъ и неважномъ.

На этотъ разъ, въ ожиданіи вечерней трапезы, хозяинъ и гость сидѣли въ большой, просторной горницѣ, въ рабочемъ кабинетѣ Матвѣева, заставленномъ шкапами, увѣшанномъ коврами и картинами, съ неизбежной полкой надъ каминомъ, заставленной разными жбанами и заморскими фигурками.

Восковые свѣчи въ многосвѣщникахъ подъ абажурами горѣли на двухъ столахъ, слабо озаряя обширную комнату. Пламя камина красноватыми бликами играло на полу и на стѣнахъ, придавая странный видъ тремъ фигурамъ, сидящимъ у камина.

Матвѣевъ и Алексій уютно пристроились въ широкихъ креслахъ у самого очага. А подальше, на точеномъ стулѣ, почтительно выпрямясь, занимая самый край сидѣнья, темнѣетъ рослая фигура подполковника Патрика Гордона, только на дняхъ вернувшася изъ Лондона, куда онъ ѣздилъ съ особымъ порученіемъ. И теперь, отрывистой, военной своей рѣчью словно рапортуя по полку, исполнительный шотландецъ даетъ отчетъ обо всемъ, что видѣлъ, слышалъ, чего успѣлъ достичь во время своей поѣздки на родину и въ Лондонъ.

Внимательно слушаетъ царь, изрѣдка раздумчиво покачивая своей темноволосой, крупной головой, такъ основательно сидящей на короткой шеѣ между слегка сутулыми плечами.

— Добро... добро... Мѣха имъ надобны... Што же, пущай добываютъ, склады пущай на Мурманѣ да инодѣ заводятъ... Можно и на полную волю имъ то дѣло отдать, коли заплатятъ хорошо...

— Говорятъ, за цѣной не постоятъ, ваше царское величество... Особливо, ежели табачный торгъ можно бы за-

вести не съ кочевыми улусами только... А и по московскимъ городамъ, спервоначалу—по низовымъ да по украинскимъ, по Малой Руси, въ польскихъ граняхъ, гдѣ нынѣ твоя держава водворилась... А послѣ — и въ коренныхъ русскихъ мѣстахъ. Тутъ народъ на табакъ заохотится, и великая оттого казнѣ прибыль будетъ. Они и 20, и 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ не пожалѣютъ за такую монополию. Такъ сказать мнѣ поручено, государь.

— О-го-го... Это—много ль на наши деньги, Артамонъ?

— Да, почитай, триста тысячъ рублевиковъ, коли не больше, государь.

— Изрядно... Нашей царской казны—и всего-то на годъ полторы тысячи тысячъ набѣгаетъ (полтора милліона). Со всей земли... А въ расходъ—ой-ой сколь много надобе. Вонъ, однимъ проклятымъ басурманамъ, ордѣ крымской, почитай, тридесять тысячъ на годъ идетъ, на поминки да на поманки съ подкупамы... Пока ихъ раздавить, окаянныхъ, часъ не приспѣлъ,—откупаться приходится... И хорошо бы этакъ сразу много рублевиковъ загрести... Да, лихъ, пора не пришла, чтобы торги такіе по всему царству заводить: табакомъ, да другимъ зельемъ какимъ... Мятажъ, гляди, по землѣ пойдетъ... Мужики постарше—и за дубины возьмутся, и за рогатины... Ну его, и съ прибылью... Миръ да покой—дороже всего. Не два раза на свѣтѣ жить. Што себѣ вѣкъ коротать, утѣху портить? Господь съ ими, съ ихними стирлинками... Какъ скажешь, Артамонъ?

— Вѣстимо такъ, государь!—торопливо отозвался Матвѣевъ, не желая сегодня противорѣчіемъ портить хорошее настроеніе у державнаго гостя.

— Вотъ, слышь: и онъ на одно со мной... А што они тамо еще толкуютъ, какъ не мочно-ли отъ всѣхъ людей право отбить, што-бы вина не курили, пива не варили, все

бы питье имъ казна готовила и за то—поборъ невеликій братъ? Это дѣло разсудить надобе... Это—можно... Тоже на откупъ сдамъ, ежели выгода окажется пристойная. Не задарма бы людей утѣснять. И пить у насъ горазды, и приобыкли всѣ сами вино сидѣть, пиво—брагу варить. Много хлопотъ съ той затѣей буде... Такъ выгадать бы изъ нея поболѣ. Ты ужь потолкуй съ Петромъ да съ тѣми, кто дѣло заводитъ. Слышь, Артамонъ?

— Потолкуемъ, государь. Небось, промашки не дадимъ...

— Гляди же... А то, вишь, тебѣ подарки да ордена многіе идутъ отъ брата нашего, отъ ево крулевскаго величества, отъ англинскаго... Ты и наши малые дары тебѣ не забудь... Знаешь: не дорогъ подарокъ, велика любовь...

— Што говорить, государь? Было ль когда, што-бы я не поправдѣ служилъ тебѣ, и землѣ родной? Не порочь меня понапрасну, царь-государь!

— Да, нѣту! И не бывало того... Такъ это я... Ну, на нынче—буде... Ёсть хочу. Што хозяйка долго голодомъ морить? Али чего припасла особливаго, что не скоро готово?

— Все готово, государь. Слышишь, въ столовенькой въ нашей-ужь свѣтъ и гомонъ... Чай, ждутъ насъ. Помѣшать бояться докладомъ... Милости прошу, государь. Закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

— И Петру зови. Пусть откушаетъ съ нами... Ишь, тамъ, видно, кормили плохо. Отощалъ нашъ красавчикъ!

И, проходя мимо Гордона, Алексѣй ласково коснулся рукой до щеки статнаго, красиваго шотландца. Бритое, безусое и безбородое лицо подполковника—съ тонкими, правильными чертами, съ голубыми, ясными глазами—имѣло въ себѣ что-то женственно-мягкое, не смотря на строгое, почти суровое выраженіе, которое обычно принималъ Патрикъ при сношеніяхъ съ людьми.

Войдя въ столовую вслѣдъ за Матвѣевымъ и за царемъ, отдавъ поклонъ хозяйкѣ, Гордонъ обмѣнялся съ ней привѣтствіемъ на родномъ языкѣ и перевелъ глаза на вторую женскую фигуру, которая стояла въ концѣ стола, быстро выправивъ свой станъ послѣ поясного поклона, которымъ по обычаю встрѣтила гостей.

Глубокое восхищеніе такъ явно выразилось на лицѣ молодого шотландца, что царь не утерпѣлъ, переглянувшись съ хозяйкой и улыбнулся.

Трудно было и не залюбоваться на дѣвушку.

Смуглое, южнаго типа, лицо дышало здоровьемъ и влекло какой-то особой, почти дѣтской миловидностью и выраженіемъ чистоты. Темные, большіе глаза такъ и сверкали весельемъ и задоромъ подъ бахромой густыхъ рѣсницъ.

Тонкія брови словно выведены были кистью. Пунцовый, маленькій ротъ, вотъ-вотъ готовый улыбнуться, нѣжно-округленный подбородокъ, весь складъ головы, которая, словно пышный цвѣтокъ на стеблѣ, покоилась на высокой, точеной шеѣ, густые, темные волосы, которые спереди такъ и выбивались кольцами изъ-подъ жемчужной поднизи кокошника, а сзади—были заплетены въ двѣ тяжелыхъ, пышныхъ косы... Все въ этой дѣвушкѣ дышало красотой и весельемъ. А ея сильный, высокій станъ не по лѣтамъ былъ развитъ, и его не скрывали даже пышныя складки просторнаго сарафана и взбитые рукава кисейной рубашки, собранные въ тысячи складокъ на обѣихъ рукахъ.

— Приѣмная дочка наша, Наталья, Кириллы дочъ, Нарышкина, стряпчево твоего рейтарскаго строю!—отвѣчая на нѣмой вопросъ царя, заговорилъ Матвѣевъ, знакомъ подзывая поближе дѣвушку.

Пока она вторично, низко поклонилась гостю, Матвѣевъ продолжалъ:

— Друзья мы давнѣе съ ея отцомъ и родичи дальніе...

Вотъ и взяли дочку къ себѣ, на Москву, тутъ ей пару подыскать мыслимъ. Отецъ ея—воинъ добрый... Не разъ за твое величество кровь вражью и свою проливалъ. Вотъ, не будетъ-ли милости, не пособишь-ли дѣвкѣ? Нонѣ сестра женина—недужна. Наташа и вызвалась хозяйки моей помочи... Добрая дѣвка... Гдѣ што увидить, аль послушать: бѣда какая у ково—тутъ и она... Помочь-бы норовить...

— Ну, будетъ, Артамонъ Сергѣичъ. И вовсе застыдилъ у меня Наташу!—вступилась хозяйка, довольно бойко владѣя русской рѣчью, хотя и съ явнымъ иноземнымъ выговоромъ.—За столъ прошу милости, хлѣба соли откушать... Наташенька, ужъ ты помогай мнѣ... Вотъ, погляди, второй гость, землякъ мой, Патрикъ сэръ Гордонъ... Рѣдко бываетъ у насъ. Станетъ неволиться... А ты его упрашивай: ѣлъ-бы да пилъ-бы получче...

Алексій сѣлъ на верхнемъ концѣ стола, между хозяиномъ и хозяйкой. На другомъ концѣ—занялъ мѣсто Патрикъ рядомъ съ Нарышкиной.

Непривычная еще къ европейскимъ обычаямъ, къ общенію съ чужими, малознакомыми людьми за столомъ, — Наталья, тѣмъ не менѣе, не очень растерялась. Она ничего не говорила, слушала, что ей не громко рассказывалъ сосѣдъ про свои странствія, про походы, про чудную родину. И только внимательно слѣдила, чтобы онъ за разговорами не забывалъ пить и ѣсть. Сама подкладывала ему на тарелку куски и подливала въ кубокъ, когда онъ былъ пустъ.

Алексій также весело болталъ съ хозяйкой, но часто посматривалъ, что дѣлается на другомъ концѣ стола и прислушивался къ тому, что тамъ говорится.

— Голосокъ веселый да звонкій у твоей пріемной дочки. Ишь, смѣется-то какъ радостно, словно жемчугъ катить по серебру! — замѣтилъ царь Артамону Сергѣичу,

когда Наталья, на какую-то шутку Патрика залилась веселымъ, серебристымъ смѣхомъ.

— Хорошая она, чистая душа... Жалостливая какая... Вотъ, сейчасъ смѣется. А напхни ей про бѣду какую людскую—и слезы на глазахъ. Дѣвка у нихъ одна, сдуру, што-ли, въ прудъ кинулась, въ деревенскій... Такъ Наташа дня три слезами горькими разливалася. „За што,—говорить:—душа молодая сгубла! Такъ жить хорошо на свѣтѣ... А она сама на себя руки наложила“... Еле утѣшили дѣвку...

— Да, оно и видать, што сердечко доброе у дѣвицы... А, о чемъ смѣялась, скажи?—обратился громко къ Натальѣ Алексій:—Чѣмъ такъ разубажилъ тебя паренъ? Повѣдай.

— Какъ же не смѣшно, царь-государь!—хотя и робѣя, но глядя царю въ глаза, отвѣчала Наталья:—ишь, говорить, ѣхать бы мнѣ въ ихни тѣ края. Тамъ лучше-де, ничѣмъ у насъ... А вдругое—и я бы тамъ лучше всѣхъ была... Ну, слыхано-ль такое?...

— Не слыхано, а видано то, дѣвица... Ловокъ ты, Петра. Сразу ты и силокъ ставишь... Ну, а скажи, дѣвица: правду-ль онъ баетъ, што лучше ихъ края и на свѣтѣ нѣту?.. Какъ мыслишь?..

— Мнѣ-ли знать, государь? Я окромя нашей Кирилловки да усадьбы крестнаго здѣся на Москвѣ—и свѣту мало видѣла... Мнѣ ли знать?

— А, все же, скажи... — продолжалъ допытываться Алексій, очевидно, ища только предлога побольше поговорить съ дѣвушкой.

— Што-жъ, я по совѣсти скажу: ему, Петру-то Гордѣичу,—ево край милъ... И его правда: нѣтъ того края милѣе. А мнѣ—наша Кирилловка—всево милѣе. И краше ея на свѣтѣ нѣту... Ужъ не взыщи... Хороша твоя Москва, государь... Лучше, можетъ, и на свѣтѣ нѣтъ... А у

насъ—тише... Церковка хошь маленька, а войдешь въ нее, станешь молитву творить, словно Бога вотъ слышишь за собою... А здѣсь—шумъ, суета... Кругъ церквей—рынокъ да базаръ. И въ церквахъ словно ярманка... Народъ туды, сюды... Снуютъ, не службу Божью правятъ,—другъ дружку оглядаютъ... Грѣхъ!.. У насъ—лучче!..

И, словно замечтавшись, съ поблѣднѣлымъ лицомъ, съ расширенными глазами, дѣвушка стала еще прекраснѣе.

Матвѣевъ обмѣнялся съ женой взглядомъ, выражающимъ и удовольствіе и легкое изумленіе.

Правда, они предупредили дѣвушку, чтобы она не жеманилась, была посмѣлѣе, если хочетъ привлечь вниманіе царя. Но даже и они не могли бы ей подсказать лучшей темы разговора съ Алексіемъ, такимъ богомольнымъ и набожнымъ, хотя и приверженнымъ ко всѣмъ удовольствіямъ и радостямъ земной жизни.

Какъ разъ въ это время арапъ Джонъ съ помощью еще двухъ слугъ внесъ и поставилъ на особый столъ, уставленный сулеями и флягами, небольшой, охваченный мѣдными обручами боченокъ.

— Вотъ, гость дорогой,—поизволь за здравье за твое особливой мадерки чару выкушать... Изъ Лондона мнѣ прислана съ особливой похвалой. Слышь, полста лѣтъ винцо лежалое...

И по знаку мужа—боярыня Матвѣева, наполненные янтарной, густой влагой кубки на подносѣ, подала сперва Алексію, потомъ—Гордону и мужу.

— А что-же Наталья свѣтъ — Кирилловна? Аль не пригубить чарочку?—спросилъ Алексій.—Волимъ мы и за ея заздравье пити, какъ и за всѣхъ, хто у васъ въ дому?

— Не слѣдъ бы оно дѣвицѣ на людяхъ за чарку браться, гость дорогой. Ну, да ужъ твоей чести ради...

И Матвѣевъ указаль Натальѣ взять небольшой стаканчикъ, куда ей налили вина.

— Будьте-жъ здоровы всѣ! И крестнику моему скажи, что поминалъ я ево... Пусть растетъ скорѣе, Ондрюшка—крикунъ... Здоровъ-ли онъ, кума, а? Што не скажешь?—чокаясь съ хозяйкой, спросилъ Алексѣй, ставши необычайно веселымъ и любезнымъ.

— Спаси-тя Господь, царь государь. Растетъ малый, твоими молитвами держится...—подымаясь и отдавая поклонъ, отвѣчала Матвѣева.—Ужъ, не взыщите, гости дорогие, столу конецъ. Потчевать болѣ нечѣмъ. Не обезсудьте... Прошу тути чары допивать... А я къ сынку пройду, провѣдаю... Пойдемъ, Наталья!..

И съ послѣдними поклонами обѣ женщины вышли изъ покоя, оставя мужчинъ за виномъ, на свободѣ, болтать, спорить, шумѣть, какъ любили тогда.

Алексѣй ласково откланялся обѣимъ и проводилъ внимательнымъ взоромъ Наталью, пока та не скрылась за дверьми.

— Славная дѣвица, Наташа-то твоя!—сказаль онъ Матвѣеву:—Ужъ, помяни мое слово: сыщу я ей жиниха.—Да, получче котораго!..

— Сыщи, государь. Дѣло доброе сдѣлаешь. Счастливъ будетъ, кому она въ жены попадетъ. Кроткая, веселая да разумная... Да рукодѣльница какая... Знаю я ее, повызналъ за всѣ года, какъ живетъ она у насъ... Да еще...

— Буде! Не перехвали, слышь. И медъ, коли не въ мѣру сладокъ, пить его прикро. Самъ вижу, што вижу. Не слѣпъ. Вонъ, и Петра, поди ночь не поспитъ, о дѣвушкѣ думаться будетъ ему...

И жмурясь, совсѣмъ какъ котъ, увидавшій что-то лакомое, хорошее, — Алексѣй раскатился густымъ своимъ, довольнымъ смѣхомъ.

Долго еще шла пирушка. Веселый, подвыпившій даже, поднялся гость, обѣщая скоро снова заглянуть.

И онъ сдержалъ обѣщанье. Чуть не черезъ день сталъ царь заглядывать къ Матвѣеву, оставался подолгу, дѣлили хлѣбъ-соль, даже ночевать оставался подъ дружескимъ кровомъ.

И постоянно старался поговорить, побыть на свободѣ часокъ-другой съ Натальей.

Хозяева, насколько позволяли обычаи, не мѣшали ему. Особенно часто лѣтомъ пришлось дѣвушка проводить наединѣ часочки съ Алексіемъ въ тихомъ, обширномъ саду, у пруда, отъ котораго въ самые знойные часы несло прохладой и свѣжестью.

Августъ приспѣлъ. Передъ вечеромъ Алексій, сидя въ саду, въ бесѣдкѣ, густо повитой хмелемъ, взялъ румяное яблоко, которое сорвала для него дѣвушка съ сосѣдняго дерева, закусилъ его, потомъ поднесъ сочный плодъ къ губамъ Натальи, полнымъ и яркимъ, какъ двѣ вишни.

— Ну, теперя ты откуси... Коли правду бають,— мысли мои тогда узнаешь...

— Изволь, государь! — довѣрчиво протягивая руку, взяла яблоко дѣвушка. — Рада мысли твои узнать... хоть и безъ того ихъ вѣдаю

— Ой-ли? Шустра, смышлена ты, дѣвка... Да не все-же и знаешь. О чемъ-же дума моя, говори, коли знаешь.

— О чемъ? О дѣлѣ царскомъ... О семьѣ твоей свѣтлой. О всей землѣ родной... О церквахъ, храмахъ Божіихъ, штобы поболѣ ихъ настроить... О войнѣ, поди, думаешь, славы добыть бы себѣ поболѣ, какъ ужъ и добывалъ, великій государь... О правдѣ людской, о винахъ и неправдахъ думаешь, што-бы судъ и право дать рабамъ своимъ... Вотъ о чемъ, чаю, мыслишь, государь...

— Такъ да не такъ... Не все сполна. Росписала, словно

по Исалтирри прочитала... Да не все угадала... Сядь поближе... Семъ, на ушко шепну... Коли ужъ сама догадаться не хочешь... О тебѣ... слышь красуля, веселая моя... Съ тобою думы мои... слышь...

Онъ больше не могъ ничего сказать и только, сильно сжавъ въ объятіяхъ дѣвушку, прильнулъ съ долгимъ поцѣлуемъ къ ея шеѣ у самого уха, которое такъ и розовѣло изъ-подъ прихотливыхъ прядей полураспустившейся косы.

Охнула только Наталья, поблѣднѣла и вся какъ-то странно затихла, словно мертвая приклонилась головой къ плечу царя.

— Да, што ты... Господь съ тобою... Што ты... Сомнѣла, никакъ... да, съ чего... Да, не думай... Не хочу я... ничего тебѣ не будетъ... Ужъ, коли такая ты, что и словечка тебѣ нельзя сказать... Ужъ, перестань, Бога для... Очнися...

И онъ, самъ встревоженный, почти напуганный, слегка встряхивалъ дѣвушку, дулъ ей въ лицо, теръ руки, стараясь привести въ чувство.

Снова вздохъ вырвался изъ груди у Натальи, лицо стало оживать, глаза раскрылись.

— Очнулась... Слава Те, Христу... Ишь, какая ты... И чево испужалась? Развѣ я што... Такъ сказалъ... А ты ужъ...

— Прости, государь. Ничего я... не хотѣла тревожить твоей милости!—совсѣмъ робко, виновато проговорила Наталья.—Твоя воля надо мною, вѣстимо... Ты—царь!.. Твоя раба я... Сердечушко мое несмѣлое... Сама не знаю... Только... помилосердуй... Не губи меня ..—вдругъ приникая къ его колѣнямъ губами, съ мольбой проговорила она.—А тамъ... твоя воля... ты царь!..

Невнятный лепетъ, безотчетный испугъ, ясно выраженный на блѣдномъ лицѣ — сильнѣе самыхъ убѣдительныхъ

словъ повліяли на Алексія, уже овладѣвшаго неожиданнымъ для него самаго порывомъ страсти.

Ласково поднявъ съ земли дѣвушку, онъ усадилъ ее снова на скамью и нѣжно, совсѣмъ по отечески проводя рукой по мягкимъ, густымъ волосамъ, проговорилъ:

— Ну, не тревожься, слышь... И не съ чего... Дурного не думалъ я. Видитъ Богъ... Ишь, какая ты, сердцемъ горячая... Милая дѣвица... Ну, поди въ домъ, присерися малость... Ишь, косы распустились, словно въ горѣлки бѣгали мы съ тобою... Иди... Я слѣдомъ тоже за тобою.

* *
* *

Съ той поры, хотя и случалось по-прежнему вдвоемъ оставаться имъ въ саду и въ домѣ, только ласково, нѣжно бесѣдоваль съ дѣвушкой царь, позволяя себѣ отеческую, чистую ласку порою, безъ всякаго налета страсти.

И все больше и больше привыкалъ онъ къ дѣвушкѣ, а она въ свою очередь, все сильнѣе привязывалась къ этому сильному кроткому человѣку, порой и забывая, что онъ повелитель большаго царства, ея природный государь.

Зима близилась.

Согласно царскому указу, начали собираться дѣвушки-невѣсты на Москву, на царскія смотрины.

Первыя шесть невѣстъ „переписаны“ были 28 ноября, 1669 года. Вотъ ихъ имена, согласно подлинной роеписи: Іевлева дочь, Голохвастова, Оксинья; Смирнова дочь, Демскаго, Марфа; Васильева дочь, Векентьева, Каптелина, живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ, у Ивана Жидовинова; Анна Кобылина, — очевидно сирота, — живетъ у головы московскихъ стрѣльцовъ, у Ивана Мещеринова, Марфа

Апрѣлева, живетъ у стрѣлецкаго головы, у Юрья Лутохина, Львова дочь, Ляпунова, Овдотья.

И что ни день, то больше подвозили красавицъ-дѣвушекъ изъ всѣхъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ и городовъ.

Закипѣла новою волной, шумнѣе стала жизнь и царя, и бояръ, и простого люду московскаго.

Москва собирается царя женить. Не часто такое дѣло случается. И подвозятъ все новыхъ невѣстъ, княженъ и воеводскихъ дочекъ, знатныхъ боярышенъ, и дѣвицъ духовнаго, купеческаго, даже простого званія изъ горожанъ и помѣстныхъ людей.

А за невѣстами тянутся ихъ близкіе и дальняя родня, цѣлыми обозами, порою; и дворня тутъ, и просто, пріятели, расположенные къ извѣстному роду. Родъ возвеличится, — и не только родню, знакомцевъ своихъ тоже въ честь возведетъ. Такъ ужъ издавна на Москвѣ ведется.

Первыя дѣвушки все больше изъ стрѣлецкихъ семей подобрались. Какъ близкіе ко двору, какъ самые нужные царю, — стрѣльцы первые прознали о смотрахъ и поспѣшили увѣдомить своихъ, чтобы тѣ везли дочерей, попытать счастье.

Иные люди, побѣднѣе, не могутъ хорошо дочь-невѣсту для смотровъ принарядить и потому вступаютъ въ сдѣлку съ ростовщиками, какихъ не мало водится даже среди самаго родовитаго боярства.

Пишутся рядныя записи. Дѣвушкѣ даютъ для наряда тяжелые парчевые сарафаны, шубки, душегрѣи, снабжаютъ ее кокошниками, украшенными дорогой жемчужной обнизью, камнями-самоцвѣтами. Даютъ ожерелья, запястья, сережки и „шелесперы“ для головнаго убора.

За все это родители и сейчасъ уплачиваютъ, что могутъ; а „ежели дастъ Богъ доброму дѣлу быть“, — если попадетъ дѣвушка на тронъ, станетъ царицей, — тогда благодѣтель-

ростовщикъ выговаривалъ себѣ цѣлое богатство за наряды, отпущенные на прокатъ...

Торговому люду—вдвое хорошо, благодаря наѣхавшимъ, если и не сплошь богатымъ, зато тароватымъ гостямъ. Мастеровымъ, ремесленникамъ—тоже работы прибавилось не мало. Даже бездѣльный, праздный людъ, перекатывающій волны свои съ одной площади на другую, нищіе и тѣ повесѣли, словно бы Свѣтлый Праздникъ для нихъ насталъ.

Не всю челядь забрали съ собою въ Москву пріѣзжіе гости. И набираютъ изъ мѣстныхъ, изъ голытьбы, черни и слугъ, и погоняльщиковъ и, просто охрану, свиту, какая нужна зажиточному, родовитому боярину при выѣздѣ въ люди. Матери, тетки, бабушки и сами невѣсты, то и знай, въ свободные часы ходятъ по церквамъ, по святынямъ московскимъ. Служатъ молебны, раздаютъ милостиню щедрою рукой въ надеждѣ, что Господь услышитъ мольбы, увидитъ щедрость жертвы—и пошлетъ великую милость...

Заштатные попы безприходные, которые, бывало, гурьбою цѣлою толпились на „крестцѣ“ у Спасскихъ, теперь—Фроловскихъ воротъ,—всѣ при дѣлѣ оказались. Ихъ даже не хватаетъ порою для желающихъ отслужить молебенъ или иную службу.

Въ храмахъ, въ часовняхъ, обычно пустующихъ зачастую, сейчасъ съ утра до вечера толпится народъ.

А въ кружалахъ да въ питейныхъ домахъ Бѣлокаменной—гуль, пѣсни, веселье—стономъ стоятъ, наполняя стѣны. Тамъ тоже избытокъ жизни. Свѣжая копейка каждый день попадаетъ въ руки мелкому люду и пропивается за стойкой кабацкой, въ разгульной, веселой компаніи.

Скоморохи, гудошники, плясуны и бахари, тоже благословляютъ затѣю царскую: новую жену себѣ сыскать...

Всѣмъ, отъ мала до велика, на пользу царское сватовство пошло.

* *
*

Святки миновали. Въ самомъ концѣ января, 1670 года, Алексій, по старому навѣщавшій частенько Матвѣева, вечеромъ какъ-то, уже собираясь уходить, сказалъ ему:

— А не позабылъ, Сергѣичъ, обѣщанье мое: сыскать жениха твоей Наташѣ? Нашелъ, слышь, я...

— И, што ты, другъ-государь!.. До того-ль тебѣ? Себѣ суженую ищешь. О бѣдной сиротѣ помышлять—досугъ-ли?

— Досугъ не досугъ, да охота. Дивился я все, слышь. Иные вотъ какъ изъ кожи лѣзутъ, только бы мнѣ дѣвицъ своихъ на очи поставить, честь получить и дары, какъ водится... А ты и не заикнешься,—либо хозяйка твоя. Обычай нашъ московскій знаешь, вѣдь: послѣ царскихъ смотровъ—второе дѣвкѣ спросъ да цѣна.

— И-и, государь! Ей надоть женишка поскромнѣе, потише. Сама дѣвка больно тихая да душевная, хоть и веселаго норова. Она за почетомъ не гонится. Да и скучать што-й-то почала... Прямо, съ тѣла спадаетъ. На смотрины-ль ей?!

— Скучать?.. Ужъ, не зазноба ли какая приспѣла?—съ ревнивымъ звукомъ вырвалось у Алексія.—А, зови-ка ее, слышь, сюды. Скажи: свать хочетъ потолковать съ ею.

— Да, ужъ, не знаю, государь... Поди, улеглася Наташа... Не водится такъ, самъ вѣдаешь, штобы дѣвицу съ постели позднымъ-поздно подымать, хоша-бы и къ царю самому. Она у насъ...

— Да, ужъ, слышалъ, знаю... Носитесь вы: „она у насъ... она у насъ“!.. А, можетъ, и у меня она... Вотъ, ты не спросилъ: кто—женихъ-то мой для нея... А, вотъ, и знай: я самъ ее и посватаю... Вотъ! Слышалъ... Зови сюды... Сейчасъ хочу дѣло повершить... И жену твою,

куму зови. Она ей вмѣсто матери... Пущай и благословляетъ...

Матвѣевъ давно ожидалъ этого. Но осуществленіе смѣлаго, умно-задуманнаго плана смутило самого Артамона.

— Помилуй, государь! — съ искреннимъ волненіемъ заговорилъ онъ: — вотъ, смотри твои идутъ государевы. Первыхъ вельможъ да богатѣевъ дѣвки собраны... И красавицы рѣдкостныя изъ простого люду. Куды нашей Натальѣ? И ее со свѣту вороги сживутъ, коли прознаютъ, и подъ меня подкопаются... Скажутъ: слаживалъ Артамошка дѣльце, съ пріемной дочкой царя окрутилъ... Ужъ — не сдобровать мнѣ, государь... Помилуй... не губи!..

— Умень ты, Сергѣичъ, а порой и у тебя умъ за разумъ заскакиваетъ. Нешто я не знаю, что быть должно? Рафовну и по сю пору не забылъ. Небось, мы такъ дѣло свертимъ, что нихто и не поспѣетъ „охъ“ вымолвить... Покоевъ будь... Зови Наталью! Поговорить мнѣ съ нею надо. Не мѣшай намъ. А тамъ — и куму готовъ, благословить пришла бы!

— Твоя воля, другъ-государь! На чести — челомъ бью!

И, не скрывая радости, Матвѣевъ поспѣшилъ самъ къ женѣ, приказавъ одной изъ мамокъ позвать внизъ Наталью.

— Да, поскорѣе, слышь, штобы шла. Нужна-де намъ съ хозяйкою. Въ столовый покой бы шла...

Наталья уже собиралась лечь спать. Наскоро накинула она сарафанъ.

Сбѣжавши внизъ, съ полураспущенной косой, она такъ и застыла на порогѣ горницы, гдѣ вмѣсто Матвѣевыхъ увидала одного Алексія...

— Не стой тамъ. Поближе подойди, дѣвица... Али ужъ стала бояться меня? Кажись бы не съ чево...

— Нѣтъ... я... сказано мнѣ: крестный зоветъ... А на мѣсто того...

— А на мѣсто крестнаго — сватомъ я заявиться удумалъ. Даве при людяхъ — не похотѣлось тебя стыдить. Вотъ, съ глазу на глазъ, и скажи: замужъ хочешь ли? Дѣвица ты не маленькая... Не криви душой, не лукавь, прямо скажи...

— Не лукава я, государь, чай, самъ знаешь... А съ тобой, съ государемъ—и не посмѣла бы душой кривить, хоша бы што... Какъ замужъ не хотѣть? Каждой дѣвкѣ доля одна: замужъ, коли не въ келью... А келья мнѣ не манится. Да, видно, и замужемъ мнѣ не быть...

И, покраснѣвъ, дѣвушка потупила глаза, полные слезъ.

— Што такъ? Ай веровню полюбила? Скажи. Какъ на духу говори, слышишь?

— Гдѣ полюбить? Ково мы видимъ, дѣвушки? Полюбить — узнать надо. А какъ спознать? Вонъ, въ другихъ земляхъ — иная повадка. А у насъ—за ково поведить отецъ съ матерью, за того и ступай дѣвица. Видно, и мнѣ такъ-то... Да, нѣтъ, тогда я въ келью лучше!

— Ишь, какъ прятко... Видно, и вправду: зазноба есть, да сказать соромишься. Ну, иначе рѣчь поведемъ. Женихъ у меня есть. Молодой. Красавецъ... И ты ему полюбила больно. Небогатъ. Да я помогу. И тебѣ и ему дамъ на прожитокъ. Самъ сватомъ буду. Пойдешь ли?

— Нѣтъ, государь!—не задумавшись даже, твердо отвѣтила дѣвушка, глядя прямо въ глаза царю, который такъ и пронизывалъ ее своимъ испытующимъ взоромъ.

— Нѣтъ! Ишь, какъ отрѣзала. Не задумалась даже... Ну, а ежели бы... Можетъ, сказать тебѣ, какъ зовутъ его? Тогда пораздумаешь? А?..

— И знать не надо, государь. Кто бы ни былъ... Не пойду!..

— Ну, а ежели.. Такую я рѣчь поведу... Вдовецъ тута одинъ... Человѣкъ смирный... И достатки есть. Одна

бѣда: дѣтей много... И пожалѣть ихъ некому... съ имъ вмѣстѣхъ за одно... Много пріятелей у него... Да все по-ложиться нельзя ни на одного... Каждый норовитъ свою выгоду взять отъ того человѣка. А онъ друга ищетъ, вѣрнаго... Помогу... Дѣтямъ—мать... Въ дому—хозяйку, дѣлу великому печальницу. Къ нему въ домъ хозяйкой войти—любого подвига стоитъ... Вотъ за такого—пошла бы?..

Настало небольшое молчаніе.

Дѣвушка тяжело дышала, и даже слышно было въ тишинѣ, какъ хрустнули слегка ея пальцы, которыя заломила она, не зная: что сказать, на что рѣшиться?

Потомъ—задрожалъ, зазвенѣлъ ея голосъ, полный покорной рѣшимости:

— Коли ты повелишь, государь... Коли Богъ того хочетъ... пойду, государь!..

И, закрывъ лицо руками, Наталья зарыдала, негромко, но горько, сама не зная, почему.

— Да, буде... Да что ты... Да не плачь... Слышь! Не про ково иного... Про себя я... Сдавалось мнѣ, что жалѣешь ты меня... Видишь, какъ тяжело мнѣ, хоша и въ бармахъ да въ коронѣ хожу... Вотъ, и хотѣлъ я... За меня, слышь, пойдешь ли?

Онъ не успѣлъ договорить...

Съ рыданьемъ опустилась къ его ногамъ дѣвушка и, горячими губами цѣлуя дрожащія отъ волненія руки царя, только и сказала:

— Твоя раба!..

— Ну, подымись же... Эй, кто тамъ!.. Подсобите!—подымая дѣвушку, почти сомлѣвшую отъ пережитыхъ ощущеній, позвалъ Алексій...

Вошли Матвѣевы. Они сразу поняли, что дѣло сдѣлано: ихъ Наталья стала невѣстой московскаго царя и государя всея Руси.

1 февраля и Наталья, разряженная, разубранная, какъ нельзя лучше и богаче, среди другихъ дѣвушекъ представлена была на царскія очи.

Оглядѣлъ ее, какъ и другихъ, Алексій, виду не подавъ никому, что одна комедія творится теперь съ долгими выборами и смотрами.

Домой затѣмъ отвезли дѣвушку, какъ и многихъ другихъ до нея, еще не удостоенныхъ занять мѣсто кандидатокъ въ царскихъ теремахъ, на женской половинѣ дворца Кремлевскаго.

До 17 апрѣля всего набрано и свезено было свыше 60 дѣвушекъ изъ Москвы, Новгорода, Костромы, Суздаля и иныхъ городовъ.

Между ними особенно выдѣлялась красотою Авдотья, дочь Ивана Бѣляева.

Привезла ее бабушка ея, монахиня, старица Ираида и помѣстила у родного дяди, у торговаго человѣка, Ивана Шихирева. Самъ онъ былъ стрѣлецкій стряпчій, но, по обычаю, занимался торговлей, поставляя товары на дворъ самому патриарху, былъ вхожъ къ Іоасафу и упросилъ, чтобы красавицу-племянную допустили хотя бы къ первымъ смотрамъ государевымъ. Полагаясь на рѣдкую красоту дѣвушки, честолюбивый старикъ надѣялся видѣть ее именно царицей, а себя—ближайшимъ родичемъ царскимъ.

Онъ не зналъ, что выборъ Тишайшаго царя уже сдѣланъ и все порѣшено. Наталья стала царицей московской. Но „вороги“, о которыхъ первымъ дѣломъ вспомнилъ Матвѣевъ,—они тоже не дремали, и много пришлось пережить ему, невѣстѣ и самому Алексію прежде, чѣмъ была отпразднована эта умно задуманная свадьба.

ГЛАВА II.

Дворцовыя козни.

Минула Святая Недѣля. Ёюмина настала. Ранняя, дружная весна приспѣла въ томъ году.

Къ срединѣ апрѣля—свѣжая, свѣтлая зелень кудрявилась на деревьяхъ клейкими, трепетными листочками, вырѣзаясь на темныхъ прогонахъ старыхъ кремлевскихъ стѣнъ, и со стороны Неглинки, и со стороны Москвы — рѣки, обрамленныхъ садами и полянками.

Въ небольшой кельѣ Чудовскаго монастыря, у настоятеля у самого сидитъ въ гостяхъ стрѣлецкій стряпчій,—Московский „торговый человѣкъ“, Иванъ Шихиревъ, и тетка его, монахиня Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, старица Ираида, вся сморщенная, худая съ маленькими, слезливыми отъ лѣтъ, глазками, съ остренькимъ подбородкомъ и носикомъ, напоминающимъ птичій.

Голосокъ у нея тоже—тоненькій, слабый. Слушаешь, не знаешь: человѣкъ-ли говорить, сверчокъ-ли запечный въ тишинѣ громко чирикаеть. Зубовъ нѣтъ у старушки. Плохо все выговариваетъ. А въ голосѣ, когда-то звонкомъ и пріятномъ, такъ хорошо звучавшемъ на клиросѣ,—еще сохранились кой-какія молодая звенящія нотки.

Кончивъ что-то говорить отцу-настоятелю,—она встала со скамьи, отвѣсила поясной поклонъ—и снова усѣлась,

перебирая тонкими пальчиками узлы на лѣстовкѣ, лепеча блѣдными губами привычныя молитвы.

— Велико дѣло вы просите... И ты, сестра во Христе... И ты, чадо мое духовное. Земляки мы... свояки... И просить за васъ люди мнѣ не чужіе... А все же трудненько до дѣла дойти буде... Коли и совсѣмъ не сбудется оно. Вѣрно, что и боярину Артемону не мало помѣхъ всѣ учинять, коли и вправду онъ свою приручную дѣвицу, Наталью Нарышкину въ царицы тянетъ...

— Охъ, тянетъ, — живо отозвался Шихиревъ, черно-волосый, худощавый, похожій на старуху—тетку, только—покрупнѣе немного.—Тянетъ, отецъ—игумень, во какъ тянетъ: и руками и зубами, да опричь того—каблукомъ упирается... Слышь,—ошшо первы смотры не кончены,—а всѣ знаютъ, что Наташка и на вторы смотры прописана. Самъ-де царь тако поволить... Кое не поволить, коли тихой онъ у насъ. Изъ рукъ Артемошки и глядитъ... Вѣдунъ, чародѣй Артемошка той, лиходѣй царскій. Кому оно не вѣдомо... И давно пора...

— Ну, што кому пора—помалкивай лучше, парень. И у стѣнъ—уши бываютъ. Придется за пустыя, облыжныя рѣчи, гляди, и въ сыскной избѣ отвѣтъ держать, съ дружескимъ упрекомъ предостерегъ горячаго Ивана разсудительный монахъ.—Тамъ, што буде,—Единому Богу то вѣдомо... А, все же, мысля, и Артемоновой Натальѣ—въ царицахъ не бывать. Такъ тебѣ говорю, по душамъ. Вотъ почему и попытаюсь... Перекину словечко кой съ кѣмъ... Допустятъ вашу дѣвку на показанье къ боярину Богдану Матвѣевичу, къ Хитрому... А, тамо, Богъ подастъ,—и на смотры на царскіе, на первые... Може, и на вторые проведемъ, когда царь къ дѣвкамъ поприглядится съ тычка; станетъ и поближе приглядывать. Какъ звать дѣвку-то?

— Овдотья, Ивановна по отцу, Бѣляева. Родной се-

стры моей сиротиночка. Подсобишь сиротѣ, — ни она, ни мы—по гробъ не забудемъ... Ужъ пусть и свѣту намъ не видать, коли не клобукъ святительскій буде на головѣ на твоей, на благодатной, отче—игумне...

— Но, но... Не мели зря. Есть у насъ владыко — и подай ему Господь многая лѣта. Не зоветь мя суета мірская. Своимъ сытъ... И другимъ ошшо ошметковъ хватить. По душѣ—сиротѣ помочь хочу...

— Помогли, помогли, отче-игумне, брате сладчайшій во Христѣ,—снова зачирикала старица Ираида, чутко ловящая каждое слово бесѣды.—Вонъ и самъ владыко-патріархъ намъ подсобить...

— Попытка — не пытка, спрось не бѣда. Опробуемъ. Потолкуемъ съ милостивцами. Да, слышь, что ошшо скажу, сыне. Есть два дохтура царскихъ: Гутьменчъ одинъ, да Стефанъ Гадинъ, онъ-же иначе зовется Данилко Жидъ. Вѣрить имъ государь. Они двое для нево и невѣсть доглядываютъ: пускать ли ихъ на смотры, на царскіе?.. Здоровы-ль тѣлесами и всячески дѣвицы навезенныя... Имъ тоже отъ меня словцо буде сказано. А ты, пареиъ, слышь, самъ не дремли: повидай ихъ, посули чевоничево... Челомъ ударь...

— Жидовину?.. И што ты, отче...

— Пустое. Онъ хрещеный теперя. А не Данилкѣ Гадину, такъ Гутьменчу. Што мога—поднеси. Вдвое посули. Они, нехристи, всѣ на рублевики на наши жадны... Прости Господи! Хоша, и то сказать, наши московскіе—тоже охулки на руку не кладутъ...

— Не кладутъ, охъ, не кладутъ, отче. Ошшо ничего не видя—и наслѣдье Овдотьюшки, и свою усадьбу закабалилъ... Што подѣлаешь?—Да, ужъ, такъ и буде. Повидаю энтаго Гадину. Постараюсь для племяной, для сиротки, добраго дѣла ради...

— Богъ на помощь! А теперя... чу, никакъ и къ обѣд-

нямъ ударили? Идите во храмъ, помолитесь. И мнѣ пора, слышь...

И съ благословеніемъ игуменъ отпустилъ своихъ гостей.

Долго тянется обѣдня монастырская. Солнце совсѣмъ высоко стояло, когда Шихиревъ, усадя въ колымагу тетку, остался на паперти монастырскаго Чудовскаго храма, чтобы потолковать со старымъ своимъ знакомцемъ, рейтаромъ изъ вологжанъ, много лѣтъ тому назадъ проживавшимъ у нихъ на Каширѣ.

Высокій, рыхлый старикъ, одѣтый въ одежду полунѣмецкаго покроя, выглядѣлъ важно, говорилъ сиплымъ, грубымъ голосомъ, часто покусывая концы сѣдыхъ усовъ, по казацки свисающихъ надъ губами. Веселая, добродушная насмѣшка постоянно играла въ прищуренныхъ, окаймленныхъ старческими складками, глазахъ отставного рейтара.

— Давно-ли Богъ на Москву занесъ?—спросилъ послѣ перваго обмѣна привѣтствіями отставной служака.—Какъ дѣла?

— На Москвѣ я давно... А дѣла... Гм... Дѣльце одно у меня есть. У-ухъ, какое потаенное... Тутъ и говорить немочно. А ты, пріятель-куманекъ, Александра Лександрычъ, какъ здѣсь побывшился? Али сюды перевели. У кого въ полку? Сказывай.

— Кое въ полку, — на полку сунули. На покой послали, за старостью, слышь. Никчемень сталъ. Я-то. Слышь... Помнишь-ли?... Былъ ли хто удалѣй меня?! Да, вотъ, нынѣ, знать, лучше нашлись...

Рейтаръ даже поблѣднѣлъ. Глаза затуманились.

— Ну, ну, не горюй, старина. Авось, и на твою долю край солнышка сыщется. Мы, вотъ, тутъ,—понижая голосъ, продолжалъ Шихиревъ, оглядываясь по сторонамъ,—мы съ теткой одно дѣльце вершимъ. Слышь, не зря въ самый Свѣтлый Праздникъ во Христовъ уголь родной она кинула,

на Москву затесалася... Слыхалъ, чать: смотри у царя...

— Те-те-те... А мнѣ и не въ домекъ. Племянница у тебя, слышать было, дюже пригожа... Н-да... Такъ вонъ съ какимъ товарцемъ ты...

И рейтаръ попытался было присвистнуть молодецки по старой памяти, но ослабѣлыя губы издали только забавный, протяжный шипъ.

— А ты во душло свисни. Экой грѣхководникъ... Все своихъ свычаевъ не кинулъ... Товаръ... У ково товару не найдется такова. Да — продавать ево больно не съ руки. Сноровка велика надобна...

— Ты — присноровился? — съ незамѣтной насмѣшкой спросилъ старикъ.

— А то — нѣтъ... Такъ присноровился... Да, вотъ, слышь... Идемъ... Я на конь сяду, шажкомъ поплетусь. Иди вмѣстяхъ. Потолкуемъ. Туда — людно, опасно...

— Идемъ, идемъ, — согласился любопытный старикъ. — Мнѣ все одно, никуда не къ спѣху.

Выйдя изъ толпы, медленно покидающей храмъ и площадь за оградой, оба они скоро увидали холопа, который держалъ подъ уздцы лошадь Шихирева.

Живо взобравшись на высокое сѣдло, онъ приказалъ холопу:

— Сенька, домой поторапливай. Скажи: угощенье-бы припасали. Гостя дорогого веду...

Сенька низко поклонился хозяину, рейтару — и доброй рысью, за которой и коню иному не угнаться, поспѣшилъ ко двору.

Шихиревъ приосанился, дернулъ поводья. Лошадь медленно, степенно зашагала вслѣдъ за челядинцемъ, сдерживая ходъ подъ рукой всадника.

Рейтаръ, взявшись правой рукой за луку, шагаль рядомъ, не переставая толковать съ Иваномъ.

— Ну, теперь насъ не подслушаютъ. Сказывай свои дѣла. Да, слышь, вѣдомо ль и то тебѣ, что боярина Артемона Матвѣева родня, Наталья Нарышкиныхъ,—не то што смотрѣна, а и наверхъ взята, отобрана. Вишь, у боярина, поди, своя сноровка, не похуже твоей сыскалася... А ты...

— А я... Што я?—подзадоренный, отозвался Шихиревъ: — Ты бы раннѣй зацѣтался, а послѣ и талалакалъ: „получче твоей сноровка“... Но нынче — завтрева, слышь, Наташку не то сверху—а и прочь съ Москвы уберутъ. Не бывать ей царицей. Первое дѣло, она рыломъ проти моей Дунюшки не вышло. Другое: есть таки веломочны люди при самомъ царѣ, што скорѣе сами разорвутся, ничѣмъ въ такую силу Артемошку впустять, што бы царица на Москвѣ—сво родня была.. Нѣтъ... Быть моей Дунѣ въ коронѣ царской да въ оплечьяхъ. Какъ пить дать. А ты, старый болтунъ, Бога моли о томъ. И тебѣ буде добро.

— Инъ добро, коли добро, — слегка обиженный, отозвался рейтаръ. И уже всю остальную дорогу почти ничего не говорилъ, только слушалъ, какъ бахвалился хозяинъ.

Шихиревъ и вообще любилъ прихвастнуть, а сейчасъ,—еще подогрѣтый полуобѣщаніемъ чудовскаго архимандрита,—прямо плелъ несуразное что-то.

Двухъ недѣль не прошло съ этого дня,—а уже многое изъ завѣтныхъ думъ Ивана Шихирева сбылось и на яву.

Племянница его, Авдотья Бѣляева не только была взята на верхъ и показана царю,—но, по общему говору,—рѣдкая красота дѣвушки сразу поразила Алексѣя.

Очень многія дѣвушки, послѣ перваго царскаго смотра—были одарены, каждая — сообразно своему роду или состоянію, — и отпущены по домамъ. Осталось сперва невѣсть 15, а потомъ и того меньше, которыхъ Алексѣй на-

вѣщалъ въ терему, сковно приглядываясь и взвѣшивая: кого избрать?

Въ числѣ этихъ счастливицъ, испытывающихъ всѣ муки жгучаго ожиданія, всю неизвѣстность судьбы — оказалась Авдотья Бѣляева, также, какъ и Наталья Нарышкина.

Хмурились старые думные бояре и князья, особенно изъ рода Милославскихъ, изъ семьи Хитрово и Соковниныхъ.

Чутьемъ чуяли всѣ: новое что-то, непріятное для нихъ, но неизбежное готово совершиться.

Конечно, дѣтей у царя много. И подростки есть. Нужна царица на царствѣ. Да, вѣдь, не молодъ ужъ Алексій. И взялъ-бы себѣ такую степенную, знатнаго рода, немолодую, даже, супругу, которая не заводи́ла бы новшества въ царицыныхъ теремахъ, во всемъ царствѣ.

А Матвѣевъ — извѣстный охальникъ. Сколько времени по чужимъ краямъ ѣздилъ, въ послахъ и по своимъ дѣламъ. Жена у него — совсѣмъ изъ басурманокъ, хоть и приняла православіе для приличій... Конечно, и Наталья Нарышкина — тѣмъ же духомъ пропитана, новымъ, ненавистнымъ для большинства людей, окружающихъ тронъ.

А пустить на тронъ какую-то невѣдомую Дуньку Бѣляеву, племянницу нищаго однодворца, Ивашки Шихирева, сироту со сворой жадной, безземельной родни! И того нельзя. Сколько имъ кусковъ надо проглотить раньше, чѣмъ насытиться подобно остальнымъ знатымъ родамъ? И сколько изъ знати эта голытьба дорогу перейдетъ, пользуясь своимъ положеніемъ царицой родни...

Какъ гнѣздо осъ, встревоженное рукой прохожаго, — зашевелились дворцовые похлебники и большіе, и малые...

Бояринъ и дворецкій царскій, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, отстоявъ вечерню въ домово́й церкви царя, — не велѣлъ подавать своей колымаги, а прошелъ знакомыми

переходами на половину царевенъ, гдѣ помѣщались покои старухи боярыни, Анны Петровны Хитрой.

Плотная, средняго роста, съ румянымъ, полнымъ лицомъ, съ живымъ взглядомъ темныхъ проницательныхъ глазъ, съ постоянной ласковой улыбкой на крупныхъ губахъ, боярыня казалась много моложе своихъ 70 лѣтъ.

Обычно — она держала немного сгорбленной свою полную фигуру и голова клонилась къ правому плечу, словно старуха выглядывала кого-то, или хотѣла заранѣе разгадать: что скажетъ собесѣдникъ?

Тогда вокругъ ея, еще довольно свѣтлыхъ, очевидно, зоркихъ глазъ — собиралось множество мелкихъ морщинокъ, также какъ и вокругъ губъ, которыя боярыня сжимала сердечкомъ и втягивала, какъ будто стѣсняясь, что у нея, старухи, такія молодыя, полныя, красныя губы.

Подчиняясь дворцовому обычаю, Хитрово до сихъ поръ бѣлились, но очень слабо. А румянецъ проступалъ свой, природный.

И не будь этой маски бѣлилъ — боярыня казалась бы еще моложе, особенно, когда что-нибудь заставляло властную, гордую женщину — распрямить полный станъ, согнать привычную улыбку съ лица... Когда глаза загорались какимъ-то хищнымъ, недобрымъ огонькомъ и сѣтъ морщинокъ куда-то исчезла отъ глазъ, оставляя только легкіе, тонкіе, мало-замѣтные слѣды. Въ такія минуты — словно другая женщина выглядывала изъ-подъ обычной мягкой вкрадчивой личины важной дворовой боярыни.

— Здорово, здорово племянничекъ, свѣтъ Богданъ Матвѣевичъ боляринъ... Што не видать давненько было? Зачѣмъ пожаловать изволилъ? — привѣтливо встрѣчая гостя, тутъ-же спросила старуха, замѣтивъ его разстроенный, озабоченный видъ: — Али незадача какая? Говори... Вмѣстѣ — погадаемъ на бобахъ, авось бѣду и разведемъ.

Степенно отдавъ установленные поклоны старшей родственницѣ, бояринъ не откликаясь на веселый запросъ словоохотливой старухи, сталъ оглядываться изподлобья, быкомъ, ожидая, пока уйдетъ изъ горницы дѣвушка, ставившая на столъ медъ, брагу, квасъ, коврижки и фрукты,—обычное угощенье.

— Вертись поживѣй, Домнушка, поменѣй оглядывайся... Ставь—и ступай! — распорядилась старуха, замѣтя нетерпѣніе родича.

Дѣвушка поспѣшно все устала на столъ и, отдавъ обоимъ низкіе поклоны ушла.

— Ну, вотъ, и чисто въ горницѣ. Говори теперь, зачѣмъ пришелъ. Видать, штой-то не проста, — совсѣмъ инымъ, дѣловымъ, сухимъ тономъ переспросила боярыня.

— За тѣмъ и пришелъ, что нашему роду канунъ приходитъ,—вотъ что!—такъ-же сумрачно, не распрямляя бровей, отвѣтилъ бояринъ.

— Неужто? Съ чего-же такъ? Што Алешинька себѣ Матвѣева дѣвку облюбовалъ въ невѣсты?.. Али Бѣляевской Дуньки бояринъ напужался? Ну, не думала я, что малодухъ ты сталъ, племянничекъ, на старости лѣтъ. За эстольки годы... Я, вонъ, на верху—почитай полвѣка мычуся. Ты же близъ такихъ годовъ здѣся... Всего мы съ тобою навидалися: и свѣту и страху, горя и радости... А тутъ, на, гляди: старый блазень, Алеша удумалъ вдругое жениться... Ужъ и канунъ намъ да ладанъ... Рано, рано, свѣтъ Богданушка, роду нашему сталъ ты отходную пѣти. Мы еще съ Божіей помощью и „аллилуйю“ разыграемъ... Пожди...

И руки старухи—даже невольно потянулись къ сѣдымъ волосамъ племянника, словно бы желая погладить и успокоить взволнованнаго Богдасу, какъ она это дѣлала въ годы его дѣтства.

— Такъ, все ужъ тебѣ вѣдомо, боярыня?

— Все-не все, а споль всево. Все—Богу единому вѣдомо... Што ты толковать собирался? Сказывай.

— А што съ пути сталъ сбивать меня Артемошка проклятой. Раннѣй — видимое дѣло было: Наташку свою въ царицы подсаживаетъ... А нонѣ, какъ Дунька Бѣляева царю въ очи кинулась, онъ первый просить сталъ Алексія: пустиль-бы Наталью съ верху домой. Жена де по ей скупилась. Надо-де будетъ, такъ ее на повторны смотрины привозить стануть... А про Дуньку Бѣляеву—одно и ладить: хороша дѣвка и видать, здорова. Годна царицей быти... Вотъ каку пѣсню зѣя лукавая, Артамонычъ завелъ. Энто одное. Другое — тово лучше. Вѣдомые пріятели они со Стефанкомъ съ Гадинымъ да съ Гутменчемъ, съ лекарями. Вмѣстяхъ колдовство да вѣдовство творять да нечисть всякую. Слово бы единое Артемошкѣ молвить—и обое, нехристи,—забракують Бѣляеву. Хвори въ ей найдутъ. А я анамеднись пытаю Гадину: што за дѣвка Дунька? Царицей гожа-ль быти?—Ништо, говорить... И тебѣ скажу, што, дядѣ ея сказывалъ: всѣмъ взяла.—Руки, малость тонки, сказываю ему я.—А онъ мнѣ: ништо!—въ терему въ царскомъ — попухлявѣть, пооткушается... — А, гдѣ, пытаю:—видѣлъ ты Бѣляевой дядю? Ай у тебя былъ, со слезами забѣгалъ?—Нѣтъ, баеть хитрый нѣмчинъ: на перепуткѣ стрѣлись... У мучного ряду, на Тверской"... Поѣздъ, вишь боярина Матвѣева путь загородилъ. А изъ свиты бояриновой къ ему, къ Гадину и подъѣхалъ Бѣляевъ. Поклонъ отдалъ, назвалъ себя. Говоритъ Ивашка Бѣляевъ Гадину:—Слышь господине, бають: ты невѣсть царскихъ глядишь. Мою племянную не похай. Сирота она беззаступная... — Лекарь ему баеть: „Нешто я знаю, хто твоя племянница? Намъ дѣвокъ кажутъ, а именъ не выкликають, сорому дѣвкамъ не было-бы"... А Ивашка Бѣляевъ сызнова:—„Моя Дунька тебя знае. Станешь ее гля-

дѣтъ, она середнимъ перстомъ тобѣ ладонь нажметъ... То она и есть"... Вотъ што мнѣ Гадинъ сказалъ. Вишь, каки петли вороги стали метать... Хоть и намъ бы съ собой въ пору, старымъ воробьямъ ловленнымъ, боярыня...

— Такъ, такъ, такъ... А далѣй што...

— Далѣй... Али мало тебѣ, боярыня? Видимо дѣло: петли мечетъ проклятый еретикъ, заморская птица.. Ровно угорь, склизкой. И не ухватить ево никакъ. Наладить все по-своему: буде ево Наташка царицей московской, а онъ — первымъ и въ Думѣ, и на Москвѣ... Да, ничѣмъ мнѣ до того дожить, — внезапно багровѣя отъ ярости, вдругъ хрипло заговорилъ Хитрово, — лучше я душу задамъ діаволу, лучше...

— Ну, коли такъ Матвѣевъ тебѣ не любъ, бояринъ, — Шихареву не чини помѣхъ. Пушай ево Овдотья до добраго дѣла дойдетъ, — словно не замѣчая ярости племянника, спокойнымъ голосомъ замѣтила старуха.

Спокойное замѣчаніе словно холодной водой обдало честолюбца. Сдержавшись всей силой воли, онъ передохнулъ немного, чтобы сгоряча не сказать чего-нибудь, слишкомъ обиднаго для старухи-тетки, но, все-таки, не вытерпѣлъ и черезъ нѣсколько мгновеній заговорилъ съ холодной злобой:

— Кабы не зналъ я: сколь умна ты, матушка, Анна Петровна, — такъ бы подумать можно: либонь тебѣ голову замстило, либонь — вороговъ нашихъ сторону держать собираешься... Да, нешто не вѣдомо тобѣ: сколь много тѣхъ недруговъ у всево роду у нашего? Еще коли хто изъ своихъ, изъ бояръ родовитыхъ верхъ заберетъ, — хоша и буде поруха чести, — да жить можно тогда. Свой своему — глазъ не клюетъ. Вонъ, насъ, бояръ думныхъ съ окольными да съ печатниками, съ дьяками съ думными, кои всѣ дѣла государскія вершатъ, всѣ приказы московскіе вѣдаютъ — такихъ наберется десятка три съ небольшимъ. Четырехъ

десятковъ не буде. Каждый, какъ можетъ, живетъ—и другимъ не мѣшаетъ. Похлѣбниковъ у каждаго, друзей да родни—не малое число. Потому, сама знаешь: безъ людей дѣла не сдѣлать. Они и въ службу идутъ, и вѣсти даютъ, какія надобны... А со стороны хто втешется въ нашъ обиходъ—все порушить. Своихъ людей наведетъ, натащитъ... Мѣста очищать почнетъ, волей-неволей старыхъ повывсадить. И между своими—свара пойдетъ, всякому уцѣлѣть захочется, другога за порогъ пихнуть... Вины другъ на дружкѣ искать станутъ, поклепы возводить почнутъ. Чево и не было—приберутъ... Да и правдивыхъ винъ не мало найти можно. Вѣстимо: Единъ Богъ безъ грѣха... Не то, гляди, почета, власти—и худобы послѣдней рѣшиться можна да и жисти съ тѣмъ за одно. Лябонь—въ опалѣ гдѣ, въ избѣ курной на мѣсто дворца царскаго издыхать доведется. Какъ же тутъ чужака пущать? Неужто, боярыня-матушка изволила забыть про то все, что сказываю тебѣ.

— Я-то не забыла, племянничекъ. Да ты, видать, овсѣ позабылъ, хто тебя тѣмъ азамъ учивалъ, коли мнѣ свои азы пересказывать сталъ,—также невозмутимо сказала старуха, укоризненно покачивая головой. — Али отъ опаски—и не вѣдаешь, что творишь, что говоришь? А? Слышь-ко, Богдаша?

Хитрово смутился. Дѣйствительно, самой главной, если не единственной, его наставницей въ придворныхъ дѣлахъ и затѣяхъ была эта самая тетка, къ которой и сейчасъ онъ явился за добрымъ совѣтомъ.

Только привычка къ верховенству, къ наставленіямъ, которыя онъ, въ качествѣ царскаго дворецкаго и вліятельнаго вельможи, разсыпалъ всегда и всюду,—эта властная привычка завела боярина въ просакъ, и онъ прочелъ ненужное наставленіе собственной наставницѣ.

— Ну, што ужъ... Ничево я не забылъ,—собирая всю

бороду въ руку и покусывая ея пушистые концы, отозвался хмурясь бояринъ.—Кинемъ все... Ты, мать, Анна Петровна, дѣло скажи. Какъ мыслишь? Чѣмъ бы тутъ бѣдѣ помочь? И Бѣляеву Овдотью застѣннить... И Артемошку съ рукъ посбыть, проклятова. Нѣтъ ли пути-выходу? Вотъ. Не мало выручала ты, государыня-матушка, и меня, и весь родъ нашъ. Може и теперя што порадишь. Челомъ тебѣ бую....

— Не труди, не гни шею свою толстую, боярскую, Богдаша... Для племянника и безъ челобитья, што умѣю—сдѣлаю... А, гляди, и самому тебѣ придется умомъ пораскинуть, помогать дѣлу какъ никакъ...

— Да я што... Да ты... Слышь, родная: глазкомъ наметни лихъ... А ужъ я... Въ щепу расшибусь, а сдѣлаю, коли што надо... Надумай лихъ...

— Думой тутъ никакъ не помочь. Надо тутъ по-старому, какъ по-бывалому... Гляди, не впервой таки грозы и надъ нами, и надъ иными родами заходили-собиралися. Да Господь относилъ. О-хо-хо... Чего-чево я въ энтихъ стѣнахъ за энти полвѣка, что здѣсь прожила, навидалася... Да... Помнится мнѣ, вотъ также, еще при покойникѣ, при отцѣ Алешинемъ... Ну, да про то—не время и поминать. Вишь, тебѣ какъ ликъ-то свело. Ровно три дни не спалъ—пироваль, али оцту (уксусу) замѣсто вина хватилъ... Хе-хе... И сѣдъ, а молодъ ты духомъ, Богдаша. Покою да ровноты въ тебѣ нѣтъ... Ну-ву, не стану журить... Скажу, что тебѣ надобно... Пока я жива—послужу роду нашему. Вотъ, какъ умру, къ кому за совѣтомъ пойдешь и ты... и всѣ наши... Ну, да не о томъ рѣчь... Вотъ, скажу я тебѣ, что разъ у батюшки было у мово, у Петра Данилыча,—помяни Господи душеньку ево во царствіи Своемъ...—Собака была данская... Псище матерой, злющій. Не то свою скотину—и псарей рвалъ. На цѣпи на толстой держали ево. Ни на охоту, никуда... Звѣрь бѣшеный, а не песъ былъ.

Думали-гадали, што съ имъ учинить? И надумали. Слышишь ли меня, племянничекъ?..

— Слышу, слышу, — запасаясь терпѣніемъ, отвѣтилъ Хитрово. Онъ зналъ, что старуха, начавъ какой-нибудь рассказъ изъ прошлаго, хотя бы и не идущій къ дѣлу, не любила, если ее прерывали или не слушали.

— Вотъ, сказываю тобѣ, и надумали. Волки зимой завелися подъ усадьбой... Не то овецъ, али бо мелку скотину норовятъ зарѣзать, — на табунъ кидаются, коли на водопой поведутъ... И надумалъ батюшко-покойникъ... Ночью спустилъ съ цѣпи пса. И приманку за усадьбой раскидалъ. Цѣлу тушу конску разрубилъ. Палъ конь одинъ. Што жъ бы ты думалъ? Поутру—глядятъ: волковъ штукъ шесть, либонъ семь загрызено лежитъ. И пса волки такъ искусали, што до полудни не выжилъ. Только волки съ той поры уже такъ не налетывали. Подалъ отъ усадьбы держались. Задалъ имъ страху песь тотъ... Вотъ, и подумай...

— Гмъ... Думаю и то... Кто же тутъ волкъ выходитъ, хто—песь. Артемошка, али дворянчикъ оголтѣлый, бездомный, што со своей племянницей, съ Овдотьей подсунулси, энтотъ Жихаревъ, Ванька... Э, да все едино... Главно дѣло: какъ стравить ихъ, штобы погрызли они скорѣича другъ дружку... Вотъ энтотъ—тово... Энтотъ—поразмыслить надобе.

— Не много и думать тутъ. Съ дѣвками, съ невѣстами, обое пролѣзть хотятъ. На томъ и стравить ихъ... Не на чемъ иномъ... Вотъ, баялъ ты: своихъ людей у тея много. Во дворцѣ такіе есть ли... На ково бы, какъ на себя, положить вѣру можно.

— Какъ не быть. Есть. А для какого дѣла? Разные люди на разное пригодны. Гдѣ искать?

— Изъ челяди изъ дворцовой паренька бы надобе. Штобъ дѣло сдѣлалъ, а послѣ не выдалъ, страху али корысти ради. Какое дѣло—сейчасъ ти повѣдаю, бояринъ.

— Найдется и такой... Подложить ежели што кому, „наверху“, али повызнать што... Парень шустрой и мой ужь такой — съ головою... Испытанъ былъ и не разъ... Подсобилъ я ему въ пустяшномъ дѣлѣ: женку по душѣ далъ... Не сосваталъ бы я, за парня бы дѣвку не отдали... Вотъ и мой сталъ парень... Што дѣлать, скажи?

— Догадливъ бояринъ. Подкинуть надо. А што? — самъ порозумѣешь въ сей часъ. Вотъ, бери, садись сюда... Пиши, што скажу. Только такъ пиши...

— Штобы руки моей не призналъ ниhto. Ужъ намъ это дѣло вѣдомое. Пишу, и то, гляди...

И половчѣе уложивъ передъ собой отрѣзанную полосу синеватой хартіи, толстой бумаги, въ родѣ той, на какой писались дѣла въ приказахъ московскихъ, Хитрово приготовился писать.

Боярыня почмокала, пошевелила въ раздумьи полными губами и негромко, медленно и внятно стала диктовать...

Стараясь совершенно измѣнить свой раскидистый, характерный почеркъ, бояринъ мелкимъ, связнымъ, писцовымъ складомъ, какъ пишутъ приказные подъячіе, выводилъ строку за строкой. И что дальше, то все съ большимъ удовольствіемъ кивалъ головой, иногда даже съ удивленіемъ оглядываясь на тетку.

— И откуль у бабы такая сметка, — явно читался вопросъ на широкомъ лицѣ лукаваго, завистливаго, но недалекаго умомъ боярина.

Только одинъ разъ, среди письма, онъ пріостановился съ приподнятымъ надъ бумагой гусинымъ перомъ, бородкой котораго сталъ почесывать свою сѣдую бровь.

— А ну, какъ травъ да кореньевъ не сыщется никакихъ... А подкинуть — не поспѣемъ. Живи еще Шихиревъ, слышь, ко Кремлю поближе... Въ монастырѣ, слышь, у сестры присталъ. Ково туды ни пошли — примѣтятъ... Кабы

бѣды не вышло. Али бо, травъ-кореньевъ и зелья никотораго въ горницахъ Ивашки не сыщется... И всему письму вѣры имати не стануть... И затѣя наша...

— Наша, да не Маша,—видимо раздосадованная непонятливостью племянника, оборвала его старуха.—Гдѣ жъ ты жильё видалъ, што бы травы какой, али корешковъ лечебныхъ припасено не было про хворь про всякую, про немощь да про недуги повседневные? Не цари—бѣдные люди. Лекарей да дохторовъ да знахарей не наберешься, какъ здѣсь заведено. Каждый — самъ себѣ лекарь, по старинѣ, травками да корешками... Энтотъ первое. А кромѣ тово, какъ одно мекаешь, бояринъ мой мудреннѣй: по душѣ Артемонъ Матвѣевъ дорогу Бѣляевой Дунькѣ отступилъ, къ сторонкѣ жметъ? Али только случаю ждеть, штобы ее и со всѣмъ ея родомъ, и съ Ванькой Шихиревымъ, и съ архимандритомъ чудовскимъ по темени клюнуть добре-здорово... Вотъ нашъ подметъ Матвѣеву руки и развяжетъ. Мы и въ сторонѣ станемъ. Онъ самъ такъ бучу собьетъ, что и Шихирева потопить... Гляди—и съ Наташкой со своей, со смиренницей, съ государевой зазновой негаданной—захлебнутися сможетъ... Вотъ намъ къ чему вести надоть, а не разбирать: есть ли травы да зелья въ чужой избѣ, али нѣту. Злоба, ремство завидливое—энти зелья повсесвѣтныя. Ихъ съ маково зерно разсыпъ—они лѣсомъ частымъ взойдутъ... Не бось, не ошибешься... Толико—съ умомъ надоть сѣяти, самому бы не чихать отъ сѣву... Вотъ... А Шихиревъ—дурень всесвѣтнѣй, бахваль, болтунъ безглазый. На него-ли бѣды не сыщется? И ничево не видя, онъ ужъ повсюды языкомъ треплетъ, слышь, быдто ево Дунька на верхъ взята, а Наташка Нарышкина сверху сбита... Чуть што не на рынокъ о томъ оралъ... Рейтаришку тутъ одному безмѣстному, да еще попу благовѣщенскому, отцу Андрею... Да мало ль кому той Ивашка на свою голову молоть. Ево

думка—жару нагнать, себѣ помочь у людей сыскать. А та помочь—ему въ немочь... Вотъ про што знать да вѣдать надоть, а не про травы-коренья заговоренные...

Обезкураженный окончательно, Хитрово только развелъ руками, склоняя покорно свою сѣдую голову, но тутъ же не утерпѣлъ и сказалъ:

— Твой верхъ, матушка-боярыня, коли впрямь все такъ, какъ сказываешь?.. И откуль, скажи, до всево ты довѣдалася, почитай, изъ терему не выходячи, людей со стороны не видя?..

— Мудреный, и тово не учуяль? У тея „свои люди“ на Москвѣ, а и у меня на мыслети... Ты, бояринъ большой, рублемъ да словомъ, да гелемочной повадкой — души уловляешь, людей закупаешь... Гляди, у меня изъ такой казны такоже сыщется малая толика на обзаведенье... Ну, ужъ, кинь спросы да распросы... Пиши, знай, што надо. Кончатъ граматку пора да другую съ нея же списать. Въ два мѣста кинуть надоть... Быдто, хто клалъ — самъ не вѣдалъ: дойдетъ ли ево грамота до царя, аль нѣтъ?.. И поймутъ люди и царь, што не свой, не дворцовый подбрасывалъ, а чужакъ, мѣстныхъ звычаевъ не вѣдая.

— Такъ, такъ... Прямо на Ивашку помыслять... — радостно закивалъ головой Хитрово, изготовясь снова писать.

— Во, теперя ты, бояринъ, затакалъ, ровно утица кряковая... Пиши... „потаковшикъ“, — съ оттѣнкомъ ласковаго презрѣнія замѣтила старуха и стала дальше диктовать письмо подметное.

Вотъ закончена послѣдняя строка. Передъ подписью старуха сдѣлала легкую передышку, перебирая въ умѣ: не забыто ли что-нибудь необходимое.

— Вотъ што, Богдаша: перечти-ка все, я послухаю, — обратилась она къ сѣдому ученику своему.

И Хитрово послушно сталъ перечитывать вполголоса весь хитро-сплетенный доносъ.

Старуха слушала внимательно, сложивъ полныя руки на колѣняхъ, изрѣдка пошевеливая пухлыми, большими пальцами, разжимая порою плотно-сжатые, сохнуція отъ внутренняго волненія, губы, чтобы провести по нимъ кончикомъ языка...

— Такъ, все къ мѣсту... Буде толкъ изъ дѣла. Те-
перя—имя рекъ... Подпись дати—и конецъ.

— „Ивашка“ — подмахнути нешто.

— Не. Пиши: бояринъ Богданъ Хитрово складывалъ. Лучче буде. Э-эхъ, въ досаду лихъ вводишь меня. Помысли, бояринъ. Люди вѣровать должны, что Ивашка Шихиревъ на Матвѣя поклепъ возводить. Такъ дуракъ ли онъ—свое имя хрещеное подъ тѣмъ поклепомъ ставить? Ужъ, лучше, штобы слѣды замести, онъ врага, супротивника Артемона имя проставить...

— Во-во... и я такъ мыслю, боярыня. Гляди, и написано ужъ: „твой, осударя великаво, рабъ недостойный Артемошка“... Вотъ; написалъ.

— Слава те, тетереву... Другой лоскутъ харатейный бери. Еще одну съ энтой пишу строчи. Да, поживѣе. Въ церковь мнѣ пора. И то съ тобою время упустила, грѣшница я великая, часовъ положенныхъ не молила...

И, пока бояринъ быстро переписывалъ копію съ доноса, старуха, обратясь лицомъ къ иконамъ, усердно шептала молитвы, перебирая узлы лѣстовки.

— Готово,— складывая оба доноса въ видѣ писемъ,— сказалъ бояринъ.

— Ну, и ладно. Вотъ, воску бери. Припечатай. Нажми хошь купейкой на мѣсто печати. Такъ. Ишь, какъ Егорій-то вышелъ. Да пошлетъ онъ намъ, скоропомощникъ,

надъ врагами одолѣніе, —отрываясь отъ молитвы, распоряжалась старуха.

— Надписывай цыдулы-то... „Писаніе сіе о словѣ и дѣлѣ государевомъ и достойно поднести царю, али ближнему челоуѣку царскому, не смотря отнюдь, въ тайну велику не вникаючи“. Такъ. Кому же довѣрить все дѣло мыслишь? Помни, Богдаша, за воровски писанья за подметныя —и животы всѣ отнять у тя могутъ и заточать на весь вѣкъ... Съ оглядкой дѣло верши.

— Ну ужъ, не учи, боярыня. Не овсе и глупъ я... Вотъ, сама поглядишь, коли охота, на челоуѣчка на мово.

— А онъ поблизу, дворовый? Съ „верху“, али въ теремахъ?.. Ну, кажи... И то —погляжу, кому ты такъ увѣровалъ?

— Увидишь. Свою дѣвку посмышленнѣй да повѣриѣе спосылай въ трапезню въ людскую. Челядь тамъ вся дворцовая, гляди, за столами теперя. Время самое. Пуцай Сеньку-Вятича, истопника палаты постельничьей вызоветъ умненько, сюды приведетъ. Ровно бы за дѣломъ какимъ. Родня бы зоветъ, али бо што...

— Сдѣлаемъ, не учи...

Старуха поднялась, покликала за дверь:

— Федоску мнѣ позвать.

Сказала — и сама скрылась за дверь, чтобы лишнія очи не видѣли и не знали: кто сидитъ у боярыни, съ кѣмъ она долгія, потаенныя рѣчи ведетъ.

Черезъ минуту старуха вернулась въ горницу. Съела, снова принялась шептать молитвы.

Хитрово подвинулъ къ себѣ тяжелую Библію, лежащую на столѣ, раскрылъ, раньше сунувъ оба письма подъ книгу, и сталъ перечитывать давно-знакомыя священныя преданія. Говорить обоимъ больше не о чемъ было.

Такъ прошло около четверти часа. Раздался стукъ въ

дверь, и сильный, молодой мужской голосъ нараспѣвъ произнесъ обычную молитву:

— Во имя Отца и Сына и Духа Свята...

— Аминь... Входи, хто тамо?.. Ково Богъ даетъ?— отозвалась боярыня.

Дверь распахнулась, снова закрылась и у притолки обрисовалась фигура парня, лѣтъ 25, одѣтаго просто, но очень чисто, даже щеголевато.

Сукно на казакинѣ тонкое. Воротъ рубахи былъ такъ красиво и тонко расшитъ, что невольно всѣ обращали вниманіе на художественную работу. Свѣтлые волосы были приглажены. Усы и бородка едва пробивались. Скуластое, некрасивое, но очень доброе лицо словно озарено было открытыми голубыми глазами. Невысокій, но широкоплечій, грудастый парень производилъ впечатлѣніе очень сильнаго челоуѣка, не знающаго о своей силѣ, не дорожащаго ею. Переминаясь съ ноги на ногу, онъ, послѣ обычныхъ поклоновъ, мѣлъ въ рукѣ свою шапченку и ждалъ, о чемъ его спросять.

Особенно расцвѣло его лицо и усерднѣе обычнаго добилъ онъ челомъ, когда узналъ за столомъ фигуру боярина Богдана Матвѣича.

— Здорово, Сеня, — ласково обратился къ истопнику Хитрово. — Какъ здоровъ, парень? Какъ Паранька твоя? Сказывай.

— Живемъ, покуль Богъ милуетъ. Твоими молитвами да заступой, бояринъ ласковый, — нараспѣвъ, по-вятски отвѣчалъ истопникъ. — Богъ милости послалъ: сынишкомъ наградилъ, слугой тебѣ вѣрнымъ — вечеръ только... первенькимъ... — словно не вытерпѣвъ, съ поклономъ доложилъ счастливый отецъ, и лицо его буквально просіяло, голубые глаза стали лучистыми, будто загорѣлись внутреннимъ яркимъ огнемъ.

— Поздоровь тебя, Боже, и съ подружіемъ твоимъ. Крестить зови, коли такъ. Слышь не откажу... Да, буде, неча половицы лбомъ пробивать, — съ улыбкой произнесъ Хитрово, поднимая Сеньку, который при неожиданной милости такъ и ринулся въ ноги боярину. — Буде, буде! Встань! слышь!—отымая полу кафтана своего, которую цѣловалъ парень, приказалъ бояринъ.---Ты мнѣ не поклонами—дѣломъ окажи: готовъ ли на послугу.

— Господи... да я... Да, въ огонь... да, повелишь—душу свою... да...—началъ было парень...

— Ладно. Помолчи. Слушай, што скажу. Сдѣлай, какъ велю... Вотъ, и увижу, такъ ли все оно.

— Приказывай, — только и отвѣтилъ парень. И въ этомъ одномъ словѣ было такъ много искренности, готовности и силы, что бояринъ невольно переглянулся со старухой, которая съ одобрительнымъ видомъ закивала ему головой, словно говоря племяннику:

— Можешь. Смѣло довѣрайся парню.

— Ладно. Поглядимъ, сказалъ слѣпой. Только, напередъ, знай, Сенька. Дѣло такое... Мнѣ—пыткой, тебѣ—головой за него не заплатитъ бы... И клятву... закліаніе великое принять придется...

— И закліаніе не надо. Моя голова—за тебя пушай, бояринъ. Безъ твоей помочи—ни радости-бъ намъ не знать съ Парашей. И на свѣтѣ меня бы ужъ не было. Не свое—твоей головой челомъ тебѣ бью. Твори, што хочешь. И клятву дамъ, хошь на пречистомъ тѣлѣ Христовомъ, на Честномъ Крестѣ Ево... Што повелишь —сдѣлаю. Пытать стануть—про тебя словечка не скажу...

— Ладно, ладно... Оно все и добромъ, гляди, можетъ завершиться... Тогда —тебѣ такія милости будутъ, што и во сняхъ не видалъ...

— Приказывай, бояринъ...

— И тебѣ, и женкѣ твоей... И крестнику моему. О немъ ужъ особливо подумаю...

-- Приказывай, бояринъ.

— Ладно, ладно, не спѣши. Все обсказать надоть... Когда чередъ твой печи топить въ опочивальнѣ въ царской? Скоро-ли.

— На утро, государь.

— Инъ, и добро. И мой чередъ на утро же съ докладомъ у царя быти. Видимо — Господь ведетъ. Вороги на насъ, на меня, на весь родъ нашъ взялись. Сбыть ихъ надо, Семенушка. Допоможешь-ли? Ась?

— Приказывай, бояринъ. Глазомъ мигни. Живымъ казнаво руками разорву. Зубами заѣмъ...

— Рвать не придется. Каты ихъ порвутъ, мастера заплечные, палачи осударевы. Лихъ, сильны вороги. Умненько треба дѣло вести... Допоможешь-ли, Сеня?

— Приказывай, бояринъ...

— Ну, видно, и въ правду доброхотъ ты намъ, всему роду нашему. Идемъ, при иконахъ, при святыхъ, на Честномъ Крестѣ да на Евангеліи обѣтъ дай...

Парень быстро двинулся къ переднему углу, гдѣ, озаренныя тихимъ свѣтомъ лампы, поблескивали своими чеканными окладами образа, украшенныя жемчужной обнизью и дорогими камнями.

— Мощи тамо въ ковчегѣ, бояринъ... Въ затворѣ, за Николой-угодникомъ, — отозвалась старуха, внимательно слѣдившая за всѣмъ, что тутъ произошло.

— И мощи прихватимъ, боярыня. Благодарствуй...

И, ставъ на колѣни рядомъ съ парнемъ, поблѣднѣвшимъ, трепещущимъ, словно въ лихорадкѣ, — бояринъ сталъ говорить слова присяги, которую тотъ внятно повторялъ, не сводя глазъ съ иконъ и осѣняя себѣ грудь частымъ, размашистымъ крестнымъ знаменіемъ...

Ранымъ-рано, часу въ шестомъ утра, по обычаю, — собрались на совѣтъ царскій, въ кремлевскій дворецъ всѣ главнѣйшіе бояре.

Вершники провожаютъ колымаги, въ которыхъ сидятъ бояре болѣе пожилые, или къ верховой ѣздѣ не привычные.

Кто помоложе — тѣ верхами, тоже съ большой свитой подѣзжаютъ ко внѣшнимъ воротамъ новаго кремлевскаго дворца. Здѣсь — всѣ выходятъ изъ колымагъ, слезать съ коней, оставляютъ челядь на дворцовыхъ дворахъ и идутъ полуосвѣщенными дворами и внутренними переходами къ Грановитой палатѣ, гдѣ совѣтъ собраться долженъ.

Тишина царитъ во всемъ Кремлѣ. Только стражники на стѣнахъ время отъ времени перекликаются. Во дворцѣ — тоже тишина. Еще спятъ всѣ почти, кромѣ царя, который раньше обычного поднялся, отстоялъ раннюю службу и въ совѣтъ собирается. Низенькіе покои еще слабо озарены свѣтомъ восковыхъ свѣчей и сіяніемъ большихъ, неугасимыхъ лампадъ, зажженныхъ передъ кіютами почти въ каждой горницѣ.

Тишину здѣсь нарушаетъ только веселое потрескиваніе дровъ въ печахъ — голандкахъ, помѣщенныхъ по угламъ небольшихъ покоевъ. Изразцы печей, цвѣтные и глянцевобѣлые, покрыты разными узорами, аллегорическими рисунками или причудливыми разводами.

Въ самой опочивальнѣ царя Алексія тоже огонекъ потрескиваетъ. Готовый къ выходу, царь стоитъ въ раздумьи, поглядывая на огонь. Любитель охоты, особенно смолоду, онъ и зной и холодъ легко выносилъ въ полѣ. А у себя, въ опочивальнѣ — больше всего любитъ, чтобы тихо и тепло было. Заглядится на пламя — и что-то далекое, полупозабывшее, какъ юность, — видится ему въ переливчатыхъ струйкахъ веселаго огня.

Отпустивъ и постельничаго, и оружничьяго своего, которые помогали одѣваться Алексію для выхода въ совѣтъ,— онъ стоитъ, опираясь на небольшой царскій посохъ и слушаетъ, что говорить Богданъ Матвѣичъ Хитрово, обязанный, какъ дворецкій, сопровождать государя во время выхода.

— Такъ, баешь ты, Матвѣичъ, — отъ Ганзы да отъ дуки Голстинскаго — добрыя вѣсти дошли до Нащокина... Можетъ, дѣло, кое при царѣ покойномъ, при нашемъ родителѣ добраго конца не имѣло, — теперь наладится... Торгъ персической черезъ наши земли вести таки нѣмцы хотятъ. Ладно. А отъ англійскаго короля — тоже, слышь, присылъ есть.

— Есть, осударь. Нынче и будетъ тебѣ сдоложено... И о торгѣ бѣломорскомъ, архангельскомъ. И о людяхъ разныхъ, кои твоему царскому величеству и въ ратномъ дѣлѣ и въ обиходѣ царскомъ надобны. Обѣщаютъ помѣхи не чинить, прислать, ково надобе... Гордоновъ полкъ и Макдунальдовъ, гляди, пополниться.

— Въ часъ добрый. Лихіе войны-агличане да шотландцы. Вѣрный, надежный людъ... А, слышь: Артамону знать дадено? Будетъ ли? Ему то про дѣло знать вѣдомо. Онъ первый намъ все дѣло налаживалъ.

— Дадено... знаетъ, будетъ, — съ трудомъ скрывая недовольство, отвѣтилъ Хитрово и, словно желая поторопить царя, или обратить его мысли въ другую сторону, сказалъ:

— Какъ-же прикажешь? Поспрошать пойти: съѣхались-ли бояре, али погодить малость? Кабыть, и время, пора всѣмъ быть.

— Инъ, и то, узнай, поди, бояринъ. Спосылай ково изъ моихъ.

— Слушаю, осударь. Мигомъ узнаю...

Хитрово вышелъ изъ опочивальни въ сосѣдній покѣй,

а царь опустился въ лѣнивомъ раздумьи на кресло, стоящее противъ огня.

Хотя и привыкъ богомольный государь рано вставать на молитву зимою и лѣтомъ, все-таки — хотѣлось порою отдохнуть, лишній часъ полежать на ложѣ, подумать такъ, ни о чемъ, не о дѣлахъ такихъ тяжелыхъ и важныхъ, которыя неразрывно связаны съ царствомъ...

Вотъ и сейчасъ такое же настроеніе нашло на Алексія. Онъ призакрылъ было глаза, уставился въ огонь, стараясь тамъ отыскать тѣ-же фантастичныя картины и образы, какія порой видѣлъ ребенкомъ, даже юношей.

Но неожиданно дверь быстро распахнулась и поспѣшно вернулся въ покой Хитрово. Его лицо и всѣ движенія явно выражали какую-то тревогу.

— О, Господи! Што такъ скоро повернулъ? Неужъ про все развѣдалъ? Да, не бѣда-ли какая?.. Лица на тебѣ нѣтъ, боя... Стой... Што въ рукѣ за харатейки у тея. Покажь. Не мнѣ ли несешь?.. Кажи, скорѣе... Ухъ, даже въ потъ кинуло... Смерть не любы мнѣ таки дѣла нежданнны-негаданнны. Да, што молчишь? Скажи, бояринъ. Али не мнѣ цидулы?.. Што съ тобой? Не томи, пожалуй.

— Прости, осударь. И въ умѣ нѣтъ тово... Тебѣ, видать, писемца энти. Хоша, и не знаю: давать ли... Подвоху нѣтъ-ли... Ишь, надпись больно мудрено поставлена... Подметныя письма то, воровскія... Вотъ што, осударь, — наконецъ, словно овладѣвая собой, рѣшительно и твердо произнесъ бояринъ.

— Письма... воровскія... мнѣ?.. Ну, раскрой, читай... Погляди, што тамо... Али, нѣтъ... Пожди... Дай сюды... Самъ я... Може, и въ правду, што такое... Лихъ, погляди напередъ: зелья какова въ нихъ не сыпано-ль?.. Раскрой таки... Такъ... Нѣтъ ничего... Поди, подъ иконы положи... Животворнымъ Хрестомъ накрой. Вонъ, тѣмъ, отъ Древа

Животворяща который... Ежели чары въ письмѣ — разрушить ихъ святая сила... Добре, давай сюды...

И съ опаскою взявъ письма, онъ сталъ читать одно изъ нихъ, пробѣгая строки глазами и въ тоже время безсознательно шепча однѣми губами, не то заклинаніе, не то — молитву:

— Чуръ меня, чуръ, отъ всякого чура, отъ глазу и лиха... Спаси, Господи, люди твоя... Отведи отъ уразу, отъ злова, наведи на врага, на лихова...

Чѣмъ дальше читалъ Алексій, тѣмъ медленнѣе шевелились его губы... Быстрѣе и внимательнѣе заскользили глаза по четкимъ строкамъ безымяннаго доноса.

Въ молчаніи дочелъ и перечелъ онъ первое письмо, началъ второе, убѣдился, что оно тождественно съ первымъ, но все таки, прочелъ до конца. Вглядѣлся въ подпись, словно она особенно поразила его.

Силенъ врожденный страхъ, присущій людямъ русскимъ, страхъ порчи, наговора, чаръ и отравы тайной. Всѣ дрожать, всѣ знакомы съ этимъ темнымъ явленіемъ, въ особенности-же—государи московскіе...

Но къ волнѣ безотчетнаго страха, овладѣвшаго Алексіемъ, прибавилось и другое, не менѣе сильное и болѣзненное ощущеніе:

— Враги довѣдались, что ему, царю, дороже всего на свѣтѣ. И теперь — посягаютъ на это... Очевидно, сильные враги, если...

Сразу оборвавъ нить своихъ думъ, царь спросилъ Хитрово:

— Гдѣ письма подыманы? Кѣмъ найдены?

— Сенька Вятчъ, истопникъ нашелъ. А гдѣ—поспросать не поспѣлъ. Къ тебѣ, осударь-батюшка, заспѣшилъ. Да, Сенька тута... Самъ опросить не изволишь-ли?

— Зови, веди скорѣе,—приказалъ поспѣшно Алексій

съ необычнымъ порывомъ, съ необычной крѣпостью въ голосъ. Словно и не онъ это, такой медлительный, осторожный, размѣренный всегда и во всемъ, даже во время гнѣва, или пировъ своихъ, когда хмель вступалъ въ его уравновѣшенную голову.

Хитрово поспѣшно вышелъ.

Прерванные на мигъ, думы снова связной вереницей задвигались въ мозгу.

Первая догадка, значить, была справедлива... Истопникъ постельничій, Сенька письма нашелъ. Значить, совсѣмъ близко отъ царя они подброшены... И, конечно, только очень близкіе, сильные люди—могли ихъ подбросить въ такой близости отъ царской опочивальни. Эти люди—на все пойдутъ.

Они все могутъ, эти князья и бояре московскіе... Могли-же они погубить умнаго, хитраго, способнаго на многое, Годунова... Посадили на тронъ и смели потомъ, какъ щепку, Шуйскаго... Вызвали тѣнь Димитрія и убрали ее, когда показался имъ неудобенъ Самозванецъ, этотъ отважный проходимецъ съ темнымъ прошлымъ и гордой душой... Посадили они на царство и Михаила... Связали разными записями да опекой явной и тайной, такъ что покойникъ былъ куклой на тронѣ, а правили они... Женъ, невѣсть отымали у царей, если не угодны были эти избранницы вліятельнымъ князьямъ и боярамъ... У него самого, у Алексія—отняли уже одну подругу желанную, Евфимію, дочь Рафа-Федора Всеволожскаго... Чуть не силкомъ повѣнчали съ кроткой, но не любимой имъ, Марьей Ильинишной...

Привыкъ къ ней Алексій. Прожили хорошо они много лѣтъ. Умерла парица. Снова манитъ царя мигъ счастья испытать, по душѣ избрать себѣ подругу. Невыгодно это боярамъ. Кому только? Многимъ, или одному-двумъ, кото-

рые своихъ невѣсть прочать Алексію. Вызвать надо. Тогда и поступить, какъ лучше.

Такъ порѣшилъ царь и уже могъ спокойнѣе встрѣтить Хитрово, который вернулся въ сопровожденіи Сеньки-истопника.

Выждавъ, когда послѣ земного поклона парень всталъ на ноги, не распрямляя согбенной спины, не подымая опущенной головы, Алексій, придавая строгость и внушительность своему глухому, хрипловатому голосу, спросилъ:

— Гдѣ цидулы нашелъ? Какъ дѣло было? Правду говори. Не самъ ли подкинулъ? Помни, передъ царемъ, какъ передъ Богомъ ты долженъ... Какъ на духу передъ попомъ... Ну, сказывай.

Хитрово не даромъ поспѣшилъ при себѣ поставить парня на очи царскіе. Будь Алексій проникательнѣе, не была бы такъ потрясена его собственная душа, онъ легко могъ бы замѣтить, что не простое смущеніе мѣшало прямому, честному парню отвѣтить на вопросъ государя.

Нѣсколько разъ глотнувъ воздухъ совершенно-пересохшими, поблѣднѣлыми губами, парень наконецъ съ какой-то отчаянной рѣшимостью поспѣшно заговорилъ не своимъ, заданнымъ голосомъ, каждый звукъ котораго приходилось ему выталкивать изъ перехваченнаго судорогою, горла:

— Сѣньми иду, во палату, въ Грановитую, государь великій... Какъ совѣту нонѣ тамъ быть надобе... Протопить, молъ, царь-батюшка... какъ оно водится... Дровецъ у печи скинулъ оберемъ... Гляжу, осударь милостивый,—бѣлѣца на рундукѣ, ровно бы лоскутъ какой. Посвѣтилъ я ближе свѣтцомъ своимъ, гляжу: писемцо невелико. Оторопь, жуть меня взяла, царь-государь. Очамъ не вѣрю. Зову сторожу, шатерничихъ, што тутъ были, въ сѣнцахъ же. Глядимъ—вправду: харатейка. Прочелъ одинъ тутъ, пограмотнѣй. „Царю,—баеть,—въ руки надоть. Боярину-оруж-

ничьему, Богдану Матвѣичу, глї, передадимъ“.—Про меня спросили: звать какъ? Кто я? Я и сказалъ... Печь затопилъ, далъ иду. На Постельно, на крыльцо прошелъ. Оттоль—въ Палату въ Шатерную. Печи пора-де закутывать. Гляжу, озираюся. Сердце уже не на мѣстѣ. А въ сѣнцахъ-то въ проходныхъ, гляжу, глазамъ не вѣрю... Къ притолкѣ, воскомъ—въ другорядъ хартїя прилѣплена... И съ первой—схожая. Я и не тронулъ. Сызнова сторожей кликнулъ. Они сами и отлѣпили граматку отъ притолоки. Все боярину, слышь, передали. А я ужъ на готовѣ и то былъ. Коли, слышь, государь, къ распросу поведутъ... Вотъ и я... Какъ передъ тобою, государь великій, такъ и передъ Богомъ. Хошь, пытай, хошь—казни. Твоя воля и Божья. А никакова лиха и лукавства, царь великой, нѣту на мнѣ. По присягѣ творю. Што нашелъ, тово не утаилъ...

Съ послѣдними словами—самообладаніе или рѣшимость отчаянія, очевидно вернулись къ парню. Онъ снова метнулся въ ноги царю, всталъ и застылъ въ ожиданіи дальнѣйшаго, спокойный и неподвижный, какими должно быть въ старыя годы стояли безъ вины осужденные передъ мученьями и казнью.

Внимательно, долго вглядывался ему въ лицо Алексій. Опушенныхъ къ землѣ глазъ не было видно. Но лицо спокойное, хотя и очень блѣдное. Молодое такое, не лукавое. Только скорбныхъ двѣ складочки по краямъ губъ пролегли. Такъ у дѣтей бываетъ, когда заплакать они хотятъ, но сдерживаются почему нибудь.

— Ладно, Семенъ. Повыйди теперя. Ступай. Да, поблизу, слышь, будь. Пока не будетъ тебѣ отпуску отъ насъ,—приказалъ царь.

Еще разъ ударилъ челомъ парень и, пятась къ дверямъ, скрылся за ними.

— Ну, што ты скажешь, бояринъ?—послѣ небольшого молчанія обратился къ Хитрово Алексій.

— Не вѣдаю, што и въ хартіяхъ писано. А все-же скажу: видимо дѣло: злые составы (заговоры) составлены, гвоей царской милости на ущербъ да на горе какъ-никакъ... Разобрать дѣло надобно.

— И то, бояринъ, не чель ты еще. Вотъ, погляди, пораздумай: и слыхомъ не слыхано было досель порухи такой имени царскому на Руси, во царствѣ во всемъ московскомъ искони бѣ... И до нынѣ. Много слыхиваль, а такова не вѣдаю, и въ записяхъ царскихъ не читываль. Чаю, и никому не доводилось...

Взялъ Хитрово письма, поданныя ему царемъ, пробѣгаетъ глазами и чувствуетъ на себѣ пытливый, упорный взоръ царя.

Не выдержалъ бояринъ, оторвалъ глаза отъ бумаги, осторожно поглядѣлъ на Алексія. А тотъ — въ огонь вовсе глядитъ. Обѣ руки на посохъ свой положилъ. И руки вздрагиваютъ, и посохъ слегка колеблется.

— Экъ напугался, — думаетъ бояринъ. — Энто—ладно. Зануздаемъ дружка...

И снова быстро заскользилъ глазами по знакомымъ строкамъ, соображая въ то же время, какъ дѣло дальше повести.

А Алексій, только на мгновеніе устремившій глаза въ огонь, когда замѣтилъ, что бояринъ оглянуться хочетъ на него, — опять не сводитъ испытующихъ глазъ съ Хитрово, осторожно, исподлобья глядитъ, готовый каждое мгновеніе снова отвести взоры.

Всѣ подозрительны царю, а Хитрово—особенно. Только слишкомъ силенъ бояринъ, и самъ по себѣ, по сану, по выслугѣ своей многолѣтней. И по тѣмъ связямъ, по родству, которымъ, какъ корнями — раскинулся онъ во всѣхъ

отрасляхъ московской государственной жизни. Конечно, ему больше всѣхъ непріятно и невыгодно будетъ, если царь женится не на той, кого подставить этотъ бояринъ. Понимаетъ все Алексій. Но съ такимъ противникомъ опасно прямо вступить въ борьбу. Да и вызнать дѣло надо. Вотъ почему украдкой только наблюдаетъ за бояриномъ царь. И видитъ: слишкомъ поспѣшно что-то пробѣгаетъ глазами ужасныя строки Хитрово. Словно впередъ знаетъ, что тамъ писано. Правда, четкое письмо. И наторѣлъ бояринъ въ чтеніи всякихъ челобитныхъ.

А, все-таки,—эта быстрота—черта значительная. Такія письма надо внимательно читать, въ каждую букву надо вглядываться, если они не знакомы были прежде...

И неясное раньше, безотчетное подозрѣніе — вдругъ до боли ощутительно охватило и стало давить грудь Алексію.

— Не онъ самъ, такъ ихъ кучки, боярской дѣло... Ихъ рукъ работа,—совсѣмъ увѣренно рѣшилъ въ умѣ царь.

И въ силу этой самой рѣшимости—особенно довѣрчиво и ласково зазвучалъ его вопросъ, когда кончилъ чтеніе бояринъ:

— Што же?.. Какъ мыслишь?.. Што скажешь, Богданушко?.. Порадь бояринъ... На тебя одново надѣя... Какъ твоя дума: съ какова краю камень брошенъ? Правда али поклепъ тутъ писанъ?.. Самъ — не чую, не пойму. Больно духъ смятенъ во мнѣ. На тебя на единово надѣя, какъ другъ ты мнѣ и роду нашему давній и вѣрный, гляди, што единый. Порадь, Богданушка.

Лицо боярина совсѣмъ расцвѣло и просіяло.

— Твой рабъ, слуга твой вѣрный, осударь. По гробову доску. Розыщемъ, изловимъ составщиковъ... Не трудно намекнуться: хто тутъ всему дѣлу заводчикъ? На Матвѣева гляди весь той поклепъ... али—правдишній доносъ... Коли

оно правда—и правды оберечися можно... Коли поклепъ?.. Кому иному клепать надоть, коли не родичамъ невѣстнымъ, изъ тѣхъ, хто по нраву тебѣ особливо пришелся, акромѣ Натальи Нарышкиныхъ. Слухъ словеть, што ей, гляди, Натальѣ, колечко да ширинку подати собираешься... Царицей наречи Московской изволишь? Сказалъ Хитрово—и передышку сдѣлалъ, словно ждеть: подтвердить или отрицать станетъ царь такое предположеніе.

Но Алексій держится насторожѣ. Не шевельнется ни одинъ мускулъ на лицѣ его. Онъ весь—обратился во вниманіе и тоже ждеть, что дальше будетъ толковать этотъ оракулъ дворцовый, старый честолюбецъ, Хитрово.

И бояринъ, нѣсколько разочарованный, продолжалъ:

— А ины бають: Бѣляева Овдотья тебѣ болѣй полюбилася... Да, слышь, Артемонъ Матвѣичъ, какъ слуга любимый твоео царскаво величества, ей путь застилаеть, на свое тянеть... Вотъ... какъ мыслишь, осударь: кому корысть выходить: поклепы одинъ на другаго возводить?.. Али—правду лихую тобѣ, милостивецъ, объявити?.. Коли оно правда истина все, што тутѣ на Матвѣева писано...

— Поклепъ... истинно... Такъ, вѣрное твое слово, бояринъ,—ласково, протяжно, словно погружаясь въ глубокую задумчивость, повторяеть царь.

Но напрасно теперъ Хитрово въ свой чередъ старается взоромъ прочесть: что творится въ душѣ повелителя? Лицо царя словно застыло. Ни единая мысль, ни самое мимолетное ощущеніе не отражается на немъ.

— Надо быть, съ перепугу—въ себѣ укрылся Алеша,—думаетъ лукавый дворцовый затѣйникъ. — Али бо — меня обойти осударь собирается,—какъ проблескъ молніи — озаряеть умъ Хитрово справедливое подозрѣніе.—Ишь, нигдѣ инако, здѣся, въ Кремлѣ, при отцѣ съ матерью, среди насъ вырость

осударь. Може и чуетъ правду, да виду не подаеъ, изловить хочеть...

Подумаль это Хитрово—и невольная тревога заметалась въ его душѣ, отражаясь и въ глазахъ, которые, противъ воли, заморгали, словно забѣгали. Замѣтилъ и это Алексій. Еще тѣснѣе, еще больнѣе стало у него въ груди. А самъ такъ ласково говорить:

— Вижу, нѣтъ мнѣ друга милѣе, охраны вѣрнѣе, ничѣмъ ты, бояринъ. Инъ, добро. Тако и буде, какъ ты говоришь. Пока, слышь, въ совѣтъ пойдѣмъ. Тамъ, гляди, тревожиться учнуть. Иноземны послы тамо. Не гоже больно долго ждать ихъ неволить... А послѣ совѣту... Какъ потрапезуешь... загляни, свѣтъ, сызнава ко мнѣ... Пообсудимъ: какъ и што?.. По горячимъ слѣдамъ искать надобно.

— Твоя правда — истинная, осударь... Твой слуга. Шествуй со Господомъ. Въ-часъ добрый.

И распахнувъ дверь, онъ придержаль суконный занавѣсъ, пока царь перешагнулъ за порогъ въ сосѣдній покой, гдѣ уже ждало нѣсколько человекъ изъ ближнихъ царскихъ слугъ, чтобы провожать Алексія по длиннымъ, извилистымъ дворцовымъ переходамъ въ Грановитую палату, на большой совѣтъ боярскій, на тайную аудіенцію иноземныхъ пословъ.

Палата была довольно хорошо озарена и люстрами, вродѣ паникадилъ, свисающими со сводовъ, и многосвѣщниками, канделябрами самого разнообразнаго вида, мѣдными, чеканными и рѣзными, изъ рога, изъ кости, изъ дерева. Они стояли и по угламъ, и у тяжелыхъ колоннъ, подпирающихъ грузные своды.

Вся царская дума была ужъ на лицо. Грузинскій царевичъ, Николай Давидовичъ, царевичи: Касимовскій, Василій Араслановичъ и Сибирскій, Петръ Алексѣевичъ съ братомъ Алексѣемъ, князья: Василій Ростовскій-Пріимковъ, Федоръ Ромодановскій, Петръ и Борисъ Львовы, Григорій Козловскій,

Урусовъ Петръ, Хилковы, отецъ Василій съ сыномъ Яковомъ, Григорій Сунчалеевичъ Черкасскій, Шереметьевъ Петръ, Юрій Никитычъ Хворостынскій. Бояре: Андрей Бутурлинъ, Толстой Андрей, Иванъ Бутурлинъ, Акинфовъ, Смирной-Свиньинъ, Кирѣевскій, дворяне-стольники: Наумовъ, Алексѣй Шеинъ, Борисъ Бутурлинъ, два брата Нарбековы, Лопухинъ, Леонтій. За ними — думные дворяне — братья Головины, Александръ Севастьянычъ Хитрово, Артамонъ Матвѣевъ, съ ними — думные дьяки дежурные: Карауловъ, Григорій, Дохтуровъ, Герасимъ, Голосовъ, Лукьянъ и дьякъ Приказа Великаго Государя Тайныхъ Дѣлъ—Федоръ Михайловъ.

Старецъ, дьякъ думскій, Алмазъ Ивановъ, знатокъ восточныхъ многихъ нарѣчій, занимавшій мѣсто „печатника“ (канцлера царскаго), еще при покойномъ Михаилѣ, — тоже пришелъ. О восточныхъ дѣлахъ толкъ будетъ. И его совѣты понадобятся. Да и разузнать интересно старику: въ какомъ положеніи дѣло со смотринами царскими. Вѣдь внучка Алмазова тоже попала въ число дѣвицъ, допущенныхъ ко вторичнымъ смотрамъ. Гдѣ же, какъ не здѣсь узнать: есть ли надежда для любимой внучки надѣть царскій блестящій вѣнецъ и оплечья парчевыя, златокованныя?

Пока царь мимо бояръ, почтительно склонившихъ головы, проходилъ на свое мѣсто и усаживался на невысокій тронъ, — Хитрово, тоже проходившій степенно на свое мѣсто, задержался близъ стола, за которымъ сидѣлъ Федоръ Михайловъ, шепнулъ ему что-то и передалъ тотъ списокъ подметнаго письма, который царь не взялъ у него изъ рукъ.

Другой списокъ остался у Алексѣя. Царь сунулъ его въ карманъ своего кафтана уже на ходу.

Принявъ благословеніе отъ митрополита Новгородскаго, Питирима, который съ чудовскимъ архимандритомъ и еще нѣсколькими представителями духовенства сидѣлъ особнякомъ,

какъ представитель церкви Христовой въ совѣтъ царя, — Алексій подалъ знакъ.

Дьякъ поднялся и объявилъ:

— Соизволеніемъ Божиимъ и царскимъ велѣніемъ царевой думѣ началу быти.

Одинъ изъ посольскихъ дьяковъ съ приставами — вышелъ, чтобы вести пословъ, которыхъ слѣдовало принять царю.

Дохтуровъ поднялся и сталъ читать столбецъ со справкой по очередному дѣлу: о новомъ торговомъ договорѣ съ его величествомъ шахомъ персидскимъ.

Пока по всей палатѣ разносилось звучное, но монотонное, усыпляющее чтеніе дьяка, — Алексій что-то шепнулъ „жильцу“, юношѣ — рындѣ, Ромодановскому, который еще съ другими пажами стоялъ за трономъ царя, — и князекъ, пробравшись между думныхъ дворянъ, передалъ сказанное Матвѣеву.

Матвѣевъ сейчасъ-же поднялся и незамѣтно постарался пройти къ трону, гдѣ и сталъ по правую руку.

Слегка обернувъ голову къ своему любимцу, Алексій негромко сказалъ:

— Какъ дума кончится — пройди къ моимъ покоямъ. Пожди тамо. Дѣло есть не малое. Потолкуемъ.

Матвѣевъ уже успѣлъ узнать о подметныхъ письмахъ, найденныхъ во дворцѣ. Чувяль, что ударъ — не можетъ миновать его и очень тревожился.

Приглашеніе Алексія и порадовало и встревожило его.

Склонивъ почтительно голову вмѣсто отвѣта, — Матвѣевъ пошелъ на свое мѣсто, раздумывая:

— Что значитъ такое приглашеніе? Сдѣлано оно явно. Милость это новая, или предстоитъ суровый допросъ со стороны самого государя, который очень любилъ самъ творить судъ и расправу, не только въ своемъ домашнемъ, дворцовомъ обиходѣ, — но и въ государственныхъ и гражданскихъ дѣлахъ.

Какъ царю—мало дѣла предоставлено Алексію. Вотъ дума засѣдаетъ. Дѣла докладываются. Бояре свои голоса подаютъ. Люди поопытнѣй, или посильнѣе, за которыми — кучка присныхъ помноголюднѣй числится, — эти люди свои мнѣнія высказываютъ. Кто какимъ отдѣломъ въ управленіи царствомъ завѣдуетъ — или спорить, или соглашается съ высказанными мнѣніями. И рѣшается все помимо царя, часто даже—вопреки его личнымъ желаніямъ или выводамъ. Что онъ можетъ? Онъ знаетъ лишь то, что ему скажутъ. Можетъ лишь то сдѣлать, въ чемъ ему помогутъ другіе, такъ называемые слуги его, а въ сущности—они-то господа и надъ нимъ, и надо всей землею. Понимаетъ это Алексѣй и ничего подѣлать не можетъ. Тѣснымъ желѣзнымъ кольцомъ сплелося боярство и знать московская, духовная и свѣтская, вокругъ трона, отрѣзала его, властелина по имени, отъ земли... Землю отъ него отгородила своими рядами... Гдѣ силъ взять, чтобы порушить этотъ непроницаемый оплотъ?

Не чувствуетъ въ себѣ этихъ силъ Алексѣй. И смиряется. Терпитъ, какъ можетъ, одного лишь желая: тихо бы все было... Не очень бы тревожили своей сварой боярской его душу окружающіе всѣ... Не очень бы земля стонала и плакала на неправду на явную, на раззореніе непосильное.

И что можетъ, старается сдѣлать для этого царь Тишайшій, Алексѣй Михайловичъ.

Хитрово замѣтилъ появленіе Матвѣева за трономъ царя. Сначала нахмурился было. Но сейчасъ же успокоился.

— Кабы што для насъ дурное было, кабы таилъ што государь, не сталъ бы открыто Артемошку подзывать. Потайно призывалъ бы ево въ покои свои... Видно, на допросъ прійти ему сказывалъ. Любитъ нашъ царенька изъ себя Соломона являть... Туды-же...

И такимъ непочтительнымъ отзывомъ разрѣшивъ свою тревогу, Хитрово погрузился въ собственные расчеты и мысли, почти не слушая: что творится въ совѣтѣ? Дѣла разбирались ему извѣстныя. И всѣ почти рѣшенія напередъ были ему тоже извѣстны. Изъ всѣхъ думцевъ больше половины составляли его друзья, родичи или бояре, чѣмъ-нибудь связанные съ родомъ Хитрово.

Значить, безо всякаго предварительнаго уговора, всегда такъ станутъ дѣло вести, чтобы ему, Богдану, со всѣми присными, на пользу вышло. Это только и надо боярину. До земли, до царства—ему и нужды мало.

Стояло царство и будетъ стоять. Росло—и будетъ расти. Конечно, не смердовъ ради, не ихнимъ разумомъ, ничтожнымъ и грубымъ, а на пользу сильнымъ и многоумнымъ боярскимъ родамъ, а первѣй всего—роду Хитрово.

Теперь, когда Богдану казалось возможнымъ избавиться отъ обѣихъ нежелательныхъ замѣстительницъ покойной царицы, важный вопросъ возникъ въ умѣ боярина:

— Кого дать въ жены Алексію?

Не разъ и не два оглядѣлъ онъ всѣхъ, сидящихъ въ этой Палатѣ, у кого есть въ семьѣ дѣвушки-невѣсты.

Смотры еще не кончены. Приѣмъ не прекращенъ. Если не сыщется подходящей изъ тѣхъ, кого представляли царю, можно и новую добыть... Лучше бы, конечно, изъ незначительнаго рода, изъ своихъ доброжелателей, похлѣбниковъ, намѣтить когонибудь... Но это трудно выполнить. Другіе сильные люди не поддержатъ приспѣшника, преданнаго одному роду Хитрово...

И потъ даже прошибъ заботливаго боярина, который торопился рѣшить мудренную задачу, пока случай, или чья-либо интрига еще болѣе не усложнили ее.

А совѣтъ идетъ своимъ чередомъ. Обсуждаются дѣла, рѣшаются, какъ будетъ выгоднѣе самымъ значительнымъ

боярамъ и духовенству. Царь, конечно, могъ бы безпристрастно взвѣсить всѣ доводы за или противъ извѣстнаго рѣшенія. Но доводы ему представляются въ ограниченномъ количествѣ и все такіе, которые невольно наталкиваютъ на извѣстное, угодное сильнымъ людямъ, рѣшеніе.

И властное царское:

— Быти по сему—раздается оно торжественно, но звучить какъ-то условно. Даже словно насмѣшкой отдается оно въ душѣ самого Алексія.

Онъ понимаетъ, что не можетъ сказать: „не быти“... Не можетъ дать своего одобренія тому, чего желаетъ самъ, а не пожелаетъ, эта, сейчасъ столь покорная на видъ, но такая своекорыстно-упрямая и всеильная дума боярская, весь кругъ служилыхъ, ратныхъ и приказныхъ людей... Можно бы бороться, правда, и съ этимъ звѣремъ многоголовымъ. Но нужны великія силы, которыхъ не чувствуетъ въ себѣ Алексій.

Часамъ къ 10 кончился совѣтъ.

Царь ушелъ къ себѣ. Сѣлъ за утреннюю трапезу. Бояре всѣ разѣхались. Поспѣшно противъ обыкновенія, поѣвъ и умывъ руки послѣ стола, Алексій не легъ отдохнуть, какъ дѣлалъ это обычно послѣ совѣта и ѣды, а приказалъ позвать Матвѣева, который дожидался въ переднемъ покоѣ.

Выждавъ, когда закрылась дверь покоя за постельничимъ, Алексѣемъ Лихачевымъ, который впустилъ Матвѣева, царь заговорилъ:

— Не посѣтуй, Артамонъ, што задержалъ тебя. Гляди, и голодно тебѣ, и знать не терпится: пошто призываю?.. Да, дѣло-то больно великое. Знаешь...

— Почитай, што знаю, государь. Шепнули мнѣ пріатели. Слышь, граматы подметныя тебѣ, государь, подкинуты... Почитай, што въ опочивальнѣ самой въ твоей царской...

— Вотъ, вотъ... Ишь, какъ оно все расплывается, ровно масло по водѣ... Ничего-то не укроешь, ничевошеньки. Ровно въ ларцѣ въ стеклянномъ мы, цари, живемъ. Намъ только и видать, что поближе, а насъ всѣмъ издалека видно, и въ день, и въ ночь... Ни одна дѣла потайно не сдѣлаешь... Ну, слушай же скорѣе, покуль Богданъ Хитрой не пришелъ. Не любить онъ тебя, хоть и боится, пріязнь мою къ тебѣ знаючи. Вотъ, читай. На тебя поклепъ, подъ ваши стѣны подкопъ. Только, слышь: не повѣрю я ничему. Читай, гляди, скорѣе. Да говори, што думаешь про цидулу. Откуль камень кинуть? Отъ ково обороняться? Руки кому вязать надо.

Протянувъ письмо Матвѣеву, царь умолкъ, давая время прочесть доносъ и разобраться въ немъ.

Какъ раньше за Хитрово, наблюдалъ сейчасъ Алексѣй и за читающимъ Матвѣевымъ. только совсѣмъ съ иными чувствами и не таясь, какъ прежде.

Просто, хотѣлось видѣть Алексію, какое дѣйствіе произведетъ доносъ на Матвѣева. Всегда находчивый, ровный, недоступный дурнымъ побужденіямъ,—останется ли онъ и тутъ также невозмутимымъ? Царю казалось, что доносъ долженъ повліять на Матвѣева очень сильно, и не ошибся.

Артамонъ Сергѣичъ по нѣсколько разъ перечитывалъ инныя мѣста, видимо вглядывался въ каждое слово, какъ на полѣ битвы вглядывается человѣкъ, вглядывается въ каждую стрѣлу, пущенную по его направленію врагами... Онъ то блѣднѣлъ отъ негодованія, то краснѣлъ отъ безсильнаго гнѣва, и жилы на лбу у него наливались кровью... Онъ сталъ оглядываться, словно не могъ стоять, и искалъ, куда бы присѣсть.

— Садись, садись, Артамонъ, сидя дочитывай. Нихто не войдетъ, нихто намъ не помѣшаетъ. Я ужъ приказъ

далъ. Это—я могу приказать,—съ какой-то горькой усмѣшкой промолвилъ Алексій.

Не отвѣчая ничего, Матвѣевъ опустился на скамью и дочиталъ письмо. Наступило небольшое, тяжелое молчаніе.

Первый прервалъ его Матвѣевъ.

— Какъ же быть теперя, государь?—хриплымъ, упавшимъ, чужимъ какимъ-то голосомъ спросилъ Матвѣевъ.

— М-да. Какъ намъ быти теперя, Сергѣичъ?—переспросилъ царь.—Видишь, скорпіоны ополчились на насъ... Обороняться надо. Да, какъ... И отъ ково? Хитрой, вонъ, ладить: Бѣляевой дядя, Шихаревъ, слышь со своими, слышь, на тебя идутъ. А моя дума,—тутъ и позначиѣ хто въ долѣ... Вотъ... Какъ по твоему, а?

— Да, ужъ не безъ тово. Самъ знаешь, государь, какіе люди кругъ тебя. Много мы съ тобой говаривали... Да, я не про то... Оно, такъ скажемъ, поклепу на меня, будто я на здравіе твое царское помышляю... Корни да травы чародѣйныя берегу да тебя окармливаю... Тому, не то твоя царская милость, а и вороги мои вѣры не возмуть... А вотъ... тутъ иное еще... Про дѣвицу нашу непорочную... Про Наташу... Ее чернять... Быдто... словно-бы... И, не желая говорить отъ себя, — Матвѣевъ съ трудомъ, съ видимымъ омерзениемъ сталъ перечитывать нѣкоторыя строки изъ доноса.

— „Дѣвица та — вѣдовствомъ да колдовствомъ потщила сердце и разумъ свѣтлый царскій затѣмнiti... Приворотила ево разными бѣсовскими волхвованіями... А сама — блудница бѣсовская и вѣдьма заклятая вѣдомая... Ото многихъ свѣдковъ уличена, што не толико на шабашъ летала, но и съ воинами иноземными, кои въ домъ хитреца Матвѣева вхожи—разны игры нечистыя играла, многимъ, яко невѣста, въ жены ся общала. И выше всякой мѣры опозорена есть... Не токмо царицей московской—но и послѣд-

нему водоносу женою быти непотребна... Вотъ, государь... За слова, за поклепы такіе... не въ силахъ я убить, растерзать, растоптать хулителя. Не надѣюсь найти злодѣя! А, слышь, не хочу и того, чтобы далѣ на дѣвицу наносили вины позорныя... Просилъ я тебя. И сизнова прошу: отступишь, государь... Поизволь и ей и мнѣ со всѣмъ домомъ моимъ уѣхать куды, подалѣ... Въ послы ли пошли къ чужимъ дворамъ. . Али, просто, отпусти въ мои вотчины дальнія. По душѣ тебѣ говорю: спокойнѣе, счастливѣе тамъ вѣкъ проживемъ, ничѣмъ и въ палатахъ твоихъ царскихъ, не то поклеповъ,—а горшаго чево ожидаючи, што ни часъ, што ни минута... И отравой отравить могутъ бѣдную. И чѣмъ инымъ извести. Не колдовствомъ. Съ нами — Богъ. И не имемъ мы вѣры въ пустыя бредни. Да, люди—хуже діаволовъ. Словомъ—губятъ, какъ чарой. Ядомъ—отравой сожигаютъ, ровно злымъ колдовствомъ... Отпусти насъ, государь. Верни свое слово...

И блѣдный, потрясенный со слезами на глазахъ, онъ отвѣсилъ земный поклонъ Алексѣю.

— Ну, вотъ, ну вотъ... Да развѣ... Да могу-ли, — сразу заражаясь волненіемъ Матвѣева, торопливо заговорилъ Алексѣй:—Николи... Да, ни за што... Слушай, Артамонъ, не сказывалъ я тебѣ. И никому не сказывалъ. Мнѣ теперь отъ Натальи отойти... Не вѣдаю, что и станетъ со мною... Слушай, Артамонъ... Ты садись. Ишь, еле на ногахъ стоишь... Слушай. Што было разъ. Толковалъ я съ Наташей. Про долю мою, про счастливую, про царскую... Говорю ей: „вотъ, гляди, хто не завидуетъ мнѣ. Надо всею землею господинъ. А я иному колоднику порою завидую. Онъ — самъ по себѣ. Грѣхъ содѣялъ. Кару отбылъ —и самъ по себѣ... А я—царь, владыко—рабъ-рабомъ у людей... Слышь, говорю ей: не можетъ царь по волѣ своей жить. Царь — боярскій быть должонъ, либо —

стрѣлецкій, либо земской. Сила ево — на чужую силу опирается. А своимъ — не бываетъ царь... Говорю ей и спрашиваю: разумѣешь-ли слова мои, дѣвица? — А она только и отвѣтила: — „Плохо разумѣю. Только жаль мнѣ тебя стало. Такъ жаль, што, вотъ изъ царей бы тебя взяла, увела куды. И силы такой безсильной тебѣ не надо тогда. И муки не узнаешь, служить ни кому не станешь. Самъ по себѣ жить учнешь“... Только и сказала дѣвушка. А за эти ее слова... Да ежели бы и правда все, што тутъ писано — и то думать не сталъ-бы, не разстался бы съ ней... Слышишь, Артамонъ?..

— Слышу, государь, — какъ-то безнадежно, уныло отвѣтилъ Матвѣевъ.

— Ну, коли слышишь, такъ и не опасайся ничево. Не пытать тебя хочу. Надо намъ подумать, какъ ее обещать... Чтобы до вѣнца, по старому — не отняли у меня дѣвицы... И тебя бы не подвести подъ лихо... Вишь, слово ты кинулъ: не знаешь на ково думать, хто ворогъ? Много ихъ. Ты ихъ чуешь... Я ихъ чую. А, хоть бы и объявились на очи они, — можетъ, силъ бы не то твоихъ, — и моихъ, царскихъ силъ не станеть — со злодѣями справиться... Сильны лиходѣи. Умненько надо съ ими. Вотъ я што удумалъ... Хитрой придетъ скоро. Все по ево потакать стану. Вызнаю: ково раньше убрать хотятъ? Думать надо — Шихаревъ съ Овдотьей съ Бѣляевой теперь на череду. На нихъ намекалъ Хитрой. Ови молъ — только и могли такой поклепъ возвести... тебя слышь съ Натальей штобы подъ гнѣвъ, подъ опалу мою подвести... Ладно. Жаль дѣвки, а себя жалчѣй... Пушай ее уберутъ... Пушай дядю ея, Шихарева въ допросъ возмутъ. Запытать не дамъ, гляди, горюна... А ты тѣмъ часомъ — челомъ мнѣ добей. Ровно бы Наталью изъ невѣсть — домой просишь... Молъ, заледужала дѣвка. Я отпущу. Они увидятъ, што напужался ты, убралъ На-

ташу. Оставляют въ покоѣ еѣ и тебя... А ты пуще глазу Наталью мнѣ береги... Она у тебя въ дому гляди и сохраннѣе будетъ пока, ничѣмъ въ моемъ въ терему въ царскомъ... Я все по ихнему стану дѣлать. Гляди, новыхъ невѣстъ казать станутъ, своихъ, присныхъ да кровныхъ... Смотрѣть, хвалить стану... Пущай ждутъ... А какъ поуляжется все... Поувѣруютъ они, что могутъ меня повернуть, куды хотять... Понадѣются, молъ — ихъ взяла... Я, все повызнавъ... Ну, да самъ будешь видѣть, какъ будетъ. Слышь, Наталью мнѣ береги... Ступай... Стой... Спросять: о чемъ тутъ мы рѣчь вели? Говори: „подъ присягой де царь тебя допытывалъ: правда али нѣтъ въ письмахъ въ подметныхъ писана“... И ты ту присягу великую далъ мнѣ на мощахъ на святыхъ, на крестѣ и Св. Евангеліи...

— Готовъ, государь, хотъ сейчасъ,—протягивая руку къ иконамъ, порывисто, заговорилъ было Матвѣевъ.

Но Алексѣй остановилъ его:

— Оставъ. Буде. Не мучь хотъ ты меня... Дай хотъ съ тобой—человѣкомъ просто быть... Вѣрить, коли вѣрится... Любить — безъ опаски... Не судей, не рабомъ въ бармахъ да съ посохомъ господарскимъ... Человѣкомъ хочу быть... Такъ вѣрю тебѣ. Какъ человѣку... Какъ другу моему некорыстному... Такъ хочу... Больно же, коли невозможно того... Больно, пойми... А у меня и то душа изболѣлася... Наталью береги... Ежели дойдетъ къ ней што — растолкуй дѣвицѣ... Она пойметъ. По правдѣ скажи, какъ я вотъ тебѣ въ сей часъ сказывалъ. Она пойметъ. Ступай.

И съ внезапнымъ порывомъ, вовсе не присущимъ этому немолодому, вѣчно сдержанному человѣку,—Алексѣй обнялъ Матвѣева, поцѣловалъ его въ лобъ и отпустилъ.

Царь угадалъ. Богданъ Матвѣичъ Хитрово уже дожидался въ сосѣднемъ покоѣ, напрягая все вниманіе, весь свой слухъ, чтобы уловить хотъ словечко изъ разговора царя съ

Артемошкой... Но толстыя стѣны, плотныя двери, тяжелыя суконныя завѣсы—свято хранили тайну...

И, досадливо кусая губы, потирая руки—ждалъ бояринъ, когда появится Матвѣевъ, чтобы спросить, и по отвѣтамъ, по виду ненавистнаго человѣка—уловить, догадаться, о чемъ шла рѣчь за стѣной, чѣмъ кончилось это свиданіе.

Увидя блѣдное, скорбное лицо недруга, со слѣдами слезъ, такое озабоченное, такое печальное,—Хитрово вздохнулъ свободно и съ дружескимъ привѣтомъ двинулся на встрѣчу Матвѣеву.

— Свѣтикъ ты мой, Артемонъ Сергѣевичъ, пріятель многолюбезный... Радъ тебя видѣть... особливо въ сей часъ... Слыхалъ, знаешь, какая напасть на тебя... Я ужъ и то толковалъ государю: вороги твои поклепъ возвели... Онъ и самъ такъ мыслить. Чай сказывалъ тебѣ милостивецъ нашъ... Царь нашъ, батюшка. Онъ—у-у какъ все знаетъ... Цидулу—то видѣлъ?

И пронизывая Матвѣева глазами, ждетъ отвѣта на всѣ свои вопросы бояринъ.

Матвѣевъ всѣ силы напрягъ, чтобы, согласно совѣту царя—не выдать врагу правды. Онъ даже не отстранился отъ объятій боярина и по возможности дружелюбно отвѣтилъ:

— Показывалъ мнѣ писемцо государь... Присягу съ меня взялъ на мощахъ да на крестѣ и святомъ евангеліи, правду бы я сказалъ: было то, что писано, али нѣтъ?.. Я присягнулъ. Просилъ сыскъ назначить... А ужо тамъ—ево царская воля. Какъ онъ поразсудить. И пускай бы сыскали: хто писемцо подкинулъ. Вотъ чево прошу...

— Вотъ, вотъ, вотъ... Вотъ, вотъ, вотъ... Самъ я тоже толковалъ царю. А тамъ, извѣстно, ево царская воля. Онъ слугъ своихъ вѣрныхъ на хулу не выдастъ безвинно...

— Ну, Христосъ съ тобой... Не печалься, брате. Вотъ,

хрестъ тебѣ и слово мое боярское. сыщемъ поносителей... Не дадимъ въ обиду тебя и дѣвицу твою... Были людишки тутъ... брехали: твою, молъ, Наталью избудутъ, съ верху сведутъ, свою невѣсту царю обручатъ... Я съ тѣмъ и государю доложить иду... Вѣрное слово. Я ужъ и на примѣтѣ имѣю кой ково... Пощупаемъ. Иди съ Господомъ... Не печалься... Дай поцѣлуемся... Знай: Богданъ Хитрово — первый другъ и заступникъ тебѣ въ дѣлѣ правомъ... Я — къ царю. Ждетъ онъ меня...

И, облобызавъ Матвѣева, Хитрово двинулся къ покою, гдѣ былъ Алексѣй.

Терпѣливо принявъ поцѣлуй предателя, поклонился боярину Матвѣевъ и быстро вышелъ въ сѣни, торопясь скорѣй домой.

22 апрѣля найдены были „воровскія подметныя письма“. Въ тотъ же день пущенъ былъ въ ходъ весь сыскной аппаратъ Тайнаго приказа, а 23 числа, съ соизволенія Алексѣя — Иванъ Шихаревъ попалъ въ застѣнокъ, послѣ того, какъ былъ сдѣланъ обыскъ въ жилищѣ его и тамъ нашли какія-то подозрительныя травы и коренья сушеные. Выплыло наружу все хвастовство, всѣ разговоры неосторожнаго провинціала и съ рейтаромъ Александромъ, и съ докторами царскими, и съ протопопомъ благовѣщенскимъ.

Но на допросѣ Шихаревъ упорно отрицалъ свое участіе въ составленіи писемъ. Тогда его подвергли пыткамъ. Правда, не самой тяжелой. Надо было только достигнуть удаленія его съ красавицей — племянницей. А для этого — было все почти готово. Все-таки, бѣдняка подняли на дыбу, поджаривали пятки огнемъ, дали тридцать ударовъ батогами.

Сознался въ своихъ хвастливыхъ, облыжныхъ рѣчахъ Шихаревъ.

— Сознайся: на ково зелье въ дому держалъ? Не

противъ государя-ли удумалъ што? Околдовати ево, взялъ бы дѣвицу твою за себя...

Такъ допытывались бояре.

Но бѣднякъ и на пытки одно твердилъ:

— Травы мои — не для вѣдовства толчены и сжорены. Дала мнѣ ихъ знахарка на Вологдѣ. Уразныя тѣ травы. Отъ ранъ помогаютъ. А у меня—раны застарѣлыя. Въ бою ихъ получилъ, за землю, за государя кровь проливая... Въ винѣ, да въ пивѣ ихъ самъ выпивалъ, хвори своей уразной ради.

Дали изслѣдовать траву. Оказалась — просто, звѣробоемъ сушенымъ. И отпустили Шихарева. Приказали ему поскорѣй съ племянницей ко дворамъ вернуться, Москву — лихомъ не поминать...

Уѣхали они — и скоро забыли ихъ на Москвѣ.

Своя тутъ волна — за волной набѣгала, поднималась и падала.

Въ теченіе всего мая — царь все новыхъ и новыхъ невѣсть смотрѣлъ, которыхъ свозили въ престольный градъ.

Наталья Нарышкина вернулась изъ кремлевскихъ теремовъ къ Матвѣеву. По прежнему навѣщаетъ Алексѣй своего любимца. Даже здѣсь раза два дѣвицы, отобранныя царемъ, собирались. И царь незамѣтно, изъ сосѣдняго покоя наблюдалъ, какъ держать себя дѣвушки не въ удручающей атмосферѣ царскихъ теремовъ, а на свободѣ, въ частномъ домѣ, гдѣ легче проявляются и свѣтлыя и темныя стороны души, не стѣсняемыя дворцовымъ этикетомъ, не запуганныя вѣчнымъ надзоромъ и сыскомъ теремовъ.

— Чудитъ нашъ царь... Ишь, жену выбираетъ, ровно камень многоцѣнный ищетъ въ пескѣ... Роется, возится, найти не можетъ...

Такъ толковали бояре, очень недовольные затяжкой въ этомъ дѣлѣ.

Особенно злился Хитрово. Но сдѣлать ничего нельзя было.

У бояръ была возможность помѣшать Алексѣю жениться на комъ-либо.

Но они не могли заставить его жениться на своей избранницѣ. У нихъ не было средствъ заставить его скорѣе сдѣлать выборъ...

Онъ чувствовалъ, что бояре, заинтересованные въ женитьбѣ царя, изъ себя выходятъ, бѣсятся, но должны терпѣть, молчать. И это доставляло огромное наслажденіе Алексѣю.

Только время отъ времени онъ повторялъ Матвѣеву наединѣ:

— Гляди, Наташу мнѣ поберегай, Артамонъ...

Чтобы довести комедію до конца, Хитрово и дьякъ Тайнаго приказа Государева, Федоръ Михайловъ послали оба „воровскихъ“ письма во всѣ приказы, сложивъ ихъ такимъ образомъ, что отъ одного письма — видна была надпись; двѣ строки всего: „достойно есть поднести царю, или ближнему изъ людей царскихъ, не смотря“...

Отъ другого письма видна была лишь подпись: „Артемюшка“.

Каждому предъявляли, спрашивали: не онъ ли писалъ? Не знаетъ ли такого почерка? И всѣ дьяки, всѣ подъячіе и писцы—давали на бумагѣ показаніе.

Стали сличать почерки, но похожаго совершенно не нашли.

Тогда посланъ былъ приказъ: всему служилому сословію Москвы явиться 26 апрѣля къ Постельному крыльцу.

День выпалъ праздничный. Занятій въ приказахъ не было. Столько приказныхъ собралось, что весь дворъ и площадь передъ крыльцомъ загрохотали. И молодые, и ста-

рые. Длинной вереницей проходили въ теченіе долгихъ часовъ всѣ эти люди мимо стола, гдѣ лежали оба письма подѣ присмотромъ бояръ и дьяковъ изъ Тайнаго приказа.

Тысячи головъ наклонялись надъ двумя кусками бумаги, вглядываясь въ загадочныя буквы. И, конечно, никто ничего не могъ сказать, хотя передъ осмотромъ и былъ прочитанъ строгій приказъ государевъ, сулившій великія милости лицу, которое откроетъ составителя писемъ, и грозившій пытками, всякими карами, если кто скроетъ, что либо, ему объ этихъ доносахъ, извѣстное...

Много волокиты, досады и хлопотъ принялъ служилый московскій людъ отъ этихъ розысковъ. Отцы и родичи нѣкоторыхъ дѣвицъ, привезенныхъ на смотры, которыхъ тоже тягали на допросъ, уже безъ стѣсненія ворчать стали.

— Лучше бы намъ дѣвицъ своихъ въ воду пересажать, ничѣмъ на смотры въ Верхъ (въ теремъ) привозить, — такъ сказалъ сгоряча однодворецъ, нѣкій Петръ Кокоревъ. Это донесли царю. Заплатилъ пеню Кокоревъ и съ того-же Постельнаго крыльца его „рѣчи, слова непристойныя“ — были объявлены, опорочены.

На все соглашался Алексѣй, что предлагалъ Хитрово и другіе бояре. Ни съ чѣмъ не спорилъ. Но самъ — ни звукомъ не давалъ знать, какъ онъ рѣшитъ, какъ поступить.

И уставать стали бояре отъ этого уклончиваго, гибкаго, но тѣмъ болѣе несокрушимаго сопротивленія, какого и не ждали встрѣтить со стороны недалекаго, всегда податливаго волѣ боярской и поповской, Тишайшаго царя...

ГЛАВА III.

Нежданная развязка.

Минуло ровно девять мѣсяцевъ послѣ этихъ тревожныхъ дней.

Пролетѣли Святки. Наступилъ Новый, 1671 годъ. Приближалась широкая масленица. Никому въ умъ не пришло обратить вниманія на какія-то особыя приготовленія и приборку, которая шла въ теремѣ Кремлевскомъ, въ самомъ царскомъ дворцѣ и на женской половинѣ, и въ поварняхъ, и въ бѣлошвейной, въ кадашевской и другихъ мастерскихъ.

Перебирались наряды блестящія царицыны... уборы ея. Освѣжали покои. Все какъ обычно передъ Пасхой, только ужъ рано немного. Ну, да это не тревожитъ никого. Нечего дѣлать женской половинѣ во дворцахъ, бабы и суетятся и возятся.

А 22 января далеко до свѣту поднялся Алексѣй.

Праздникъ нынѣ. Гостей ждетъ государь. Большіе столы назначены.

Послѣднее воскресенье передъ Сырной недѣлей. И къ Масленицѣ къ широкой готовятся въ Кремлѣ. Поэтому такъ много всего печется и варится. Вина, меды разливаются изъ запечатанныхъ бочекъ въ сулеи да въ кувшины и боченочки поменьше.

Въ субботу караулъ въ Кремлѣ держали рейтары Крауфорда, испытанные, неподкупные тѣлохранители царскіе.

На разсвѣтѣ вступилъ въ караулъ 3-й Петровскій полкъ, въ зеленыхъ кафтанахъ, что за Петровскими воротами стоитъ. А въ томъ полку — Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ голова. Значить — тоже, люди все надежные подобранны.

Но и рейтаровъ не пустили съ караула домой.

— Оставайтесь, друзья, здѣсь, — сказалъ имъ Гордонъ: — царь угостить васъ хочетъ нынче. А пока — идите, отдыхайте, вамъ дадутъ помѣщеніе удобное.

И уложили ихъ спать въ людскихъ службахъ, гдѣ вся челядь уже на ноги поднялась, очистила мѣсто.

Побывавъ въ субботу, днемъ, у Патріарха Іосафа, долго толковалъ съ нимъ Тишайшій царь, открылъ свое завѣтное желаніе и получилъ благословенія на вторичный бракъ.

Нездоровъ былъ владыко... И года, и тѣлесная слабость одолѣвала его. Стараясь по возможности держаться въ сторонѣ отъ той кипени, какою отличалась внутренняя жизнь царскаго дворца, святитель ничему не противился, ничему не помогалъ. Онъ былъ доволенъ, что нездоровье освобождаетъ его отъ обязанности вѣнчать Алексѣя. Предвидитъ опытный старецъ, что многіе будутъ недовольны неожиданнымъ для нихъ выборомъ царскимъ.

Но все-таки, — тепло, душевно поговорилъ онъ съ Алексѣемъ, преподаль благословеніе и общалъ вознести мольбы къ Господу за благое окончаніе „добраго дѣла“, при чемъ осѣнилъ его образомъ Богоматери въ золоченомъ, чеканномъ окладѣ.

Вечеромъ въ мыльню, согласно древнимъ обычаямъ, сходилъ царь-женихъ и пораньше спать легъ. А „ко первому часу дня“, не глядя на воскресный день, — приказалъ

созвать царевичей, духовный чинъ и бояръ къ себѣ въ покои, на совѣтъ *).

Задолго, часа за два до солнечнаго восхода всталъ самъ Алексѣй, прочелъ краткія молитвы и снова отправился къ Патріарху за формальнымъ благословеніемъ.

Здѣсь уже ожидалъ его Іоасафъ, окруженный нѣсколькими митрополитами и высшимъ московскимъ духовенствомъ. Явился и духовникъ государя, Благовѣщенскій протопопъ Андрей.

Осѣнивъ Алексѣя знаменіемъ креста и образомъ Богоматери съ Младенцемъ, еще большихъ размѣровъ, въ болѣе дорогомъ окладѣ, чѣмъ вчера, — Іоасафъ благословилъ протопопа вѣнчать царя вторымъ бракомъ съ невѣстой, избранной Алексѣемъ.

Отсюда Алексѣй вернулся къ себѣ. За нимъ, кромѣ Андрея, — пошли и митрополиты: Питиримъ Новгородскій и Великихъ Лукъ, Павелъ Саровскій и Подонскій, Филаретъ Нижегородскій и Алатырскій, Мисаилъ Бѣлгородскій и Обоянскій, Варсонофій, архіепископъ Смоленскій и Дорогобужскій, архимандриты: Чудовскій, Новоспасскій, Симоновскій, Андроньевскій и игумны другихъ главнѣйшихъ московскихъ монастырей. Всѣ — съ иконами, чтобы благословить на „доброе дѣло“ царственнаго жениха. Явился и Кондрать, протопопъ Успенскаго Собора, гдѣ предстояло вѣнчать новобрачныхъ.

На половинѣ царя его давно уже ожидали всѣ царевичи и бояре, конечно, съ Богданомъ Хитрово во главѣ. Пришелъ сюда и Симеонъ Полоцкій по зову царя. Онъ не явился со всѣми другими попами къ патріарху и здѣсь

*) По нашему счету это — выходитъ въ восемь часовъ утра, такъ какъ 22 января, въ Москвѣ, считая отъ астрономической полуночи, — солнце восходитъ и „начинается день“ — въ 7 ч. 55 минутъ утра. При Алексѣѣ — это и былъ „первый часъ дня“.

держался въ сторонѣ отъ остальныхъ духовныхъ „властей“. Не взлюбили они „схизматика“, новатора бѣлоруса и только особое расположеніе и защита царя спасала его отъ непріятныхъ послѣдствій этой вражды.

Неспокойны бояре; тревожно перешептывались и переголывались все время до прихода царя. Задолго до назначеннаго часу были всѣ они въ полномъ сборѣ, свѣтать не начинало еще. Призывъ на совѣтъ былъ полученъ неожиданно-негаданно. Въ самой Москвѣ не случилось ничего особеннаго. По царству—тоже тихо было. Чужой врагъ не грозилъ неожиданнымъ нападеніемъ. Гонцовъ особливыхъ не было наканунѣ. И ломаютъ себѣ голову сѣдобородые бояре и попы: зачѣмъ зовутъ ихъ? Слыхали, что былъ вчера государь у патріарха Іоасафа. Здѣсь, во дворцѣ, уже дошли до нихъ разныя вѣсти.

Кой-кто изъ приближенныхъ къ царю въ точности зналъ, въ чемъ дѣло. Но лишнимъ словомъ боялись обмолвиться. Понимаютъ, что иное слово могло бы дѣло испортить, а имъ стоитъ всего благосостоянія, если не жизни.

Собравшись въ довольно обширномъ переднемъ покоѣ, недалеко отъ опочивальни царя, куда, прямо отъ патріарха прошелъ онъ со своимъ постельничимъ Голохвастовымъ,— бояре негромко толковали между собою, строили разныя предположенія и пришли къ одному выводу: дѣло касается ничего иного, какъ женитьбы царской.

Очевидно, на этомъ необычномъ совѣтѣ ихъ ждала еще большая неожиданность.

Бояре: Хитрово, Иванъ Милославскій и Соковнинъ съ Вельяминовымъ подозрительно, съ явной непріязнью поглядывали на Матвѣева, который тоже очутился между первыми боярами и духовными совѣтниками царя, хотя ни годами, ни чиномъ, ни знатностью рода не получилъ на это право.

Наконецъ, вышелъ царь и, послѣ обычныхъ привѣтствій, среди глубокой тишины — объявилъ торжественно:

— Ради устроения царства, земли всей, а, наипаче — дома моего государскаго, съ благословенія святителя нашего, отца-патріарха Іоасафа всея Русси, — не мѣшая долѣе понапрасну поволели мы избрати себѣ въ царицы единую изъ дѣвицъ — невѣсть, нами собранныхъ въ градъ престольный, Москву. Дѣвица сія — Наталія Кириллова дочь Нарышкина. Коли выбору моему супротивъ не станете, царевичи, бояре и князья, — вся дума моя ближняя, и вы, отцы-святители, богомольцы наши, ей подадимъ по обычаю — платокъ, ширинку, яко царевнѣ и кольцо наше, царское. Поимемъ ю въ жены.

Вопросъ былъ заданъ въ такой формѣ и такимъ рѣшительнымъ тономъ, что возраженій, очевидно, не ожидалось.

И баре, царевичи, духовные совѣтники — общимъ гуломъ согласія и одобренія отвѣтили царю, отвѣщая земные поклоны:

— Твое дѣло государево — твоя и воля... — Въ часъ добрый!.. — Што сказать? Сказать нечево... — Божіе благословеніе на тебя, царь, вкупѣ со избранной царицей твоей да почіетъ!..

— Оно бы и было што сказать, — вдругъ прорѣзалъ общій гулъ рѣзкій голосъ шурина царскаго, двоюроднаго брата покойной царицы, Ивана Михайловича Милославскаго: — да, видать, наново жить починаемъ мы на Руси. Новы свычаи — обычаи и порядки завелися, не наши. московскіе, исконные, а на заморскій ладъ... Инъ, исполати на новшество тебѣ, царь-государь. Челомъ бью! По почину — и кончину желаю удачливую...

И явно — вызывающимъ земнымъ поклономъ закончилъ свою рѣчь бояринъ, очевидно, потерявшій отъ гнѣва и неожиданности — всякое самообладаніе.

Сдвинулись брови Алексѣя. Глаза загорѣлись огнемъ, который рѣдко вспыхивалъ въ этихъ, всегда — добрыхъ, даже немного — сонливыхъ глазахъ.

Но сдержался царь. Сдѣлалъ видъ, что хорошо не слышалъ дерзкой рѣчи, что не замѣтилъ, какъ друзья боярина — оттерли его въ глубину покоя, заслонили собой и стали что-то горячо толковать сумасброду.

— Артамонъ, ты слышалъ рѣчь нашу? — обратился царь къ Матвѣеву. — Сдай кому иному начальство надъ карауломъ, домой поспѣшай, упреди дѣвицу, нами избранную, што слѣдомъ за тобой — и дружки наши пожалуютъ, съ нашимъ царскимъ словомъ, съ дарами и милостью. Готова-бы была. Да подтверди наказъ: нынѣ ни изъ Кремля ни въ Кремль не выпускать никого безъ нашего особливаго приказу, какъ тебѣ ужъ вѣдомо. Ступай.

Невольно переглянулись всѣ при послѣднихъ словахъ царя. Выходить: въ почетномъ плѣну они очутились, а не попали на свадьбу, такъ неожиданно-негаданно объявленную.

И самые сдержанные, самые гордые, не гнувшіеся до этой минуты — теперь почуяли, какъ велика и какъ близка для нихъ опасность. Лица ихъ сразу озарились самой привѣтливой улыбкой и низкимъ, чуть не раболѣпнымъ поклономъ проводили эти князья и бояре выходящаго изъ горницы незначительнаго дворянина, Артамона Матвѣева, по слову царя ставшаго чуть-ли не первымъ среди нихъ.

Алексѣй замѣтилъ эту внезапную переменъ и вздохнулъ легко. Хоть не на долго, но онъ чувствовалъ себя господиномъ этой толпы, которая всѣми силами, незамѣтно, но тяжело навалившись на его державную руку, — вынуждаетъ править царствомъ совсѣмъ не такъ, какъ онъ бы самъ хотѣлъ...

Обратившись къ небольшой кучкѣ бояръ и князей, державшихся немного особнякомъ, среди которой находились и

всѣ восточные царевичи, живущіе на Москвѣ, Алексѣй продолжалъ:

— Тебѣ, князь Яковъ съ Фёдей Голохвастовымъ, — у меня съ царевной-невѣстой дружками быть, по невѣсту ѣхать, ей наше слово царское сказать надлежитъ. Сани да колымаги готовы, чай, тамо. Ты, Матвѣичъ, — обратился онъ къ окольнічьему, Родіону Стрѣшневу, — постарше будешь, всѣ порядки знаешь, гляди. Вотъ, и поѣздъ свадебный тебѣ наряжать. Вотъ, съ имъ, съ Титовымъ. У сво и списокъ заготовленъ: кому изъ дворянъ изъ нашихъ съ вами ѣхать. А конюшимъ — боярину князь Григорію, а у саней — тебѣ, Митя, быть у невѣстиныхъ. Да — рейтаровъ тамо прихвати сколько ни есть... И съ Господомъ... Скорѣе въ путь-дорогу собирайтесь. Въ часъ добрый.

— Въ часъ добрый, въ святу пору, — подхватили многіе усердные голоса.

Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, Фёдоръ Голохвастовъ, окольнічій, Родіонъ Матвѣичъ Стрѣшневъ, думный дьякъ Титовъ, князь Григорій Сунчалеевичъ Черкасскій и Дмитрій Алексѣевичъ Долгорукій, всѣ, кого назвалъ царь, ударили ему челомъ и вышли, сопровождаемые общими напутствіями и благословеніемъ „властей“ духовныхъ.

— Тебѣ, бояринъ, князь Никита Иванычъ, челомъ бью: не откажи въ отцово мѣсто мнѣ быть, сиротѣ, при случаѣ при такомъ, — съ пояснымъ поклономъ обратился Алексѣй къ князю Одоевскому, боярину-воеводѣ, красивому, видному старцу съ бѣлоснѣжной, окладистой бородой, придававшей ему сходство съ Богомъ Саваофомъ, какъ того рисуютъ на образахъ.

Всѣ глаза обратились на князя.

Великую честь оказалъ ему Алексѣй — и по заслугамъ.

Еще юношей, 16 лѣтъ отъ роду — князь принималъ участіе въ ратяхъ, которыми распоряжалась Семибоярщина,

бороня землю русскую отъ нашествія иноземныхъ враговъ и собственныхъ, бунтующихъ казацкихъ шаекъ.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 60 лѣтъ, усердно и безупречно служилъ князь землѣ и царямъ московскимъ, сперва „комнатной“ службой, когда вернулся со Смоленскаго похода и занялъ мѣсто стольника при царѣ Михаилѣ. Въ сороковыхъ годахъ — завѣдывалъ успѣшно Астраханскимъ и Казанскимъ приказомъ, велъ переговоры съ Литвой, по воцареніи Алексѣя — служилъ въ московской рати, исполнялъ и дипломатическія порученія. Около года, за свою прямоту и честность — былъ отгѣсненъ сворой жадныхъ бояръ, окружающихъ молодаго Алексѣя. По словамъ современниковъ — лѣтописцевъ, — „какъ алчные волки, грабили они народъ и царство“... Честный, безкорыстный Одоевскій торчалъ имъ бѣльмомъ на глазу. Но польская война приняла дурной оборотъ — и уже въ 1652 г. его вызвали для переговоровъ съ Польшей. Туда же былъ онъ посланъ полномочнымъ посломъ и въ 1674—5 годахъ, закончивъ дѣло съ большимъ успѣхомъ. Его умъ и дѣловитость заставляли даже враговъ относиться съ уваженіемъ къ князю. И онъ, какъ бы между прочимъ, — всегда велъ дѣла какого-нибудь приказа, гдѣ работа была особенно запущена... И въ Большой казнѣ, и въ Иноземномъ, Аптекарскомъ, Рейтарскомъ приказахъ, въ Золотой палатѣ — вездѣ перебивалъ князь, оставляя благотворные слѣды своей работы, чуждой всякаго формализма или продажности.

Лучшее дѣло, свершенное еще въ началѣ царствованія Алексѣя, — Уложеніе русскіихъ законовъ — составлено было именно тѣмъ-же Одоевскимъ, вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ и другими, самыми опытными законниками дьяками и боярами московскихъ судныхъ и иныхъ приказовъ.

И никто не удивился, не позавидовалъ великой чести, выпавшей на долю этого 70-лѣтняго старца, сохранившаго

до сихъ поръ и бодрость мужа, и чистоту души — почти отроческую, и рѣдкую силу ума.

Пока Алексѣй говорилъ, князь неторопливо поднимался со своего мѣста, на скамьѣ, гдѣ онъ сидѣлъ нѣсколько въ сторонѣ ото всѣхъ.

Медленно склоняя свой, еще могучій станъ, старецъ коснулся пальцами земли, выпрямился также постепенно и поднялъ на Алексѣя свои глаза, все лицо, словно озаренное радостною, ласковой улыбкой.

— Благодарствую, батюшко-царь мой, столь же и на чести, сколь и на радости. Думалось мнѣ все: посѣтилъ государя Господь, отнялъ царицу-матушку. Ево святая воля. Да не слѣдъ царю и царству сиротѣти. Дѣтямъ малымъ государевымъ—и материнъ глазъ надобенъ. Хозяйка въ дому, что matka въ улю. Не мимо молвится. И привелъ Богъ дождать радости. Поздоровь, Боже, на многи лѣта и тебя и царицу твою богоданную... Слыхалъ о дѣвицѣ: добрая, пригожая. И разумомъ взяла, и свычаемъ всякимъ добрымъ. Спаси тя, Господь, осударь, што подалъ мнѣ и чести, и радости на старости лѣтъ. Какъ служилъ дѣду, отцу твоему и тебѣ, батюшко — такъ и напредки послужу... Благодарствуй, живи на многи лѣта!

И снова отдалъ полупоклонъ царю.

Растроганный этой простой и искренной рѣчью, Алексѣй подошелъ и трижды облобызался со старикомъ.

Эта сцена—окончательно прояснила атмосферу въ покоѣ, сразу вызвала общее хорошее настроеніе даже у тѣхъ, кто считалъ себя лично обиженнымъ поведеніемъ царя.

Алексѣй и прежде почуялъ, что пока все идетъ гладко и хорошо, какъ онъ и раньше задумалъ и намѣтилъ, а теперь окончательно воспрянулъ духомъ. Какая-то твердая увѣренность, что все окончится благополучно,—положительно окрыляла его, придавала живость и красоту каждому дви-

женію, ясность—каждой мысли, точность—каждому слову.

Къ царевичу Грузинскому, Николаю Давидовичу онъ обратился съ просьбой: быть тысяцкимъ на свадьбѣ, а царевна, Елена Леонтьевна—будетъ посаженной матерью царя.

Царевичъ благодарилъ на чести и сейчасъ-же распорядился вызвать жену въ Кремлевскій дворецъ. Стольникамъ: князю И. Хилкову и Петру Воынскому выпала честь стоять при вѣнчаньи у свѣчи государевой.

Сидячими друзьями были назначены у царя: Сибирскій царевичъ, Петръ Алексѣевичъ и Касимовскій царевичъ, Василій Арслановичъ: у невѣсты — Алексѣй Алексѣевичъ Сибирскій и окольный бояринъ, князь Борисъ Ивановичъ Троекуровъ.

Были посланы позыватье за боярынями, которыя не жили въ самомъ Кремлѣ, но въ качествѣ близкихъ къ царской семьѣ — должны были занять извѣстныя мѣста во время брачнаго торжества.

Какъ только всѣ распоряженія были сдѣланы, Алексѣй объявилъ боярамъ.

— До свадьбы—еще не мало часу осталось. Пойдемте, помолимъ Господа: далъ бы Богъ все по добру по хорошему кончати, какъ дѣло зачато... А послѣ и чару меду прошу выкушать, пока, до пиру, до веселаго, до свадебшнаго.

Всѣ двинулись въ небольшую „Верховую“, домашнюю церковь мученицы Евдокіи, что въ сѣняхъ, гдѣ и началось торжественное служеніе въ храмѣ переполненномъ блестящими рядами первыхъ вельможъ и бояръ московскихъ.

Въ это-же время въ широко-раскрытыя ворота дома Артамона Матвѣева въѣхалъ цѣлый небольшой поѣздъ: царская „каптанка“, сейчасъ пустая, нѣсколько колымагъ съ дворовыми боярынями и прислужницами изъ царицына терема.

Кромѣ друзей царскихъ, ѣхавшихъ по бокамъ „кап-

танки“ верхами, — небольшой конный отрядъ скакалъ впереди и позади поѣзда. Трубачи громко трубили, проѣзжая по пустымъ еще, полутемнымъ улицамъ московскимъ.

Обыватели, напуганные необычнымъ грохотомъ, звономъ бубенцовъ и звуками трубъ, выглядывали изъ оконъ, покрытыхъ снѣгомъ и льдомъ, полуодѣтые, выбѣгали за ворота и долго темнѣли ихъ фигуры, пока они, дрожа отъ озноба, кутаясь въ охабни и шубы, накинутыя кое-какъ, въ торопяхъ, — глядѣли во слѣдъ небывалому поѣзду.

Матвѣевъ всего на нѣсколько минутъ опередилъ посланцевъ царя.

— Скорѣе, буди Наталью Нарышкиныхъ, всѣхъ буди... Челядь нашу, всѣхъ... Царь шлетъ за Натальей... — успѣлъ онъ только сказать женѣ, войдя нераздѣтымъ въ опочивальню. И сейчасъ-же вышелъ, чтобы отдать необходимыя распоряженія ключнику, котораго приказалъ поднять и призвать къ себѣ.

Весь народъ въ домѣ еще мирно спавшій за минуту тому назадъ, словно отъ удара электрическаго тока — вскочилъ, поднялся на ноги, заметался, зашумѣлъ, какъ рой потревоженныхъ пчелъ.

Конечно, не совсѣмъ неожиданно для Матвѣева было то, что совершалось сейчасъ. Многое было уже приготовлено. Но, все таки, приходилось дѣйствовать осторожно. За жилищемъ Артамона, конечно, было установлено наблюдение со стороны враговъ; и среди Матвѣевской челяди — были передатчики. Такъ что, жданная давно, но глубокотайная радость, — все-таки принесла съ собой долю испуга и много суеты.

Зазвучали трубы въ переулкѣ. Вышелъ на крыльцо Матвѣевъ, встрѣтилъ государевыхъ пословъ, принялъ ихъ съ поклонами, ввелъ въ самый обширный покой, усадилъ и, ударивъ челомъ, задалъ обычный вопросъ:

— Съ чѣмъ Богъ прислалъ къ намъ гостей дорогихъ? Не взыщите: часъ больно ранній. Хозяйка моя не въ уборѣ. Сейчасъ сойдетъ, почетныхъ гостей дорогихъ встрѣчать по старинѣ.

— Обождемъ малость, хозяинъ милостивый. Не отъ себя мы, отъ его царскаго величества посланы. Въ твоёмъ ли дому пребываетъ дѣвица, Наталія Кириллова дочь, Нарышкиныхъ роду? Имѣемъ къ ей слово царское.

— Въ моемъ убогомъ дому дѣвица честная пребываетъ съ родимой матерью и съ родителемъ своимъ и съ братьями двоима. Чрезъ малый часъ—явить очи свои, слову царскому внемлетъ со страхомъ и прилежаніемъ. Да вотъ и идутъ они...

Распахнулась дверь, ведущая во внутренніе покои — и появилась Евдокія Матвѣева. За ней двѣ дѣвушки несли хлѣбъ-соль на подносѣ и фляги съ виномъ, кубки, бокалы. Затѣмъ—вошли старики Нарышкины: Кирилло Полуэхтовичъ и Анна Леонтьевна. Нарышкина, вся красная, захавшись, еле дыша отъ волненія и спѣшки, съ какой надо было поднять и обрядить дочь,—на ходу то оправляла свою пышную кикю, то одергивала платье или украшенія на дочери, трогала фату, приглаживала пышныя складки рукавовъ.

Наталья, блѣдная, какъ смерть, тихо двигалась между отцомъ и матерью, напоминая собою лунатика. Сказочное что-то совершалось съ нею. И хотя дѣвушки въ мечтахъ только и грезятъ, что о несбыточномъ, о сказкахъ, которыя должны сбыться на яву, однако ихъ всегда ошеломляетъ, если чѣмъ-нибудь, даже самымъ незначительно - реальнымъ счастьемъ, нарушается міръ дѣвичьихъ грезъ и мечтаній. Иванъ и Афанасій, братья Натальи, сестра ея, Авдотья и дядя, Федоръ, тутъ-же. Встали послы царскіе. Выступилъ впередъ бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій.

— Честная дѣвица, Наталія, дочь Кириллова, Нарышкиныхъ роду, и съ отцомъ и съ матушкой твоею, и дому-

владыка, господинъ Артамонъ, Сергѣевъ сынъ, Матвѣевъ и всѣ здѣсь сущіе: слушайте слово государево!

Какъ вѣтромъ склонило всѣхъ, стоящихъ передъ послами царскими. Всѣ опустились на колѣни. Челядь и ближніе, тѣ, кто не вошелъ въ покой, а тѣснился за дверьми, тоже встали на колѣни. Иные — даже ницъ простерлись, какъ велитъ старый обычай московскій.

— Великій государь, царь всея Руссіи, великій князь московскій и иныхъ земель, Алексій Михайловичъ, тако сказываетъ: волею Божеской и нашимъ царскимъ произволеніемъ волимъ ты, дѣвица Наталія, въ жены намъ пояти и царицей, государыней, великою княгиней московской и всея Руссіи нареши. Аминь.

Стоя на колѣняхъ, въ землю ударила челомъ Наталья. Лежитъ — и подняться не можетъ.

Но мать и отецъ — догадались, что творится съ дочерью, — поднимаютъ ее и шепчутъ:

— Не молчи, скажи што-либонь. На чести — благодарствуй, на великой, неизрѣченной милости...

— Благо... благодарствую... на вели... кой ми... — начала было дѣвушка. Но докончить не можетъ. Пересохли губы. Сухо въ горлѣ такъ, что перехватило его, словно кольцомъ сжало, звука не выдавить, какъ ни старайся...

— На чести великой — челомъ бьетъ дщерь наша, Наталія, — не давая замѣтить безсилія дѣвушки, заговорили сразу отецъ и мать Нарышкины.

И вся семья, отдавая земные поклоны, повторила:

— На чести на великой — челомъ бьемъ царю и государю нашему... Въ добрый часъ да въ пору. Аминь.

Затѣмъ всѣ поднялись. Силой почти пришлось поднять и держать Наталью, которая сама — едва стояла на ногахъ. Ей тоже челомъ добили и родители, и послы государевы, и

всѣ, кто здѣсь былъ, поздравляя съ царской милостью, съ новымъ высокимъ саномъ.

Прозоровскій далъ знакъ, боярыни придворныя, дѣвушки и слуги дворцовые появились съ тяжелыми коробами, свертками и узлами.

— Позволишь, царевна, въ сей часъ и въ уборы царскіе убраться, нарядъ царскій возложить на ся. И не медля ни часу—со всѣми ближними—отбыть позволишь въ царскій теремъ, къ суженному твоему велемочному, къ ево царскому величеству, для чину брачнаго.

— Въ сей мигъ, часу не губя, нарядимъ доченьку, государыню-матушку, царицушку нашу, — снова вмѣсто дочери отозвалась Нарышкина.— Оно и лучше, што на дому обрядити невѣсту мочно. А то, слыхали мы, какъ въ теремахъ высокихъ невѣсть порою обряжаютъ... Косыньку, слышь, первой невѣстѣ государя, Марьѣ Рафовой, — такъ перетянули, что и безъ памяти дѣвка передъ царемъ такъ и грохнулась. Нѣтъ... Ужъ я сама... сама снаряжу и принаряжу мою доченьку-раскрасавицу, государыню-царицушку... Ужъ, сама. Въ сей мигъ... Обождать прошу васъ на малый часокъ, на едину годиночку, люди добрые, послы государевы. Въ сей мигъ... въ едину годиночку...

И, причитая, ликуя, глотая въ тоже время слезы, которыя такъ и катились изъ глазъ, мать съ женщинами повела Наталью въ ея покой, въ свѣтлицу на верху.

Тамъ раскрыли коробка, отперли большіе и малые ларцы, развязали узлы, разложили вороха дорогихъ нарядовъ царскихъ, груды драгоценныхъ ожерелій, и притиравъ и мази. И торопливо, но все же очень мѣшкотно стали обряжать царскую невѣсту.

Некогда было пѣть обычныхъ пѣсенъ, творить завѣтные обряды. Но, все-таки, одѣваніе совершалось благоговѣйно, словно священный обрядъ какой-нибудь.

Немного больше часу прошло, когда посланная съ вещами изъ дворца, опытная боярыня, не разъ одѣвавшая для торжественныхъ выводовъ и покойную царицу Марью Ильинишну,—оглядѣла Наталью со всѣхъ сторонъ, дала ей поглядѣть на себя въ нѣсколько зеркалъ, которыя держали съ боковъ дѣвушки,—и объявила:

— Кажись, готово. Встати на ножки не поизволишь-ли, государыня-царевна великая.

Пока обряжали Наталью, пока сестра, словно шалая, вертѣлась здѣсь, то пѣла, то плясала одна, пока старуханянька заливалась слезами, радуясь счастью питомицы, а мать, вся пунцовая отъ хлопотъ и восторга,—во все мѣшалась и скорѣй замедляла работу, чѣмъ помогала ей,—Наталья въ это время почти овладѣла собой.

Живая и впечатлительная, она въ тоже время была очень разсудительна по природѣ. Фактъ необычайнаго счастья сталъ такъ ярко, хотя и внезапно передъ нею, что она ужъ отогнала отъ себя первое ощущеніе, чувство страха передъ чѣмъ то великимъ и невѣдомымъ,—и стала думать о томъ, что, какъ ей было извѣстно, предстоитъ впереди всякой дѣвушкѣ, выходящей замужъ, изъ-подъ крова родительскаго вступающей подъ кровъ мужа.

Изъ разсказовъ Матвѣева и самого царя — Наталья довольно хорошо ознакомилась не только съ порядкомъ и строемъ внѣшней жизни въ кремлевскихъ теремахъ, но и съ внутреннимъ укладомъ дворцовой жизни, со многими взаимоотношеніями, которыя глубоко сокрыты отъ глазъ цѣлаго міра.

Какъ повести себя на первыхъ порахъ? Что открыто принять? Съ чѣмъ можно и должно начать бороться?.. — Вотъ какія мысли сразу забродили въ головѣ дѣвушки въ тотъ самый моментъ, когда на эту головку начали возла-

гать и осторожно прилаживать тяжелую „коруну“, царскій вѣнецъ съ городками.

Солнце какъ разъ показалось на горизонтѣ, быстро стало подниматься, кидая первые, косые, розовые еще лучи въ оконце свѣтелки. И блескъ, которымъ загорѣлся вѣнецъ, густо-усыпанный дорогами, большими самоцвѣтами—заставлялъ жмурить глаза...

Въ зеркало залюбовалась на себя Наталья. Но сейчасъ-же почувствовала, какъ тяжело налегла на голову царская діадема.

— Матушка, тяжело мнѣ... Не стерплю я,—негромко шепнула она матери.

— Ништо, потерпи малость. Книзу бы такъ выйти. Въ колымагу сядемъ—снимемъ. А тамо — сызнова надѣнемъ вѣнецъ твой царскій... Привыкнешь... Надо привыкать къ счастью къ своему великому, доченька...

Сказала Нарышкина— и не поняла, что горькую правду повѣдала дочери: привыкать теперь надо новоизбранной царицѣ къ „тяжкому бременю“, къ вѣнцу и къ счастью быть царицей московскою...

— Ну, вставай, вставай-же, доченька,—снова заговорила мать, слегка поддерживая подъ локоть дочь-царицу.

Наталья сдѣлала было движеніе встать, и сейчасъ же снова опустилась на мѣсто.

— Ой, не въ могу... Тягота на мнѣ больно великая... Плечи давить... Ноги вяжетъ... Къ землѣ—такъ и клонить, ровно веригами гнететъ, матушка родимая... Не можно ли полегче чего надѣть?

— Али ты спятила, государыня-царица, моя доченька?.. И молчи... Пишкни... Што за рѣчи пустяшныя... Одѣли, значитца, такъ надоть... Царь прислалъ, а она, на—поди, полегше нѣтъ ли?.. Ну, на меня обоприся... Не молода, а выдержу... Вонъ, боярыня подсобить. А тамо, внизу —

отецъ поддержитъ... До колымаги бы только. Сядешь — и доѣдешь, не учуешь, какъ до царскихъ теремовъ докатишь... Шутка ли... И не досадуй ты... не зли ты меня, слышь, Наталья... Ну, милая... Царицушка—моя дочушка... Шагай... шагай... порожекъ тутъ... Вотъ... ступенечка... такъ... Вотъ ужъ... Въ сей часъ... вотъ...

И такъ, ворча и ласково—оберегая, довела мать Наталью до низу, гдѣ отецъ и братъ, почти на рукахъ поднявъ, —внесли, поддерживая подъ локти, нареченную царевну въ покой, къ посламъ Алексѣя. Здѣсь отецъ съ матерью благословили дочь семейнымъ, стариннымъ образомъ Владычицы Одигитріи въ золотой ризѣ.

Еще разъ отдавъ поклоны, всѣ двинулись впередъ.

Повели и Наталью, усадили въ каптанку царскую. Младшій братъ, разодѣтый въ шелковую рубашечкѣ, въ новомъ кафтанчикѣ, держалъ икону, которою благословили Наталью. Мать, сестра, Евдокія Матвѣева и отецъ—сѣли тоже съ нею вмѣстѣ. Остальные—размѣстились въ другихъ колымагахъ — и тѣмъ-же порядкомъ, что и прежде, весь поѣздъ двинулся во дворецъ.

На царициной половинѣ, въ Золотой палатѣ все приготовлено для принятія царской невѣсты.

Палата названа Золотой потому, что весь ея сводчатый потолокъ покрытъ блестящей позолотой, по которой росписаны деревья, зелень, цвѣты, виноградъ, райскія птицы и невиданные плоды и травы. Все это — поражаетъ яркостью и гармоніей тоновъ и красокъ. По срединѣ со свода — глядитъ левъ, изъ пасти котораго внизъ опускается, кольцами свитая змѣя чеканной работы. Къ кольцамъ змѣи прикрѣплены и свисаютъ художественно-отдѣланные подсвѣчники, образуя богатую люстру.

Стѣны мастерски расписаны изображеніями ангеловъ, херувимовъ, святыхъ и великомучениковъ, святителей церкви.

Посрединѣ, надъ самымъ тронѣмъ, „надъ мѣстомъ“ царицы—въ богатой золотой ризѣ, сверкая крупными, драгоценными камнями, Богоматерь съ Младенцемъ, Царица Небесная, какъ бы готова осѣнить своимъ благословеніемъ властительницу земную, которая займетъ тронъ, стоящій внизу. Лики святыхъ угодниковъ въ золотыхъ вѣнцахъ, тоже осыпанныхъ жемчугами, яхонтами и сапфирами, обрамляютъ главный образъ. Лампады, теплясь день и ночь, играютъ своими желтоватыми, красноватыми огоньками на грани самоцвѣтовъ, на золотомъ сіяніи оклада.

Полъ сплошь застланъ мягкими персидскими коврами, заглушающими шаги.

Шелкомъ и золотомъ вышиты на этихъ коврахъ охотники, звѣри, цвѣты, радуя взоры переливами и гармоніей тѣней и красокъ.

Сюда ввели и посадили на тронъ Наталью. Боярыни въ парчевыхъ одѣяніяхъ, тоже усыпанные драгоценностями, размѣстились по бокамъ трона. На каждой, по обычаю—дорогая шубка червчатого сукна огнемъ горитъ изъ-подъ золотистаго шелковаго лѣтника.

Только здѣсь, въ этой палатѣ, на полномъ свѣту, среди блеска и роскоши царскаго жилища, и сама Наталья, и всѣ окружающіе могли разглядѣть и понять, какое несмѣтное богатство надѣла на себя дѣвушка вмѣстѣ съ ея нарядомъ, гдѣ тоже сочетались: царскій багрянецъ съ желтыми, золотистыми тонами тканей.

„Вѣнецъ съ города“—царская діадема съ 12 зубцами, вся искусно-составленная изъ крупныхъ карбункуловъ, алмазовъ, жемчужинъ и топазовъ — кругомъ была опоясана огромными сапфирами и аметистами чистѣйшей воды. Отъ этой діадемы на вискахъ ниспадали длинныя тройныя цѣпи, „рясы“, составленные изъ брилліантовъ, яхонтовъ и такихъ большихъ, круглыхъ изумрудовъ, которымъ невозможно было

даже опредѣлить цѣны. Сарафанъ царевны съ рукавами, доходящими до самыхъ пальцевъ, изъ толстой шелковой матеріи, отливающей оттѣнками перламутра и снѣга, унизанъ дорогими рубинами, изумрудами, сапфирами, узорами изъ крупнаго жемчуга. Вмѣсто пуговицъ—тоже дорогіе каменья рѣдкой красоты и величины, идутъ двойнымъ рядомъ отъ горла до самаго пола. Подолъ затканъ жемчугами и каменьями. Замѣняющій царскую мантию лѣтникъ изъ золотистой шелковой матеріи, весь гладкій и простой на видъ, ослѣпляетъ глаза только каймой своей изъ алмазовъ и сапфировъ, нашитыхъ густо по краямъ. Царская цѣпь — вся изъ крупныхъ, почти неграненныхъ изумрудовъ, изъ сверкающихъ всѣми огнями брилліантовъ. На башмакахъ, на оплечьяхъ Натальи—ряды драгоцѣнныхъ самоцвѣтовъ. Браслеты дорогіе, кольца, серьги съ крупными брилліантами... Цѣлое царство можно купить и создать на деньги, вырученные за эти сокровища...

А Наталья даже мало удовольствія испытываетъ при мысли, что все это въ ея распоряженіи, въ ея власти. Только душно и тяжело ей. Скорѣй бы пришелъ царь. Скорѣй бы кончились всѣ обряды... Снять царское великолѣпіе... Быть царицей, но безъ этихъ веригъ несмѣтной цѣны и сказочнаго блеска... Вотъ чего хочетъ новая царица, едва ступившая ногой на ступени московскаго трона...

И только мысль, что такъ будетъ, надежда, что все скоро кончится, помогаетъ дѣвушка нести бремя, надѣтое на нее царскими боярынями вмѣстѣ съ ея же родною матерью.

Шумъ и говоръ послышался за дверьми.

Сѣнной истопникъ распахнулъ дверь, придержалъ завѣсу, вошла боярыня Лопухина, поклонилась Натальѣ и доложила:

— Великія государыни царевны, дочери нарѣченныя

твоего царскаго величества жаловать изволятъ, здоровати твою милость хотятъ, челомъ добить. А за ими—тетки цареви, царевны-государыни, великія княгини: Ирина да Анна да Татіана Михайловны. А тамо—и самъ великій осударь изволить жаловати.

Наталья оглянулась на грузинскую царевну, Елену Леонтьевну.

Послѣдняя, какъ старѣйшая, избранная въ посаженныя матери Алексѣемъ, сидѣла на особомъ мѣстѣ, противъ трона, приготовленнаго для царя. Противъ трона Натальи стояло второе такое же мѣсто, пустующее пока. Оно было приготовлено для главной свахи царицы-новобрачной, для боярыни Θεодосіи Прокопьевны Морозовой, вдовы боярина—бывшаго правителя и воспитателя Алексѣя. Елена Леонтьевна, за отсутствіемъ послѣдней, руководила порядкомъ пріема, подсказывая Натальѣ, что ей говорить и дѣлать, а больше—сама говорила отъ имени ея.

И сейчасъ добрая женщина негромко сказала Натальѣ:

— Ты сиди, государыня. Я за тея отвѣтъ держать стану.

И, обернувшись къ Лопухиной, объявила:

— Великая государыня, царевна Наталія Кирилловна жалуетъ милостью, очи свои дочерямъ нареченнымъ видѣть изволяетъ, любовь ихъ и поклонъ пріяти ждетъ.

Вошли всѣ царевны. Евдокія 20-лѣтняя, полная, невысокаго роста, лицомъ похожая на отца, за ней—погодки: Марфа, Софія, Екатерина, Марія и Федосія, самая младшая, 10 лѣтъ, довольно миловидная дѣвочка.

Тяжелые, парчевые сарафаны, тѣлогрѣи и опашни дѣлали неуклюжими этихъ дѣвушекъ; а смущеніе и невольная непріязнь къ новой женщинѣ, которая явилась такъ внезапно, чтобы занять мѣсто ихъ покойной матери, еще больше вязали движенія, пробивались въ звукахъ юныхъ

дѣвичьихъ голосовъ, приносящихъ поздравленіе такой молодой и красивой мачехѣ...

Сестры царя много теплѣе и искреннѣе привѣтствовали Наталью, и она тоже очень живо, даже не по ритуалу отвѣтила имъ и потянулась поцѣловать всѣхъ трехъ.

Сейчасъ же вошелъ молодой стольникъ и громко доложилъ:

— Ево царское величество, осударь — великій князь жаловать изволить.

Съ помощью двухъ сильныхъ боярынь Наталья сошла съ трона и двинулась къ дверямъ, чтобы встрѣтить царственного жениха съ низкимъ земнымъ поклономъ.

Окруженный толпой бояръ, появился Алексѣй въ богатомъ жениховскомъ нарядѣ.

Нижняя фѣреза изъ бѣлаго, тонкаго сукна, на соболяхъ, опушена была алымъ бархатомъ, богато-расшитымъ и изукрашеннымъ узорами золотыхъ плетеній, жемчугами и запанами, застежками чеканнаго золота. Подбитая собольими „пупками“ съ пухомъ, атласная фѣреза, ярко-желтаго цвѣта, расшитая серебряными травами и шелковыми листьями разныхъ цвѣтовъ, — тоже разукрашена была золотыми кистями, выпушками и плетеными завязками. Бѣлый атласный, совершенно гладкій зипунъ красиво дополнялъ нарядъ. Алаго бархата шапка, опушенная бобрами, горѣла двумя многоцѣнными „запанами“, вродѣ кокардъ, усыпанныхъ крупными изумрудами, рубинами и топазами. На плечахъ темнѣло мѣхомъ и горѣло богатыми застежками царское ожерелье. На ногахъ были „ичетыги“, родъ кожаныхъ чулокъ, и остроносовые башмаки изъ желтаго, мягкаго сафьяна на алой подкладкѣ. Царь опирался на свой парадный индійскій, драгоценный посохъ изъ кости, весь усыпанный камнями, украшенный золотомъ.

Войдя въ Палату, Алексѣй, вопреки обычаю и съ не-

свойственной даже ему отъ природы живостью поспѣшилъ къ Натальѣ.

Онъ зналъ по опыту всю тяготу царскихъ ризъ и вѣнца. Все утро одно опасеніе тревожило его, какъ бы Наталья не сомлѣла отъ тяжелаго убора. И хотѣлъ скорѣе кончить всѣ необходимыя церемоніи, дать облегченіе любимой дѣвушкѣ.

Правда, можно было бы одѣть не такъ богато невѣсту. Но тогда бы новыя нареканія пошли кругомъ:

— Взялъ-де царь въ жены убогую дѣвицу, незначную, неродовитую, а и на свадьбѣ-то убого обрядилъ.

Охраняя самолюбіе Натальи, какъ царицы московской, и повелѣлъ онъ обрядить невѣсту въ самые дорогіе уборы, такъ что она казалась какимъ-то нездѣшнымъ божествомъ, сплошь закованнымъ въ золото и дорогіе каменья... И сейчасъ, когда Наталья послѣ поклона подняла на него глаза, онъ сквозь маску притираній замѣтилъ, что лицо ея смертельно блѣдно отъ волненій и усталости. Но глаза горѣли такой силой и полны такой радости, что царь успокоился совершенно. Сѣвъ на свой тронъ, онъ взялъ съ подноса ширинку и кольцо, приготовленные тутъ же, на столикѣ, и подаль все Наталья, которая, склонивъ голову, стояла у подножья обоихъ троновъ. Царевна Грузинская поднялась и стала у своего мѣста.

Тысяцкій, царевичъ Грузинскій, выступая на шагъ, сказалъ:

— Царевна Наталія Кирилловна, жалуешь тебѣ его величество, государь, великій князь и царь всея Россіи кольцомъ и ширинкой, яко тебя волишь пояти въ жены и нареши великою княгиней, государыней-царицей московской и всея Россіи.

Поддерживаемая двумя провожатыми, Наталья отдала поясной поклонъ жениху, касаясь земли пальцами своихъ

похолодѣлыхъ, трепещущихъ рукъ. Даже подъ соболинымъ оплечьемъ, подъ броней парчевыхъ одеждъ, можно было видѣть, какъ порывисто вздымается и опадаетъ высокая, сильная грудь Натальи...

Царь протянулъ руку, какъ бы желая помочь ей подняться послѣ поклона и взойти на ступени, чтобы сѣсть на тронъ, поставленный немного пониже его сидѣнья.

Въ знакъ покорности невѣста прикоснулась губами къ рукѣ царя и опустилась на подушки своего трона.

Тутъ только Алексѣй замѣтилъ, что мѣсто, приготовленное для главной свахи невѣстиной, для Морозовой, пусто. Пока онъ скользилъ глазами по толпѣ бояръ, пришедшей за нимъ, какъ бы отыскивая кого-то, обрядъ шелъ своимъ чередомъ.

Вотъ ужъ посаженная мать царя объявила его полный царскій титулъ, огласила великую вѣсть, что царь московскій беретъ себѣ въ жены дѣвицу, царевну Наталью, по отцу Кириллову, роду Нарышкиныхъ.

Время и Морозовой, какъ главной свахѣ невѣсты, объявить тоже отъ имени Натальи.

Алексѣй въ это время подозвалъ къ себѣ князя Петра Урусова, стоящаго за толпой бояръ, видимо, чѣмъ-то подавленнаго, и спросилъ:

— А гдѣ же боярыня, вдова честная Федосья Прокопьевна? Былъ ты у ней съ зовомъ нашимъ? Вѣдаетъ ли, какая честь ей выпала? Отчево нѣту Федосьи? Али задержало што? Надо бы въ пору упредить насъ. Ишь, называть царевну пора, а ея нѣтъ. Не отложить же добраводѣла теперя. Гдѣ она?.. Што молчишь? Видалъ ли свояченицу? Объявилъ ли?.. Ну!..

— Видалъ... говорилъ, государь... Вотъ, лихъ, недавнушко и вошелъ сюды, въ палату. Отвѣтъ тебѣ, государю, сказывать собрался... Ждалъ, когда спросишь... Слышь, го-

ворить боярыня: „на чести-де челомъ бью... Благодарствую... А быти не могу. Годы мои не молодіи. Да и ногами зѣло прискорбна, а ни стояти, ни ходити не могу“. Такъ сказывала боярыня, государь!..

Наталья слышала, что говорить Урусовъ и все поняла. Очевидно гордая боярыня, одна изъ знатнѣйшихъ при дворѣ, — защитница старыхъ, истовыхъ обычаевъ, — не хочетъ принимать участія въ царской свадьбѣ, такъ на скоро, словно — увозомъ, состряпанной, не желаетъ своимъ участіемъ придать блеску на торжествѣ новой, неродовитой избранницы царской...

И противъ воли затуманилось сіяющее до сихъ поръ, лицо Натальи. Двѣ крупныхъ слезы выступили и застыли на большихъ, прекрасныхъ глазахъ.

Замѣтилъ это Алексѣй. И такъ онъ былъ недоволенъ досадной заминкой въ общемъ ходѣ дѣла. Хотя почти безо всякихъ лишнихъ обрядностей правится вторая свадьба царя, но есть обычаи столь-же укоренившіеся, такіе же многозначительные почти, какъ и церковные обряды. Посаженная мать — должна быть на своемъ мѣстѣ и дѣлать, что полагается... Уколъ самолюбію Натальи — отдался еще больнѣе въ душѣ царя.

Онъ ужъ не сдержавшись нисколько, громко и гнѣвно отчеканилъ:

— Знаю: загордилась она... Ишь, немочна!.. Годы... 40 годовъ бабѣ... Ну, да, ладно... Честь ей, не намъ. Ей и поруха чести... Ладно...

Порывисто, сердито отвернулся онъ отъ Урусова, словно и тотъ былъ виноватъ вмѣстѣ съ его свояченицей, и сталъ оглядывать остальныхъ боярынь, окружающихъ невѣсту, что бы выбрать самую достойную. Княгини: Одоевская, Троекурова, Хилкова и жена Голохвастова — сидѣли у трона, кзкъ почетныя свахи.

Боярыня Анна Хитрово, занимавшая одно изъ первыхъ мѣстъ, тоже сдѣлала, словно противъ воли, движеніе на встрѣчу взгляду царя. Ей казалось, что по годамъ и за слугамъ, по родовитости и близости къ трону — ей скорѣе всѣхъ надо занять почетное мѣсто.

Но Алексѣй, безсознательно чуялъ, какъ не похожа душа старухи на ея набожную, елейную внѣшность; онъ скользнулъ торопливымъ взглядомъ мимо и, обратясь ко второй свахѣ, княгинѣ Одоевской, сидя, отдалъ ей поклонъ головой и сказалъ:

— Княгиня Анна Михайловна, тебѣ челомъ бьемъ: стань, займи первое мѣсто при нареченной царевнѣ нашей, Наталіи. Нареки царевну.

Съ низкимъ поклономъ приняла милость княгиня, поспѣшила на мѣсто и нарекла Наталью. Затѣмъ посаженный отецъ и свать древними образами въ дорогихъ ризахъ благословили жениха и невѣсту.

Начались поздравленія. Пили первую чару во здравіе обрученныхъ.

Вся семья Нарышкиныхъ по знаку Алексѣя выступила впередъ и онъ объявилъ имъ:

— Поволилъ я взять себѣ для сочетанья законнаго брака, царевну нареченную, Кириллову дочь, Наталью, вашего роду, Нарышкиныхъ. То памятуя, вы бы мнѣ и царицѣ вашей вѣрно по правдѣ служили, души и жизни своей не жалѣючи. Для тово и быти вамъ близко при нашихъ царскихъ особахъ. А какъ? — про то я указъ укажу по розрядамъ.

Упали въ землю всѣ: отецъ съ матерью, братья, дяди и сестры Натальи. Къ рукъ потомъ ихъ допустили царь и его невѣста. Она и обнималась съ каждымъ поочередно, не сходя съ трона.

— Ну, кажись, кончено все, што нелѣтъ было не сдѣ-

лати. Теперь и во храмъ Божій пора, попы ждутъ, — видимо успокоясь и снова повеселѣвъ, объявилъ царь.

И первый всталъ, вышелъ изъ Палаты.

Хотя и на-скоро, безъ обычнаго торжества и пышныхъ приготовленій справляетъ свою вторую свадьбу московскій царь, но въ Успенскомъ соборѣ яблоку негдѣ упасть отъ толпы вельможъ, бояръ, боярынь и всякаго званія „верховыхъ“, придворныхъ людей, обязанныхъ или имѣющихъ возможность быть на этомъ торжествѣ.

Даже на паперти, не смотря на трескучій морозъ, тѣснятся тѣ, кто не успѣлъ занять мѣстечко внутри храма. Царское мѣсто—богато разубрано коврами, мѣхами. Лучшія двѣ „стайки“, два хора царя и Патріарха состязаются, стараясь превзойти одна другую искусствомъ, силою голосовъ и красотою напѣвовъ.

Послѣ торжественной литургіи совершенно было вѣнчанье.

Кончился церковный обрядъ.

Вернулись во дворецъ. Червонцами и хмелемъ изъ рѣшета, по обычаю, осыпали новобрачныхъ.

Все за столы усѣлись. Царица Наталья только передѣться успѣла. Вмѣсто вѣнца богато-расшитая, царская кика, украшенная драгоценными камнями у нея на головѣ. И не такъ ужъ давить ей голову, какъ сіяющій вѣнецъ. Ризы тоже другія одѣты, и оплечья, и мантия. Все сверкаетъ и горитъ самоцвѣтами. Но уже не приходится царицѣ сгибаться подъ трехпудовою тяжестью царскихъ сокровищъ, равныхъ по тяжести своей тѣмъ цѣпямъ и веригамъ желѣзнымъ, какія носятъ порой угодники и старцы святой жизни.

За особымъ столомъ въ большой Столовой палатѣ сидятъ новобрачные. Родня царя и царицы, первые вельможи, царевичи, князья и бояре тутъ-же, за другими столами, „безъ чиновъ“ разсѣлись.

У входа, за двумя поставцами—оба дворецкіе сидятъ, царя и царицы: Богданъ Хитрово и князь Борисъ Голицынъ. Они принимаютъ блюда отъ „путныхъ ключниковъ“, получающихъ блюда съ поварни. Отвѣдавъ,—посылаетъ Хитрово блюдо на столъ царю, а Голицынъ — царицѣ. Тутъ-же, по назначенію царя, и Матвѣевъ принимаетъ участіе, тоже отвѣдываетъ кушанья и напитки; какіе подаются на царскій столъ.

Стольники, молодые юноши, и постарше: князья и бояре— у царскаго стола, — разносятъ блюда съ поставца — куда слѣдуетъ, передаютъ царскимъ крайчимъ; разливаютъ напитки, наполняютъ и подаютъ кубки и чарки.

Въ другихъ покояхъ, даже въ сѣняхъ тоже столы поставлены для всей свиты царской, для всѣхъ обитателей кремлевскихъ дворцовъ. Убогіе, юродивые и нищіе старцы, которые имѣютъ пріютъ „въ Верху“—особо кормятся.

Не забылъ царь и остальныхъ бѣдняковъ своего престольнаго града.

На Воздвиженкѣ, въ новомъ зданіи, на Аптекарскомъ дворѣ—устроены тоже столы для царскихъ пѣвчихъ „стаекъ“ (хоровъ), для приказныхъ побѣднѣе и для всѣхъ московскихъ нищихъ. По 300 и болѣе человекъ на каждую смѣну тамъ садится за простые деревянные столы поспражновать ради свадьбы царя.

Низшая челядь дворцовая, стрѣльцы караульные, рейтары и драбанты—всѣ пируютъ, гдѣ кому мѣсто указано.

Цѣлый адъ огня и чаду въ пекарняхъ и поварняхъ кремлевскихъ. День и ночь, не покладая рукъ тамъ пекутъ, варятъ, жарятъ. Двери подваловъ, то и знай, скрипятъ на тяжелыхъ петляхъ и оттуда не только выносятся сулеи съ медами и винами, а цѣлыми боченками и бочками выкатываются различные напитки и настойки.

Едва темнѣтъ стало, — тысяцкій вмѣстѣ съ дружкой проводили на покой новобрачныхъ въ особую опочивальню,

„сѣвникъ“, гдѣ было устроено ложе изъ 40 необмолоченныхъ сноповъ, искусно уложенныхъ и покрытыхъ шкурами, дорогами мѣхами и тканными покрывами.

Московское царство — царство земледѣльческое больше всего. Это выражается въ устройствѣ параднаго брачнаго покоя.

Верхомъ на коняхъ дружки царя и царицы — охраняютъ сонъ новобрачныхъ, объѣзжая вокругъ уединенной, небольшой избы, гдѣ устроена опочивальня.

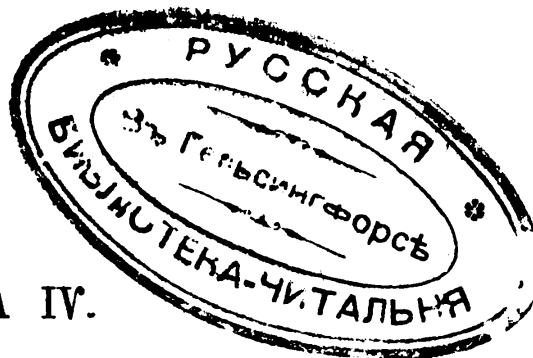
А пиръ во дворцѣ — тянется непрерывно, до зари... И на другой, и на третій день — шель пиръ горой. Счастливы и довольны Алексѣй, что первый разъ въ жизни ему въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ своя женитьба, — удалось все сдѣлать, какъ онъ хотѣлъ. И, щедро одаря своихъ друзей и родню молодой новобрачной, — онъ даже не забылъ завѣдомыхъ ослушниковъ, противниковъ его царской воли.

Хитрово со всѣми ближними, и Милославскіе — были одарены въ эти радостные дни.

Только Ивану Михайловичу Милославскому пришлось удалиться въ почетную ссылку. Въ Астрахань воеводой назначилъ его царь и указалъ не мѣшкая, часу не пропуская, ѣхать на воеводство...

Всѣ три дня были заперты Кремлевскія ворота. Ни сюда, ни отсюда никого не пропускали безъ особаго приказа царя. И все время завѣдовалъ караулами Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, котораго, вмѣстѣ съ Кирилломъ Нарышкинымъ, царь пожаловалъ и вотчинами, и деньгами и чиномъ дворянина думнаго и „комнатнаго“, то-есть — приближеннаго къ себѣ постоянно. Тутъ-же Матвѣеву былъ переданъ въ обереженіе Посольскій приказъ, вмѣсто старика, Нардынъ-Нащекины, которому давно пора уйти на покой.

Еще съ одной ослушницей рѣшилъ свести счеты царь: съ надменной и упорной боярыней Федосѣей Морозовой. Но отложилъ это на послѣ.

ГЛАВА IV.

Великій въ грядущемъ.

Незамѣтно проносятся дни, если нѣтъ ни печалей особыхъ, ни радостей въ жизни человѣка.

Вотъ ужъ и середина августа, 1671 года. Больше полу-года прошло со дня женитьбы царя.

Спокоенъ, доволенъ онъ, радостенъ. Особыхъ заботъ ни въ семьѣ, ни по царству нѣтъ никакихъ. Но если начать припоминать,—никакъ не вспомнишь: что позавчера было, что—недѣлю тому назадъ? Должно быть, тоже, что и сегодня, что и завтра будетъ... Сонъ, трапеза, молитва, совѣты съ боярами, доклады по дѣламъ царства, отдыхъ на половинѣ у царицы, ея умныя, живыя, ласковыя рѣчи, милыя, шаловливыя выходки порою, которыми, какъ лучемъ, скрашивается сѣрая, скучная жизнь теремовъ...

И затихаетъ на покоѣ душа, а въ тоже время, что-то словно плачетъ въ ней, жалуется, проситъ дѣла, борьбы, трудной работы...

Правда, началъ Алексѣй тягаться съ однимъ „супостатомъ“, да—женщина эта боярыня Феодосія Морозова.

Помня ея обиду въ день свадьбы, поджигаемый разными дворцовыми переносчиками и переносчицами—царь рѣшилъ обуздать боярыню, которая не только явно осуждаетъ всякія новшества, самыя разумныя, самыя невинныя, какія допускаются во дворцѣ,—но даетъ пріютъ и оказываетъ помощь

всѣмъ „ревнителямъ древляго благочестія“, называя царя и всѣхъ, кто принялъ новые уставы патріарха Никона — „еретиками“, сынами антихриста и діавола.

— Охъ, тяжело ей пратися, боротися со мною, — замѣтилъ нахмурясь царь, услышавъ все, что ему донесли о боярынѣ: — Одинъ кто изъ насъ — именно одолѣетъ. Да — не она же, такъ уповаю...

И — обрушился всей силой на благочестивую, желающую по своему жить и вѣрить, хорошую женщину. Даже пытать ее приказалъ, если не уступить, не приметъ того-же символа вѣры, того-же крестнаго перстосложенія, какого держится царь, царица и всѣ, кто съ ними...

Но плохо удастся затѣя царю. Пытки терпитъ Морозова, коритъ царя въ нечестіи, въ безсердечіи — и не сдается. Да, если бы и сдалась — чести и утѣхи мало: съ противникомъ-мужчиной и почетнѣй было бы и пріятнѣе бороться и побѣдить. А какая радость, если даже удастся смирить „бабу“, хотя бы и такую жестоковѣрную, какъ Федосья Прокопьевна, которая почетъ и блага міра по доброй волѣ мѣняетъ на дыбу, на пытки, на кнутъ палача, на великій подвигъ мученичества ради имени Христова...

И, не смотря на отсутствіе особыхъ заботъ и печалей, хмуро лицо царя.

12 августа, по привычкѣ, рано всталъ Алексѣй. Отстоялъ заутреню, принялъ доклады очередные: начальника дворцовой стражи и дворецкаго. Теперь сидитъ въ своемъ кабинетѣ съ Матвѣевымъ и слушаетъ докладъ о томъ, что творится въ чужихъ краяхъ, въ иныхъ земляхъ.

Тутъ-же карта лежитъ небольшая развернута и широко-образованный Матвѣевъ, вездѣ почти побывавшій, все видѣвшій, — свои сообщенія и соображенія сопровождаетъ указаніями на разныя мѣста въ этой картѣ, обводя границы странъ и городовъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Указываетъ—и говорить онъ царю:

— Своего, будто бы, наслѣдія давняго король французскій домогаться сталъ. И того ради за рѣку великую, за Рейнъ выступить мыслить, приморскую низменную страну, Нидерландами именуемую, воевать задумалъ. Благо, некому въ сейчасъ супротивъ силы его французской большую силу—ратъ выставить. Это — одно, государь, о чемъ наши люди вѣрные знать даютъ... А другое — и на Восходѣ солнца—крутая каша закипать собирается. Слышь, противъ круля Яна-Казмира султанъ турецкій сильное войско тоже готовить. Вишь, словно-бы все Подолье и съ Каменцомъ-городкомъ къ нему отойти должно... Ну, тутъ ужъ, милостивецъ, коли правду не крыть, — и нашего ложка медку положена. Думается: какъ ударить султанъ на круля,—мы поспѣемъ и отъ Польши своего кой чего, изъ старыхъ пожитковъ оттягать. Попомнимъ имъ походы наши... Да и на московскомъ берегу на Украинѣ не такъ тѣсно станетъ. Казаки—скорѣй на невѣрныхъ насунутся, ничѣмъ на своихъ православныхъ, на проѣзжій торговый людъ. А то—и отъ своихъ, и отъ татаръ—проѣзду, проходу не стало за рубежъ за восточный ни нашимъ, московскимъ, ни иноземнымъ торговцамъ. Торгу нѣтъ — и денегъ нѣтъ въ казнѣ твоей царской, государь.

— Твоя правда, Матвѣичъ. Мало стало казны... А надо ее, охъ, какъ много надо... Съ деньгами—чево сдѣлать нельзя. А безъ нихъ...

— Безъ нихъ, вѣстимо, государь, и царю, что псарю,— все едино, плохо. Да, никто, какъ Богъ. Возьмемъ свое, милостивецъ...

— Давай Богъ... Только, хто возьметъ-то. Не-я, Артамонъчъ, ужъ што себя тѣшить. Годы уходятъ, силы уходятъ... Не вернутся походы наши польскіе... Видно, скоро и Богу отчетъ давать придется... Ужъ развѣ, послѣ меня хто...

— И, что за нерадостныя мысли, государь. „Молодому“ грѣхъ бы и толковать такое. Женился давно-ли? А гутъ и помирать собираешься, государь. Али, храни Боже, чѣмъ молодая не угодила? Такъ, не по волѣ, вѣрь, государь. Знаю я великую государыню, Наталью Кирилловну... Она...

— Да, не о ней рѣчь... О сыновьяхъ, о царевичахъ думаю... Федя, вотъ. Сядетъ онъ на престолъ на царскій... Самъ говоришь: годы настаютъ тяжелые, беспокойные. А онъ... Видишь, знаешь Федю... Дай Богъ того не растерять, што оставлю ему въ наслѣдье, не то — приумножить земли да славы царской... Ваня... Тотъ и овсе скорбенъ умомъ и тѣломъ хворый... За што, подумаешь, такъ покаралъ Господь меня. Грѣшенъ я словъ нѣтъ... Такъ, другихъ не хуже. У инова... Вонъ, погляди въ окно, на паперти, насупротивъ: нищенка дремлетъ... А ребеночекъ — словно яблочко налитое у ей... у нищей... А у меня... у царя...

Онъ не договорилъ, умолкъ.

— Дакъ, што же, — осторожно, послѣ молчанія, заговорилъ Матвѣевъ: — сынки, царевичи, — правду молвить, не больно што бы крѣпеньки, — дай имъ Господь многа лѣта... Такъ за то-жъ царевны твои, государь, — словно маковъ цвѣтъ цвѣтутъ. И разумомъ — всѣ вышли, особливо, царевна свѣтъ Софья Алексѣевна. Мала еще, а сколь разумна. Не мимо имячко дано: Софія, си рѣчи — Премудрая... Такъ и будетъ, гляди...

— Царевны... Нѣтъ у насъ давно такого свычаю, што бы царевнѣ наслѣдье отцово, тронъ московскій оставить можно было. И думать нечего. Другая дума была моя...

Алексѣй не dokonчилъ, замолчалъ.

Матвѣевъ давно догадался, что угнетаетъ царя. Онъ ждалъ, что отъ Натальи судьба пошлетъ ему хорошаго сына, постояннаго наслѣдника престола. И ожиданье, доходящее до

лихорадочнаго нетерпѣнія, смущало обычно — безмятежную душу Тишайшаго царя.

Послѣ небольшого молчанія, Матвѣевъ снова осторожно, какъ будто противъ воли понижая голосъ, заговорилъ:

— Не посѣтуй, поизволь выслушать, государь. Коли слово мое не по праву тебѣ придется, — твори ужъ что хочешь со мною... Какъ еще былъ я въ чужихъ краяхъ, и у англійскаго владыки, и у австрійскаго императора... Вездѣ такихъ прорицателей видѣлъ, али слышалъ, что ученые мужи разные — по звѣздамъ глядятъ и напередъ видятъ: чево ждать государю али бо — государынѣ въ скорости надо? Какъ скажутъ сіи звѣздочеты, астерологусы именуемые, — такъ и бываетъ... И у насъ свой, почитай, такой же, объявился... Знаешь, государь, навѣщаю я наставника многочтиваго, слугу твоего вѣрнаго, Симеона Полоцскаго. Не разъ и о томъ рѣчь у насъ шла, что кручиненъ ты бываешь, государь... И чѣмъ кручиненъ, и то мы обсуждали. Ужъ, прости, все говорю. Повинную голову, знаешь: мечъ не рубить... И собирался Симеонъ самъ по звѣздамъ честь про твое царское величество и про царицу нашу многолюбезную... Какъ ужъ издавна навѣкъ мудрый мнихъ тотъ въ наукѣ высокой, мало кому и вѣдомой... Да, ты не тревожь души своей, государь. Не отъ лукавого, отъ Бога это познаніе. И не черезъ что, чрезъ звѣзды Божіи познаніе дается чело-вѣку. Не волшба, не измѣненіе жребія, а только прозорливость нѣкая дается, какъ бы сквозь туманъ земной — впередъ провидѣть можно... Нѣтъ грѣха въ дѣлѣ семъ...

— Вѣстимо, грѣха нѣтъ. Отецъ Симеонъ — строгій жизни монахъ, богобоязный. Кто не знаетъ тово? А, правда твоя: смѣтилъ ты, что жутко мнѣ стало. Не отъ чево инова, отъ слабосердія нашего. Страшно, коли што худое узнаешь, чево избыть неможно, а еще долго ждать приходится...

Видно Богъ добро творилъ, что не позволилъ чловѣкамъ напередъ узнать всю судьбу свою... И жить бы тогда, гляди, мало хто захотѣлъ... Вотъ, о чемъ я не раскидываю въ умѣ, чево не жду?.. И по царству, и въ своемъ дому... А знай я, что ни земли не преумножу, ни доживу: въ дѣтяхъ видѣть утѣхи да радости... Можетъ, и отчаяніе овладѣло бы мною, рабомъ недостойнымъ... И роптать сталъ бы на Господа, али и хуже што... Вся надежда держать... Здѣсь—на лучшее... А на небеси—и вовсе награды ждемъ, блаженства вѣчнаго... Вотъ, и живешь, и не хуже становишься, а все на лучшее тянетъ... Премудрость Божія... А... а все же...

— Охота, поди, и впередъ заглянуть: хоть малость, хоть про самое главное... Это молвить хотѣлъ, государь? Вѣстимо... Да, то хоть вспомни: на войнѣ. Думается, што нашъ верхъ будетъ. Войска у насъ и припасу больше... И мѣсто наше — поспособіе, ничѣмъ у враговъ... Ударить легче на нихъ... А все же: лазы посылаешь, доводцевъ ищешь, вѣрнѣе бы узнать... Можно ли одолѣть врага. И гдѣ къ нему подойти способіе, куды ударить лучше?.. Да, и при всемъ томъ бываетъ, Господь не захочетъ: Давидъ Голіафа побиваетъ, а не Голіафъ пастушонка малова... Такъ и въ жизни. Все пораздумаешь, обсудишь ладкомъ... А *на вѣрнякъ* — лучше бы знать: какъ оно сложится напредки?.. И силъ, гляди, не сталъ бы тратить попусту. Инако бы все наладилъ... Такъ, ужъ и скажу я тебѣ прямо, государь... Не разъ бывалъ при томъ, какъ Симеонъ по звѣздамъ судьбу царства чель... Нечего грѣха таить: много и горя впереди сулитъ вѣщее небо... А много и свѣту и радости... И славы много, и крѣпости царству и роду твоему царствующему...

— Дай Богъ, дай Богъ... Што тамъ о себѣ! Вижу, не такова бы теперь царя землѣ надобно... Старое изживать

люди стали. Чево бы новаго, луччаво имъ надобе... Я-то чую... А помочь—мало могу... Мѣшать только не стану, ужъ николи... Помнишь, толковали мы и съ тобою не разъ, какъ ты изъ чужихъ краевъ домой поворачивалъ: хорошо бы и намъ на Русіи заморскіе порядки завести, жизнь чистую, веселую, учливую. Не топоромъ бы, не петлей—науками бы всѣхъ къ покорности привести, чтобы дружный и свѣтлѣе по царству жилось, чтобы сильные бѣдныхъ не ярмили, чтобы безхлѣбцы не было, и пути вездѣ устроить торговые, и людямъ и царству на пользу... Какъ бы сила наша земская поразвернулась... О чемъ царь Иванъ Васильичъ еще говаривалъ,—и то совершилось бы. Отъ Теплаго окіана—до Карпатъ и отъ Бѣлаго моря—до Середьземнаго легла бы держава наша Русійская... Не то, какъ Олегъ, на короткій часъ—на вѣки вѣчные щить словенскій висѣлъ бы на вратахъ святого града Константинова... Што бы... Э, да мало ль, о чемъ хозяину въ дому думается, коли заботы спать не даютъ... Такъ и мнѣ на моемъ хозяйствѣ на царскомъ... Думать-то легко... А на дѣло—силы не хватаетъ... Да... чево грѣха таить: и разумъ не мой тутъ надобенъ... Вотъ, кабы такую голову, какъ у дѣда, у Ивана Васильича... И то—бояре много ли сдѣлать ему дали?.. Пока съ ими возился—многое по царству упустилъ, такъ и не наверсталъ. Дѣтямъ, слышь, заповѣдалъ. Читалъ ты, поди, завѣтъ его посмертный... Все тамъ означено... А, только, много, гляди, лѣтъ, и не сто, и не двѣсти пройдетъ, покуль оно сбудется... Да, пусть бы сбылося... Аминь...

— Аминь, государь...

И оба въ тихой молитвѣ осѣнили себя широкимъ крестомъ.

Вошелъ сѣнной истопникъ съ докладомъ:

— Преподобный отче Симеонъ пожаловалъ, челомъ бьетъ, очи твои, государь великій, видѣть милости просить.

И, по знаку Алексѣя, раскрывъ дверь, впустилъ въ покой Симеона Полоцкаго.

— Вотъ, слышь, про волка поминъ, а волкъ подъ обинъ, — съ ласковой улыбкой, послѣ поклона монаха подходя къ нему подъ благословеніе, сказалъ Алексѣй. — Садись, гость будешь. Што, али про дѣтей сдоложить пришелъ, какъ обычно?.. Али — дѣло какое? Сказывай. Мы и то, слышь, — поминали тебя, вотъ, ты лихъ къ порогу шелъ...

— Ужъ и то хвалю Господа: не по заслугамъ моимъ любовь царскую и ласку Онъ мнѣ посылаетъ... Нехай буде похвалено Имя Его. А прійшовъ я и докладъ сдѣлаць, шо усе идетъ помалу у насъ. Учатся ихъ царскія вельмочности преотлично и цвѣтутъ, яко кринны райскіе, на многи лѣта... Такъ, шобы порадовать ихъ малыя душки, охота припала мнѣ, старому грѣховоднику, комедійное дѣйство наладиць ново. Та не здѣсь, не въ теремахъ, какъ ужъ то бывало съ твоего произволеня, царь великій, а хочемъ ту лышень пробу сотворить... А саму гру — въ садѣ въ твоємъ зеленомъ наладиць... Изъ священной гисторіи, изъ Завѣту Древняго будетъ зрѣлище, рекомое „Ангели въ гостехъ у Авраама“. Какъ позволѣшишь, царю: можно-ли? Тамъ — и палатку-скиню раскинути можно. Дни — ясные, теплые Богъ дае. И очень пріятно буде.

— А чево-же не мочно? Дѣлай, твори, какъ знаешь, отче. Худа не было и не буде и отъ поученій отъ твоихъ, и отъ затѣй позорищныхъ. Вонъ, Артамонъ мнѣ сказывалъ: у англинскихъ владыкъ да у цезаря австрійскаго — императора цѣлы стайки есть такихъ лицедѣевъ, што ничѣмъ инымъ и не заняты, только разныя дѣйства представляютъ, людямъ на поученіе и на забаву. Намъ — еще не пора эти новины заводить.

— Патріархъ, гляди, и бояре иные съ боярынями старо-завѣтными и-и, какой зыкъ подымутъ... А для себя, изъ

Завѣта изъ Святого—отчего не представить дѣйства занятого. Крѣпче въ памяти станетъ дѣткамъ... и поймутъ, гляди, больше изъ этаго, ничѣмъ толковать имъ дѣла тѣ мудренныя...

— Шо и казать... Все,—какъ день ясный, видно, когда во образѣ покажешь дѣцку притчу, али сказаніе какое. И самъ, государь, бачивъ: сколько день царевичи съ царевнами о нашихъ поучительныхъ дѣйствахъ рѣчи вели, поглядѣвши прежнія игры театральныя...

— Видѣлъ, видѣлъ. Ничего въ томъ дурно не вижу.. Дѣлай какъ знаешь.

— А, еще не дозволишь: одинаво изъ трехъ ангіоловъ дщери твоей, царевнѣ Софіи изобразить чи можна? Дуже вона зъ ангіоломъ сходна, дай ей Пане Боже много лѣтъ и здравія.

Тонкая лесть, похвала ребенку — сильно тронула отца.

— Охъ, затѣйникъ, отче... Што надумалъ... Ну, да, ужъ и отказу тебѣ отъ меня нѣтъ. Твори все, какъ лучше, какъ самъ знаешь. Еще чево нѣтъ-ли? Сказывай за одно.

— Та, яко-бы и не мае ничего больше, великій царю, чимъ бы докучати тобі. Милостями, якъ дождемъ посыпаешь раба твоего недостойнаго... По доброті твоеі нехай и тебѣ, царю преславный, добро буде...

— Спаси Богъ и тебя, отче... А... а вотъ... — послѣ небольшого молчанія заговорилъ какъ-то опасливо, нерѣшительно Алексѣй:—наслышанъ я отъ Артамона: гораздъ ты больно, отче, звѣзды чести да испытывать... А того намъ и не сказывалъ. Напрасно. Разумѣю-же я, нѣтъ тутъ никакова лиха. Божье дѣло. И многіе монахи, наши и инославные, тѣмъ дѣломъ займовались... Не худо бы и намъ о державѣ нашей, какъ и другіе государи,—провѣдать што либо, чево Господь сподобить... А, какъ полагаешь, отче Симеоне?

Осторожный, умный монахъ, очевидно догадался, о чемъ толковалъ передъ его приходомъ царь съ Матвѣевымъ. Онъ сразу поднялъ на Алексѣя свои блестящіе глаза, которые до того держалъ смиренно-опущенными къ землѣ и какъ-будто старался проникнуть ими въ тайники души собесѣдника.

— Не дарма сказано: Господь умудряетъ сердце помазанника Своего, государь. Ты бѣ неначе въ мою душу глянувъ, прознавъ, съ чѣмъ прихожу я нынѣ къ царю и владыкѣ моему... Много ночей смотрѣлъ я по звѣздахъ, много дней разбиралъ книги, гдѣ вся наука небесная означена... И составилъ нынче предъ утромъ лишь гороскопумъ, иначе—„зракъ судьбы человѣческой“ про твое царско здорovia и про супругу твою, про царицу-государыню, про свѣта нашего ясного... Вотъ листъ сей...

Полоцкій вынулъ изъ рукава рясы спрятанный тамъ листъ, свернутый трубкой, перевязанный шелковымъ шнуркомъ.

И, откинувъ свою привычную уклончивость и осторожность, свою придворную мягкость и сладковатый тонъ, Полоцкій продолжалъ рѣшительнымъ, почти суровымъ тономъ провидца-наставника:

— Не замѣняется рокъ, какой положенъ есть и рабамъ послѣднимъ, и великимъ государямъ отъ Царя царствующихъ. Но даетъ Онъ прозрѣвати на пользу человѣкамъ во тьму грядущу. И знаменія свои чудесно посылаетъ. Було такое знаменіе и въ сей ночи. Звѣзда дуже свѣтла просіяла близько одъ Марса планеты рекомыя. Зародилась нынче душа великая царская на землѣ. Тебѣ сына подастъ Богъ скорѣе, ничѣмъ рокъ минетъ единый... И благодатна цариця твоя, бо просвѣтлаго царевича подастъ міру, роду вашему на славу, отцу-матери на радость, землѣ—на великую корысть и возвышеніе царства. Займетъ онъ тронъ отца своего и дѣда присноблаженнаго, и на емъ, яко на

камени дивномъ, оснуется на вѣки царская держава твоя и родъ весь вашъ державный... Камень крѣпкій, въ основу дома, тако буде и той царевичъ о укрѣпленіе царства... Когда же возсядетъ на престолъ, у тѣ его літа,—подобнаго іому посередъ царей и крулей не будетъ, развѣ Александра и Соломона помянути. Усѣхъ онъ, бывшихъ въ Русси, владыкъ славою превзойти муситъ и дѣлами, и розумомъ. И вящшими похвалами маеть бути восхваленъ. И побѣдоносець чудовый имаеть бути. Падутъ мнози отъ лица его, сосѣди враждующіе смиритъ, толикія свѣтлыя побѣды, содѣявъ, колико ни одинъ отъ предковъ вашихъ, государей благочестивыхъ не могъ содѣяти.

— Страхъ отъ него буде на многихъ, страны дальнія и ближнія протечеть; но однако,—своей земли многое нестроительство ему помѣхою буде. Но той владыка—злыхъ поистреблявше, добрымъ защитой и воздателемъ буде, возлюбивъ истину на земли... Трудолюбіемъ украсится и многія пути на водѣ и на сушѣ проложить, создавъ многія новыя строения повсюду. Насадитъ людское жительство и благочестіе духовное и свѣтское, гдѣ и не було ничего, въ тѣхъ же мѣстахъ и самъ упокоится. Не мало иного поробить свѣтлаго и преславнаго. И все то на звѣздахъ аки въ зеркалѣ читахомъ. И то неложное звѣздное предвозвѣщеніе вашему царскому величеству я здѣ написахъ и во утвержденіе истины — подписався. Пріими, благочестивый, пресвѣтлый царь. Се—трудъ мой, се—духъ мой. Да сбудется. Аминь.

— Аминь...

— Аминь, во истину да сбудется, Господи, — за Симономъ и Матвѣевымъ повторилъ глубоко-взволнованный Алексѣй.—Вѣрится мнѣ, отче, что тако все и поисполнится. Вѣрую, самъ не вѣдаю, почему, какъ въ души моей спасеніе отъ крови пречистой Христовой... Камень великій

спалъ съ души; исповѣдуюсь тебѣ, отче. Молилъ Господа о сынѣ подобномъ, какъ ты прорицаешь... И ждать не смѣлъ, что подастъ Творецъ по прошенію моему, раба недостойнаго, многогрѣшнаго... Нынѣ—вѣрую... И, не посѣтуй, отче... Еще единъ вопросъ вопрошу тебя. О сынѣ моемъ, о великомъ царѣ видѣлъ столь многое... О моемъ житьѣ—неужли ничего не было показано? Или нерадостное видѣлъ што и говорить не дерзаешь. Говори все. Знаю: ждать ежечасно горя—удѣлъ царей, какъ и всей живой твари...

— Не покривлю душею, государь... Не видѣлъ. Звѣзду слѣдилъ новую. Твоей—не имѣлъ часу прослѣдити.

— Можетъ, хоть то повѣдаешь: лѣтъ житія моего—много ли еще осталось? Поспѣю ли самъ такова наслѣдника чудеснаго выпестовать, на ноги поставить?.. Говори, молю тя, Симеоне... Не опасайся... Лучче мнѣ знать то, чѣмъ не знать и помереть наглою, незапной смертію нежданной.

— И того по звѣздамъ не означилось...—снова, почему-то опуская глаза и принимая обычный, смиренно-ласковый видъ, отвѣтилъ Симеонъ.

Но замѣтя, какъ омрачилось лице царя, поспѣшно добавилъ:

— Можно бѣ намъ инако про то вызнать, што тобѣ потребно, великій государь.

— Ну, какъ же? Сдѣлай, скажи, научи... Охота великая мнѣ знать: много ли еще проживу на бѣломъ свѣту? И быть тому не можно, чтобы ты не свѣдалъ того, если судьбу царей и царствъ открылъ Господь взору твоему, отче.

Столько глубокой вѣры прозвучало въ словахъ Алексѣя, что Матвѣевъ невольно съ особеннымъ вниманіемъ поглядѣлъ на бѣлорусса-монаха. А самъ Полоцкій почувствовалъ и радость и опасеніе при мысли, сколько можно сдѣлать, располагая такимъ довѣріемъ царя. Но, въ то же время, какъ

осторожно надо поступать, чтобы не потерять этой вѣры, не уронить себя, не вызвать гнѣва и мести за оскверненіе такого чистаго, благоговѣйнаго чувства.

— Шо самъ знаю, то и тебѣ открою, государь, — медленно, словно взвѣшивая каждое слово, заговорилъ Полоцкій. — Не на еднихъ звѣздахъ начертаны судьбы твари Божіей... И на себѣ носить каждый знаки различные. Наипаче — на руцѣхъ, на дланяхъ своихъ. Вотъ, сіи черты, какъ на долонь поглянешь, на шуйцу на свою, предрекають чимало...

И монахъ повернулъ свою лѣвую руку кверху ладонью. Нѣжная, выхоленная, какъ у женщины, ладонь была по краямъ рѣзко очерчена розовой полосой: кровь просвѣчивала сквозь тонкую кожу. Вся ладонь была изборождена ясно-проведенными, ровными, хотя и неглубокими, но очень явственными линіями.

— Знаю, слыхалъ, не разъ слыхивалъ: есть наука такая тайная: по рѣкѣ честь. И опаска брала: не грѣхъ ли тѣмъ займваться, думалось.

— Въ чемъ грѣхъ? Заклятья, колдування, волхвованья — то грѣхъ. А въ тайны Божіи умомъ проникать — немає грѣха, государь, а ніякого. Вотъ, гляди: ровно бы литеры мыслете идетъ чрезо всю долонь. И у мене... и у тебѣ, господине, и у него... Три черты явно-видимыхъ. Однаковы онѣ, но и разноту имѣетъ у кожного изъ насъ кожная та черта. Моя — узкая и внятная. У Артамона у боярина — погрубше и не такая ровная. Твоя черта, государь, пошире нашихъ, ровненько бѣжитъ, только не такая явственная. Вѣстимо: руки твои державныя не утруждены, какъ наши, рабовъ твоихъ. Вотъ, и поглаже она... Верхняя линья — то сердечный шляхъ. Шо до души касаемо — по ней читать можно. Второй шляхъ, вдоль перваго идетъ, середній самый — для розума. Чѣмъ тверже розумъ и больше

воли надъ человѣкомъ маеть, тѣмъ длинше той шляхъ середній. А нижній шляхъ, що средній перехрещиваетъ и до верхняго дойшовъ,—то про жизни долготу пророчить. Шо длиннѣйшь онъ, то и життя больше человѣку суждено отъ Бога...

— Што длиннѣе?.. А, глянь, у меня не больно долга дорожка эта, нижняя... Гляди...

Симеонъ, давно вглядѣвшійся въ руку царя, быстро возразилъ:

— Не скажи такъ, государь. Глянь, кругомъ твоя дорожка по низу большой палецъ обѣгла... Сіе мѣсто—алтарь богини Венусъ зовомое есть. И, правда, ровно поломана подъ алтаремъ тѣмъ дорожка життя твоего, государь, по знову идетъ по рукѣ, ось куды зайшла... далеко. Будетъ тебѣ помѣха въ житѣ твоемъ. Можетъ, припадокъ какой (*случай*), а може, и хвороба есть затаенная, давняя. И отъ нея уронъ будетъ твоей царской милости... Не скоро... годамъ къ пяти на десять, якъ не болѣй. А избудешъ ту напасть, и-и сколь долго, можетъ, годовъ 90 и 100 прожиты мусишь, государь.

Омрачившееся было лицо Алексѣя снова посвѣтлѣло.

— Куды столько... Надоѣсть... А што ты сказалъ... о хвори тайной, многолѣтней... Правда твоя... Знаю: точитъ меня какая-то язва... И лекари мои тоже толкуютъ. Да помочь—не сила ихъ. Вонъ, Федя оттого слабый, баюють... А Ваня—и вовсе головкой плохъ... Все отъ хвори отъ моей...

— Богъ дастъ, все минетъ... Пустое толкуютъ лекари... Вонъ, дочки жъ у тебя... Особливо Софья-царевна. Золото, не дѣвчиночка... Не сумуй, государь. Все отъ Бога...

— Вѣрное слово твое... Ну, не станемъ объ этомъ... Далѣе... Что еще скажешь?..

— Да, все вже й — сказавъ, царю мій милостивый. Отъ, ще шляхъ Сатурноса. Се—доля наша... И по ней тоже видно: перебудешь яку-то годину тяжку... Ровно бы отъ недруговъ нападеніе — и тогда на многи лѣта во славѣ и покоѣ пребудешь...

— Недруги... Какіе-же недруги?.. Не можно узнать? Иноземные, али свои?.. Погляди, пораздумайся, отче...

— Да... што сказати...—медленно, словно не рѣшаясь отвѣтити, заговорилъ монахъ: — такъ воно показуеть, шо не чужіе... Давніе, близкіе, сказаты треба, люди на вражду повернуть. Стануть новыхъ твоихъ близкихъ отъ тебя отгоняти... И на тебя взметутся, и на кровь твою... Повѣришь имъ — и самъ сгибнешь, и все сѣмя твое. Не повѣришь предателямъ — тоже біда будетъ, да пзбыть ту біду можна буде... Такъ тутъ видно, если только не замело мнѣ очи чімъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, отче... Што ты духомъ чуешь, — я умомъ не единожды смекалъ своимъ... Хоть и не умудрилъ меня Господь больно много... Вѣстимо, не пройдетъ оно такъ, што позамыслилъ я новины на Руси завести... Вонъ, за Никона — сколько недруговъ у меня объявилоса... За женитьбу мою, гляди — и вдвое... Ну, да Богъ мой покровъ единый... Стой, пожди малость... Артамонъ, скажи, тамъ бы Наташѣ повѣдали: сюда прошу ее. Вышла бы на часокъ... Порадуй ее, отче: скажи все про сына про того, коимъ мою душу столь порадовалъ, сердце мое безъ мѣры возвеселилъ... Гляди, и царица тебѣ, какъ я же, увѣруеть. Въ любви и у нея станешь, какъ и у меня жо, Симеоне.

— Не въ тімъ думка моя, — скромно отозвался монахъ. — Богъ глаголетъ въ звѣздахъ въ своихъ, въ созданіяхъ земныхъ. Я, рабъ Божій, смиренный инокъ, глаголю по завѣту Божію, во славу Его, хоть бы не то милость, и гнѣвъ царскій постигъ меня, недостойнаго.

— Да, вижу, понимаю... Иди же, Артамонъ, зови скорѣе...

— Самъ я повѣдаю, коли поизволишь, государь. Живѣе то сбудется.

— И то, и то... Поди, поторопи царицу. Пусть сердце ея возликуеть... И она што-то за эти деньки приуныла, видѣлъ я...

Артамонъ Сергѣичъ поклонился и вышелъ.

Царь, развернувъ свитокъ монаха, остановилъ глаза на астрономическомъ чертежѣ, подѣ которымъ дальше затѣйливой вязью шло предсказаніе, гороскопъ царевича, который долженъ скоро явиться въ семьѣ царской.

— А што сей за чертежъ, отче?

— То начертаніе планидное и звѣздное, яко было минулой ночью. Отъ тутъ Марсъ, шо воинскими подвигами людскія души вдохновляетъ. На выйшемъ пути своемъ онъ стоитъ. Супроти Соньця. А ось — и звѣзда невѣдома, вновѣ сіяюща. Твоего царевича нерожденнаго — звѣзда. А тутъ — иныя планеты...

И Симеонъ сталъ излагать Алексѣю расположеніе звѣздъ на ночномъ небѣ, какое онъ наблюдалъ наканунѣ, объясняя попутно, возможно понятнѣе, какое вліяніе имѣетъ каждое сочетаніе созвѣздій и на судьбу живущихъ, и на тѣхъ людей, которые зарождаются подѣ извѣстной планетой или звѣздой.

Четверти часа не прошло, какъ явилась царица въ сопровожденіи Матвѣева, своихъ боярынъ и молодого постельничьяго царскаго, его двоюроднаго брата по матери, Тихона Стрѣшнева, съ которымъ особенно подружилась Наталья за веселый нравъ и находчивость юноши.

Алексѣй ласково встрѣтилъ жену, поцѣловалъ ее, спросилъ о здоровьи.

— Давно ли не видались, государь, — што мнѣ дѣется?

Спаси ты Христось, а мнѣ—и все ладно. Пошто звать извоили? Торопить дядя. А чего для—и не скажетъ, ишь, скрытный... Вонъ, Тиша—тотъ лучше. Што ни спроси—все скажетъ.

— Ой, гляди, не все, государыня-сестрица. Инова не то тебѣ, и попу на духу не скажу,—отшутился Стрѣшневъ.

Но царь, хотя и ласково, однако, серьезно прервалъ разговоръ:

— Великое дѣло объявить тебѣ надо, другъ-Наташенька. По то и призвалъ тебя. Вотъ послухай, ясенка, што отецъ Симеонъ тобѣ повѣдаетъ. Писанье свое прочтетъ.

— И то—слушаю, государь. Люблю сама отца честнаго послухать. А тутъ, слышь, великое дѣло. Мнѣ, слышь, ужъ и не терпится. Повѣдай скорѣе, Симеонушка, отецъ честной.

И, усѣвшись поудобнѣе въ кресло рядомъ съ Алексѣемъ, она приготовилась слушать.

По мѣрѣ того, какъ читалъ Симеонъ свой гороскопъ, цѣлый рядъ ощущеній промелькнулъ на открытомъ выразительномъ лицѣ Натальи. Сперва оно зардѣлось, какъ огнемъ, румянцемъ стыдливости. Рѣчь шла о ея будущемъ ребенкѣ.

Молодая супруга, хотя и воспитанная въ патріархальной русской средѣ, гдѣ дѣти считаются благословеніемъ Божиимъ, все же чувствовала невольное стѣсненіе отъ мысли, что и она станетъ матерью. Но сейчасъ же ею овладѣла мощь, увѣренность, какою дышало каждое слово монаха. Она также безраздумно повѣрила въ правдивость предсказаній, какъ повѣрилъ имъ царь. И яркимъ, счастливымъ огнемъ загорѣлись глаза царицы. Какая-то сладкая, еще невѣдомая ей доселѣ, гордость, смѣшанная съ умиленіемъ, наполнила всю ея душу.

— Вѣсть благая подана мнѣ... Яко отъ архангела

Дѣвѣ Маріи,—невольно промелькнуло въ умѣ, у начитанной въ духовныхъ книгахъ, Натальи.

И, отчего-то поблѣднѣвъ, потупя глаза, сіяющіе восторгомъ и слегка расширенные, словно отъ тайнаго испуга, ей самой непонятнаго, дослушала царица до конца чтеніе гороскопа.

— Вотъ, слышь, што буде, — нарушая наступившее молчаніе, заговорилъ негромко царь. И такъ сказалъ, какъ будто ужъ видѣлъ исполненными всѣ предсказанія Симеона.

— Да буди воля Божія,—негромко отозвалась Наталья также голосомъ, полнымъ вѣры и радости...

— Аминь,—эхомъ отдалось изъ устъ всѣхъ свидѣтелей этой важной, загадочной минуты.

Даже беззаботный Стрѣшневъ, привязавшійся къ Натальѣ сильнѣе, чѣмъ къ родной сестрѣ, не сводившій съ нея глазъ и вовсе не расположенный къ мистическимъ настроеніямъ, заразился общимъ чувствомъ предвѣденія чего-то большого, непонятнаго и важнаго, и сидѣлъ тихій, настороженный.

Всѣмъ такъ и казалось, что вотъ-тотъ распахнутся небольшія двери въ покоѣ, откинется завѣса—и войдетъ сама Судьба, пронесется передъ ихъ напуганными глазами и тоже негромко, но внятно пророкочетъ:

— Аминь... Да будетъ тако...

— А, вотъ што, отче честной... Не поволишь-ли и царицѣ моей што пооткрыть, на руку гляючи... Вотъ, какъ мнѣ тутъ. Слышь, Наташа, другъ ты мой сердечный: прямо сказать: чудеса творить нашъ Симеонъ. И тайлъ сколь долго даръ такой дивный, отъ Господа данный. Слышь, по рукѣ—все тебѣ скажетъ: што буде впередъ, чево ждатель, чево стеречися надобе... Вотъ, покажи ему ладонь...

Наталья, знакомая съ хиромантіей по разсказамъ въ домѣ Матвѣева, протянула охотно и безъ страха руку.

Среди боярынь, провожавшихъ царицу, слышались опасливые вздохи и невольное перешептываніе.

— Не треба страху даватись, госпожи почестніи, чада мои духовніи. Не отъ себе, отъ Бога буду глаголати. Творить Господь дѣла свои — нашими устами и руками человѣческими... А тебя, пресвѣтлая царица, государыня, великая, — прошу шуйцу открыть, не десницу твою благодатную. По шуйцѣ, иже отъ сердечной области прямо исходить, — легче можно все пізнати...

Наталья послушно перенесла расшитый платочекъ изъ лѣвой руки въ правую, исполняя слова гадателя. И рука, и вся она — слегка дрожала отъ ожиданія чего-то невѣдомаго, непонятнаго...

Слегка касаясь пальцами, словно выточенной изъ бѣлаго и розоваго перламутра, руки Натальи, теплой и влажной въ ладони, монахъ сталъ вглядываться въ тонкія, гармоничныя линіи, проведенныя природой по этой атласистой, молодой, упругой кожѣ.

— Усі счастливы знаки маешь на руки, государыня моя, свѣтлѣйшая госпоdynя и души утѣха. Но, не утаю: скорби не мало познати мусишь. И при рожденіи первенца своего державнаго, Богомъ избраннаго на благо своихъ народовъ. Но всі муки минуть и слѣду не будзе ихъ. И другихъ чадъ безъ скорби имѣть будешь... Долго на ихъ удачу радовати сердце свое станешь... А какая кручина коли настанетъ неминуча для тебѣ и для чадъ твоихъ, — тою избудешь, аки орлица ухитивши, грудью застоявши орлятувъ своихъ... Помни слово это, благовѣрная царица, кеды прійдзе часъ горькій... Храни духъ бодрый: не сгибнешъ ни отъ чего злого. Мирно покончишь дни житія твоего преславнаго. Въ Бозѣ почишь и во славѣ великой. Такъ здѣсь все означено...

И бережно опустилъ онъ руку Натальи, теперь безсильно

упавшую вдоль тѣла царицы, на широкія складки домашней тѣлогрѣи, которая была на ней.

— Аминь,—среди общей тишины—прозвучало горячее желаніе Алексѣя. Такъ пусть да буде по волѣ Божіей...

И не хотѣлось-бы ему отрываться отъ жены, отъ этого угла, гдѣ сейчасъ произошло такъ много важнаго и загадочнаго для довѣрчиваго Алексѣя.

Не хотѣлось бы нарушать настроенія минуты, прекрасной и пугающей, въ одно и тоже время.

Но явился Голохвастовъ съ докладомъ, что собрались нѣкоторые бояре на малый совѣтъ къ царю. Пришлось проститься съ женой, отпустить всѣхъ—и идти въ палату, гдѣ ждали опять споры и разговоры съ лукавыми, изворотливыми, жадными слугами-боярами, гдѣ надо было разбираться въ мелкихъ, сложныхъ, но все-таки, неотложныхъ дѣлахъ и вопросахъ по управленію землей, всѣмъ царствомъ.

Только, отпуская Симеона, царь нѣсколько разъ повторилъ:

— Гляди, не зналъ я, какой ты... Теперя ужъ—изволь къ намъ поближе быти... И къ трапезѣ нашей царской безъ зову жалуй, прошу тебя... И всегда... Особливо, въ часы павечерніе, какъ покончу я всѣ дѣла особливья... Гляди-же, не забывай...

И съ неохотой вышелъ къ ожидающимъ его боярамъ.

Загадка—вся жизнь человѣческая. И сама она—полна загадокъ.

Какъ рѣшить: монахъ-ли прозрѣлъ на мгновенье и увидѣлъ то, что еще крылось въ безднѣ грядущаго, или слова его такъ повліяли на душу слушателей, что сбылось предсказаніе? Только дѣйствительно, 30 мая 1672 года, послѣ двухдневныхъ страданій—царица Наталья подарила супругу сына.

Около часу ночи — раздался первый крикъ того, кому

суждено было повернуть на новый путь цѣлый огромный край, весь много-милліонный народъ.

Со слезами восторга, съ громкими радостными рыданьями встрѣтилъ царь вѣсть о сынѣ. Сорвалъ съ руки драгоцѣнный перстень, отдалъ бабкѣ, принесшей извѣстіе, — и кинулся самъ въ опочивальню: посмотрѣть на жену, на ея первенца,

Но только на мигъ дали ему взглянуть на блѣдное, прекрасное, хотя и страдальческое лицо молодой матери, на крупнаго малютку, на его сына.

Наталья взглядомъ осіяла его, ребенокъ кричалъ, словно требовалъ чего-то.

И Алексѣю пришлось сейчасъ-же уйти, чтобы не тревожить мать, чтобы дать просторъ женщинамъ, приступившимъ къ необходимымъ дѣламъ, къ уборкѣ, къ мытью младенца, и прочее.

Какъ говорилось въ гороскопѣ о „кампѣ“, такъ и нарекли на молитвѣ новорожденнаго царевича Петромъ.

Зазвенѣли, загудѣли московскіе колокола такъ мощно и радостно, возвѣщая люду крещенному великую радость въ царской семьѣ.

Ни одна радость, ни одно важное событіе въ престольномъ городѣ не проходитъ безъ громкаго участія этихъ звонко-гласныхъ, безсмѣнныхъ мѣстниковъ-глашатаевъ. Какъ-будто сотрясая языками своими зыбкій воздухъ, — колокола хотятъ, чтобъ само небо принимало участіе, откликалось на горе и радости земной жизни, человѣческой доли.

Уже въ пятомъ часу утра все духовенство московское — готово было къ служенію соборному, назначенному въ Успенскомъ храмѣ.

Вмѣсто патріарха Іасафа, который совсѣмъ расхворался да и умеръ еще 17 февраля, — литургію совершалъ Новгородскій архіепископъ Питиримъ, занявшій вскорѣ, 5 іюля мѣсто усопшаго на патріаршемъ престолѣ.

Кончилась служба. Алексѣй, въ богатомъ уборѣ съ посохомъ въ рукахъ, стоялъ, счастливый, сіящій, словно помолодѣвшій лѣтъ на 20. А за нимъ—разноцвѣтной, блестящей стѣной тѣснились восточные всѣ царевичи, первые вельможи московскіе, родовитые бояре, дворяне въ праздничныхъ кафтанахъ, полковники пѣшаго воинства, рейтары, головы, полуголовы и полковники стрѣлцкіе, тоже разодѣтые, какъ на свѣтлый праздникъ. Красныя, голубыя, желтыя и бѣлыя полукафтаны, блестящее вооруженіе—пестрило въ глазахъ...

Въ бѣлыхъ, пасхальныхъ облаченіяхъ вышли изъ алтаря всѣ власти духовныя съ Птиримомъ во главѣ и первые принесли поздравленіе царю. За ними вся свита царская была челомъ на великой радости.

Отъ лица царевичей и первыхъ чиновъ двора сказалъ привѣтствіе грузинскій царевичъ, Николай Давидовичъ.

Тутъ-же Алексѣй объявилъ большія милости царскія въ честь рожденія сына.

Много бояръ, находившихся въ опалѣ, получили прощеніе, имъ дозволено было видѣть очи царскія. Осужденные на смерть, на ссылку за преступленія государственнаго характера получили пощаду, смягченіе своей участи. Долги, какіе числились въ личную казну государеву за многими людьми,—были сняты, взысканія—прекращены.

Немедленно приказалъ Алексѣй послать богатые дары Полоцкому, предсказаніе котораго оправдались блистательнымъ образомъ.

И три дня не умолкая гремѣли пушечныя салюты надъ Москвой, сливая съ торжественнымъ, протяжнымъ гуденьемъ кремлевскихъ колоколовъ свое отрывистое, многократное громыханье, свои тяжкіе, раскатистые удары и отклики.

Изъ Успенскаго собора царь двинулся дальше, въ обходъ по всѣмъ главнѣйшимъ святынямъ кремлевскимъ. Побывалъ

въ Архангельскомъ соборѣ, въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ поклонился праху родителей своихъ, въ Чудовскомъ монастырѣ—помолился надъ мощами святителя Алексія, своего покровителя и святого, приложился къ иконамъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, вернулся во дворецъ и здѣсь, въ столовой избѣ, гдѣ уже были собраны всѣ бояре, вся дума, ближніе люди,—пожаловалъ Матвѣева и тестя своего, Кирилу Нарышкина въ санъ окольничьихъ съ путемъ, далъ имъ города, одарилъ деньгами, деревнями и землей.

Высоко подымались чары въ столовой палатѣ за здоровье счастливаго отца и царицы-матери, за новорожденнаго царевича, увидавшаго свѣтъ при такихъ радостныхъ предзнаменованіяхъ... Громко звучали клики пирующихъ. И все покрывалъ мѣрный, неугомонный гулъ колоколовъ, рокотъ и трескъ орудій...

Словно по неволѣ, оберегая „свою радость“, — царь поспѣшно, сравнительно скромно, безъ особой пышности справилъ свой второй бракъ. И теперь, при рожденіи сына, Алексѣй какъ бы спѣшилъ наверстать потерянный случай. Обычные приемы, какими сопровождается рожденіе царевича въ царской семьѣ, Алексѣй обставилъ небывалой пышностью. Лучшія вина лились рѣкой. Самыя дорогія снѣди, фрукты, лакомства подавались всѣмъ, кто только могъ или желалъ явиться на царское веселье.

„Столы“, приготовленные 1-го іюля въ Золотой палатѣ у царицы, въ терему—поражали своимъ обиліемъ и роскошью всѣхъ, кто только попалъ сюда.

И сверхъ обычныхъ трехъ дней еще не мало разъ собиралъ и угощалъ царь на радости окружающихъ его людей. Дары сыпались безъ конца... Лихорадочная радость счастливаго отца, казалось, росла все больше по мѣрѣ того, какъ онъ стремился проявить ее, счастлива другихъ...

Въ такомъ радостномъ, приподнятомъ настроеніи мѣсяцъ пролетѣлъ, какъ одинъ день.

Наступило и 29 іюня, день Петра и Павла, въ который по совѣту Полоцкаго назначены были крестины малютки-царевича.

Теперь и царица Наталья, которая быстро оправилась и чувствовала себя прекрасно, могла принять участіе во всѣхъ торжествахъ.

А торжество было снова затѣяно не малое.

Еще до рожденія царевича былъ назначенъ ему цѣлый особый дворъ, больше изъ женской половины дворца, конечно.

Рослая, кровь съ молокомъ, красивая молодуха, боярыня Неонила Ерофѣевна Львова, оставя свою дѣвочку, передавъ ее мамкѣ,—сама была ошастливлена и назначена въ кормилицы Петру. Пріѣзжая боярыня, Матрена Романова Леонтьева, принятая въ Верхъ, и престарѣлая вдова князя И. В. Голицына, „верховая“ давнишняя боярыня — обѣ онѣ были приставлены мамами, пестуньями къ царевичу, пока не исполнится тому лѣтъ пяти, когда онъ перейдетъ на попеченіе дядьки. Голицына уже и раньше справляла важную должность свою при царевичѣ Симеонѣ, когда онъ былъ живъ. Бояринъ Родіонъ Матвѣичъ и думный дворянинъ Тихонъ Никитычъ Стрѣшневъ, родственники Алексѣя со стороны матери, покойной царицы, Евдокіи Лукьяновны,—должны были съ первыхъ дней оберегать ребенка, какъ дядьки его.

Весь штатъ царевича былъ въ сборѣ, въ опочивальнѣ ребенка, за долго до того какъ наступилъ 3-й часъ дня, то есть, 6 часовъ утра по нашему счету.

Копромъ стояли на кормилицѣ праздничныя парчевыя и шелковыя одежды, присланныя царицей изъ своихъ ларей и сундуковъ. Кика—сіяла, какъ солнце, золотыми бляхами,

отливала молочными узорами жемчуговъ, сверкала блескомъ разноцвѣтныхъ каменьевъ. Царевичъ, укутанный въ мѣха, въ шелкъ и парчу,—лежа на рукахъ кормилицы,—тонулъ въ складкахъ бѣлоснѣжныхъ рукавовъ ея рубахи, вышитой шелками, затканной золотыми узорами на плечахъ и по вороту.

На мамахъ, на боярыняхъ, на дядькахъ—Стрѣшневыхъ тоже все горѣло и сверкало.

Только царскій уборъ могъ бы затмить богатствомъ и яркостью эти охабни, шапки горлатныя, шубы широкія, надѣтыя, не смотря на жаркое утро...

Царица и царь, по обычаю, простились дома съ царевичемъ, остались ждать, пока онъ вернется отъ купели.

Малютка, окруженный тетками, сестрами, первыми боярами, всѣмъ своимъ штатомъ, былъ доставленъ въ Чудовъ монастырь.

Здѣсь въ трапезной, при церкви во имя святителя Алексія, Новгородскій Пителимъ, въ сослуженіи высшаго клира окрестилъ Петра.

Царевичъ Федоръ, которому уже пошелъ 12-й годъ, бережно, любовно принялъ отъ купели малютку — брата, своего крестника. Кумой—была родная тетка обоихъ, царица Ирина Михайловна.

Кончился обрядъ.

Какъ стоголовый, многочисленный драконъ, сверкая золотистыми, разноцвѣтными извивами, — потянулся обратно во дворецъ весь „крестильный чинъ“ царевича.

Духовенство изъ трапезной, гдѣ тѣсно и душно было до невозможности, — перешло подъ своды храма во имя Алексія—святителя, гдѣ все таки попросторнѣе.

Но передъ началомъ литургіи явился сюда царь со своими верховыми боярами, со многими служилыми и ратными людьми. И снова потемнѣло пламя свѣчей въ тяже-

лыхъ паникадилахъ и свѣщникахъ отъ недостатка воздуха...

Голова кружится у Алексѣя. Холодный потъ проступаетъ на вискахъ. Сердце такъ тяжело ударяетъ въ грудь подъ парчевыми ризами... Но царь и не думаетъ о себѣ... Горячо, со слезами молить онъ постоянного защитника земли, строителя царства Московскаго, усопшаго святителя, своего ангела: послалъ бы онъ долгой жизни, удачи и здоровья... здоровья,—прежде всего—этому крѣпкому, славному малышу, у котораго уже такъ бойко поглядываютъ темные, выпуклые глазки на выкатѣ, такіе большіе, напоминающіе такъ сильно глаза царицы Натальи, матери его...

О томъ-же молится и царица Наталья, не отрывая почти чела отъ холодныхъ плитъ своей домовою церкви во имя Рождества Христова, что на сѣняхъ царицина терема...

И, словно эхомъ, отвѣтнымъ откликомъ на жаркія мольбы — въ тотъ же день прозвучало передъ отцомъ и матерью новое прорицаніе Полоцкаго, составленное на этотъ разъ совмѣстно съ другимъ звѣздочетомъ, Епифаніемъ, Грекомъ по прозвищу.

Уставъ душой и тѣломъ, Алексѣй не назначилъ приѣма на остатокъ дня, рѣшивъ провести его сравнительно спокойно, въ домашнемъ кругу.

Вся семья уже собралась въ Столовой палатѣ на половинѣ царицы, гдѣ было уютнѣе, когда доложили о приходѣ Симеона.

Алексѣй самъ всталъ на встрѣчу благовѣстнику своему и усадилъ между собой и царицей.

Епифаній остался было скромно у дверей, но ему тоже было указано мѣсто, ради того, что онъ явился съ Полоцкимъ.

— Али нову каку радость повѣдать явился? — спросилъ сейчасъ-же царь, почему-то увѣренный, что не спроста

это появленіе монаха на царской семейной трапезѣ да еще въ такой день.

— Отъ тебя-ль укроешь шо, державный царю?.. Одно: челомъ тебѣ бью за дары твои щедрые, какихъ и не достоинъ. Въ другое: молю сей прогностикъ принять. Мамъ новый гороскопѹмъ для царевича Петра, для новородзенаго... Може, по столѣ, по трапезѣ послухать изволишь? Радость познаешь, мыслю, немалую. Вельку удачу буде имать той цезаревичъ твуй, мой господине, великій государь!

— И—и, чево тамъ, мѣшкать неча, ждять ѣды. Вѣсти твои—слаще манны для души моей... Да и царицѣ, вишь, не терпится. Такъ-ли, свѣтъ, государыня моя, Наташенька, другъ сердечный?..

— Ты ли не знаешь, государь? Чай, про сына — всякому охота, скорѣй, ничѣмъ про свою долю... Для сына, чай, чево бы...

И не договорила. Словъ не хватаетъ у счастливой матери. Вотъ, такъ бы сейчасъ оставила всѣхъ, кинулась туда, гдѣ въ богатой колыскѣ сладко спить послѣ утренней суеты—ея ненаглядный первенецъ, царевичъ - Петрушенька, ясное солнышко, цвѣточекъ аленькій...

Но и послушать охота, что скажетъ этотъ мудрецъ, Полоцкій, которому вѣрить теперь Наталья, какъ Богу.

А Симеонъ, откашлявшись, развернулъ уже хартію, въ родѣ той, какую около десяти мѣсяцевъ тому назадъ уже подалъ царю, и началъ внятно, громко читать:

„Пресвѣтлому государю, царю и великому князю московскому, повелителю Великія, Малыя и Бѣлыя Руси, Алексію Михайловичу о рождшемся нынѣ царевичѣ великомъ княжичѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, —прогностикъ, иначе рекомый — гороскопѹмъ“.

Прочелъ, остановился и сказалъ, какъ бы поясняя дальнѣйшее:

— Зъ Епифаномъ мы вкупѣ цілу ночь по звѣздахъ глядѣли... И такое устроення звѣзды пріяли, якъ тутъ начертано. Подивися, государь.

Показавъ чертежъ, Полоцкій снова торжественно, ударяя на концахъ строкъ, сталъ читать:

Вчерась-ли преславный Царь-градъ отъ Турковъ плѣ-
нился.

Днесъ—начало избавленья ему преславно явился.
О, Константинъ-граде, зѣло веселися!
И святая Софія-церковь торжественно радуйся! ¹⁾
Се бо преславный нынѣ намъ родися царевичъ,
Великій князь московскій и всея Россіи,
Петръ Алексіевичъ начало спасенія.
Ты, царствующій градъ Москва—просвѣтися,
Ибо радость велія сыну царскому вселися!
Укрѣпитъ онъ твои стѣны,
Да будутъ окрестъ ограждены.
Багрянородный царскій сыне,
Петръ, иже нарицаеся Камень нынѣ.
Храбръ и страшенъ, вельми врагамъ сопротивенъ
Имать быти. Похвала вѣчна Россіанамъ
Симъ царемъ утвердися. Петръ—есть камень счастья
Россіи,
Камень, точащій воду живую, иже жаждущіе—
Имать напоити, утвердить церковь, сѣни нетлѣнныя
Прославить Россію до конца вселенныя.
И ты, планида Ареусъ и Зевесъ, веселися!
Въ ваше-бо сіяніе царевичъ той родися.

¹⁾ Храмъ св. Софіи въ Цареградѣ.

Четвероугольный аспект (*видъ лучей*) произыде,
Яко той царевичъ четыре царства имати...
И четвероконечіе-планеты знамя прославляетъ,
Яко четверьмя части моря обладаетъ,
Отъ Бога ему седьми планидъ естество дадеса.
Лутчій межъ прочихъ въ дѣйствѣ обрѣтѣся.
Храбрость и богатство на немъ почиваютъ
И на главу—цесарскій вѣнецъ возлагаютъ.
Радуйся днесъ, царь православный,
Зане—родися сынъ тебѣ толико преславный...
Купно съ царицею—многолѣтні пребудете,
И удачи всякой и славы—не избудете ¹⁾.

¹⁾ Гороскопы въ то время, особенно составляемые для значительныхъ людей, для принцевъ и королевичей при ихъ рожденіи—были въ большомъ ходу.

Даже крупные ученые не отказывались отъ составленія такихъ прогностиковъ, предсказаній судьбы. Лейбницъ—извѣстенъ, какъ авторъ такихъ гороскоповъ.

Валенштейну его гороскопъ составлялъ Лапласъ.

Предсказанія о Петрѣ — были извѣстны и за-границей. Такъ въ 1793 году послѣ усмиренія второго стрѣleckаго мятежа, когда Петру было уже около 22 лѣтъ посланникъ Нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ Николай Гейнзіусъ писалъ въ Утрехтъ, нѣкоему І. Г. Гревіусу о чудесныхъ предсказаніяхъ при рожденіи московскаго юнаго царя. Вотъ что отвѣтилъ Гревіусу Гейнзіусъ въ письмѣ, помѣченномъ 9 апрѣля, 1793 года:

„Наблюденія, происшедшія, какъ вы пишете, во время рожденія російскаго царя Петра въ Москвѣ, и по теченію звѣздъ замѣченныя, яко достопамятныя предзнаменованія,—нашими астрологами и другими прорѣченій любителями и будущихъ дѣлъ гадалками—прилежно записаны. При чемъ еще и сіе примѣтили; что въ самый тотъ день рожденія царева (30 мая, 1672 г.?) король французскій рѣку Рейнъ, а турецкій императоръ — Днѣпръ съ арміями своими перешли. Изъ коихъ—первый—четыре провинціи соединенныхъ Нидерландовъ, а другой—Подолію и Каменецъ завоевалъ. Изъ чего наши гадатели, которые увѣрены, что по тече-

Когда Симеонъ кончилъ чтеніе, царь обнялъ и поцѣловалъ монаха. Наталья, принявъ отъ него благословеніе, дала ему цѣловать свою руку.

Всѣ старались выразить свою радость, какъ могли, искренно вѣря, что сбудется все, о чемъ прочелъ случайный астрологъ-предсказатель.

Оба они: Симеонъ и Епифаній, были щедро одарены.

И до самой смерти укрѣпилъ Полоцкій свое положеніе при дворѣ этими счастливыми пророчествами гораздо больше, чѣмъ всѣми трудами по воспитанію царевичей съ царевнами, чѣмъ исправленіемъ духовныхъ книгъ, чѣмъ печатаньемъ сочиненій для просвѣщенія народа.

Только полъ-дня передохнулъ царь со всей своей семьей. А съ 30 іюня—снова начались приемы, поздравленія, пиры и столованье крестильное въ Кремлѣ. Снова загремѣли пушки, загудѣли колокола... ¹⁾).

нію звѣздъ и по дѣламъ, въ то же самое время въ другихъ мѣстахъ случившихся, — предбудущія происшествія человѣческой жизни, предузнавать и предсказывать, можно,—закljučаютъ: что новорожденный младенецъ—долженъ быть государемъ, весьма къ войнѣ склоннымъ и непріятелю — страшнымъ. Но я все сіе за случайное почитаю и на то, какъ и вы сего-же мнѣнія, кажется,—мало полагаюсь. Довольно, когда будетъ Петръ въ свое время добрый пастырь народовъ, дабы спасительными законами побѣдилъ скифское варварство, коими сѣверные и шубами одѣтые народы—наибольше всего омрачаются“.

Письмо І. Гревіуса хранится въ Петербургѣ, въ Академіи наукъ, а копія, вмѣстѣ съ переводами: латинскимъ и русскимъ,—напечатана въ „Запискахъ Туманскаго, ч. 5, стр. 122. О письмѣ Гревіуса зналъ и самъ Петръ, на котораго, несомнѣнно, вліяли эти прорицанія, хотя бы онъ и сомнѣвался въ сверхестественномъ ихъ происхожденіи.

Л. Ж.

¹⁾ Въ „Дворц. Записяхъ“ отмѣчено: „За крестильномъ столомъ въ Грановитой палатѣ, іюля въ 4 день, были: Новгородскій митрополитъ Питиримъ (5-го іюля возведенный въ санъ Патріарха),

И среди блеска московской царской свиты, среди многих родовитых вельмож сразу засіяла плеяда новых баловней счастья и судьбы,—многочисленная семья Нарышкиныхъ, теперь осыпанная и почетомъ, и богатствомъ, смѣло начавшая заступать дорогу первымъ сановникамъ въ царствѣ, опираясь на любовь къ нимъ царицы Натальи, на любовь царя Алексѣя и къ женѣ, и ко всей роднѣ ея.

митрополиты: Астраханскій Парменій, Крутицкій Павелъ, Рязанскій, Илларионъ, Нижегородскій Филаретъ, архіепископы: Коломенскій, Смоленскій, Суздальскій, епископъ Архангельскій, 11 архимандритовъ изъ главныхъ монастырей, келари Чудовскій и Троицкій, учитель царевичей, Симеонъ Полоцкій и 6 игуменовъ изъ кремлевскихъ обитателей, 50 человекъ низшаго, бѣлаго и чернаго духовенства, всѣ восточные царевичи, 11 бояръ, 9 окольныхъ, 10 думныхъ дворянъ, 6 думныхъ дьяковъ, дьякъ Тайныхъ дѣлъ, 16 „комнатныхъ“ (дворцовыхъ) стольниковъ, 12 московскихъ дворянъ, ясельничій царскій, именитый человекъ Строгановъ, 46 полковниковъ, головъ и полуголовъ стрѣleckихъ, 6 бояръ и дворянъ, свита Грузинскаго царевича, два посланника Черкасской земли, 16 гостей торговыхъ, 76 человекъ выборныхъ изъ „гостинной, суковной и черной сотень и изъ дворцовыхъ слободъ“. Всего — до 300 человекъ и 90 человекъ пѣвчихъ. Въ деревянныхъ хоромахъ, въ царициномъ теремѣ тоже были накрыты столы для своихъ „дворовыхъ“, жилищъ — боярынь, для пріѣзжихъ княгинь, боярынь и царевенъ восточныхъ, для родни новой царицы. Между послѣдними были Кириллъ Нарышкинъ и Артамонъ Матвѣевъ.

Л. Ж.

ГЛАВА V.

Сестры - подвижницы.

Такъ верстахъ въ 3 отъ Москвы, на лѣвомъ берегу Яузы-рѣки, раскинулось небольшое сельцо Преображенское.

Въ самомъ сельцѣ дворовъ немного, не широка и лента пашень вокругъ сельца.

Населено оно больше мастеровымъ и служилымъ людомъ дворцоваго приказа. И бокъ - о - бокъ съ селомъ высятся царскіе терема лѣтняго, потѣшнаго дворца, гдѣ Алексѣй съ семьей обычно проводитъ осень и начало зимы, такъ съ октября по 15 декабря, когда надо къ Рождественскимъ праздникамъ возвращаться въ стѣны Кремля.

Здѣсь, среди увядающей природы, подъ сѣнью могучихъ елей и сосенъ, вѣчно-зеленыхъ вѣчно-одѣтыхъ густымъ покровомъ, на просторѣ, царская семья дышетъ чистымъ воздухомъ и, въ то-же время Алексѣй почти что въ Москвѣ. Дѣла не страдаютъ, не трудно и совѣты у себя собирать, и самому, если надо, быть въ Кремлѣ каждую данную минуту.

Обнесенный высокими заборами, кроясь подъ высокими стволами вѣковыхъ деревьевъ, составляющихъ обширный паркъ, дворецъ представляетъ изъ себя цѣлый поселокъ. Не считая главныхъ двухъ помѣщеній для царя и царицы, — надо было дать мѣсто шести царевнамъ и тремъ царевичамъ, ближнимъ людямъ, живущимъ съ царской

семьей, огромной челяди, поварнямъ, кладовымъ, конскому двору и каретнымъ сараямъ, мастерскимъ и людскимъ избамъ.

И все это, настроенное безъ опредѣленнаго плана, кое-какъ, лишь бы подъ рукой все было, — въ маломъ видѣ представляло изъ себя такое-же скопище большихъ и малыхъ построекъ, какимъ въ огромныхъ размѣрахъ являлась сама Москва.

Пригороды столицы, а затѣмъ отдѣльныя усадьбы, подгородныя хоромы бояръ, начинаясь за каменнымъ, высокимъ горбатымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ Яузу, почти сливали Преображенское со столицей. И дальше, по теченію извилистой маленькой этой рѣчки темнѣли деревушки и поселки среди зеленѣющаго моря хвойныхъ лѣсовъ, перемежаемыхъ съ разнымъ чернолѣсьемъ.

И царь, и Наталья особенно любили Преображенское, гдѣ оба они чувствовали себя неизмѣримо-свободнѣе отъ веригъ этикета, чѣмъ въ кремлевскихъ палатахъ.

Въ Преображенскомъ была устроена и особая „потѣшная храмина“, гдѣ, недавно—призванные ко двору, иноземные лицедѣи давали веселыя и печальныя представленія, въ сопровожденіи пріятныхъ звуковъ „нѣмецкаго“, струннаго оркестра.

Самую жаркую пору года дворъ проводилъ въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ, какъ и въ Измайловскомъ, были тоже построены обширныя, многочисленныя хоромы для этой цѣли. Но въ Преображенскомъ больше нравилось и царицѣ Натальѣ, и Алексѣю.

Близость Кремля позволяла переносить туда всю дѣловую сторону жизни, а здѣсь время было посвящено отдыху, покою и веселымъ забавамъ, порою—совершенно новымъ въ московскомъ государевомъ быту. Поэтому только самыя близкія лица, которыя проживали съ царской семьей въ

Преображенскомъ, могли принимать участіе въ этихъ удовольствіяхъ.

Конечно, среди приверженцевъ старины, надменныхъ бояръ шли безкопечныя суды и пересуды о „новшествахъ“, какія внесла съ собой молодая царица, при содѣйствіи „еретика“ — Матвѣева, друга его, прямого „антихриста“, Симеона Полоцкаго и монаховъ-украинцевъ, цѣлое гнѣздо которыхъ скопилось въ особой академіи при Андреевскомъ монастырѣ. Отголоски этого брюзжанья доходили и до виновниковъ протеста.

Но царь не имѣлъ времени разбираться во всѣхъ дразгахъ. А Наталья встрѣчала смѣхомъ осужденіе и толки, заплывшихъ жиромъ, боярынъ, недалекихъ бояръ. Она понимала, что въ нихъ говоритъ обиженное самолюбіе, попранная гордость и осуждаюгъ они не за дурное, а за необычное для нихъ, да еще проводимое въ жизнь безъ всякаго участія тѣхъ, отъ кого раньше зависѣли и дождь, и ведро въ московскихъ царскихъ теремахъ.

— Милославскимъ, слышь, — все немило у насъ, — свѣтъ, Алешенька, — съ улыбкой говорила порой Наталья царю. — Ишь, ихъ пора миновала, иная настала... Да, нешто я имъ путь перешла?.. А и своихъ-же не бросить мнѣ. Помогаю роднѣ. Такъ, слышь, и Богъ велѣлъ такъ дѣлать... То бы подумали... Ничего кажись, не отнято у ихъ. И милости идутъ твои, царскія. Такъ, нѣтъ... Ужъ, вѣрно въ нашей сторонѣ сказываютъ: злему-де борову все не по норову...

И царь невольно смѣялся на такое неожиданное заключеніе рѣчей царицы. Сейчасъ, въ концѣ октября, 1673 года, особая тревога и суета замѣчалась въ средѣ обитателей Преображенскаго дворца.

Царицѣ Натальѣ Богъ далъ дочку, нареченную по желанію отца, также Натальей.

— Вотъ, слышь, свѣтъ—Алешенька, дочку, не сына намъ Господь даровалъ, — сказала Наталья, когда царь явился къ ней поздравить жену. — Шести — мало, семую тебѣ... Слышь, государь?

— И слава Ему, Милостивцу. Натальей назовемъ, слышь. Двѣ нонѣ Наташеньки будутъ у меня,—съ особенной лаской и нѣжностью отозвался Алексѣй. Онъ почуялъ въ голосѣ, въ выраженіи лица жены — какъ бы досаду, огорченіе, что это не сынъ, а дочь. Словно бы она извиниться хотѣла передъ мужемъ.

Правда, въ то время дочери и для царя были только тяжелой обузой.

Въ монастырь жалко ихъ было отдавать. Иностранные принцы не женились на русскихъ царевнахъ. А выдавать ихъ за своихъ-же поданныхъ обычай не велѣлъ. Да и по династическимъ соображеніямъ такіе браки были неудобны.

Поэтому и захотѣлось Алексѣю особой нѣжностью и вниманіемъ утѣшить огорченную мать.

Отъ Натальи царь прошелъ къ дѣтямъ. По случаю именинъ четвертой дочери. Маріи, былъ назначенъ обычный семейный столъ у царицы. Но вмѣсто Натальи старшая сестра Алексѣя, Арина Михайловна, явилась хозяйкой.

Еще было рано и всѣ дѣти играли въ саду со своими сверстниками и сверстницами. Туда-же прошелъ и царь, разслыхавъ издалека дѣтскіе веселые голоса, залихватый смѣхъ.

Старшая царевна, Евдокія, крупная, краснощекая дѣвица 23 лѣтъ,—съ одной изъ дворовыхъ дѣвушекъ—высоко взлетала и сразу опускалась, смѣло раскачиваясь на качеляхъ, устроенныхъ между двумя толстыми соснами.

Среднія дѣвочки и оба царевича играли въ горѣлки. Сейчасъ „горѣлъ“ молодой княжичъ, Вася Голицынъ, племянникъ княгини Ульяны Ивановны, мамы царевича Петра.

Въ силу этого родства онъ часто бывалъ и на женской половинѣ, принимая участіе въ забавахъ царскихъ дѣтей.

Когда появился на лугу Алексѣй, Голицынъ гонялся за сильной, легкой на бѣгу и увертливой Софьей, спасавшейся отъ „сокола“ угодными, хороняся за кустами, за стволами деревьевъ.

Замѣтя отца, царевна такъ и кинулась къ нему, какъ кидается отъ коршуна маленькая пташка подъ защиту кого-нибудь большого, сильнаго.

Разгоряченный князекъ сперва было и не разобралъ, за кого хоронится Софья и только въ нѣсколькихъ шагахъ сразу остановился на бѣгу, поспѣшилъ ударить челомъ неожиданному посѣтителю и отошелъ къ сторонкѣ.

— Ишь, лисичка какова, Софьюшка моя. Въ игрѣ—бойка. А какъ ловить пришлось—за отца хоронится,—весело улыбаясь, сказалъ отецъ, цѣлуя пылающее, миловидное личико дочери. — Иди, Варвара, на расправу... Лови, бери ее, Васенька.

И шутливо толкнулъ отъ себя Софью.

— Конецъ игрѣ. Неча ему ловить меня, — отвѣтила Софья.—Вона, всѣ бѣгутъ...

Дѣйствительно, дѣти, увидавъ царя, кинулись къ нему, оставя игры:

— А гдѣ-же ангелъ-то нашъ, свѣтъ Марьюшка? — перецѣловавъ всѣхъ, спросилъ Алексѣй.

— Въ терему, видно тетушкѣ Аринѣ помогать по домашнему пошла,—отвѣтила та же, вездѣ поспѣвающая, все наблюдающая Софья.

— Инъ, ладно. Трапезовать не пора еще... Вы—забавляйтесь, дѣтушки, покулъ не покличутъ. А я въ покои пройду. Повидаю тамо ихъ. А ты, Докушка, ишь, упарилася какъ, — обратился онъ къ Евдокіи, которая почти переросла отца и стояла передъ нимъ цвѣтущая, здоровая,

но какая-то грустная. Словно не хватало ей чего-то, чего она и сама не могла понять...

— Гляди, не прознобися. Хоть и солнышко, а свѣженько нынче... Видѣла сестренку малую? Вотъ тебѣ забота. Попестуешь ее. Крестить будешь. Наталіей наречемъ. Кума тебѣ подберемъ изряднаго... Милуша ты моя...

Пригладивъ ей пряди волосъ, выбившіяся отъ напора воздуха во время катанья, Алексѣй кивнулъ всѣмъ головой и прошелъ въ хоромы.

5—6 ступеней изъ сада вели на крыльцо съ навѣсомъ, въ родѣ высокой террасы, куда выходили окна лѣтней столовой палаты царицына терема; затѣмъ шла другая большая комната, вродѣ общей дѣтской, гдѣ учились дѣти или играли, если ненастье не позволяло быть въ саду.

Дворовыя дѣвушки, подъ наблюденіемъ Анны Леонтьевны, матери Натальи, накрывали нѣсколько столовъ въ первомъ покоѣ. Тутъ-же хлопотала и царевна Ирина Михайловна.

Поздоровавшись съ обѣими, царь спросилъ о Марьѣ.

— Наша манашка все въ святцы глядитъ,—отозвалась Ирина.—Тамо, вонъ... Покликать можно.

— Нѣтъ, я къ ней пройду,—сказалъ Алексѣй и ступилъ за порогъ сосѣдней комнаты.

Именинница, Марья, услышала голосъ отца и поспѣшила ему на встрѣчу, отъ окна за которымъ сидѣла и читала „Четьи-Минеи“, большую книгу въ тяжеломъ, серебряномъ-окованномъ переплетѣ. Почтительно поцѣловала она руку отцу.

— Здорово, съ ангеломъ, дочка. Аль въ зиму времени мало будетъ въ святцы глядѣть? Не старуха какая. Красные денечки стоятъ. Бабѣ лѣто, слышь. И вамъ, дѣвкамъ, погулянка... А ты у меня... Энто што? — принимая отъ дочери тонкій бѣлый платочекъ, въ который было завернуто

что-то круглое, спросилъ Алексѣй и сталъ разворачивать.

— За твое здоровье, батюшка, нонѣ просфорку вымала, послалъ Богъ милости, какъ у заутрени была. Прими, сдѣлай милость. Вкуси во здравіе. Молилась я, грѣшная, за твою царскую милость. Удачи и долгоденствія послалъ-бы тебѣ Господь.

И дочь снова, по-монашески, смиренно поклонилась отцу.

Блѣдное лицо царевны говорило и о внутренней работѣ, какую эта дѣвушка 20-ти лѣтъ несомнѣнно переживаетъ, и о постничествѣ, о добровольныхъ попыткахъ подвижничества. Давно уже стала проситься царевна въ монастырь. Но ее отговорили отъ постриженія, хотя и не мѣшали въ теремахъ вести почти затворническую жизнь. И даже сегодня, въ день своего ангела — Марія была одѣта, какъ всегда, въ простое, темное платье съ такой-же тѣлогрѣей.

— „Грѣшная“... Э-хъ, ты... свѣтланушка ты моя... Коли ты — грѣшная“, — каки-же и праведны есть?... Какъ намъ звати-ся?... Ну, ну — потрудись за ны... Отмоли всѣ грѣхи наши, вольные и невольные, „грѣшница“ ты моя, мудреная.

Алексѣй привлекъ дѣвушку, особенно осторожно и ласково коснулся ея лба поцѣлуемъ и хотѣлъ было пройти дальше, но вспомнивъ что-то, вернулся къ порогу столовой.

— Аринушка, чево Петеньки не видать? Али, бабушка, ты не знаешь-ли, что внучекъ? Здоровъ-ли, Богъ далъ, дитятко мое малое? обратился Алексѣй къ сестрѣ и къ старухѣ Нарышкиной.

— Спитъ внученько-то, покоится ево царское величество, — протяжнымъ областнымъ говоромъ отвѣчала Нарышкина. — Не изволь тревожиться. Ровно яблочко наливное младенчикъ Божій, храни его ангели-херувимы, серафимы-заступники... Тьфу, тьфу, тьфу...

И она подула и плюнула на три стороны, чтобы обе-

речь съ глазу ребенка. По ея разумѣнію, даже и близкіе люди должны поменьше поминать младенца, или толковать о его здоровьи, чтобы „не сглазить“.

— Ну, инъ ладно... Далъ бы Богъ и все такъ... Тьфу, тьфу, тьфу,—тоже отплюнулся и Алексѣй.—Пройду покулъ въ свою боковушу. За столы не скоро, видать?

— Скоро, братецъ - государь... Часочекъ одинъ, а то и менѣ... По тѣхъ поръ, государь—братецъ, не поизволишь-ли выслушать, што сказать тебѣ имѣю? Ужъ, сдѣлай милость не откажи слугѣ твоей, сестрѣ родимой. Челомъ бью, Алешенька!

Легкая тѣнь промелькнула на лицѣ Алексѣя. Онъ подавилъ досаду, но рука невольно потянулась кверху и почесала затылокъ, покрытый короткими, густыми и темными еще волосами съ легкимъ налетомъ сѣдины.

— Сызнова за ково-либо изъ опальныхъ печаловаться почнетъ, — подумалъ онъ. — Надо послухать. Инако — не отвяжешься.

И спросилъ вслухъ:

— Тутъ, што ли, скажешь? Али ко мнѣ пройдемъ?

— Къ тебѣ лучше, думается, царь — братецъ... Какъ повелишь ни то, государь.

— Ну, идемъ...

Прійдя въ свой покой, Алексѣй сбросилъ шубу, отдалъ шапку и посохъ въ руки дежурному „жильцу“, замѣняющему здѣсь и придверника и камеръ-пажа.

Когда тотъ вышелъ, Алексѣй подошелъ къ теплой печкѣ, прислонился къ ней спиной и обратился къ Иринѣ, стоящей, у стола, между окнами:

— Ну, садись, Аринушка, гостя будешь... Толкуй, што тамо у тея... А я погрѣюсь... Хоша и тепло, да плохо насъ съ тобою кровь, видно, грѣетъ наша старая... Што-же молчишь? Сказывай: за ково жалобить насъ пришла?

— Не жалобить, а милости просить, государь-братецъ... Великой царской милости. Такъ сдается, Алешенька, и ради нынѣшняво дня святова да радостнаво и по душѣ своей по милостивой,—ангелъ ты мой, не откажешь сестрѣ въ ея великомъ прошеніи.

— Коли больно велико, такъ и льстивство, и поклоны мало помогутъ, сестрица... Все по мѣрѣ творится. И цари не вольны на иное. Коли што несообразное, коли ужъ изъ ряду вонъ... А што можно, сдѣлаю. Сестра ты мнѣ старшая... Какъ ни вспомню, кромѣ добра — зла я отъ тебя не видалъ... Проси ужъ... Только, слышь, чтобы сообразное.

— Нѣсть образца на милость, — слышь, такъ бають люди старые. И мы съ тобой, самъ молвилъ, государь-братецъ,—не молоды-же. Надоть и о душѣ помыслить. Ино и то сотворить, чево бы на небесѣхъ зачли, хоша бы на земли и въ ущербъ было оно твоему царскому величеству. Да, слышь, и ущербу не буде. Святое дѣло сотворишь. Не правды поизбудешься, слышь, въ котору ввели тебя нѣкіе людишки безстудные, поскоки новые... Имъ—ништо... Злобу свою тѣшутъ, гордыню питаютъ несытую. А на твоей душѣ—грѣхъ, какъ царь ты землѣ, за всѣхъ отвѣтчикъ.

Такое вступленіе, весь напряженный тонъ, какимъ заговорила Ирина, очевидно, подстрекаемая сильнымъ чувствомъ, не помогли ей, а только испортили дѣло.

Податливый часто, довольно слабохарактерный, Алексѣй все-же не любилъ, если на него старались воздѣйствовать такъ стремительно, грубо и властно.

Онъ за долгіе годы власти былъ избалованъ тѣми, хотя бы и внѣшними проявленіями раболѣпства, какими былъ окруженъ въ качествѣ московскаго государя, повелителя земли, вождя всѣхъ боевыхъ силъ страны.

Самъ Патріархъ—и тотъ, зная характеръ царя,—умѣлъ осторожно добиваться, чего ему хотѣлось. Ближніе бояре,

хотя и явно накладывали руку на волю царя и онъ это чувствовалъ, ясно сознавалъ, но все дѣлали съ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ, съ византійскимъ этикетомъ, съ раболѣпными поклонами...

Добрая, искренно-любящая брата, Ирина тоже понимала, что путь обходовъ — вѣрнѣе поведетъ къ цѣли. Но въ данную минуту она узнала о вещахъ, слишкомъ для нея огорчительныхъ. Сдержанная обида, накопившаяся въ груди давно, чуть-ли не съ минуты появленія въ теремахъ новой царицы, — сейчасъ эта обида особенно-сильно заклочкала и рвалась наружу, словно противъ воли самой царевны.

Старая дѣва, добрая по натурѣ, робкая, забитая воспитаніемъ и полузатворнической жизнью, — она, все таки, хранила въ себѣ долю властолюбія и сознанія собственного достоинства. Окружающая среда, темная и раболѣпная, но безпощадно — злая, жадная и беззастѣнчивая въ достиженіи своихъ цѣлей, — не успѣла въ конецъ вытравить нѣкотораго идеализма, даже фанатичной вѣры и ревности по вопросамъ царской чести, семейной любви, справедливости и долга государей передъ ихъ народомъ.

Вопросъ былъ важный. Ирина не смогла начать лукавымъ обходомъ. И ей казалось, что братъ долженъ понять ее. Хотя тутъ-же, едва прозвучало ея рѣшительное обращеніе къ царю, она ясно замѣтила, какъ тотъ выпрямился, насторожился и сталъ весь какой-то неподвижный, словно выточенный изъ дерева. Не осталось и тѣни ласковаго, родственнаго доброжелательства, съ какимъ онъ минуту назадъ заговорилъ со старшей сестрой.

— Не пойму я никакъ, о чемъ рѣчь ведешь, государыня-сестрица? Можетъ и сама поотложишь на послѣ. Поймиши и толковать легче, — сухо замѣтилъ онъ, очевидно, предчувствуя непріятный разговоръ и дѣлая послѣднюю по-

пытку избѣжать лишнихъ непріятностей и для себя, и для сестры.

— Растолкую, государь-братецъ. Затѣмъ и потрудила твою милость, ужъ не посѣтуй. Не великъ сказъ... И словъ то немного. Про боярыню про Морозову, Федосью Прокопьевну, да про сестру ея, про княгиню Овдотью Урусовыхъ. Да, ошшо, почитай, не про чужова... Про дядю про роднова, про боярина Семена Лукича Стрѣшневыхъ... Колико лѣтъ въ опалѣ томится, въ Вологдѣ... А мы тутъ, свѣтъ мой,—радошно проживаемъ. Не грѣхъ-ли? Оговорили, слышь, дядю. А ты и вѣру далъ... Была-ль нужда ему изводить тебя, государь,—то бы подумалъ... Не взыщи, што такъ докучаю... Подъ сердце больно подступило. А и то мысля: потиху сказать,—не дойдетъ до сердца твоего государскаво, за всей заботой, за всѣми трудами царскими. Ужъ, прямикомъ и скажу...

— Слышу, слышу, сестрица Аринушка. Еще чево скажешь, вали за одно...

— Што и сказать?!.. Вонъ, слышь, пыткой пытали честную вдовицу, боярыню Федосью. Мочно ли то!.. И сестру ейную, Овдотью... И на дыбѣ трясли... и огнемъ палили... Господи...

Въ искреннемъ ужасѣ, ясно представляя себѣ муки обѣихъ женщинъ, Ирина закрыла поблѣднѣвшее лицо обѣими руками.

— А за што пытали-то, знаешь ли, сестрица?.. Не тебѣ, бабѣ, чета,—самъ патріархъ-владыко ко мнѣ довѣдался... О той же строптивницѣ печаловался. Вотъ, не похуже тебя, да поласковѣй, слышь, толковалъ, хоша и повыше будетъ, пастырь Божій. Баялъ мнѣ, слышь, тако: „чтобы, молъ, княгиню домой вернуть, князю отдать... За одно и боярыню ту, Морозову-вдовицу... Сызнова ей домишко отдать, да людишекъ-крестьянишекъ малость на по-

требу. Дѣло-то, говорить владыко, ладнѣе будетъ. Женское ихъ дѣло. Много ли смыслятъ онѣ“...

— Вотъ, вотъ, государь-братецъ: невмѣстно тебѣ съ женскимъ поломъ тягаться. И моя дума такая... Вотъ...

— Вотъ, вотъ... Анъ, не вотъ, вышло. Я и говорю владыкѣ: „Не жаль дать и вдвое. Да все пустое. Уперты бабы, али съ кругу сбились, овсе ума рехнулись—кто знаетъ. Давно, говорю, такъ бы сдѣлалъ, да не вѣдаешь ты ихней лютости. И сказать, молъ, нельзя: сколь много наругались мнѣ онѣ и до нынѣ ругаются... Кто столько зла и всякаво неудобства мнѣ оказалъ, если не тѣ бабы. Не вѣришь, призови, самъ испытай ихъ. Вкусишь ихней пряности... Вотъ, послѣ и поисполню, чево попросишь“. Слыхала-ль о томъ?

— Слыхала,—видимо неохотно отвѣтила Ирина.

— Ага, слыхала... А какъ далѣй дѣло было, знаешь ли? Призвалъ ихъ Питиримъ. По одиночкѣ. Въ Чудовъ монастырь, въ палату соборную, въ цѣпяхъ привезли. И власти духовныя тутъ... И отъ городскихъ начальниковъ не мало. Все по ряду. По добру вопросилъ патріархъ: „дивно-де, какъ возлюбила ты, жено, желѣза сіи да позоръ свой“. А она таково радостно на отвѣтъ: „не желѣза на мнѣ—вѣнецъ мученицкій грѣшница пріять сподобилась, аки святіи отцы и апостоли“... Старецъ святой ну увѣщать ее: „откинь ересь да заблужденіе. Пріими причастіе, яко подобаетъ. Самъ потружусь на старости лѣтъ, исповѣдую, причащу тебя... Все на прежнее поворотится“. А безумная и патріарха поносить стала... Слугой діавола, рабомъ антихристовымъ назвала... Видитъ старецъ — не въ своемъ разумѣ баба. Благодатью Божіей просвѣтитъ ее возжелалъ... Елеемъ помазанье сотворить надумалъ. „Да пріидетъ въ разумъ,—говоритъ: яко же, видимъ, умъ погубила“... Куды тебѣ? Слышь, только и старца не прибила. Помазаніе отринула.

„Не касайся меня отступнымъ масломъ, — кричитъ. — Не губи мой трудъ великій, что цѣлый годъ эти цѣпи несла, муки принимала, единымъ часомъ симъ... Отступися. Ничего не хочу вашего. Все — нечисто“. Што тутъ было!.. Увели безумную... Сестра ея — не лучше же, а почище дѣлала. И съ ей ничего не вышло у старца. Вотъ, ужъ тута, воля-неволя, пришлось и пыткой пытать тѣхъ еретицъ нестерпимыхъ... Да мало еще... Жечь бы ихъ надо, какъ на совѣтѣ мнѣ радили... Отъ нихъ, слышь, и то смута въ народѣ пошла... Боярыня первая, Морозова... Урусовыхъ княгиня въ поборницы за старое пошли. Дакъ, простой людъ, который и не помыслилъ бы, за честь считатьъ съ ими же противъ указовъ моихъ и патріаршихъ насупротивъ идти! Жечь, одно и надо.

— Што-же не сжегъ? Слыхала и я про совѣты... Кабы не старецъ добрый, воевода князь Юрій Лексѣичъ, не Долгоруковъ князь — гляди, двоихъ боярынь честныхъ — словно татей, али бо разбойныхъ подлыхъ людей, на Пожарѣ, при Лобномъ мѣстѣ, такъ и сожгли бы въ срубѣ... Царское то дѣло, доблесть великая! А родитель, нашъ, блаженной памяти, свѣтъ государь, Михаилъ Федоровичъ и думать не думывалъ такъ надъ женскимъ поломъ и ради гнѣва царскаво своево промысляти... А, вотъ, ты, царь, иное мыслишь... По иному, слышь...

— Ну, буде, Арина... Слышь, молчи ужъ. Нелѣтъ мнѣ и толковать съ тобою болѣ. Помню я, что сестра ты мнѣ старшая... По добру пытался, по хорошему... Да, видно, и у тебя засадъ въ головѣ... Въ трухлявый пенъ верей не врубишь... Я, слышь, не неволю людей... Про себя, што хошь, думай... Наружу лихъ не выноси!.. А онѣ — прямую проруху царству чинять... Соблазнъ подають... Онѣ не сдаться ничево, имъ тоже не будетъ нашей милости... Такъ и знай... Въ останний разъ тебѣ говорю... Я, слышь, Арина,

не суюся въ твои дѣла, въ холсты, въ мотки, въ лотки въ бабы, въ твои тальки-гальки, да въ суконья... Хочешь—даришь дармоѣдамъ всякимъ... Не то—продаешь торгашамъ пройдисвѣтамъ, кои за алтынъ полтину купить норовятъ... И ты въ дѣла наши царскія отнюдь не мѣшайся. Моя воля—и творю по ней. Помни разъ и на вѣчно...

— Кое не твоя воля... А лѣпо-ли такъ?.. Ладно ли?.. Подумай, старину да пошлину (*обычай*) давнюю попомни... Не на своеволье землѣ постановленъ царь. Тако, молъ, хочу, тако и буде! Кабы дума у тебя была прежняя, истовая—они бы не помирволили дѣлу такому: съ бабами воевать. Кинь, Алеша. То памятуй: надъ тобой и надъ Думой твоей владычной, да и надъ самимъ владыкой-патріархомъ судъ Божій есть. Што на томъ свѣту душенькѣ твоей буде? Какой отвѣтъ держать станешь... Помысли. Любя говорю, не въ укоръ. Тебя отъ грѣха оберегаячи, може што и уразное вымолвлю,—не посѣтуй на меня, на грѣшную...

— Али еще не все выложила?.. Гляди, изъ царей насъ изъ самодержавныхъ только што не въ прикащики въ думскіе пожаловала?.. Мукой адовой, карою Божіей грозишь за то, што надумалъ слово Божіе пристойно поисправити... Въ новыхъ спискахъ книгъ церковныхъ—омылки, описки повести. Старые, отъ Соборовъ отцовъ святыхъ, древле-прославленныхъ, святыхъ Писанія на Руси завести хочу правыя... А меня за то новшаки-дураки, што чтутъ азы, не разумѣя, чуть не клясти стали. Патріарховъ московскихъ, Господомъ ставленныхъ, они, мужики безглуздые, неразумные,—ко звѣрю изъ бездны, къ Антихристу ровняти стали... А я отъ ихъ еще на попятный ступай? Николи! И впрямь будутъ въ тѣ поры люди кругомъ, и дѣти, и внуки ихніе на много лѣтъ славить: „не царская воля творилась на Руси при Алексіѣ Михайловичѣ, а черни нерозумной. Да и самъ онъ—не царь, баба былъ; малодухъ—прямой—не

земли охрана“. Такъ толковать стануть. У тебя, вонъ, волосъ дологъ, умъ коротокъ. Ни то бы и сама въ разумъ то взяла.

— Взяла, царь, братецъ, все—давненько взяла. Знаешь, не разговорница я. А все гляжу, кое што и вижу... Ужъ, не посѣтуй, коли выложу... Не велить сердце молчать. Не чужая я тебѣ. Развѣ—ротъ завязать повелишь. А нѣтъ, такъ скажу... Душа горить. Воля Божія, видно, штобы отъ слабой жены узналъ, чево мужи твои, совѣтчики, особливо—новые любимчики, рвань худородная, голодная,—не сказываютъ... Терпѣла я, покулъ мочи стало, отъ воронья да галочья, што въ теремъ высокій налетѣли, павьими перьями поизукрасились... Не мочно терпѣть болѣ... Вонъ, че любо тебѣ, что царь—повиненъ разума земскаго, думы своей боярской и служилой слушати! А то, видать, любо царю-государю, коли блазни, лизоблюды, подлазни льстивые кружатъ, ровно бы веретенемъ бабьимъ, тобою... И всѣ видять, всѣ знаютъ. Неохота тебѣ пересуды слышать людскія про милость твою, про царскую... Забота у тебя, што внуки-правнуки скажутъ? Такъ, вотъ, и знай, каки про тебя рѣчи идутъ. Таки и въ вѣка перейдутъ, вѣрь, Алешенька... А и погрознѣй бѣда на виду, почитай. Горденя ты, царь-братецъ, на словѣ. Слышь, не гнешься, не ломишься... Кто тому и повѣруеть? А не только мы,—и черный людъ знаетъ: не мало разъ гнулся ты, не изламывался... Коли хто гораздо навалитися умѣлъ на царя самодержавнаго, на великаво князя московскаго... Гляди, и теперя такъ не стало бы. Оно хоша и зовешь ты писанія церковныя, кои поисправити задумалъ,—новиною, а людъ православный инако мыслить. Дѣды и прадѣды по той „новинѣ“ жили да умирали, духъ предали свой Господу. Вѣру всѣ имутъ великую въ новины въ тѣ. „Стариной“, святыней величаютъ описки, ошибки книжныя. Гляди, хоша и не бояре, смерды, они, а

люди, слышь, тожѣ. Одно не забудь: не бояре, — смерды тѣ самые въ казну въ твою ино послѣдній грошъ несутъ, тебя со властями и боярами кормятъ... Другое: и ратная сила изъ тѣхъ же смердовъ собрана, велика да сильна стоитъ. Вона, ты любишь иноземныхъ маѣоровъ да полковниковъ кругъ себя держати. То своимъ русскимъ ратникамъ не больно любо... Стрѣльцы, особливо московскіе, первая намъ всѣмъ, дому царскому и трону твоему оборона... А изъ нихъ — всѣ, почитай, стариною живутъ, кою ты „новинами“ обзываешь. Титовъ полкъ, слышь, явно толкуетъ: „не ладно царь съ патріархами удумалъ. Святое Писаніе поиначилъ, службу церковную, благолѣпную ополячилъ... Поляковъ-схизматиковъ не то учителями въ школахъ поставилъ, въ своемъ дому царскомъ — явнаго покрутня терпитъ, Семена-то... Не дадимъ старой вѣры на уронъ“... Такъ, слышь, не одни титовцы толкуютъ... Гляди, государь-братецъ... Какъ бы неволей на то склониться не довелось, што нынѣ по доброй волѣ да на славу себѣ можно содѣяти... Прости меня, грѣшную, братецъ... Не могла смолчать... И сугубо челомъ бью: не трогай ты вѣры людской. Душа — не осина... И ту ранній попарити надо, а гнути опосля... Богомъ молю: дядю верни, отпусти на волю Морозову съ сестрою... Верни имъ ихъ животы и честь порушенную.. Не гони иноковъ да старцевъ мучениковъ, какъ Аввакума попа... И Богъ тебѣ зачтетъ... И люди скажутъ: „живъ Богъ, жива правда въ душѣ царевой. Слушаетъ онъ порою навѣтовъ діаволихъ да людей лукавыхъ новыхъ, кои обступили ево. Да все же и правду не овсе забылъ... Сердце-де царевое въ руцѣ Божіей, а не въ лапахъ у проходимцевъ, кои случаемъ въ честь попали и землю не брегутъ, своей корысти ради“. Того ради пожалуй, государь-братецъ... Не гони вѣру старую... Кинь затѣи римскія... Опальныхъ верни, твоихъ рабовъ вѣрныхъ... Сестрамъ-подвижницамъ покой дай... Челомъ тебѣ бью на

томъ, Алешенька... Хоть бы ты попомнилъ, братецъ, службу Борисову да брата ево, Глѣба Морозова. Нехорошо, братецъ.

Совсѣмъ истощенная глубокимъ волненіемъ, такой большой, несвойственной ей рѣчью, блѣдная, какъ мертвецъ, съ осунувшимся лицомъ, съ темными кругами у глазъ, едва поднялась послѣ земного поклона Ирина и тутъ же тяжело опустилась на ближнюю скамью.

Пока быстро лилась неровная, вдохновенная рѣчь Ирины, цѣлый рядъ ощущеній проносился въ душѣ царя, отражаясь на его подвижномъ лицѣ.

Были минуты, когда онъ, казалось, совершенно подпалъ вліянію говорившей. И остановись она тогда хотя бы случайно, онъ далъ бы согласіе на многое, если не на все, о чемъ молила сестра.

Но каждый намекъ на слабохарактерность Алексѣя и, особенно, на „новыхъ“, жадныхъ, продажныхъ людей, хитростью пробравшихся во дворецъ, — эти намеки слишкомъ больно задѣвали царя. Въ немъ поднималось все возмущеніе, все тупое, неоглядчивое упрямство, на которое способны не особенно умные и несильные духомъ люди.

Кончила Ирина, умолкла, тяжело дыша, отирая холодную липкую испарину, выступившую на вискахъ, и Алексѣй заговорилъ холоднымъ, злымъ, глумливымъ тономъ:

— Выдохлася?.. Больше некуда? А я чаялъ, до ночи не скончишь... Добро, сестрица, добро. Коли такъ намъ досаждаешь, дятъчишь объ Федосьѣ, инъ ладно. Тотчасъ готово у меня ей мѣсто получше монастыря, гдѣ къ ей боярыни-короткоумныя съѣзжаются... Бояре крамольные заглядываютъ, на меня гнѣвъ Божій зовутъ.

— Все я знаю... Не отъ черни,—отъ васъ, сверху на меня гроза зачинается. Да—не боюся. Людъ православный, вся земля не смѣняетъ меня, царя, всенародно избраннаго, Богомъ поставленнаго, на вашу орду нелѣпую... Знаю я.

не то отъ Милославскихъ, отъ враговъ моихъ, хоть и зла отъ меня не видѣли, отъ сестрицъ родныхъ изъ теремовъ царскихъ—чернавки-дѣвки, попы-смутьяны, юроды да ханжи, негоди, што ни людямъ, ни Богу... Всѣ они въ монастырь, къ Морозовой шастали...

— Отъ Морозовой по торговымъ мѣстамъ, да по полкамъ стрѣлецкимъ, вѣсти-повѣсти разносятъ безгодныя... Все я знаю... И ужъ такъ запрячу упорщицу, што и пути къ ней не найдутъ... Добро ужъ...

Поднявъ глаза на брата, голосъ котораго показался совсѣмъ чужимъ ей, Ирина увидала, что лицо его совершенно побагровѣло, жилы на лбу и на вискахъ вздулись. Въ невольномъ испугѣ она зашептала:

— Господи, Господи...

— Што бормочешь?... Али нелюбо, коли въ ваши петли чей глазъ заглянетъ, ваши лукавства раскроетъ... У-у, людишки... Знаю, охота бы вамъ по-старому зажить, царя въ рукахъ зажать, творить, што вздумаете, о землѣ не думаючи. Вы о ней только и звякаете, коли другихъ укорить норовите. А отъ ково тьма, отъ кого неурядица въ царствѣ? Хто болѣй себѣ воруетъ, ничѣмъ въ казню несетъ царскую? Вы все, люди благочестные, истовые, старовѣрные, благовѣрные... Вотъ, подумалъ я земскую тяготу облегчить, житье все русское на новый ладъ наладить, поисправить... Вамъ не любо. Всѣ, кто со мной—вамъ враги. Клянете ихъ, ножъ готовите изъ-подъ полы, коли прямо ударить не сила... Добро, что не малолѣтокъ я. Своимъ умомъ живу, васъ не спрошу никою. Такъ и знай. О чемъ докучать, дятъчить станешь—все на изворотъ сдѣлаю. Знай... Што вамъ любо, то и мнѣ, и роду всему нашему, и землѣ на пагубу... Такъ и знай... Слышь... И не буде по-вашему... Нѣтъ... Нѣтъ...

Голосъ Алексѣя перешелъ почти въ крикъ.

Стольникъ, пришедшій было съ докладомъ, что за столъ

пора, не посмѣлъ войти и стоялъ за дверью. На звуки громкихъ голосовъ появилось и еще нѣсколько человѣкъ въ покоѣ, смежномъ съ комнатою Алексѣя.

Анна Хитрово, по своему положенію, приглашенная къ столу, будто бы ненарокомъ, отъ усталости, опустилась на скамью, недалеко отъ двери, и старалась не проронить ни слова. Царевна Марія тоже пришла изъ классной и стала на порогѣ, между дверьми, не зная, уйти ли ей скорѣй, или остаться на всякій случай. И тетку ей было жаль, и опасенія за отца сжимали сердце.

Она знала, что крѣпкій и здоровый на видъ Алексѣй страдалъ какимъ-то невѣдомымъ недугомъ. Особенно, послѣ приступовъ гнѣва. Сердце у него почти переставало биться, онъ синѣлъ. Дыханіе вырывалось со свистомъ... И долго надо было хлопотать, звать лекарей, курить какими-то остро-пахнущими травами, чтобы привести въ чувство больного.

Знала и Ирина, какъ опасны брату взрывы гнѣва. Она ужъ только о томъ и думала, какъ бы успокоить его. И не находила словъ, съ чего начать, какъ заговорить.

А царь, между тѣмъ, словно закусилъ удила, подстрекаемый своими же словами и мыслями, собственнымъ крикомъ, все больше подымалъ голосъ:

— И живъ я—вамъ не покорюся. И помру—не видать вамъ воли да власти надъ землей. Въ новы мѣха вольтется вино новое... Не знать Милославскимъ, да Морозовымъ съ Хитрыми—лукавцами владычества надъ Москвой, надъ землей всею, надъ царемъ молодымъ, надъ моимъ наслѣдникомъ... Федю, знаю, коли меня не станетъ, живо обрачаютъ... Не царь онъ родился... У ихъ будетъ въ покорѣ. Такъ, не бывать тому... Знай, не бывать... И Богъ тово не хочетъ... Ину долю царству подастъ... Вотъ, поглядите, увидите... Съ женитьбой съ моею — што взяли?..

По своему сдѣлалъ... И никто не могъ поперекъ стать... Далѣ — тоже будетъ. Во всемъ — по моему будетъ... Во всемъ... Знай... Знай... Слышишь?... Што жъ молчишь?... Слова не скажешь... Али онѣмѣла, али оглохла, заступница... Грозишь мнѣ... помазаннику Божію!.. Я безъ угрозъ главу сотру всему вашему племени злomu... Новы Адашевцы пошли... Не сдамся... Живъ не буду, все на свое поверну... Вотъ... Што жъ молчишь?... Ну, держи отвѣтъ... коли такую отвагу на себя напустила... Чево и не бывало въ роду въ нашемъ честномъ, въ терему въ нашемъ царскомъ, штобы дѣвки царевны царямъ указывали... Умолкла... А въ душѣ клянeshь... ковы готовишь... Такъ, што ли?..

— Прости, помилуй, братецъ Алешенька, — не выдержавъ, съ плачемъ упала къ ногамъ Алексѣя Ирина, желая во что бы то ни стало усмирить гнѣвъ, способный привести къ печальной катастрофѣ. — Успокой сердечушко. Не серчай болѣ. Помилуй...

И этотъ искренній, полный раскаянія, смиренія и страха, вопль сразу привелъ въ себя Алексѣя.

Хрипло, тяжело дыша, онъ сдержалъ истерическіе выкрики, которые еще такъ и рвались съ дрожащихъ губъ. Схватилъ со стола жбанъ съ холоднымъ квасомъ, изъ широкаго горла сдѣлалъ нѣсколько глотковъ, сжалъ виски руками и сказалъ:

— Ну, буде! Встань... Ничево я... Ступай... Не въ себѣ я малость... Иди съ Господомъ... Богъ простить...

Самъ отошелъ къ окну, распахнулъ его и сталъ глубоко вдыхать свѣжій осенній воздухъ.

Всхлипывая по-дѣтски, растерянная, поднялась Ирина, вышла за порогъ, гдѣ ей на встрѣчу поспѣшила Хитрово, повела подъ руку, охая, вздыхая, шепча молитвы и приговаривая между текстами:

— Господи Ісусе, сладчайшій... — Слышала все, род-

ная, царевнушка ты моя... Болѣзная голубица... — Богородице-Дѣво, помилуй ны... — Экъ, што прибралъ царь и на тея, и на всѣхъ насъ... Силенъ лукавый и слуги ево... Никола угодникъ, спаси и покрый насъ своимъ предстательствомъ... — Ну! да и Богъ же крѣпокъ, защита наша...

И такъ, бормоча молитвы и тихонько причитывая, увела царевну въ ея опочивальню.

Почально прошелъ именинный столъ царевны Марьи на этотъ разъ.

ГЛАВА VI.

Братъ и сестра.

Прошло еще два года.

Не стало боярыни Морозовой и сестры ея, княгини Евдокіи, первыхъ знатныхъ мученицъ за „старую вѣру“. Въ далекомъ, заброшенномъ Боровскѣ-городкѣ, на днѣ глубокой, темной, грязной ямы томились онѣ зимой, полуодѣтыя, мучимыя голодомъ, и отъ голоду погибли. Сперва угасла княгиня, за ней—и боярыня Морозова.

Завернутое въ рогожу тѣло страдальцы опустили въ землю и зарыли тѣ же сторожа, которые были тюремщиками обѣихъ страдалницъ. Безъ обрядовъ и молитвъ хоронили этихъ подвижницъ, которымъ давала силъ ихъ вѣчная молитва, ихъ горячая вѣра... И на могилѣ поставлена тяжелая каменная плита, на которой высѣчено было: „Лѣта 7184 (1675), погребены на семъ мѣстѣ сентября въ 11 днь боярина князя Петра Семеновича Уроусова жена ево, княгиня Евдокея Прокофьевна, да ноября во 2 днь—боярина Глебова жена Ивановича Морозова, бояроня Федосья Прокофьевна, а во иноцехъ—инока схимница Феодора. А дочери обе Окольничего Прокофья Федоровича Соковнина. А сію цку положили на сестрахъ своихъ родныхъ бояринъ Федоръ Прокофьевичъ да окольничей Алексѣй Прокофьевичъ Соковнины“.

Не стало этих двух женщин. Старицы и иноки, которые прежде почти открыто стояли за „старую вѣру“ въ Москвѣ—разсѣялись, скрываться стали, избѣгая мученической смерти отъ огня въ срубѣ, какъ была сожжена нѣкая старица Устинья, какъ потомъ былъ сожженъ и первый зачинщикъ движенія, протопопъ Аввакумъ...

Но сѣмя розни, глухое броженіе все шире раскидывалось по царству.

Видѣли это въ Кремлѣ, принимали мѣры. Однако, трудно было бороться съ тѣмъ, что только назрѣвало и рѣяло въ воздухѣ, какъ грозный, опасный, но пока неуловимый призракъ.

Не мало новыхъ сѣдыхъ прядей появилось за эти два года въ темныхъ, густыхъ волосахъ Алексѣя. Обрюзгло, потемнѣло какъ-то все лицо.

Не чувствуетъ онъ особаго нездоровья, опредѣленныхъ болей. Но весь—ослабѣлъ. И припадки удушья сердечнаго—все чаще и чаще возвращаются, даже безъ тѣхъ минутъ гнѣва, какія прежде нерѣдко находили на царя, служа какъ бы предвѣстниками страданья.

Ни на что особенно не можетъ пожаловаться царь. Но чувствуетъ, что силы уходятъ, таетъ здоровье, какъ таетъ воскъ въ заженной свѣчѣ.

И приходитъ ему порою на умъ старинное сказанье: какъ брали враги, отливали съ заклятьями фигуру ненавистнаго человѣка, крестили ее, давая имя того, кого хотѣли извести... И потомъ—ставили у иконъ, вблизи лампадки. Отъ слабаго огонька—медленно, постепенно, но и безостановочно таяла фигурка, все ближе и ближе придвигаемая къ огоньку... И таялъ съ нею тотъ, чье имя носило заклятое изображеніе.

Разсказалъ онъ о повѣрьи Симеону и спросилъ:

— Какъ думаешь: можетъ то быть?..

И такой тревогой звучалъ вопросъ, что монахъ сразу догадался о подозрѣніяхъ, о тайномъ страхѣ Алексѣя.

— И, не може того буты николи, великій государь. То-жь діавольской силой лишень содѣяти можна. А Богъ же не допуститъ и волосу упасти съ головы человѣка безъ воли Его. Сказано же есть... Не може того буты.

Успокоился Алексѣй, но не надолго.

Пришло ему въ голову все злое, что творится на свѣтѣ. И царей лишали жизни ихъ враги. Вонъ, въ чужихъ земляхъ. И на Москвѣ—князей великихъ, не то чужіе люди,—свои братья и слѣпили, и смерти предавали... А сколько царицъ и царевичей испорчено, изведено врагами втихомолку. И Богъ попустилъ, не покаралъ, не помѣшалъ совершенію такого грѣха...

Эти думы—больше, чѣмъ заботы по царству, угнетаютъ царя. Онъ прислушивается къ малѣйшему недомоганію своему и каждый разъ ожидаетъ, что близокъ конецъ.

Проходитъ припадокъ, возвращается на короткій періодъ прежняя бодрость, — и Алексѣй снова оживаетъ. Шутить, смѣется, совѣты собираетъ. Сзываетъ иноземныхъ ратниковъ своихъ, принимаетъ иноземныхъ пословъ... Словно торопится въ эти свѣтлыя промежутки наверстать время, потерянное въ дни унынія и хандры, въ дни смуты тѣлесной и духовной, все чаще и чаще одолюющей его.

Напрасно врачи стараются и внушеніемъ и разными крѣпительными средствами поднять силы царя, слабѣющія съ каждымъ днемъ.

Онъ подчиняется ихъ указаніямъ, принимаетъ все, что велятъ... Но—толку мало.

— Видно, хворь у меня въ костяхъ, въ крови сидитъ. Не даромъ Федя и Ваня—такіе хворые живутъ. Цынга, слышь, у Феди, худосочіе: Морбусъ скорбутикусъ, по лекарскому. Отъ ково? Отъ меня-же. Жена—покойница крѣпкая,

здоровая была... Ваня—и слѣпъ, головой скорбенъ... Юродъ, а не сынъ царскій... Все отъ меня... Видно, и дѣтей Господь за грѣхи родителей кораетъ. Хотя и не знаю за собой грѣховъ особыхъ, а видно, прогнѣвилъ Господа...

Такъ часто повторяетъ Алексѣй...

И съ усиленной, особой тревогой глядитъ на своего младшаго сына, на Петрушу ненагляднаго.

Всѣ видятъ, какъ сильно любить царь ребенка.

Ни къ одному изъ сыновей, даже къ первенцу, къ покойному царевичу Алексѣю, объявленному было въ свое время наслѣдникомъ трона, не проявлялъ такой любви и вниманія отецъ.

Сколько разъ бывало, не то что бы послать кого: справиться о здоровьи ребенка,—самъ идетъ на половину царицы, въ покой Петруши и справляется: хорошо ли спалъ младенчикъ. Здоровъ-ли, весель-ли?..

Ни одно новоо проявленіе внутренней жизни мальчика не ускользаетъ отъ отца: слово, которые впервые пролепеталъ Петруша, рѣзвая выходка, первые шаги полныхъ, крѣпкихъ, словно—налитыхъ ножекъ... Первые шалости и капризы... За всѣмъ чутко, почти ревниво слѣдилъ царь, словно жалѣя, если не самъ подслѣдилъ ихъ, если мамы и сестры, даже сама мать объявляла ему какую-нибудь радостную новость о проявленіяхъ быстро-подростающаго, такого бойкаго, такогомышленнаго ребенка.

— А ужъ приглядный какой... Въ тебя, какъ влитой,—любуюсь сыномъ, говоритъ Наталья часто Алексѣй.

— Счастливъ былъ-бы, а красота — што... Не въ ей счастье,—со вздохомъ отвѣчаетъ мать и креститъ малютку, словно желая отогнать отъ него всякій призракъ горя и недоли священнымъ знаменіемъ креста.

И, словно чуя, какой любовью и заботой онъ окруженъ, крѣпнетъ и быстро растетъ царевичъ, какъ тянется кверху

рѣдкій цвѣтокъ, въ теплѣ и холѣ, подъ лучами солнца, подъ уходомъ заботливой, умѣлой руки садовника.

Крѣпнеть быстро и тѣло и духъ малютки. Ужъ чего онъ желаетъ, то должно быть ему дано. Привыкъ онъ такъ, что каждое желаніе его—законъ для окружающихъ. И бѣда, если это желаніе не скоро исполняется, или почему-либо хотятъ отговорить его отъ неудобной затѣи. Часами можетъ плакать, не ѣсть, не пьетъ ничего, никого не слушаетъ, пока не добьется своего.

Одинъ лишь отецъ, и то не строгостью, а лаской, да уговорами можетъ успокоить тогда Петрушу.

Мать онъ тоже любитъ и слушаетъ. Но она въ критическія минуты только сама готова заплакать съ ребенкомъ, готова все сдѣлать, и даже не пытается обуздать строптивого, несдержаннаго мальчугана.

— Всѣ мальчишки на одно. Вонъ, Наташенька моя и вовсе иная...—говоритъ она.

Только то хорошо, что почти не бывало случая, когда чего-нибудь опаснаго, вреднаго для него или окружающихъ—требовалъ бы царевичъ.

Порою—окружающіе не понимаютъ: что за охота ребенку въ непогоду на воздухъ выбѣжать, любоваться вспышками молній, при чемъ, конечно, и ноги промокаютъ, и вся головка, съ которой онъ даже сдергиваетъ свой шлычекъ...

Или верхомъ ѣздить попросится. А если его и на малорослаго муштакка посадить—такъ не удержаться мальчугъ.

Блестящія, красивыя вещи, какія въ покояхъ матери, или у отца на поставцахъ стоятъ—всѣ въ его рукахъ пребывали. И кубки рѣзные, статуэткі, часы, такъ заманчиво—тикающіе. Многое и побито при этомъ... И все онъ ближе разглядѣть норовитъ.

Въ свои игрушки—въ куклы, да въ утварь разную и

не играет почти малютка, хотя не мало ихъ у него и у сестры Натальи.

А вотъ подарили ему въ день ангела купцы московскіе весь нарядъ воинскій, крохотный, но тонкой работы, совсѣмъ какъ настоящій выдѣланный.

И угодили, видно, ребенку. Только и возится онъ съ тѣхъ поръ, что со своимъ вооруженіемъ. Запомнилъ, какъ на площади кремлевской при немъ ратники саблями махали, царя привѣтствуя. И самъ то и дѣло знай, саблей машетъ... Гарцуетъ на конѣ своемъ на деревянномъ — и съ какими то невидимыми врагами бой ведетъ безъ конца...

— Нѣтъ, — толкуетъ мама, Голицына, — не такой энтю будетъ царевичъ, какъ иные у насъ были. Вонъ, хошь Федорушку взять. Послный, бѣѣлый... Сидитъ, бывало, смирененько на рукахъ весь день. И не слыхатъ ево... Почитай, что до двухъ лѣтъ — самъ и шагу ступить боялся. Чуть — што, за тебя схоронится. А энтотъ... нѣтъ онъ не хоронится... За имъ и не убѣгаешься, за рожоннымъ, храни ка ево Христось... Федѣ — слово скажешь, все послухаетъ. Што въ рукахъ держитъ — и то кинетъ. А Петрушеньку и въ годъ не уломаешь, коли чево заблажилъ... Совсѣмъ другой... Совсѣмъ... Онъ тя не послухаетъ, нѣѣтъ!

Видитъ это царь и очень доволенъ.

Все, что задумалъ новаго на Руси завести, помаленьку проводить въ жизнь Алексѣй. Но сознаетъ, что у него много лѣтъ утечетъ на такое осторожное преобразование царства. А быстрѣе, рѣшительнѣе поступать, просто, духу не хватаетъ. И думаетъ царь:

— Вотъ, коли бы Петруша такимъ выросъ да остался, какимъ выглядить... Онъ все справить. Ему и легше будетъ. Кой што подѣлано будетъ и до нево... И люди иные кругъ нево будутъ... И смыслить больше смогутъ, ничѣмъ наши обломы... Скорѣй бы подросталъ...

И въ нетерпѣливомъ ожиданіи — отсчитываютъ дни, мѣсяцы и годы отецъ и мать царевича, постепенно стараясь создавать новыя рамки для жизни своего мальчика, на котораго возложено такъ много надеждъ.

— Выростеть — въ чужи края его самово пошлемъ. Онъ самъ тамъ все повиглядитъ, што для земли получче, — сказалъ какъ-то Алексѣй женѣ.

Наталья такъ и всполошилась.

— Ево?.. Петрушеньку!.. Въ умѣ ли ты?.. Да и не слыхано то... Изведутъ вороги намъ сына тамо... Безъ призора, безъ пригляду.

— Ну, здорово на ново... Твои ли рѣчи слышу, Наташа? Не мало разъ сама меня на то подбивала, чево и не водится у насъ. Молъ, не было, а станетъ. И лучше буде жить. Сергѣичъ што порадитъ, ты первая потаковщица рѣчамъ ево. А энто-тотъ же Сергѣичъ сказывалъ. Вонъ, погляди: персы сколь крѣпко по старинѣ живутъ. А ихній царь, шахъ преславный и то за рубежъ выѣзжалъ. И на Москву заглянулъ. И далѣ побывалъ... Свѣту узналъ... Што-же, мы персовъ хуже, магометовъ несмысленныхъ? А губить парня никто не станетъ... И оберегать можно буде добре... Не зря пустимъ. Съ людьми съ вѣрными... съ надежной охраною...

Такъ мечтали отецъ и мать, любуясь рѣзвымъ, красивымъ ребенкомъ.

Братья, сестры тоже любили Петрушу.

Только Софья — гордая, несдержанная, сразу ставшая въ очень натянутыя отношенія съ молодой мачехой, — и на Петрушу перенесла долю своего нерасположенія.

Иной разъ и ее тянуло взять на руки крѣпкаго, красиваго мальчугана, тискать, цѣловать его, какъ это дѣлали другія старшія сестры царевича.

Но глянутъ на нее два темныхъ, на выкатѣ, глаза, такъ

напоминающіе новую царицу, Наталью—и холодкомъ пахнетъ въ душу Софьи. Словно кто шепнетъ ей:

— Нарышкиныхъ отродье. Мать—босоногая челядница, царя отца приворотила, што и покойницу, первую жену свою скорехонько забылъ... А нынѣ — такъ къ пашенку всѣ и прилѣпились. Отецъ — на остальныхъ дѣтей и не глядитъ. Всѣ съ имъ только и тетенькаются. Ровно бы во Кремлевскихъ теремахъ никою больше и нѣту... Забылъ и дочерей, и царевичей отецъ ради этаго черномазаго.

И, окинувъ недружелюбнымъ взглядомъ мальчугана, отходить царевна.

Иное мечталось ей не разъ.

Придетъ часъ, не станетъ отца... Хоть и не скоро, — когда-нибудь... Одея на тронъ сядетъ. Ну, сейчасъ видно, какой онъ царь будетъ... И тогда сестры, а больше всѣхъ она, Софья, примутъ участіе въ правленіи царскомъ.

Почему бы не такъ? Была же Ольга княгиней. Елена Глинская... А въ Византіи, о которой такъ много говорилъ имъ Полоцкій, о которой и сама царевна читала не мало повѣстей и хроникъ разныхъ, „гисторій“ правдивыхъ... Тамъ — женская власть и воля нерѣдко стояла выше мужской... И въ Англіи бывало. Отчего бы и теперь не повториться этому на Руси?

А вотъ негаданное появленіе Натальи... Ея самоуверенность, повадки, явно доказывающіе, что и новая царица мечтаетъ кой о чемъ, сходномъ съ грезами Софьи... Этотъ мальчишка, такой не похожій на остальныхъ братьевъ... Имъ придется поневолѣ уступить, за ними будущее, за Нарышкиными...

Чуетъ это Софья. Особенно сильно почуяла, когда увидала, какъ стала Наталья осторожно, постепенно, но систематически измѣнять прежній, вѣковой порядокъ, тяготѣющій

въ теремахъ и надъ царицей, равно какъ надъ послѣдней челядницей.

Ужъ не кроется такъ старательно царица московская и отъ своихъ, отъ народа, и отъ пословъ иноземныхъ... Выѣзжать съ царемъ стала въ открытомъ возкѣ, только подъ фатой полупрозрачной... На царскихъ совѣтахъ часто бываетъ, сидя въ небольшомъ покоѣ, изъ котораго окно выходитъ въ Грановитую палату. И пословъ тамъ нарочно Алексѣй принимаетъ, чтобы могла видѣть Наталья всѣ выходы царскіе.

А лѣтомъ, — когда послы въ селѣ Измайловскомъ во дворцѣ на пріемъ были, — царица Наталья рядомъ, за дверьми была. Почти и не пряталась. Только дверь полуприкрыли да завѣсу опустили неплотно. Все слышно и видно, что у царя на пріемъ дѣлается.

Трехлѣтній Петръ былъ тутъ-же, на рукахъ у мамы. Царица почти никогда не разставалась съ сыномъ, вѣчно тревожимая опасеніемъ за него.

Стояли, правда, стѣной кругомъ нея и дѣтей — вся родня Нарышкиныхъ. Но и царь, и Наталья чуяли, какая ненависть и затаенная злоба разлита кругомъ. И особенно берегли царевича, на котораго оба возлагали такъ много надеждъ.

Пока гремѣли трубы, возвѣщая о приближеніи цесарскаго посольства и о вступленіи его въ палату, пока самъ царевичъ оглядывался въ незнакомомъ покоѣ, куда раньше не водили его, — все шло хорошо.

Но, вотъ, вошли послы, стали по мѣстамъ. Отдали поклонъ Алексѣю, который сидитъ на богатомъ тронѣ, украшенномъ рѣзбой. Два золоченыхъ рыкающихъ льва, снимки съ византійскихъ образцовъ, — охраняютъ по бокамъ помазанника Божія...

Заговорили что-то по-латыни послы. Толмачъ перевелъ.

И вдругъ послышался голосъ Алексѣя. Такъ отчетливо, ясно прозвучалъ въ наступившей тишинѣ:

— Братъ нашъ, цесаръ Леопольдусъ, добръ ли, здоровъ на царствѣ на своемъ?

Словно подхватило баловня — царевича, который души не чаялъ въ отцѣ.

— Тятя, тятя тамъ, — сорвавшись съ рукъ мамы закричалъ ребенокъ и прямо кинулся къ дверямъ, ловко увертываясь отъ второй няньки, думавшей перехватить его на пути.

Всѣ растерялись.

Мигъ—и, распахнувъ завѣсу, показавъ царицу своимъ боярамъ, и иноземнымъ съ ея свитой, въ домашнемъ уборѣ, не набѣленную, не нарумяненную, какъ тогда водилось, безъ фаты—царевичъ съ крикомъ:

— Тятя, миленькій,—хотѣлъ ужъ бѣжать сквозь толпу бояръ и пословъ къ трону.

Алексѣй и улыбнуться былъ готовъ, и поспѣшилъ нахмурить брови, понимая, какъ неумѣстно появленіе ребенка въ торжественную минуту, какъ много будетъ толковъ о царицѣ, которая невольно явилась всѣмъ въ такомъ непривычномъ видѣ.

Растерявшаяся было въ первую минуту, мама Петра, княгиня Голицына, забывъ свою важность и почтенную толщину, — успѣла таки кинуться за ребенкомъ, схватила его на руки и, плачущаго, брыкающаго ногами, барахтающагося, словно въюнъ,—принесла къ матери.

Такъ и не доглядѣла Наталья приѣма. Пришлось унести самой Петрушу и утѣшать своевольнаго, упрямаго мальчугана...

За исключеніемъ такихъ мелкихъ волненій,—спокойно протекала жизнь и Натальи, и дѣтей ея. Ребяческія игры, болѣзни и ссоры—все это обычно, со всѣмъ этимъ знакомы матери цѣлаго міра: и царицы, и поденщицы...

Чтобы ребенокъ имѣлъ сверстниковъ для игры, къ нему допустили по выбору около 40 мальчугановъ, изъ „жильцовыхъ“, изъ служивыхъ семей, живущихъ во дворцѣ. Царевичъ былъ еще очень малъ, и поэтому не разбирали знатнаго или простаго рода мальчикъ. Лишь-бы здоровый, веселый былъ.

Часто, лѣтомъ, особенно подъ вечеръ оставя пальцы, вышиванье или хлопоты по домашнимъ дѣламъ, Наталья шла въ садъ, на лужайку, гдѣ Петруша рѣзвился со своей крохотной свитой, подъ зоркимъ наблюденіемъ очередной мамы, нѣсколькихъ нянекъ и двухъ-трехъ боярскихъ сыновей, молодыхъ парней, годныхъ на всякія послуги.

Гамъ и звонъ дѣтскихъ голосовъ такъ и висѣлъ надъ лужайкой. Чѣще всего играли въ ратный строй. И конечно Петръ былъ всегда во главѣ войска, хотя годами—моложе всѣхъ. Но ростомъ и видомъ онъ казался много больше своихъ трехъ лѣтъ. Про смысленность и говорить нечего.

Одинъ изъ сверстниковъ, Екимко Воронинъ, мальчуганъ лѣтъ 6, сынъ стрѣлецкаго полуголовы, хорошо знакомъ со всѣмъ ратнымъ строемъ.

Отъ него и царевичъ, и всѣ мальчуганы быстро переняли военные пріемы.

Деревянные мушкеты, сабли, самодѣльные бердыши и луки со стрѣлами—всегда были въ распоряженіи роты лилипутовъ. И впереди ея особенно важно, подражая большимъ, выступалъ полнощекій, румяный Петръ, темныя кудри котораго такъ прихотливо выбивались изъ-подъ блестящаго шишака, а глазки горѣли веселымъ, задорнымъ огнемъ.

Устраивали мальчуганы и примѣрные войны, причемъ всегда побѣждали тѣ, кого велъ на битву царевичъ. Отчасти—сами дѣти старались потѣшить царственнаго сверстника. Но и самъ онъ такъ стремительно велъ на битву „войско“; несмотря на ребяческій возрастъ, такъ умѣлъ поднять

воинственное настроеніе у своихъ, что противникамъ только и оставалось бѣгство или сдача въ плѣнъ. Царевичъ въ пылу столкновеній забывалъ обо всемъ, не думалъ о возможности получить толчекъ, ударъ, хотя бы и очень чувствительный. Даже не плакалъ, если ему дѣлали больно. Онъ замѣтилъ, что товарищей, задѣвшихъ его, хотя бы и нечаянно, наказывали потомъ очень сильно и надолго запрещали появляться для общей игры.

Со слезами онъ бѣжалъ тогда къ матери, а то и къ царю, просилъ, чтобы вернули ему ратника, лепеча своимъ рѣшительнымъ, хотя и нетвердымъ говоромъ:

— Не обизай енъ Петрусу... Не дюзе бобо Петрусъ... Пусти къ Петрусъ Сеню...

И Сеню прощали, снова допускали къ царевичу.

Часами любовалась мать своимъ первенцомъ. Окружающія ее боярыни что-то толковали царицѣ. Она отвѣчала имъ изрѣдка, почти не вникая въ докучную, привычную болтовню, состоящую изъ дворцовыхъ вѣстей и пересудовъ, изъ отрывковъ того, что по Москвѣ толкуется... И все глядѣла на сына, думала да гадала, что ждетъ его въ жизни...

Навѣдывался нерѣдко и царь въ свободныя отъ дѣлъ минуты полюбоваться на своего любимца, потолковать съ Натальей о томъ, кто имъ ближе и дороже всего на свѣтѣ.

Конечно, окружающіе удалялись тогда къ сторонкѣ, чтобы не мѣшать, не мозолить своимъ присутствіемъ глаза царю.

Изрѣдка лишь покидалъ царевичъ свои шумныя игры, стрѣлой кидался къ матери, чтобы приласкаться къ ней, къ отцу, подѣлиться впечатлѣніями веселой забавы, выпросить для себя и для своихъ товарищей яблочекъ, жамокъ, орѣховъ, которые тутъ же „дуванились“ поровну... И снова

подымался шумъ и возня, всѣ голоса покрывалъ звонкій, веселый голосокъ царевича.

— Далъ бы Богъ на ноги поднять Петрушу, — часто повторялъ Алексѣй. — Вотъ бы царь былъ землѣ. Гляди: дите малое, а какую отвагу да разумъ, сколь много даровъ своихъ отпустилъ ему Господь... Не Федѣ чета... Тому-то и жить въ тяготу, не то дѣло царское вершiti... Не глупъ и Федя. Грѣхъ сказать. И душевный парень. Да больно размазня... А, вотъ, этотъ...

— Охъ, ужъ молчи лучше, Алешенька. Услышутъ и со свѣту сживутъ мнѣ сыночка Милославскіе да присные ихъ... И то, слышь, толкуютъ: научаемъ мы тебя съ Артамономъ, слышь, съ дядею, да съ батюшкомъ моимъ, чтобы ты дѣтей старшихъ наслѣдья лишилъ, все моимъ дѣтямъ отдалъ бы... Вонъ што толкуютъ... Такъ ужъ ты не сказывалъ бы и самъ ничево, миленькій...

Такъ съ тревогой упрасиваетъ мужа Наталья.

— Глупая. Никому жъ я: тебѣ говорю... Все одно, хоть бы и не думалось мнѣ, — нешто они въ покоѣ останутся. Лютѣютъ часъ отъ часу, вижу я, слышу; доходить и до меня все, што кругъ царя дѣтся... Не смогли въ тѣ поры помѣшать женитьбѣ моей, теперь всяки петли плетутъ, какъ бы тебя свернуть, и мнѣ — крылья отсѣчь... И дѣтокъ нашихъ со свѣту сжить... Гляди, никому большой вѣры не давай. Сама робять блюда. Бабушку проси, Анну Левонтьевну, пуцай за внучкомъ денно и ночью... И сестру свою, и...

— Да, ужъ и просить не приходится. Гляди самъ: вонъ, ровно насѣдка надъ птенцами, матушка такъ и караулитъ всюды, гдѣ нашъ Петрушенька... Што онъ пьетъ, што ѣстъ — все сама напередъ надкушаетъ да опробовать неволить того, хто яства подаетъ... А отъ порчи, самъ знаешь: Единъ Господь оберечи можетъ... Коли сила да

злѡба у ково столь велика, што могутъ на младенца, на душку на ангельскую чары пуцать... И мощи на ѡмъ, на миленькомъ, на крестѣ навѣшаны святыя... И святой водой омываемъ, коли чуть хто бы што... Лекаръ, почитай, ежеденъ смотритъ и языкъ и всево Петрушеньку... Бережемъ, какъ можемъ. А тамо—Божія воля... Да спасетъ ево Великій Спасъ и Пресвятая Мати Богородица...

— Аминь...

И сба, замолкнувъ, глядятъ на ребенка, который беззаботно, не чуя, какое величіе и какія опасности ждуть его впереди, носится по лужайкѣ, покрывая птичій перезвонъ своимъ веселымъ дѣтскимъ щебетаньемъ.

Опасаясь оставить ребенка безъ своего призора, царь и царица брали его съ собою, куда бы ни выѣзжали, хоть на короткое время, изъ Москвы, или изъ лѣтнихъ пригородныхъ дворцовъ. Ёздилъ онъ и на осеннее, обычное богомолье царской семьи къ Сергію Троицѣ.

Правилося ребенку зрѣлище, которое развѣтывалось всегда въ виду высокихъ мшистыхъ стѣнъ знаменитой Лавры, еще такъ недавно выдержавшей грозную осаду.

Всѣ иноки обители съ мѣстнымъ духовенствомъ во главѣ, отецъ-игуменъ, митрополиты и власти духовныя, съѣзжавшіяся обычно къ тому времени въ монастырь, окрестные жители, монастырскіе крестьяне, съ хоругвями, съ иконами, подъ торжественный звонъ колоколовъ, съ пѣніемъ псалмовъ выступали изъ главныхъ воротъ Лавры на встрѣчу царскому поѣзду.

Царь съ царицей покидалъ карету, которую еле тащилъ шестерикъ могучихъ, взмыленныхъ отъ усталости, коней, и, окруженный своей и царициной многочисленной свитою, ждалъ съ непокрытой головой приближенія крестнаго хода.

Длинной блестящей вереницей тянулось монастырское шествіе, сверкая подъ лучами солнца изогнутой линіей, со-

образно извилинамъ дороги. Поѣздъ царя, кареты, кони, разноцвѣтные кафтаны провожатыхъ, дорожныя, темныя шубы и головные уборы, также заполняя извивы монастырской дороги, сбѣгающей здѣсь съ полугоры, — все это красиво отличалось отъ перваго монашескаго шествія.

И пытливый глазъ ребенка все замѣчалъ; еще безсознательно, но уже полно восхищался и вбиралъ въ себя впечатлѣнія яснаго осенняго утра, ласковаго солнца, гармоничныхъ красокъ и согласныхъ звуковъ церковнаго пѣнія, въ которое порою нестройно, но кстати врѣзались оклики кучеровъ на балующихъ коней, лошадиное ржаніе и погромыхиванье бубенцовъ на парадной сбруѣ.

Зубчатая стѣны, еще носившія слѣды приступовъ и польскихъ ядеръ, — кой гдѣ обвалившіяся, — особенно влекли къ себѣ вниманіе царевича. Ему чудилось, что тамъ за ними — кроются богатыри и грозныя чудовища изъ сказокъ, какими тѣшили царевича старыя нянюшки, когда, лежа въ постели, а то и днемъ, порой, усталый отъ бѣготни, онъ требовалъ:

— Сказочку скажи... Хааросую... позанятнѣй...

И слушалъ сказку съ затаеннымъ дыханіемъ, съ трепетно-бьющимся сердцемъ. Тоже испытывалъ мальчикъ, когда ему говорили о недавнихъ, сравнительно, бояхъ на Руси, объ осадѣ Лавры. И эти рассказы сейчасъ словно выплывали въ его памяти; проносились передъ глазами лица воиновъ, дерущихся другъ съ другомъ, лѣстницы осадныя, тучи стрѣлъ, шествія съ иконами и крестами во время боя, чтобы Богъ Своей мощью оградилъ обитель отъ постыднаго плѣна и раззоренія...

Безсвязными, но яркими картинами проносилось это все въ памяти ребенка, едва показывались впереди стѣны Лавры...

А войдя подъ своды ея воротъ, проникнувъ въ кельи, —

царевичъ, оставленный на свободѣ, такъ какъ опасаться здѣсь было нечего, — обѣгалъ всѣ кельи, всѣ дворы и задворки монастырскіе. Заглядывалъ и къ сѣдобородымъ аскетамъ-схимникамъ, и въ трапезную, и на поварню, гдѣ сутились молодые послушники и монастырскіе служки, подъ наблюденіемъ толстаго, краснощекаго отца-кухаря... Забѣгалъ и въ келью отца-игумена... И вездѣ — былъ желаннымъ, дорогимъ гостемъ. Всѣ монахи расцвѣтали при появленіи мальчика, такого ласковаго, взглядчиваго, понятливаго и веселаго. Души въ немъ не чаяли обитатели Лавры.

— Нашъ царевичъ... Дитяtko Божіе... Богоданчикъ радостный—такъ только и звали Петрушу всѣ въ монастырѣ.

Въ осенніе, зачастую — ненастные дни словно весна вторично заглядывала въ темноватыя кельи Лавры, въ замкнутыя, угрюмыя или грустно настроенныя души монаховъ, когда царевичъ являлся туда съ царемъ и царицей.

Уѣзжали они — и долго еще вспоминали по кельямъ, какъ весело да радостно смѣется младенчикъ Божій, какъ онъ уменъ да ласковъ, что кому сказалъ забавнаго или милого, какъ шалилъ и проказилъ даже тутъ, въ стѣнахъ монастыря, гдѣ вѣчно жизнь тянется такъ чинно, степенной и утомительно-однообразной чередой.

Съ каждымъ появленіемъ—все болѣе и болѣе живая и тѣсная связь устанавливалась между царевичемъ и обителемъ.

Это, въ послѣдствіи очень пригodiлось Петру, какъ мы увидимъ изъ повѣсти.

Любилъ эти поѣздки царевичъ. Но еще больше радости доставляло ему, когда Наталья одна, а то и вмѣстѣ съ царемъ, брали сына въ гости ко „второму“ дѣдушкѣ, какъ онъ звалъ Артамона Матвѣева въ отличіе отъ Кирилла Нарышкина, перваго дѣда.

Здѣсь не баловали очень Петра, не закармливали его

сластями, какъ дома, или въ Лаврѣ. Но мальчику особенно нравилось, что съ нимъ обращаются и говорятъ, какъ съ равнымъ, не тискаютъ, не тормошатъ, не пристають съ лишними ласками. И „второй“ дѣдушка и его „молодая бабушка“ — безъ всякаго раболѣпства, просто и серьезно, хотя въ тоже время очень внимательно и тепло относились къ привлекательному ребенку. Они чутко откликались на каждую мысль, на каждый запросъ дѣтской, но уже полной неясными ощущеніями, души.

Матвѣевъ такъ хорошо объяснялъ и рассказывалъ про все, что только ни пожелаетъ узнать царевичъ. Раскроетъ большіе, стоящіе въ углу, часы, объяснитъ, какъ всѣ зубчики двигаются, отчего звонъ идетъ изъ нихъ на каждый часъ... И заведетъ такую птичку, которая, словно живая, поетъ. А между тѣмъ, крылышки у нея золотыя и вся она изъ чего-то сдѣлана...

Пушечку маленькую подарилъ онъ мальчику. На колесахъ она, на тяжеломъ станкѣ. Совсѣмъ настоящая. И мышку далъ, тоже не живую, которую заводить надо. Тогда она кружится и бѣгаетъ по полу такъ юрко, такъ быстро и забавно...

Раза два приводилъ его Матвѣевъ въ свой кабинетъ и раскрывалъ какія-то книги, въ которыхъ такіе-же цари нарисованы, какъ и царь Алексій, когда тотъ сидитъ въ облаченіи полномъ на тронѣ.

— Вотъ, смотри, Петруша. Это се дѣдушки и прадѣдушки твои. Все цари, великіе князи и государи московскіе... Они землей правили. Тебѣ готовили тронъ и царство. Теперь ты еще не уразумѣешь. Малъ больно. Только вглядись въ нихъ. Какъ они смирно сидятъ. Не носились, поди, такъ по хоромамъ, какъ ты... Все внизъ главою не ставили. Ослухами не были. За то и люди ихъ чтили. И Богъ имъ давалъ много-много всего хорошаго. И ты такимъ будь... Хорошо тебѣ будетъ...

— Мнѣ и то ладно, — отвѣтитъ Петръ. А самъ — задумается.

Важныя фигуры, надменные лица, блестящіе вѣнцы и бармы и ризы царскія — стоятъ передъ глазами ребенка, когда ужъ и закрыты листы, на которыхъ изображено все это. Непонятное вліяніе оказываютъ эти образы на душу ребенка. Онъ самъ начинаетъ ходить какъ то ровнѣе, держится, какъ цари на портретахъ, глядитъ властно... И это еще больше прелести придаетъ цвѣтущему, прекрасному личику ребенка.

А въ покаяхъ „молодой бабушки“, Матвѣевой, тоже не мало интересныхъ вещей имѣется.

Совсѣмъ не по теремному убрано здѣсь, какъ и во всемъ домѣ Матвѣевскомъ. Покои высокіе, просторные, окна большія, свѣту много. Блеститъ все кругомъ: и полы, и подоконники, словно зеркало. Ковры такіе цвѣтистые на полу лежатъ и черзъ нихъ бѣлыя дорожки протянуты. Въмѣсто суконныхъ анавѣсей вездѣ затканныя портьеры висятъ, гардины и подзоры красивыя на окнахъ. Цвѣты стоятъ въ разрисованныхъ, фаянсовыхъ и фарфоровыхъ горшкахъ. Птицы въ дорогихъ, просторныхъ клѣткахъ, висятъ и такъ славно поютъ. И обезьянка живая сидитъ на каминѣ, гдѣ потѣплѣе вѣчно грызетъ что-нибудь, или почесывается такъ забавно...

А крошечная, порытая бѣлой, волнистой шерстью, собачка свернулась клубкомъ, въ мягкой корзиночкѣ, у кресла, гдѣ обыкновенно сидѣлъ Матвѣевъ. И прыгаетъ къ ней на руки по первому зову...

По стѣнамъ тоже ковры висятъ. Только особенные; словно живые, люди и звѣри и деревья вытканы на нихъ. И писанныя красками картины тутъ-же висятъ. И темныя гравюры, на которыхъ баталіи представлены, и портреты какихъ-то королей, со шлемами на головахъ, съ чеканами

въ рукахъ, вотъ, какъ въ сказкахъ описываютъ няньки царевичу. Это все короли англійскіе.

А на особомъ столикѣ, въ опочивальнѣ „молодой бабушки“—чего-чего нѣтъ. Флаконы въ видѣ цвѣтовъ и драконовъ, фигурки фарфоровыя... Зеркало такое большое, хорошее. А рама у него—тоже изъ стекла, изъ разноцвѣтнаго, выдѣланнаго въ видѣ листьевъ цвѣтовъ и золотыхъ колосьевъ. Дорогой, венеціанской работы это зеркало. Сама Наталья съ особеннымъ интересомъ разглядываетъ его.

И еще стоитъ поставецъ, въ родѣ горки, здѣсь въ углу. Тутъ ужъ столько наставлено, что у Петруши глаза разбѣгаются, чуть онъ подойдетъ. А трогать, онъ знаетъ, ничего нельзя. Все такое красивое, хрупкое. Изломаетъ,—„молодая бабушка“ и недовольна будетъ, и побранить. Она одна только и рѣшается дѣлать выговоры ребенку.

— Надо, чтобы и онъ зналъ, что не все ему позволено,—говоритъ умная шотландка.—У насъ принцевъ тоже такъ воспитываютъ. И это—не плохо.

За то ужъ, если сниметъ Матвѣева съ горки какуюнибудь бездѣлушку, болванчика китайскаго, вѣеръ росписной, чашечку красивую, всю разрисованную людьми съ косами на головѣ, — и дастъ поддержать мальчику, — онъ и радъ необыкновенно, и бережно держитъ вещицу. Слушаетъ, что ему про нее расскажутъ, откуда она привезена, что обозначаетъ, какъ дѣлается... И потомъ отдаетъ:

— Поставь, слышь, баушка?... Да, не кокни, гляди... Ладна забавка-то твоя...

Наглядится здѣсь на все—и мчится къ Андрюшѣ, въ его дѣтскую.

Очень просто убрана эта комната. Проще всѣхъ въ домѣ. Полочки для книгъ сдѣланы, столъ стоитъ, за которымъ учится Андрюша Матвѣевъ. Ужъ 8 лѣтъ ему. Онъ

не только русскую грамату, и латынь, и польскіе азы, и греческія письма понемногу разбираетъ.

Но до этого и дѣла нѣтъ царевичу.

Андрюша показываетъ царственному родственнику — гостю кое-что поинтереснѣе книгъ. Въ большихъ коробахъ, покрытыхъ кисеей, наколотыя на шпешки, сидятъ неподвижно яркія, цвѣтистыя бабочки, золотистые и бронзовые жуки невиданной величины и формы... Никогда такихъ Петръ лѣтомъ не видывалъ, хотя любить гоняться и ловить жуковъ и мотыльковъ.

И малюсенькія зеленныя ящери, не то сушенныя, а даже живыя—сидятъ у Андрюши въ особомъ ящикѣ, покрытомъ слюдой. Ловить мушекъ Андрюша и бросаетъ въ ящикъ.

Ящерица быстро накидывается на жертву, мелькнетъ раздвоенный язычекъ—и нѣтъ мухи, и другой, и третьей,—сколько бы ни посадилъ къ прожорѣ ея хозяинъ.

А въ одномъ углу—цѣлый небольшой крокодилъ, высушенный, отполированный, виситъ на шнуркѣ съ потолка. Одинъ только разъ, когда царь взялъ Петрушу съ собой къ лѣкарю фонъ-Гадену,—видѣлъ тамъ царевичъ такое же чудище, только много больше, и напугался.

А здѣсь—чучело маленькое. И при Андрюшѣ—Петръ не боится, хотя крокодилъ такъ и оскалилъ свои желтые, частые зубы.

Книги у Андрея тоже занятныя. Такихъ въ терему царевичъ никогда еще не видывалъ ни у братьевъ, ни у сестеръ, хотя тѣ тоже учатся, какъ и Андрюша.

На большихъ листахъ—люди и звѣри и деревья нарисованы... И еще какіе-то круги, которыхъ не понять.

— Это—земля,—говоритъ, Андрюша.

— Не! Земля—черная... Она — сыплется... На ей—

трава, на ей—хоромы стоятъ. Какая это земля? — возражаетъ царевичъ.

А Андрюша—уже новыя чудеса выкладываетъ. Ставить на столъ какой-то ящикъ, дернуть за что-то. И ящикъ начинаетъ играть, громко, хорошо такъ...

А потомъ—ведетъ въ садъ царевича. Тутъ позволяютъ вездѣ бѣгать ему. Только сзади для порядку идетъ какая нибудь нянька. Да гдѣ жъ ей угнаться за ребятами?..

И это чувство полной свободы, отсутствіе любовнаго, но непрерывнаго и потому—тягостнаго, надзора — особенно отрадно дѣтской душѣ.

Къ небольшому гроту ведетъ хозяинъ гостя. Въ гротѣ—вѣчно звеня, подъ самымъ сводомъ подземный ключъ пробивается наружу, каскадомъ падаетъ внизъ и вытекаетъ изъ грота неширокимъ, кристальнымъ ручьемъ, который весело катится дальше по ложу, выложенному словно мозаикой, разноцвѣтными камешками и перламутровыми раковинами.

Изъ темнаго угла достаетъ Андрюша два кораблика, чудесно-вырѣзанныхъ изъ коры, оснащенныхъ и полныхъ балластомъ, который не даетъ опрокинуться имъ, при спускѣ на воду.

Расправивъ измятые паруса, закрѣпивъ на прямую руль, пускаетъ Андрюша свою флотилію по теченію ручья.

Бѣгутъ оба мальчика за быстро-движущимися впередъ суденышками, и, вдругъ, очутились на берегу небольшого, чистаго пруда, куда впадаетъ ручеекъ.

Посрединѣ пруда — устроенъ искусственный островокъ, на немъ — бесѣдка, въ видѣ колоннады, увитой зеленью и плющемъ.

Тутъ-же, у берега—небольшая лодка привязана за колышекъ.

— Ёдемъ на островъ,—предлагаетъ Андрей.—Я умѣю

грести. Сколько разъ съ тятей и съ матушкой ѣздилъ туда... Хочешь?

Петруша не рѣшается сразу. Правда, ему никогда не случалось бывать на водѣ. Есть и въ дворцовыхъ паркахъ пруды, большіе, темные. Но всегда царевича остерегали, чтобы онъ даже близко къ нимъ не подходилъ. И водяной ухватить можетъ. И утонуть легко.

Тогда ужъ не видать ему ни тяти, ни матушки... И царемъ никогда не быть.

Да, тѣ пруды—мрачные, окруженные большими деревьями. Порою—и другого берега не видно, такіе они обширные. А этотъ—веселый, ясный, небольшой... И кусты кудрявые кругомъ, цвѣты насажены... Раковины разноцвѣтныя кругомъ цвѣтовъ и по берегу пруда раскинуты. Гдѣ тутъ водяному быть? И утонуть нельзя. Вонъ, Андрюша говоритъ, что умѣетъ возить по водѣ..

Поборовъ инстинктивный, дѣтскій страхъ, ребенокъ бойко, рѣшительно говоритъ:

— Сади меня, Андруса... Только въ воду не рони, гляди... Я утону...

Андрюша уже готовъ былъ исполнить желаніе гостя. Но въ этотъ мигъ подоспѣла няня, далеко отставшая отъ дѣтей.

— Стойте... Стойте... Што удумали, проказники... Грѣхъ какой... Вонъ, царь-батюшка идетъ. Онъ уже вамъ...

Остановились дѣти, смотреть.

Петруша даже отъ воды побѣжалъ на аллею, усыпанную золотистымъ пескомъ.

— Тятя... Гдѣ тятя?... Енъ съ Петрусой сядетъ... По водѣ поплыветъ... Гдѣ енъ?..

Но, сообразивъ, что нянька обманула, мальчикъ сейчасъ же поспѣшилъ обратно.

— Нѣту тяти... Садись... Плыви, Андруса... Ты, нянька, прочь иди...

Растерялась старуха. Удержать мальчика—силъ не хватить. Онъ, какъ развоюется—вырваться можетъ изъ рукъ посильнѣе, чѣмъ ея старческія руки.

А все таки съ нея взыщется, что допустила царевича до такого баловства, опаснаго и запрещеннаго строго—на-строго.

Ухватила за бортъ лодки старуха, моля Андрюшу:

— Андрюшенька, не плыви съ имъ, Христа ради... Не велѣно, слышь... Лучше мнѣ въ воду головой, ничѣмъ дите пустить на пагубу... Охъ, не сажай ево и самъ не садися...

— Да, если нельзя, я и не поѣду,—отозвался степенно Андрюша.—Я нешто зналъ. Думалось, какъ меня пускаютъ и одного въ ладѣ, дакъ и Петрушѣ можно... А то и не надо... Кинь, царевичъ... Идемъ, што я еще покажу.

— Не стану глядѣть... Не надо Петрусѣ... Плыть охота... Плыть буду... Прочь, нянька. Иди, старая... Царю нажалуюсь... Хочу плыть... хочу... пусти...

И онъ, со слезами, съ громкимъ крикомъ сталъ отта-скивать отъ лодки старуху, которая такъ и вцѣпилась въ бортъ руками. Вмѣстѣ съ нянькой которую мальчикъ тормошилъ изо всѣхъ силъ,—раскачивалась и плясала на водѣ небольшая лодочка, расплескивая воду и обдавая брызгами и няню и ребенка.

Не слушая уговоровъ Андрюши, который видѣлъ, что добромъ дѣло не кончится, царевичъ съ плачемъ стоялъ на своемъ. Лицо его побагровѣло и жилы на бѣломъ, широко лбу проступили, какъ у его отца въ минуты гнѣва.

На крикъ ребенка поспѣшили Матвѣева и Наталья, тоже вышедшія въ садъ, и только усадивъ съ собой ребенка въ лодку и переправясь съ нимъ на островъ,—удалось имъ успокоить упряма.

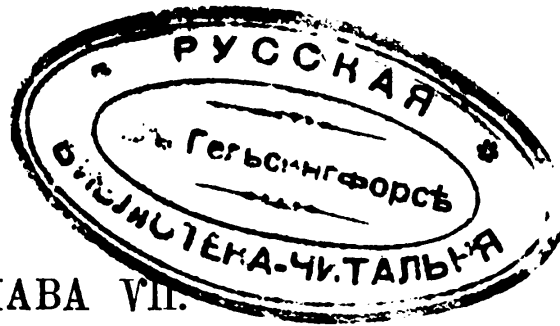
— Кремень будетъ парень, — съ довольной улыбкой

замѣтилъ только Алексій, когда ему рассказали обо всемъ.

— Пока что будетъ,—теперь жаль, што власти нѣтъ надъ Петрушей,—отозвался Матвѣевъ.

— Богъ надъ имъ власть... Да воля ево... Пусть растетъ, какъ растетъ, — отозвался Алексій.—Вонъ, меня по завѣтамъ держали по старымъ... Можетъ, оттого и не вышло изъ меня царя такого, какой Руси теперь надобенъ. Ино, тамъ людей слушаю, гдѣ надоть бы заставить себя послухать... И неладно. Пусть Богъ имъ ведетъ. Авось, худа не буде.

И росъ царевичъ на полной волѣ, только любовь, рабство и жаркія заботы о себѣ видя вокругъ.

ГЛАВА VII.

Начало разрухи.

Радовался Алексій на красавца сына. Отдыхалъ душою съ молодой, любимой женой своею. По царству тоже все ни особенно хорошо, ни плохо идетъ.

А, все-же, что ни день, то яснѣе царю, что силы его слабѣють. Какой-то тайный, роковой недугъ точить тѣло, мрачить духъ нестерпимой тоскою и неясными, но тѣмъ болѣе томительными подозрѣніями и предчувствіями.

Раньше, бывало, спалъ хорошо Алексій, особенно послѣ веселой пирушки, хмельной и шумной, проводимой въ кругу близкихъ людей вродѣ старика Нарышкина, князя Ромодановскаго, Матвѣева, Ртищева и того-же брата Симеона, который не промахъ выпить при удобномъ случаѣ.

По складу характера — все это люди очень несходные между собою, съ разными взглядами на жизнь и на порядки въ царствѣ. Но все они люди умные, много извѣдавшіе на своемъ вѣку и потому способные относиться съ извѣстнымъ уваженіемъ къ мнѣнію противника, особенно въ присутствіи государя, когда тотъ созываетъ ихъ не на совѣтъ, не на споры по вопросамъ управленія землей, а, просто, потолковать, осушить кубокъ — другой въ пріятельской компаніи, безъ которой и Алексій скучалъ бы, какъ и простой смертный.

А теперь ни веселыя вечеринки, ни усталось, ни лиш-

нй кубокъ вина не даютъ крѣпкаго, безъ сновидѣній, сна недомогающему Алексію.

Часто просыпается онъ среди ночи, съ сильно-бьющимся сердцемъ, въ холодномъ поту... И вспоминаетъ: не сонъ ли, тяжелый, страшный сонъ, который онъ видѣлъ сейчасъ, заставилъ его проснуться, или, просто, плохо почувствовалъ онъ себя во снѣ. Оттого и пригрезилось все непріятное... Оттого онъ и проснулся, не можетъ теперь заснуть, какъ ни старается.

Снятся ему часто дни походовъ, время польской войны.

Непріятенъ вообще видъ крови и смерти царю. Особенно ярко приходитъ тогда на мысль, что и самому придется скоро, можетъ быть, лечь въ тѣсную домовину...

А во снѣ — онъ видитъ море крови, груды тѣлъ... И враги уже тѣснятъ его... Онъ хочетъ повернуть коня, ускорить. Конь падаетъ, пронзенный копьемъ... Хрипитъ и бьется.

Алексій рѣшается бѣжать. Да, ноги не двигаются. Словно свинцомъ налиты. Чужія, мертвыя... Какая-то глухая боль въ поясницѣ—усиливаетъ мучительное состояніе. Его тяготитъ не столько страхъ, что вотъ, вотъ сталь вражескаго оружія коснется его груди, какъ эта неподвижность ногъ, эта избыточная, тупая боль...

Царь просыпается. Ему тяжело дышать... Ноги, правда, покорны его волѣ... Онъ вскакиваетъ, спускаетъ ихъ съ постели... Но боль въ поясницѣ—она не прекращается и на яву, только становится тупѣе, не такъ ощутительна, какъ во снѣ. И сердце сжимается все больше... Удушье растетъ... Сдѣлавъ глотокъ питья, которое стоитъ всегда, приготовленное у постели, откидывается снова на подушки Алексій и лежитъ, не засыпая, цѣлыми часами, пока, наконецъ, усталость не возьметъ свое и онъ засыпаетъ.

А пока не заснетъ—самыя непріятныя думы и воспоминанія приходятъ ему, какъ нарочно, на умъ. Видитъ онъ

трехъ своихъ сыновей, умершихъ такъ рано... Первенецъ его, Димитрій... Потомъ тезка отца, Алексій... Такой хорошій, умный юноша. Уже былъ объявленъ наслѣдникомъ. 17 лѣтъ ему исполнилось. Ужъ подумывалъ отецъ и невѣсту пріискать сыну... И, сразу, словно гроза среди яснаго неба, загадочная, жестокая хворь... И—смерть... Умеръ и третій. Симеонъ, ребенкомъ, правда, четырехъ лѣтъ не прожилъ... И больной былъ, въ родѣ Іоанна... А, вотъ, Іоаннъ—тотъ живетъ... Почти незрячій, плохо понимаетъ, плохо можетъ выражать свои мысли... Живой трупъ. А—живетъ... Отчего сыновья все умирали?... Изъ шести только трое уцѣлѣли. А изъ 10 дочерей—семь въ живыхъ... И три... да, три въ могилѣ... И дочерей—трехъ смерть унесла. Что это? Случайность... Или—знаменіе свыше?... Кара за какой-нибудь грѣхъ...

Не помнить Алексій за собою особыхъ грѣховъ. Да—и каялся онъ всегда, говѣлъ, получалъ разрѣшеніе... Отъ патріарха отъ самого... Развѣ-жъ этого не достаточно для Божества?..

А что ждетъ остальныхъ дѣтей?... Особенно—Петрушу... И Федю... Кого лучше назначить наслѣдникомъ царства? Объ Иванѣ—и рѣчи быть не можетъ...

Старшій—Федоръ... Вотъ ужъ 16-й годъ ему пошелъ. Конечно, если смерть не дастъ отсрочки, если скоро наступитъ конецъ,—волей-неволей придется Федору вручить правленіе... Съ чьейнибудь помощью... Вотъ, Матвѣева. Да, развѣ допустить до этого Милославскіе, Толстые, Хитрово... и всѣ ихніе... Не о землѣ, не о царствѣ—о своихъ мѣстахъ, о чинахъ, и разрядахъ всѣ думаютъ... Да о наживѣ скорой... Вотъ, если бы этихъ разрядовъ да „мѣстъ“ совсѣмъ не было. Какъ въ иныхъ царствахъ... Тамъ—много лучше дѣло идетъ... Сказать надо будетъ Федѣ..., Если самъ не успѣю все сдѣлать...

Да, видно Федѣ царить... Иное дѣло, если пожить еще лѣтъ 10—15... Петрушѣ будетъ уже къ 20 тогда. На Руси, въ Московскомъ царствѣ нѣтъ запрета... можно и молодшаго сына на тронъ посадить, если отецъ этого желаетъ... Вотъ бы тогда... И, рисуя себѣ, что было бы тогда, Алексѣй успокаивается понемногу и засыпаетъ...

А днемъ — и виду не подаетъ, какую ночную тревогу пришлось пережить. Не желаетъ онъ пугать Наталью. Да и бояре его, хотя и вѣчно непокойны они, тягнутся между собой, потихоньку подкапываются одинъ родъ противъ другого, — все же не очень поднимаютъ голосъ. Царь свое дѣло ведетъ, скоро нельзя ждать перемѣны. И имъ нѣтъ причины особенно заводить возню. А, вотъ, если почуютъ, что скоро придется, можетъ быть, стараго хозяина хоронить, новаго хозяина земли привѣтствовать, тогда во всю пойдутъ интриги да происки... И ужъ совсѣмъ покою не будетъ Алексѣю и въ послѣдніе дни жизни...

Вотъ отчего крѣпится онъ, даже мало съ лекарями своими совѣтуется. Продажный все народъ. Онъ ихъ счастливить, дарами осыпаетъ, почетомъ окружилъ. А они, можетъ, первые, почувавъ кончину государя, — перекинутся на сторону тѣхъ, кто можетъ больше заплатить, кому больше интереса узнать, когда умретъ Алексѣй... Когда можно ждать воцаренья Федора...

И стискиваетъ зубы Алексѣй, чтобы не выдать гримасы страданія, порою невольно искажающей ему лицо и въ храмѣ, и на совѣтѣ, и въ часы веселой, дружеской бесѣды.

Наступилъ 1676 годъ. По обычаю, торжественно справлено было Новогодиѣ 1-го сентября. И войска смотрѣлъ царь. И бояръ да служивыхъ людей принималъ, дары раздавалъ обычные. У патріарха былъ и его у себя принималъ съ крестами и иконами.

Рождество минуло. Ничѣмъ не отличалось оно отъ преж-

нихъ лѣтъ. Также чинно и торжественно справлялись всѣ обряды, проходили пиры и пріемы.

1-го января, когда за гранью справляютъ Новый годъ,— въ Москвѣ онъ уже считался четыре мѣсяца тому назадъ народившимся. Но, все-таки, и московскій дворъ принималъ нѣкоторое участіе въ весельи и торжествахъ, съ какими иностранные послы и резиденты справляли въ чужомъ краю свои родные праздники.

А 6-го января приспѣлъ большой выходъ царскій, неотложный. Крещенское водосвятіе на Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ ужъ изъ года въ годъ, чуть ли не вѣками, у Водоотводной башни прорубь для царской Іордани устраивается.

Въ торжественномъ, красивомъ шествіи духовенства и первыхъ чиновъ двора, при залпахъ изъ пищалей и орудій, въ полномъ царскомъ облаченіи, окруженный всей семьей,— побывалъ Алексѣй на водоосвященіи. Служилъ самъ патріархъ со всѣмъ кремлевскимъ клиромъ, въ сослуженіи митрополитовъ, какіе только были въ тотъ день на Москвѣ.

Десять тысячъ народу высыпали на оба берега рѣки, любуясь красивымъ, величественнымъ шествіемъ, всѣмъ чинномъ водосвятіи.

Зимнее солнце, много дней закрытое тяжкими тучами, теперь проглянуло надъ Москвой, словно для того, чтобы придать больше блеска и красоты всей картинѣ.

Парадные столы были послѣ этого приготовлены во дворцѣ. И царь сидѣлъ за трапезой, утомительной и долгой, до самого конца. Только ѣлъ очень мало. Пилъ больше. И не любимый свой старый медъ, не фряжское вино, а квасы и легкую брагу, словно испытывалъ большую жажду.

— Знобитъ меня што-йто,—сказалъ онъ негромко Натальѣ, которая замѣтила ему, что онъ очень блѣденъ, не такъ какъ всегда. На пирахъ, отъ жары и вина, которое

приходилось пить, отвѣчая на здравицы, лицо Алексѣя обычно краснѣло.

— Знобить... Што-же не встанешь... На покой-бы тебѣ, государь... Лекаря позвать-бы...

— Ништо... Пустое все... Вотъ, велю байню завтра мнѣ изготовить... Прогрѣюсь тамо малость—и какъ рукой symetъ. Дѣло бывалое. Видать, продуло меня нынче на Иордани, на Москвѣ-рѣкѣ. Хоть и ясный день, да сиверко было... Помнишь?..

— Да, ужъ, вѣяло... Я и то опасалась... И за Петрушу. Нѣтъ. Спать легъ съ устатку да со свѣжаго воздуха... А ты-бы, государь, не одну баньку... Ты-бы...

— Ладно, послѣ скажешь... Не часъ теперь... Видишь сама... Надо госи ѣ отпустить...

И столованье пошло своимъ чередомъ.

Жарко была истоплена баня на самомъ разсвѣтѣ другого дня.

Въ обширномъ предбанникѣ, убранномъ восточными мягкими коврами, кромѣ Алексѣя, находился крѣпышъ, татаринъ крымскій, Али, любимый „мовникъ“ царя, лекарь Данилко Жидъ, онъ же—Стефанъ фонъ-Гаденъ и постельничій, юноша, Иванъ Нарышкинъ, братъ Натальи.

По внѣшнему виду Алексѣя, всегда носящаго широкія одежды царскія, съ лицомъ, правда изжелта-блѣднымъ, но полнымъ, нельзя было подозрѣвать, какъ затаенный недугъ подточилъ силы, изнурилъ крѣпко-сложенное тѣло царя.

Дряблая кожа ложилась вездѣ складками. Суставы рукъ и ногъ проступали отчетливо сейчасъ. А бывали дни, когда ноги вдругъ разбухали и обувь оставляла на нихъ глубокіе, вдавленные слѣды, словно на мягкой глинѣ.

— Кровь и влага останавливается въ жилахъ вашего царскаго величества, — объяснялъ Гаденъ державному больному.

Но отъ объясненій не становилось легче...

Сейчасъ, уставъ отъ несложной работы, отъ раздѣванья, въ которомъ ему помогали Нарышкинъ и Али, Алексѣй раскинулся на бѣлоснѣжной подстилкѣ, склоняся головой къ шелковымъ подушкамъ, брошеннымъ на тахты предбанника.

Гаденъ прикрылъ его заботливо легкимъ кафтаномъ на собольемъ мѣху, чтобы тѣло не охлаждалось слишкомъ сильно.

Али вошелъ въ парилъню готовить все для мытья.

Деревянные лавки и полокъ были начисто выструганы, выглажены и блестя, какъ серебро. Полъ былъ устланъ мягкимъ, молодымъ можжевельникомъ, какъ и скамьи и весь полокъ. Отъ вѣтвей шелъ такой легкій, пріятный аромат. Большой, замурованный въ печь, котелъ съ краномъ былъ полонъ кипяткомъ. Въ углу стояла кадка съ чистой, холодной водой, лежали вѣники, губки на скамьѣ, куски душистаго мыла.

Тутъ-же стоялъ большой жбанъ съ квасомъ, настоящимъ на мятѣ, чабрецѣ и другихъ ароматныхъ травахъ. Али черпнулъ его ковшемъ и плеснулъ на раскаленную каменку, чтобы поднять температуру въ парилънѣ.

Душистые, густые клубы пара отпрянули отъ раскаленныхъ камней и заполнили помещеніе, быстро разсѣваясь, исчезая изъ виду и оставляя послѣ себя только пріятную, влажную теплоту и здоровый, бодрящій аромат.

Вошелъ Алексѣй.

Послѣ первыхъ омовеній — явился сюда и Гаденъ, съ какими-то флаконами, баночками, мазями.

Онъ доставалъ оттуда понемногу, что ему было надо. Сперва мазалъ себя и Нарышкина, чтобы удостовѣрить въ отсутствіи всякихъ вредныхъ началъ. Затѣмъ — наносилъ мазь на кожу больного. Али принимался осторожно и сильно втирать мазь съ тѣмъ искусствомъ, какимъ отличаются только восточные баньщики-массажисты.

— Можно-ль попариться теперь? — спросилъ Алексѣй, какъ и всѣ москвичи, очень любившій это ощущеніе.

— Немного можно, государь. Я побуду рядомъ, послушаю, какъ сердце у вашего величества. А, ужъ когда попрошу—немедленно сходите...

— Ладно, не дитя я малое и не старецъ столѣтній... Ишь, ровно младенчику дневалому, въ пуху лежать не велишь ли, — ворчливо замѣтилъ Алексѣй, подымаясь на самый верхъ полка въ клубахъ свѣжаго, ароматнаго пара.

Это Али приливалъ квасу на каменку, зная вкусы Алексѣя.

И минуты не прошло послѣ первыхъ взмаховъ вѣникомъ надъ разгоряченнымъ, покраснѣлымъ тѣломъ Алексѣя, когда Гадень, все-таки, державшій пульсъ, крикнулъ.

— Буде... Держи... Помогни... Свести надо... Какъ бы не сомлѣлъ...

И осторожно почти снесли они внизъ довольно грузное тѣло Алексѣя, почему-то ставшаго словно еще тяжелѣе. Онъ, правда, не сомлѣлъ, не потерялъ сознанія, но почувствовалъ сильное головокруженіе, истому, мѣшавшую двинуть хотя бы однимъ суставомъ, лишаящую всякихъ силъ. Состояніе было и пріятно и какъ-то томительно.

— Не умираю-ли, — пронеслось въ умѣ Алексѣя. — Такъ, говорятъ, передъ смертью, когда душа съ тѣломъ разстается, — человѣку бываетъ...

Уложивъ царя на диванъ въ предбанникѣ, всѣ трое осторожно, но рѣшительно стали растирать и осушать его мягкими „платнами“. А Гадень и понюхать далъ изъ флакона освѣжающей эссенціи.

Алексѣю стало совсѣмъ хорошо.

— Буде, полно... Одинъ пусть кто... — совсѣмъ раскрывая глаза, которые до того были полузакрты, негромко сказалъ царь. — Хорошо мнѣ... — Ничего... Малость — въ

головѣ замстило... А теперь—совсѣмъ ладно. Какъ давно не было... Вотъ, байня то и на пользу, ужъ говорилъ я...

— Такъ, такъ, ваше величество... Все вѣрно... А, прошу милости, и помолчите немножко... Ну, чево вамъ говорить? Мы и такъ сдѣлаемъ, што надо вашему величеству. А теперь, послѣ мытья — полежите тихо себѣ... Ну, и еще лучше буде государю моему... Ну, лежите-же себѣ...

И Гаденъ снова осторожно покрылъ, укуталъ до лица Алексѣя. Далъ знакъ Али. Тотъ ушелъ въ парилню, тихо сталъ за дверью возиться, все приводя въ порядокъ. Врачъ и Нарышкинъ—присѣли въ уголкѣ и молчали.

Протянувшись всѣмъ тѣломъ, царь закрылъ глаза, которые сами невольно стали смыкаться, и скоро — заснулъ, убаюканный полной тишиной, нарушаемой только плескомъ воды, проливаемой за дверью мовникомъ.

Проспалъ онъ около часу и проснулся совсѣмъ освѣженнымъ, почти здоровымъ. Даже блѣдно-сѣрый оттѣнокъ, за послѣднее время покрывающій лицо царя, уступилъ мѣсто болѣе здоровой, розоватой окраскѣ.

— Безъ тебя, самъ я себя вылечилъ,—улыбаясь, сказалъ Алексѣй лекарю, который съ Нарышкинымъ помогалъ ему одѣваться.

— Богъ тебя вылечилъ, ваше царское величество. Богъ—все можетъ. Захочетъ, и сами больные себя лечить да пользоваться начнутъ... А намъ, слугамъ Ево, лекарямъ да дохтурамъ Онъ другое дѣло пошлетъ... Я-бы и радъ. Разумѣешь самъ, великій государь: какое легкое дѣло наше? Вылечилъ,—такъ больной говорить: онъ самъ себѣ помогъ. Богъ ему помогъ. А не вылечилъ,—больной и всѣ ево родичи говорятъ: лекарь заморилъ. Такая ужъ правда живетъ на свѣтѣ...

— Ну, не ворчи, старый колдунъ. Не станемъ тебя порочить. Всѣмъ скажу: Жидовинъ меня вылечилъ... Нажи-

вай съ людей деньгу... Вотъ, и хрещенъ ты, два не то три раза, слышь, хрещенъ... И католикомъ былъ, и лютеромъ, баютъ. Теперя—православнымъ сталъ... А все жадность Іудину изъ себя вымытъ не можешь...

— Што дѣлать, государь... Богъ велитъ брать примѣръ съ избранниковъ Его, слѣдовать завѣтамъ Помазанныхъ Пророковъ Его. А вѣдь, писано есть: „имѣющій много — получить и то, што на долю нищихъ приходится...“ Такъ цари дѣлають. Берутъ у слабыхъ князей у своихъ. Берутъ у сосѣднихъ владыкъ-государей. И мечемъ, и умомъ—всяко берутъ чужое... Своей землѣ величье и силу несутъ. И знаютъ, что Богъ тово хочетъ... А почему же бѣдному лекарю—не дѣлать такъ, какъ дѣлають большіе господа? Онъ тоже хочетъ свой уголъ украсить, своему роду силы дать, чтобы навѣки процвѣталъ и домъ и родъ его. Тако-же и Господомъ-Богомъ предсказано. За што-же Іуда?... Почему-же о грѣхѣ стяжанія сказывать изволишь, государь? Алежь, я не предаю... Я честно свои грошики зарабатываю...

— Да, буде тебѣ, старый ворчунъ... Не взаправду, вѣдай, я... Самъ знаешь, милъ ты мнѣ. Не первый годъ при мнѣ... Али не приладился... Или — позолотить надо языкъ тебѣ, што-бы не такъ бойко вертѣлся... Ладно. Скажу тамъ казначею: выдастъ тебѣ Ромадановскій пару рублеви-ковъ... Молчи лихъ...

— Челомъ бью государю моему на милости. Я же знаю, доброе сердце у великаго царя моего. А обиды я и не имѣлъ... Я такъ говорилъ, отъ писанія. Или нельзя говорить отъ писанія?... А на милости—втретье челомъ бью, государь.

И ликующій лекарь снова отдалъ земной поклонъ царю.

Нѣсколько дней бодрѣе обычнаго чувствовалъ себя Алексѣй.

Въ день именинъ сестры Татіаны, 12 января — онъ

посреди всей семьи простоялъ литургію въ дворцовой церкви преподобной мученицы Евдокіи. Бояре, жильцы дворцовые и пріѣзжіи чинъ, — всѣ поздравляли именинницу въ лицѣ царя и онъ отдаривалъ ихъ „именинными пирогами“, по обычаю.

На недѣлѣ смотры были воинскіе. Послѣ нихъ собрались во дворцѣ и стрѣleckіе головы съ полуголовами и полковниками, и иностранцы-полковники солдатскихъ и рейтарскихъ, конныхъ полковъ съ другими старшими начальниками.

Петръ, котораго отецъ взялъ съ собой на выходѣ, съ особымъ любопытствомъ разглядывалъ иноземныхъ, статныхъ, нарядно-одѣтыхъ начальниковъ.

Изъ иностранныхъ военачальниковъ, вызванныхъ въ Россію для борьбы съ Польшей еще царемъ Михаиломъ, мало уже осталось въ Москвѣ. Многіе выжили въ бояхъ, умерли въ мирное время. Другіе прослуживъ условленный срокъ, не получая тѣхъ выгодъ, какихъ ожидали, подписывая договоръ, — выѣзжали обратно на родину, за рубежъ покидали „варварскій“ край, гдѣ жить было и неудобно, и недостаточно прибыльно.

Но, едва кончилась Тридцатилѣтняя война, на Западѣ очутилось множество испытанныхъ воиновъ, офицеровъ и рядовыхъ, которые умѣли только воевать, совершенно потеряли всякую связь съ мирными обывателями и ихъ жизнью...

И Алексѣй, поддерживаемый въ своихъ замыслахъ Матвѣевымъ, — сталъ созывать этихъ героевъ безъ знамени подъ московскіе стяги, предлагалъ имъ обучать и вести въ бой русскія рати, обѣщая за это вакантнымъ кондотьери щедрое жалованье, и земли, и свободу вѣры и право по окончаніи срока безъ помѣхи вернуться на родину.

Конечно, кто казался менѣе пригоденъ, того и не держали. Но полезныхъ людей, или такихъ, которые по своему

положенію, какъ Патрикъ Гордонъ, получали много важныхъ и тайныхъ свѣдѣній о странѣ, о ея силахъ и слабыхъ мѣстахъ, такихъ людей всѣми правдами и неправдами уже не выпускали изъ предѣловъ царства, не останавливаясь передъ самыми крайними мѣрами.

Около 1661 года, какъ разъ передъ войной за Малороссію, — прибыло въ Москву особенно много военныхъ инструкторовъ со всѣхъ концовъ Европы.

И сейчасъ на пріемѣ у царя — почти всѣ они стояли пестрой толпой, гдѣ тевтоны, и англо-саксы и шотландцы съ датчанами — составляли главное ядро.

Полковникъ Кравфордъ, пріѣхавшій на Москву изъ Польши еще съ 30 офицерами, — стоялъ въ первыхъ рядахъ, на полъ-головы превышая даже рослаго маіора Патрика Гордона, такого красиваго въ его нарядѣ „гай-лендера“. Низенькій, коренастый, съ ногами колесомъ, кавалерійскій капитанъ Павелъ Менезіусъ — дополнялъ собой эту группу. Его красное лицо, покрытое рубцами и шрамами старыхъ ранъ, — скрашивалось большими голубыми глазами, ясными, какъ у мальчика.

Цесарскіе рейтары, полковники: Шейнъ, Крайцъ и маіоръ Вестендорфъ — въ лосинахъ и ботфортахъ, — продолжали рядъ. Они тоже привели за собой въ Москву до 40 опытныхъ нижнихъ чиновъ. Шотландецъ, Смитъ, ганзеецъ, ротмистръ Шульце, датчане: полковникъ Эгератъ и подполковникъ Стробель, саксонецъ, Дикенсенъ, еще ганзейцы: полковники: Гольмъ, фонъ-Падербергъ, Вильдъ, Ясманъ — дополняли число главнѣйшихъ иностранныхъ вождей московской арміи.

У каждого изъ нихъ было отъ 30 до 50 младшихъ офицеровъ и рядовыхъ разнаго рода оружія. И постепенно — до сорока русскихъ полковъ: солдатскихъ, пѣшаго строя, конныхъ рейтаровъ, драгунъ и „крылатыхъ“ ротъ, было

устроено и обучено этими европейскими наставниками ратнаго дѣла.

Изъ 37 солдатскихъ полковъ—только три имѣли полковниками своихъ, русскихъ офицеровъ. Остальные 34 полковника—были нѣмцы, англо-саксы, датчане, сербы и кроаты. Только въ стрѣлецкихъ полкахъ — полковники, носившіе званіе стольниковъ, — набирались изъ русскаго служилаго дворянства и рядового боярства.

Изъ 25 полковниковъ рейтарскаго и копейнаго строя— всего 5 было съ русскими фамиліями: Григорій Тарбѣевъ, полковникъ и стольникъ, полковники: Михайло Челищевъ, Мойсей Беклемишевъ, Михайло Зыковъ и Григорій Шишковъ.

Они стояли всѣ вмѣстѣ. Но если бы даже не различіе въ костюмѣ, самая выправка, складъ фигуры и очертанія лица даютъ возможность при самомъ поверхностномъ взглядѣ отличить московскихъ офицеровъ-ратниковъ отъ закаленныхъ въ походахъ, бойцовъ и героевъ великихъ западныхъ войнъ.

Ласково поздоровался со всѣми Алексѣй. Генералъ-маіоровъ и генералъ-поручиковъ еще разъ поблагодарилъ за хорошее состояніе ихъ частей.

— Жалуемъ каждого по чаркѣ вина... Эй, пусть тамъ бочки выкатятъ... А начальникамъ, — водителямъ рати—по гривнѣ жалуемъ, по серебряной, ради радостнаго дня, ради ангела царевны-сестрицы Татіаны на многія лѣта...

— Да живеть!..

— Noch!.. Es lebe!..

— Hip-hip-hourrra!..

— Эльень!.. Живіо!..

Такъ на разныхъ языкахъ раскатывалось въ сравнительно-тѣсныхъ сѣняхъ громкое привѣтствіе разноязычной толпы въ отвѣтъ на рѣчь царя.

А онъ въ это время подаль знакъ чайнику. Выступило нѣсколько человѣкъ „жильцовъ“ съ подносами, на которыхъ стояли налитыя чарки съ крѣпкой настойкой.

Всѣ выпивали, поклонившись царю, закусывали коврижкой, пряникомъ, и уступали мѣста тѣмъ, кто стоялъ сзади... Болѣе значительныхъ вождей — царь допускалъ и къ рукѣ. Артаманъ Матвѣевъ, какъ начальникъ Петровскаго полка въ зеленыхъ кафтанахъ, расположеннаго у Петровскихъ воротъ, тоже явился съ поздравленіемъ.

— Вотъ, Петруша, твой полкъ отнынѣ. Сергѣичъ, слышишь: сдавай царевичу команду. Отнынѣ — доводи его царскому высочеству, какъ надлежитъ, обо всемъ, что въ полку буде дѣяться. И по ротамъ объяви: ково я вамъ въ полковники далъ...

— Челомъ бью на столь великой милости. Продли Господи вѣку тебѣ, государю нашему великому и ево царскому высочеству, царевичу Петру Алексѣевичу всея Руси.

— Да живетъ на многая лѣта!...

Всѣ — подхватили кличъ. И снова оконныя рамы въ покоѣ задрожали отъ гула и грома голосовъ.... *).

*) Еще въ 1657 г. юный наслѣдникъ флорентійскаго престола задалъ послу московскому, стольнику И. И. Чемоданову вопросъ:

— Какими силами располагаетъ московскій царь и великій князь?

И Чемодановъ началъ перечислять:

— У нашего государя, противъ его государскихъ недруговъ рать собирается многая и несчетная. А строенія бываетъ разнаго. Многія тысячи копѣйныхъ ротъ устроены гусарскимъ строемъ, другія многія тысячи, конныя, съ огненнымъ боемъ (пищали), рейтарскимъ строемъ; многія же тысячи съ большими мушкетами, драгунскимъ строемъ, а инныя многія тысячи — солдатскимъ (пѣшимъ) строемъ.

Надо всѣми ими поставлены начальныя люди: генералы, полковники, полуполковники, маеоры, капитаны, порутчики, прапор-

‘Всю недѣлю послѣ того очень бодро чувствовалъ себя Алексѣй.

19 января необычное оживленіе замѣчалось во дворцѣ. Тамъ вечеромъ должно было состояться любимое увеселеніе и молодежи царской, и самого царя съ Натальей: комедія

щики. Сила низовая, Казанская, Астраханская, Сибирская (казаки)—тоже рать несмѣтная. А вся она конная и бьется лучшимъ боемъ. Татары Большаго и Малаго Ногаю, Башкирцы, Колмыки бьются лучшимъ-же боемъ. Стрѣльцовъ, въ одной Москвѣ, не считая „городовыхъ“ (родъ гарнизона, живущаго по разнымъ городамъ, особенно—на границахъ царства)—40.000, а бой у нихъ солдатскаго строя (пѣхота). Казаки Донскіе, Терскіе, Яицкіе—тѣ бьются огненнымъ боемъ. А Запорожскіе Черкассы—и огненнымъ, и лучшимъ.

Дворяне-же государевыхъ городовъ бьются разнымъ обычаемъ, и луннымъ, и огненнымъ, кто какъ умѣетъ. Въ государевомъ полку, у стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ,—у жильцовъ—свой обычай. Только у нихъ и бою, что аргамакі рѣзвы, да сабли остры. Куды ни придуть, никакіе полки противъ нихъ не стоятъ. (Крылатая рота).

То у нашего государя ратное строеніе (См. „Статейный списокъ посольствъ И. И. Чемоданова въ 1657 г. въ Венецію и инныя государства“).

Конечно, дѣлало честь послу, что онъ такъ ярко описалъ военное могущество своего государя. Но, должно быть, какъ добросовѣстный и осторожный дипломатъ, онъ очень кстати въ самомъ началѣ грознаго перечня употребилъ выраженіе: „рать собирается“ противъ недруговъ.

Дѣйствительно, только если грозила война, или врагъ наступалъ неожиданно на русское царство, военный разрядъ и разные Приказы со Стремяннымъ во главѣ,—начинали слать гонцовъ по царству, звать изъ помѣстій, изъ усадебъ—ратныхъ людей, которые во время мира — занимались домашнимъ хозяйствомъ, а болѣе бѣдные—и хлѣбопашествомъ.

Стрѣльцы по городамъ, хотя и несли сторожевую службу и полицейскую отчасти, особенно въ Москвѣ, — все-таки — больше времени посвящали торговлѣ, разнымъ промысламъ и занятіямъ,

съ музыкой, нѣчто вродѣ пасторали, съ пѣніемъ, танцами и декламаціей.

Въ обширномъ покоѣ, гдѣ наскоро была устроена „потѣшная храмина“,—стучали молотки, возились сами комедіанты, устраивая декораціи и обстановку. Имъ помогали дворцовые „жильцы“, особенно которые помоложе.

дающимъ кусокъ хлѣба, такъ какъ казенный паекъ былъ слишкомъ скуденъ и для самаго ратника, не только для его семьи—если онъ заводился ею.

Лучше всѣхъ знали свое боевое дѣло и ратный строй — солдаты, пѣхотные полки, и въ мирное время не покидавшіе занятій подъ руководствомъ иноземныхъ офицеровъ.

Самые понятливые изъ русскихъ солдатскихъ ратниковъ—въ свою очередь, получали повышеніе и обучали новыя толпы оброчныхъ, монастырскихъ и царскихъ крестьянъ, изъ которыхъ вербовалась тогда пѣхота.

Алексѣй собралъ къ концу своего царствованія до 200 тысячъ полурегулярнаго войска, то-есть, такого, которое было обучено своему дѣлу или иноземцами, или долгой боевой жизнью на окраинахъ царства, въ борьбѣ съ поляками, татарами и сибирскими кочевниками, безпокойными, воинственными и хорошо вооруженными порой. Даже Китай нѣсколько разъ высылалъ войска на Амуръ, чтобы отогнать отъ него передовыя силы московскаго войска, осѣвшія по берегамъ богатой, многоводной, красивой рѣки.

Федоръ Алексѣевичъ если не увеличилъ составъ московскихъ ратей, то, все-таки заботился о поддержаніи въ ней порядка, о пополненіи выбывающихъ ратниковъ. „Русскимъ строемъ“—(луки, копья, сабли, бердыши)—умѣло драться до 60 тысячъ человекъ. Тисячъ 90 обучено было иноземному строю: огненному бою и конному ученію. Были тутъ и пушкарѣ, особенно—при стрѣleckихъ, пѣхотныхъ полкахъ, для защиты пѣхоты отъ нападенія кавалеріи.

Украинскихъ Черкассовъ, казаковъ—насчитывалось до 15 тысячъ. Въ Гетманскомъ полку было до 5.000 съ конями и оружіемъ, не считая обоза. Кромѣ несчитанной, но огромной орды калмыковъ, башкирцевъ и нагайцевъ, принимавшихъ участіе въ такой

Сбоку устроенная эстрада для музыкантовъ была увита зелеными вѣтвями и разными тканями. Передъ подмостками, замѣняющими сцену, устроили мѣста для Алексѣя, Натальи и царевенъ съ царевичами. Дальше шли скамьи. Ближе къ дверямъ осталось свободное пространство для публики, которая, стоя на ногахъ, пользовалась случаемъ полюбоваться на диковинное зрѣлище.

На этотъ спектакль получали приглашеніе главнымъ образомъ восточные царевичи, родня молодой царицы, Артамонъ съ женой, бояре, стольники, спальники, народъ изъ болѣе молодыхъ, сверстники Алексѣя, связанные съ нимъ дружбой и одинаковой охотой обновить московскую жизнь, старѣйшіе офицеры-иноземцы, какъ напримѣръ, полковникъ Лесси, генераль-маіоръ Филиппъ фонъ Букговенъ, тестъ Патрика Гордона, и нѣкоторые другіе. Были здѣсь и представители иностранныхъ владыкъ, для которыхъ, главнымъ образомъ,

войнѣ, гдѣ предстояла пожива, — было тысячъ 8—10 Яицкихъ, Донскихъ и Сибирскихъ казаковъ-удальцовъ.

Дворян боярская и дворянская, вооруженная разнымъ оружіемъ, подъ типичнымъ названіемъ: „Нахаловъ“—составляла особый отрядъ, вродѣ иррегулярной конницы, занятой въ военное время реквизиціей и разъѣздами.

Стрѣлецкій полкъ въ полномъ составѣ равнялся 1.000 человекъ. Сотни—были подъ начальствомъ капитановъ, замѣняющихъ прежнихъ сотниковъ. Стрѣльцы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ жили особыми слободами, полувоеннаго, полуобывательскаго, даже — земледѣльческаго характера. У cadaго стрѣльца была своя усадьба, огороды, пахотная земля. Первые роты cadaго изъ 22 стрѣлецкихъ полковъ, кромѣ мушкета, бердыша и сабли—имѣли еще копьѣ и назывались „копейными“ ротами.

При каждомъ полку находилось 7—8 большихъ пицалей (полевыхъ орудій) на станкахъ.

Пушкарн—набирались изъ тяглыхъ людей и стрѣльцы относились къ нимъ презрительно. Вообще—артиллерія была въ самомъ ужасномъ видѣ даже для того времени.

и дѣлались самые важные шаги по приближенію жизни московскаго двора къ жизни всѣхъ остальныхъ главнѣйшихъ западныхъ государей.

И самолюбіе, и политическія соображенія подсказывали царю, что надо поскорѣе отдѣлаться отъ тѣхъ, завѣщанныхъ стариной, рамокъ жизни, которыя богатому и многолудному двору повелителя Россіи и Сибири придавали видъ татарской орды въ глазахъ иноземцевъ.

Для пословъ и знатныхъ иностранцевъ пристроили у стѣны за подмосткахъ нѣчто вродѣ ложи, гдѣ было удобно сидѣть и хорошо видно весь спектакль.

Всѣ уже были въ сборѣ. Артисты — ждали только знака — начинать, музыканты, проиграли прелюдію и приготовились играть „маршъ“, вродѣ туша, подъ который обыкновенно появлялся Алексѣй съ царицей и всей семьей; публика поглядывала на двери, въ которыя долженъ былъ появиться царь, прислушивалась — и все напрасно.

Больше получасу прошло послѣ времени, назначеннаго для начала комедіи, когда послышался шумъ за дверьми, они распахнулись и появился Алексѣй со всей семьей, окруженный ближайшими сановниками и слугами.

— Ишь, какъ блѣденъ нонче государь, — шепнулъ сосѣду, князю Куракину, дядкѣ царевича Феодора, молодой, боярскій сынъ, Петръ Андреевичъ Толстой.

Плотный, не по годамъ тучный, онъ бросался въ глаза своими крупными чертами лица: широкимъ, утинымъ носомъ, чувственными, красными губами и невысокимъ, но чистымъ, широкимъ лбомъ. Все лицо его производило впечатлѣніе челоуѣка, склоннаго широко пользоваться благами жизни, не думая ни о чемъ. Только глаза, небольшіе, глубоко-сидящіе, но сверкающіе юморомъ и умомъ, горящіе какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ и силой, — говорили о незаурядной личности этого юноши.

Князь Куракинъ, благообразный, среднихъ лѣтъ, мужчина, по обязанности посѣщавшій „новыя затѣи“ царя, комедіи и спектакли,—также негромко отвѣтилъ:

— Не диво, крѣпится, слышь, передо всѣми. А самъ — хвораетъ изрядно... Што-же, года ужъ не молодые. А, вонъ, погляди, и мой царевичъ, — ровно ему не по себѣ што... Смутный, и на себя не похожъ... Еле бредетъ. И Иванушка—овсе ноги не волочить. Ишь, такъ и не отпускаетъ руки братниной...

— Што мудреннаго: почитай и овсе очами скорбенъ болѣзненный нашъ Иванушка... Слышь, што ни день, то хуже. Овсе свѣта не видать ему... Кара Божія, одно слово, — съ лицемѣрнымъ вздохомъ произнесъ Толстой.—За то, погляди на Петрушеньку, на любимчика.

— Ему хошь бы што. Цвѣтетъ, ровно яблочко, что ни зимой, ни лѣтомъ ущербу не знаетъ себѣ... Слыхалъ, поди, бояринъ, каки толки про дите про это идутъ по теремамъ... Насчетъ наслѣдья отцова... Ась...

— Слыхалъ... Да, не бывать тому... Рано зубы точуть, кому лакомо... Великъ кусъ, не подавились бы...

— Хе-хе-хе... Жирный кусъ, што сказать... Многи на него зарются... Поглядимъ. Занятно. И Толстой своими сверлящими глазами сталъ вглядываться въ царскую семью, занявшую мѣста, словно по ихъ лицамъ хотѣлъ разгадать, о чемъ думаетъ каждый.

Представленіе длилось долго. Во время перваго перерыва, Иванъ подошелъ къ отцу и слабымъ своимъ, глухимъ голосомъ заявилъ:

— Царь-батюшко... челомъ тобѣ... повели въ свои покои отбыть... Ишь, головушку — разломило... Дядько — то сказываетъ, безъ спросу твоего — не вольно уйти... Я ужъ пойду, батюшко.

— „Головушку“... Экой ты у меня, кволой... Лучше

бы и не приводили тебя. Гляди, мнѣ самому, може, горше твоего. Сижу. Ино—и потерпѣть надо... Ну, да ты—ступай. Тебѣ нечево маяться... Вѣкъ — безъ заботы за братьевьями проживешь... Иди со Христомъ, блаженненькій...

Иванъ поцѣловалъ руку отцу и держась за дядьку, вышелъ изъ палаты.

— И, вправду, государь, — тихо, но тревожно заговорила Наталья: — куды неприглядно твое царское здоровье на видъ... Не поизволишь ли и самъ на покой. Мы уже и досидимъ тутъ всѣ, чтобы народъ не булгачить: што ушли де хозяева. Иди, государь. Бога для прошу. Сердечушко штой-то у меня и не на мѣстѣ.

— Ну, ты, Наталья, запричитала. И безъ тебя тошно. Оставь. Сижу—и ладно. Перемогусь—лучче буде, ничѣмъ валяться мнѣ. Вонъ, Данилку спроси... А не въ моготу стане, — я и пойду... Не робятишко я несмысленочекъ... Ну, и оставь,—нетерпѣливо уже закончилъ Алексѣй, видя, что Наталья собирается ему возражать.

Загремѣла музыка. Начался второй актъ.

Хотя вниманіе зрителей было обращено на сцену, гдѣ разворачивались смѣшныя приключенія героя комедіи,—всѣ почти замѣтили, что царь вдругъ сдѣлалъ знакъ Матвѣеву и своему лекарю. Оба, стоя за спиной государя, наклонились къ нему. Гаденъ дотронулся до лба, до руки Алексѣя, шепнулъ что-то Артамону и оба почти вынесли его въ сосѣдній покой черезъ небольшую дверцу, близъ которой были устроены царскія мѣста.

Наталья сейчасъ же вышла вслѣдъ за мужемъ.

Федоръ и царевны поднялись было... Но она имъ дала знакъ оставаться на мѣстахъ и они снова усѣлись.

Комедіанты на сценѣ лучше всѣхъ могли разглядѣть, что случилось. Растерявшись, смущенные говоромъ и тревогой, охватившей всю публику, музыканты и актеры

умолки на нѣкоторое время. Потомъ, подчиняясь ремесленной дисциплинѣ, снова возобновили было представленіе.

Но изъ двери, куда увели царя, Матвѣевъ сказалъ:

— Государь, великій царь мочь не изволить лицедействіе смотрѣти. И всѣ вольны по домамъ ѣхать. А хвори особливой нѣту. Отъ духу, слышь, отъ тяжкаго — скружило головушку знать, какъ лекарь сказываетъ...

Музыканты и актеры скрылись за кулисами. Зрители — торопливо двинулись къ дверямъ, ведущимъ изъ покоя въ обширныя сѣни деревянныхъ царициныхъ теремовъ, гдѣ происходилъ спектакль.

Знакомые, друзья — собирались по пути кучками, переглядывались, обмѣнивались негромко короткими словечками, опасаясь здѣсь дать волю языку.

Зрительный залъ сразу опустѣлъ.

Петръ Толстой, словно поджидавшій Куракина, который степенно и довольно медленно двигался за толпой, — сказалъ ему негромко:

— Сбирался я отсель къ боярину Хитрому, къ Богдану Сергѣеву... Не пожелаешь-ли по пути, князенька? Чаю, онъ радъ будетъ такому гостю.

— Къ Хитрому... Пошто?.. На ночь глядя. Чай, спить давно бояринъ...

— Вѣрь, не спить. Такъ я и обѣщался заглянуть послѣ театра, навѣстить старика, коли что новое, повѣдать бы ему... А тутъ...

— Н-да... чудны дѣла Твои, Господи... Дай Боже здоровья царю... А, што ты думаешь: и впрямь, загляну съ тобой къ боярину Богдану, коли не спить, говоришь...

Оба они сѣли въ широкія сани Куракина, свою челядь — Толстой послалъ домой — и повезъ дядьку царевича Федора къ Богдану Хитрову: подѣлиться важными вѣстями а, можетъ быть, и еще для какихъ нибудь дѣлъ и тайныхъ цѣлей.

Десять дней тревога и печаль черной тучей повисла надъ кремлевскимъ дворцомъ и теремами царскими.

Что ни день, то хуже Алексѣю. Обмороки, припадки удушья—все чаще и чаще.

Таеъ больной, какъ воскъ. Широкій костякъ такъ и проступаетъ изъ-подъ кожи, обтянувшей лицо и тѣло царя.

Кромѣ царскихъ лекарей, Костеріуса и Стефана фонъ Гадена, собраны къ постели его всѣ лучшіе доктора Москвы, какіе и въ Нѣмецкой слободѣ живутъ, и у бояръ у нѣкоторыхъ, и при послахъ иноземныхъ.

Долго совѣщались ученые доктора. Потомъ, покачивая печально головой,—лекаръ Іоганнъ Гутменштъ, отъ имени всѣхъ остальныхъ заявилъ Кириллу Нарышкину и Матвѣеву:

— Ко всему надо быть готовымъ. Если што требуется по царству еще распорядить, лучше пускай бы исполнилъ то ево царское величество. А и святова причастія принять—благое самое время есть... Долго таилъ недугъ свой царь. Еще раннѣй—спасти бы мочно... А теперь...

Лекаръ не досказалъ.

Это было 28 января, 1676 года.

Въ тотъ же день патріархъ исповѣдалъ и пріобщилъ Алексѣя, который вичуть не удивился предложенію Натальи—совершить это таинство.

— Силы, здоровья прибудетъ тебѣ, свѣтъ Алешинька, коли примешь святыхъ даровъ...

— Да... ладно-же... Нешто я противъ... самъ хотѣлъ... Видно, ужъ, скоро...

— И, государь, не думай, не тужи, не кручинь себя. Годы твои еще не старые... Всяку хворь одолѣешь,—глота я слезы, стараясь улыбкой ободрить мужа, увѣряла царица. Но сердце не выдержало. Подъ предлогомъ, что надо къ

дѣтямъ, она поспѣшила уйти и въ сосѣднемъ покоѣ—вся забила въ потрясающемъ, беззвучномъ рыданьи.

Кончилась исповѣдь, причастили Алексѣя.

— Матвѣева мнѣ... А раннѣй—Григорія, Ромодановскаго... Легше мнѣ... Пока ѣсть силы,—надобно приказъ отдать... Скорѣе...

Явился Ромодановскій.

Царь, выславъ изъ опочивальни всѣхъ окружающихъ, заговорилъ:

— Слышь, князь, вѣра у меня къ тебѣ великая. Служилъ ты мнѣ по правдѣ, пока я живъ былъ. И по смерти—послужи. Обѣщаешь-ли?

— Не разъ я тебѣ, государю, — обѣтъ давалъ... И нынѣ снова, коли волишь, — передъ святымъ Крестомъ, передъ ликомъ Божіимъ поклянуся: што повелишь, исполню. Хоша бы и смерть принять за то довелось...

— Нѣтъ... Зачѣмъ помирать... Ты—вонъ какой крѣпчакъ... Живи... Жить тебѣ надо... А я, вотъ... видишь, брате, умираю... Оно бы и не пора самая... Да, видно, воля Божія... Охъ, тяжело и говорить-то...

— Передохни малость... Не труди себя такъ... Потихе толкуй... Я разберу...

— Да, и разборка невелика... Есть тамо у тебя казна моя царская... Не разъ, какъ въ походъ собирался... Живъ вернусь, нѣтъ-ли,—чаялось... Вотъ я...

— Такъ, государь... Давалъ мнѣ хоронить и казну твою, и рухлядь хорошую, мѣха, парчи, ткани... Все цѣло. Не мало собралось... Сохранно лежитъ...

— Въ Приказѣ Тайномъ... въ томъ покоѣ, что я тебѣ показалъ, за дверьми за желѣзными... Ну, ладно... А—никто не знаетъ... не провѣдали?..

— Кому знать, государь... Безъ глазу чужова все туды сношено... А заглядывать никому не мочно. Приказъ даденъ...

Словно-бы тамъ — граматы особливо — тайныя государскія ваши положены... И смертию покарать обѣщано, хто попытается... Не бось, государь. Поправляйся скорѣе. Все тобѣ сохранно сдамъ...

— Э-хе... Какая ужъ поправка... Не мнѣ ты сдашь... Царю новому... И то—не сразу, гляди. Слышь, брате, не надумалъ еще я... Буду Господа молить; наставилъ бы меня: ково изъ сыновей благословить на царство...

— Да, нешто Федоръ... Ево же, государь, вотъ годъ второй идетъ,—и объявлялъ ты боярамъ, духовнымъ властямъ и народу... Али...

— Што-жъ, што объявлялъ. Что въ лѣтахъ онъ совершенныхъ есть. Такъ, это отъ нево и не отыметъ. А царемъ на Руси, мы, государи, умираючи,—вольны ково Богъ намъ укажетъ, постановить, хоша-бы и не старшова... Бывали случаи... Да, ты стой... молчи... Не сдужаю много... Слышь, тута въ опочивальнѣ—ларцы стоятъ... да три укладки невелички.. По-прежнему, потайно, въ ночи. што ли,—снеси туды, гдѣ и другое все... И закрой по-прежнему... И закланись: не говорить, не давать ту казну, хоша бы царь, али кто иной — пытали тебя о ней... Молодъ Федоръ... Жадны бояре сильные... И родня вся женина, Марьи Ильинишны, покойницы. Сколь много имъ не дай все расхитятъ... А придетъ часъ недоли... Бѣда пристигнетъ, война-ли, моръ-ли, али иное Божье попущеніе, што казна пуста стоять будетъ, земля оскудѣетъ... Охъ, тяжело и слово сказать... Пожди... И, тяжело дыша, Алексѣй помолчалъ немного, потомъ снова заговорилъ:

— Вотъ, въ тѣ поры — и откроешь царю про клады про наши... А, храни Богъ, тебя пристигнетъ часъ воли Божіей—передъ кончиной сыну своему повѣдай... Тоже подъ клятвой... да со креста цѣлованіемъ... да...

Онъ не dokonчилъ, умолкъ.

Широко перекрестился Ромодановскій на образа, стоящія въ углу, досталъ изъ-за ворота рубахи натѣльный золотой крестъ и, цѣлуя его, сказалъ:

— Крестъ святой и мощи, кои въ немъ, — цѣлую на томъ, што все поисполню, какъ ты сказываешь. Не будетъ моей душѣ спасенія, коли поиначу волю твою.

— Ну, вотъ, спаси ты Богъ, награди Спасъ милостивый... Мнѣ словно легче стало... Теперя—иди. Тамо Сергѣичъ, да тестенька... Кириллу зови сюды... Да... Нѣтъ... не надоть больше никого...

Ромодановскій, сдерживая волненіе, ударилъ челомъ, припалъ губами къ рукѣ, которую протянулъ ему царь, и вышелъ.

Когда Матвѣевъ съ Нарышкинымъ вошли къ умирающему, — Наталья, кое-какъ овладѣвъ собой, тоже проскользнула въ опочивальню, опустилась у самыхъ дверей на скамью, такъ что изъ-за полога надъ постелью — царь не видѣлъ ее, — и сидѣла тихо, неподвижно, съ воспаленными, заплаканными, широко-раскрытыми глазами, закусивъ губу, чтобы не разрыдаться. Ея, постоянно — веселое, розовое, лицо — теперь было покрыто багровыми пятнами и все пылало. А порою — вся кровь отливала къ сердцу и лицо принимало сразу прозрачный, восковой оттѣнокъ, а тѣло — трепетало отъ озноба частой, мелкой дрожью.

— Што поизволишь, государь... Пришли мы по зову по твоему... Рабы твои... Даль бы Господь намъ радости: жива—здрави скорѣй тебя узрѣти... Повели государь, повьполнимъ,—первый обратился къ царственному зятю старикъ Нарышкинъ.

Обычно — этотъ тихій, не особенно-умный, простой, мало-образованный старикъ, помѣщикъ средней руки, — только и находилъ отрады — вкусно поѣсть и, особенно, — изрядно выпить. Приподнятое отъ вина, состояніе — было ему отрадно

больше всего. Но сейчас — новопожалованный бояринъ былъ совершенно трезвъ и печаленъ. Даже какой-то инстинктивный страхъ — проглядывалъ въ бѣгающемъ взглядѣ его глазъ, въ напряженномъ положеніи головы и шеи, въ поджатой губѣ, въ связанныхъ движеніяхъ, словно онъ самъ подстерегалъ врага, или ждалъ, что на него изъ-за угла нападетъ смертельный, непримиримый соперникъ и уничтожить однимъ ударомъ.

Старикъ понималъ, что стоитъ на картѣ, что связано со смертью Алексѣя.

Удача—значить—регентство Натальи, его собственное безмѣрное возвышеніе... Упоеніе власти, наслажденіе всѣми благами міра безъ конца...

Неудача... О ней старался и не думать Нарышкинъ. Сейчасъ-же холодный, липкій потъ выступалъ на лбу, губы сохли, горло—сжимало какимъ-то клубкомъ... Языкъ — не имѣлъ силы сдѣлать движеніе, чтобы увлажнить пересохшія губы...

Работѣнно склоняясь передъ зятемъ, онъ вперилъ взоръ въ больного, желая своимъ опытнымъ, стариковскимъ взглядомъ уловить, какъ много еще осталось прожить зятю.

— Плохъ, и вовсе плохъ сердешный... Часочки, гляди, остались, — сразу пронеслось въ умъ Кирилла, едва онъ взглянулъ въ Алексѣя.

И тотъ съ чуткостью, присущей иногда умирающимъ,—угадалъ и значеніе взгляда и мысли растерявшагося старика.

— Да, тестюшка... Нынѣ самъ видишь: крышка мнѣ... теперя... Да и тобѣ не въ долгихъ... Вотъ, и порады мнѣ по чистой совѣсти... отменяя всяку корысть и кривду... всякое людское да мірское вождельніе... Какъ мыслишь, для земли бы лучше: Федору царство приказать... али...

— Внучку... царевичу богоданному, Петрушенькѣ нашему... Вѣстимо, ему... ему, государь... Ишь, какого тобѣ

Господь послалъ... Дитя — што и нигдѣ не сыщешь... Не бѣда, што малъ... Найдется и для...

— Такъ... ладно... Сдогодался ты, Кириллушка, о чемъ рѣчь поведу. Да и я напередъ ровно и слыхалъ, што сказать намъ можешь... А, вотъ въ другое спрошу: какъ мыслишь: силы станеть-ли, сберется-ли вельмочнаго люду столько, штобы и уберечь до совершенныхъ лѣтъ юнаго царя-малолѣтка... И царству пораду дать, не завести между-усобицы, отъ коей и земля погибнуть можетъ... Вотъ, помысли, по чести скажи... Оно, и то сказать... раннѣй бы мнѣ самому многихъ бояръ и властей опросить... Да, все думалось иначе... Не пора-де, анъ, пора и приспѣла... Такъ, говори ужъ...

— Сказалъ, государь... Инова не придумаю. А и спрашивать не надобно. Не разъ со многими людьми и у меня, и у другихъ, близкихъ нашихъ — толковано... Ужъ, не посѣтуй, твое царское величество... Такъ, про всякъ случай говорилось... Очень многіе на томъ стоятъ и люди не малые: быть-бы меньшому въ большихъ, попередивъ и старшова... Вотъ, государь моя правда, какъ на духу...

— Такъ-ли, Сергѣичъ?... Чай, и ты... про всякъ случай... о томъ-же толковалъ порой...

— Нѣтъ, государь, не случалось. А на спросъ твой скажу: вѣрно бояринъ честной, Кирилло Полуэхтовичъ сказываетъ: не мало есть народу и значнова, не простова — кои за новую семью твоего царскаго величества, за Нарышкиныхъ съ царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ станутъ, Милославскимъ да приснымъ ихъ—наsupротивъ... Хотя бы и до крови и до бою дѣло дошло... И меня заботить дума: какъ бы свары да рѣзни братской не было... Вонъ, самъ вѣдаешь: по полкамъ ратнымъ, особливо по стрѣлецкимъ—смута всякая да шатанье пошло... Съ крестовъ да съ поклоновъ починалося... А теперя—иины сказки сказываютъ.

Все имъ не въ угоду... Все—не по правилу... То и гляди, розруха, мятежъ зарыкаеть, аки левъ голодный... Тутъ и подумаешь... И ума не приложишь...

— Да... да... вотъ, ты—правду говоришь... Особливо—Наталью... царицу мнѣ жалъ... На ей зло первѣй всѣхъ выльется... коли што загорится... Охъ, тяжело...

Наталья, не выдержавъ, тихо стала всхлипывать, но Алексѣй услышалъ.

— Здѣся ты?... Ну, иди ужъ... иди сюды на совѣтъ... Што тутъ... Да, не плачь... Дѣло великое. Меня не нуди... себя не мучь... Наплачешься... Буде...

— И то, не плачу, Алешенька... И — чевѣ?... Богъ дастъ...

— Дастъ... дастъ... А покуда—будемъ сами не плохи... Такъ, што-же скажете?..

— Да, государь, есть дума одна... Вонъ, и отецъ Симеонъ на то же склоняется...

— И онъ... надо бы и ово къ намъ... да, пусть ужъ... Гляди: всполошишь всѣхъ, коли много звать стану... да все—не ихнихъ... Што-же вы тамъ надумали? Говори прямо.

— И лукавить не въ чемъ, другъ ты мой... Видное дѣло — Федоръ царевичъ — царемъ станетъ, Милославскіе зацарюють... да Хитровы... да всякіе съ ими... Ково ты всю жизнь сторонился... Хто на всѣхъ путяхъ твоимъ починамъ добрымъ помѣхой былъ, на старыя пути Русь поворачивалъ...

— Да, ужъ, мой Ваня, слѣпышь бѣдный—и то, поди, знаетъ, што правда—слова твои.

— Петрушу царемъ... Перво — и молодъ онъ... Не пустятъ бояре семьѣ Нарышкинской у трона стать до свершенія лѣтъ полныхъ царю малолѣтку... Ужъ, не верти головой, государь, Кирилло Полуэхтычъ... Правду сказать надобно...

— Сказывай, сказывай свое... Я — не помѣха, — поспѣшно отозвался Нарышкинъ.

— Вотъ, и думалось...

— Ну, ну... што... сказывай... Подожди... вонъ, въ чаркѣ—питье стоитъ. Съ нево — силы прибываетъ мнѣ на малый часъ... Дай хлебнуть... Да, хоть и не пробуй... Стефанко не отравить... Вотъ... Ухъ, и горько же... Ну, сказывай... Жжетъ питье. А безъ ево, слышь, самъ чую, и не жилъ-бы ужъ давно... Што-же вы тамъ надумали?.. Толкуй.

— Ежели бы такъ тебѣ, государь, показалось за благо: призвать старшова царевича. Разумный, добрый онъ сынъ. Ево ли вина, што хворь одолѣваетъ... И сказать бы ему: на трояѣ одному—трудно-де. Самъ видѣлъ, какъ твое величество себя утруждало ину пору, не получче батрака послѣдняво... А заботы, а вороги свои и чужіе какъ одолѣвать учнутъ... Вотъ, и хорошо, если не одинъ человекъ на царствѣ, особливо — молодой... И взялъ-бы онъ себя вторымъ царемъ—младшаго царевича... Петра, вѣстимо. И пока тотъ въ молодыхъ годахъ, сберегалъ-бы брата, вкупѣ да влюбѣ со всѣми родичами царевича, на коихъ ты укажешь, вотъ, хошь бы, дѣдушка, Кирилло Полуэхтовичъ... Дядя Иванъ Кирилловичъ. Разумникъ, на все онъ пригоденъ, слышь... Матушку-царицу, Наталью Кирилловну — и подавно слушалъ бы царевичъ. Роднѣ не давалъ бы ее въ обиду...

Царь глубоко вздохнулъ. Очевидно, онъ и самъ много думалъ объ этомъ именно вопросѣ.

— Ну, тамъ, кромѣ главныхъ бояръ, — еще ково поставишь опекать Петрушу, до его лѣтъ совершенныхъ...

— Тебя, тебя, Сергѣичъ. Лучче — и не надо...

— Какъ воля твоя, государь. Послужу по совѣсти, какъ и тебѣ, другъ мой, государь...

— Знаю... знаю... Што-жъ, такъ буде ладно... Я позову сына... Я скажу. Онъ не отречется... И не на словахъ однихъ... Запись возьму... Крестъ цѣловать, Евангеліе будетъ... Такъ... Ладно будетъ такъ... И не станетъ злобы такой, какъ отъ одного гнѣзда... Все едино: тѣ-ли, другіе силу заберутъ,—станутъ недруговъ гнать... Оохъ, горе мое... Родня на родню словно волки... Ну, да не поиначишь людей... Такъ, и Богъ съ имъ... Ступай, скажи... сына бы позвали... Федю... и Петрушу... Сейчасъ скажу...

— Што торопишься такъ?.. Ишь, ты ровно полосу вспахалъ, государь, отъ рѣчей отъ нашихъ. Передохни, государь...

— Нѣ-ѣтъ... Не перечь... Ужъ тутъ не до роздыху... Може, и утра не дождуся... Зо-ви... слышь...

Видъ царя ясно говорилъ, что онъ правъ.

Наталя снова затрепетала вся отъ беззвучныхъ рыданій.

— Буде, Наташенька... Бу-де... Иди-же...

— Иду, государь... А, все-же, раннѣй—лекаря къ тебѣ пошлю... Не станетъ ли онъ говорить чево противъ...

— Ладно, посылай... Все едино, онъ не посмѣетъ... Иди-же...

Матвѣевъ вышелъ.

Наталя, которой царь далъ знакъ рукой подойти поближе, сдѣлала шагъ къ постели, и, вдругъ, какъ подкошенная, упавъ на колѣни, прильнула головой къ ногамъ больного, цѣлуя ихъ съ невнятными, сдавленными рыданіями и несвязной мольбой.

— Боже... Творецъ милосердый... Царя... сына спаси... дѣтей моихъ... и ево... Спасе Милостивый... Пречистая Матерь Бога нашего...

Но и эти звуки смолкли черезъ мгновенье и она, полусомлѣвшая, осталась распростертой у ногъ мужа, прильнувъ къ нимъ губами.

Потрясенный, безсильный, онъ тоже не могъ двинуть даже рукой, не могъ сказать ни слова...

Жуткая тишина воцарилась въ опочивальнѣ.

Нарышкинъ, отойдя къ окну, отиралъ крупныя слезы, сбѣгавшія по его щекамъ, по сѣдѣющей бородѣ.

Матвѣевъ, выйдя въ сосѣдній покой, чуть было не на-толкнулся на боярыню Анну Петровну Хитрово, которая о чемъ-то негромко толковала съ Гаденомъ.

Какъ только послѣдній, по приглашенію Артамона, прошелъ къ царю въ опочивальню, Хитрово, вздыхая, слезливымъ голосомъ, возводя очи къ небу, поспѣшно заговорила:

— Охо-хо-нюшки, горе наше великое. Покидать собрался насъ соколъ нашъ ясный, государь—свѣтъ Алексѣй Михайловичъ... И на ково мы, сироты, останемся горемычныя... Вотъ, ужъ, не ждали бѣды, не чаяли.

— Што ужъ, боярыня, заживо оплакиваешь... Авось Господь...

— То то и я баяла... Нѣтъ, слышь, лекаръ иное мыслить. А кому же и знать, какъ не Жидовину. Онъ въ своемъ дѣлѣ—мастакъ... Мало-ли лѣтъ при государѣ. Ровно свое дитя роженое—вѣдаетъ всю плоть и кровь государеву... И-хи-хи... Караетъ землю Господь, за грѣхи за наши... Мало молимъ Ево, Батюшку... Старину порушили... Вотъ...

— Вѣстимо, все—Божья воля. А я, боярыня, къ царевичу шель. Не видала-ль ево нынче? Какъ онъ?.. Къ царю надо звать... Царь...

— Эка бѣда... Я, слышь, и то отъ царевича изъ покоевъ. Грудку ему растирали при мнѣ. Маслице есть у меня изъ Ерусалима-града. Отъ Гроба Спаса Нашево... Я сама принесла, недужное — то мѣстечко и помазали... И самъ онъ боленъ, голубъ нашъ, а про батюшку-государя все знать волилъ. Я и сказываю ему: „ково пошлешь, — и не повѣдаютъ иному правду-те, про царское, про здоровице. Сем-ка

я пойду... Мнѣ какъ не сказать?!“—И пошла... Анъ, тутъ и ты за царевичемъ... Эка пропасть!.. Ни вздохнуть, ни шею погнуть... Гдѣ тутъ подняться ему... Вонъ, самъ поизволь, навѣсти голубя мово... Увидишь, коли, можетъ, на мои слова не сдаться...

Матвѣевъ пыливо поглядѣлъ въ маленькіе, словно сверлящіе своимъ взглядомъ, глаза старухи. Не то торжество, не то насмѣшка свѣтилась въ нихъ. А лицо имѣло самый умильный, ласковый видъ.

— Сдогадались, видно... Сговорились до поры—поостеречися, не пускать сына къ отцу... Али ужъ што и налажено у нихъ... Времени выжидаютъ...—пронеслось въ умъ у Матвѣева.

Но онъ постарался не проявить ничѣмъ своего недовѣрія къ старухѣ.

— Што-же, я сдоложу царю... И тревожить царевича не стану. Хворому — инымъ часомъ и видѣть никово не охота, и слово—въ тягость сказать. Ты сама ужъ, боярыня, потрудишь, сдѣлай милость, передай, што изволить государь: какъ полегче станетъ царевичу, — къ отцу бы шелъ. Все едино, въ кою пору... Ночью, рано ли поутру... Какъ полегчаетъ,—и шелъ бы...

— Скажу, скажу... Видно, дѣло великое, коли ты самъ позыватемъ!.. Видно, што и не терпится, коли и въ ночи прійти можно?... Скажу, скажу, бояринъ... Уже пошла... Въ мигъ скажу... Коли царевичъ осилить себя,—и въ сей часъ придетъ къ отцу... Живымъ бы только застать родителя, такъ чаешь, бояринъ?... Не помретъ государь нашъ такъ ужъ, ни мало не мѣшкая?... Асеньки?

— И думы о томъ нѣтъ, боярыня... Слышь, не видалъ сына весь день,—вотъ и поводилъ... Сынъ вѣдь старшой, наслѣдникъ... Мало-ль што у отца сыну сказать сыщется... Вотъ и зоветь...

— Такъ, такъ... Ну, отъ души отлегло... Камень съ груди спалъ... А то, слышу: хошь въ ночь, хошь за полночь!.. Не помираеть-ли великой государь?.. Тогда бы все честь-честью надо... И духовный чинъ, и боярство, и родню... А не то — сына одново, наслѣдника, ровно-бы ему какой наказъ особый дать волить царь-батюшка передъ останымъ часомъ. Съ глазу-то на глазъ, безъ людей безо всякихъ...

Матвѣевъ почувствовалъ, что лукавая старуха почти проникла въ затѣю. Но онъ также спокойно заговорилъ:

— Не до наказовъ теперь... Слабъ вовсе государь, слышала-жъ отъ лекаря, сказываешь. А ежели напомнить хворому, что часъ близокъ, што надо и о душѣ, и о сынѣ, и о царствѣ — подумать... Гляди, и вовсе не вынесетъ... Развѣ-жъ можно... А не звать царевича, коли отецъ желаетъ, — опять нельзя... Ты ужъ передай... И знать дай: какъ да што съ Федоромъ?.. Скоро-ль царю ждать ево?..

— Не премину, не промедлю... И царевичу въ сей часъ сдоложу, и тебѣ вѣсточку дамъ... Ужъ я пошла. Гляди, не жалѣю ногъ старыхъ... Бѣгомъ побѣгу...

И, обмѣнявшись поклонами съ Артамономъ, Хитрово переваливаясь, семеня ногами, быстро вышла изъ покоя.

Съ досадой дернувъ себя за усъ, Матвѣевъ злымъ взглядомъ проводилъ старуху, которая столько лѣтъ сѣетъ смуту и свару во дворцѣ, и вернулъ къ Алексѣю доложить ему все, что услышалъ.

Съ вечера, въ тотъ же день, Богданъ Хитрово долго сидѣлъ наединѣ съ теткой. А на другое утро, послѣ обѣдни — собралось къ боярину много вельможъ и воеводъ, за которыми еще наканунѣ были посланы особые позыватые, ближніе ключники и молодежь изъ родни, проживающая въ домѣ

каждаго значительнаго боярина въ ожиданіи, пока можно будетъ пристроиться къ царской службѣ.

Всѣ почти недруги Нарышкиныхъ собраны въ большомъ столовомъ покоѣ боярина Хитрово, а ихъ—не мало. Здѣсь и Федоръ Федоровичъ Куракинъ, властолюбивый „дядька“ Феодора и оба брата Соковнина, Алексѣй и Федоръ Прокофьичи, и бояре Милославскіе; Урусовъ, князь Петръ, князь Лобановъ-Ростовскій, бояринъ Вельяминовъ, Александръ Севастьянычъ Хитрово, бояринъ Василій Семеновичъ Волинскій, безличный, на всякую службу готовый человѣкъ. Нѣсколько воеводъ стрѣлецкаго приказа, недовольныхъ льготами, какія идутъ иноземнымъ войскамъ, тоже пришли на совѣтъ. Здѣсь и оба брата Собакины, на сестрѣ которыхъ женатъ Иванъ Богдановичъ и судья бояринъ Иванъ Воротынский и Яковъ Никитычъ Одоевскій и молодой Василій Голицынъ— всѣ пришли на пагубу Нарышкинымъ.

Всѣ—давно знаютъ другъ друга, связаны или родственными отношеніями или общими выгодами и стремленіями. Но, кромѣ того, съ cadaго хозяинъ клятву взялъ: хранить въ тайнѣ все, о чемъ придется толковать нынче.

— Помираетъ батюшка — царь нашъ, свѣтъ Алексѣй Михайловичъ... Надо намъ помыслить: што съ царствомъ да съ нами будетъ,—объяснялъ всѣмъ Хитрово.

И всѣ поняли, что насталь рѣшительный мигъ...

Особенно суетился Петръ Андреевичъ Толстой вмѣстѣ съ вертлявымъ сухенькимъ бояриномъ Троекуровымъ. Не имѣя за собой ни особаго вліянія, ни значенія въ приказахъ, или въ боярской думѣ,—оба они чувтъ, что близокъ переломъ и усердіемъ стараются придать себѣ цѣну — въ глазахъ людей, которымъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, достанется верховная власть.

— Ну, лишній народъ я поотослалъ,—заявилъ Хитрово, когда замѣтилъ, что всѣ почти въ сборѣ,—можно и о дѣлѣ

потолковать... Обѣщалъ, правда, и протопопъ Василій побывать, духовникъ царевичевъ... Да, и безъ ево потолкуемъ. Онъ наше дѣло знаетъ...

— Вѣстимо, ждатель—нечего, — нервно теребя рѣдкую бороденку, отозвался первымъ бояринъ Одоевскій: — скорѣе столковаться-бы... И за дѣло. Оно, кто знаетъ... Сказываютъ: помираетъ царь... А, може, и то, што по старому... Какъ Иванъ Васильевичъ покойный не разъ и не два — бояръ визнавалъ... Совсѣмъ, вотъ, помираетъ... „Наслѣднику, моль, все!“ А самъ — глядитъ: кто какъ и што?.. Сразу—здоровехонекъ станетъ и почнетъ перебирать всѣхъ... Вотъ, какъ бы и теперя... Донесутъ царю, што мы заживо при емъ наслѣдника поставляемъ... Онъ бы и не осерчалъ часомъ...

— Донесуутъ!.. Кому, на ково доноси.ь-то? Нешто, ты на себя скажешь, бояринъ? Нешто не видишь: кто да кто за столомъ сидитъ. Все—свои... Кажнаво—и безъ доносу Нарышкины слопали-бы, кабы власть-сила... Да—подавятся!.. Сиди ужъ, слушай да успокой свое сердце, коли оно такое... заботливое о насъ... Вонъ, сулея близко, окропися...

И раздражительный, грубоватый Федоръ Куракинъ, со сѣдъ по столу Одоевскаго подвинулъ ему сулею съ рейнскимъ виномъ.

— Попъ што, безъ попа—дѣло сладится, гляди. Онъ не отстанетъ,—перебилъ Куракина Вельяминовъ:—а, вотъ, надоть бы къ намъ и князь Юрья Лексѣича... Сила-человѣкъ. Ему не то царь,—и бояре всѣ, и простой народъ—всѣ вѣру даютъ. Коли онъ за насъ станетъ — дѣло наше съ крышей... Можно сказать—все, ровно по маслу пойдетъ...

— И Долгорукой князь Юрій съ нами-же, не крушись, бояринъ. Звалъ я и ево. Недуженъ нынѣ. Сказывалъ: „толкуйте безъ меня. А къ царю — разомъ пойдёмъ“... — поспѣшно заявилъ Хитрово.

завтра, ужъ не позднѣе, — во дворцѣ всѣмъ собратися. Царю челомъ ударимъ, волю бы свою намъ сказать и поизволимъ. Какъ въ животѣ и въ смерти — Богъ одинъ Владыко. А землѣ — знать надобно: хто царемъ будетъ, ежели?.. Ну, тамъ послушаемъ: што намъ скажутъ... Сами отвѣтимъ, што думаемъ... И царевичъ нашъ Федоръ тамо-же будетъ...

— Вѣстимо, дѣло прямое... Только, какъ стража... Хто на охранѣ стоитъ? Коли иноземцы, — Нарышкинскіе да Матвѣевскіе прихвостни, — такъ и дѣла зачинать невозможно.

— Приведутъ они пащенка малаво... Гляди, тутъ-же и на-речетъ ево отецъ, помимо старшаго сына. Отъ ихъ — все станется.

— Не буде тово! Быть никакъ не можно... Мы — улучимъ часокъ... Не рубить же станутъ первыхъ бояръ да князей, да отца духовнаго на глазахъ царскихъ... А сторожа-то завтра отъ стрѣльцовъ... Слышь, и тутъ намъ помѣхи не буде, — успокоилъ всѣхъ Хитрово.

— Это добро... Только бы Матвѣевъ не подсидѣлъ чеве... Онъ, чай, тоже не спитъ... Онъ чай...

— Онъ — да не онъ!.. Я Матвѣева отвѣю, — вмѣшался снова Толстой. — У меня на ево — тоже слово есть... Отсюда — я къ ему прямо... Увидите, братцы, какъ я одурманю нехристя энтаго...

— Ну, ну, ладно... Ужъ ты, гляди... А мы — всѣ послѣ вечерень — и соберемся у царя... Такъ и другихъ повѣстимъ, кому надо...

Недолго еще продолжалось совѣщаніе, скоро всѣ разъѣхались по домамъ готовиться къ завтрашнему, рѣшительному дню.

И раньше всѣхъ покинулъ компанію Толстой, о чемъ то наединѣ еще потолковавъ съ самимъ Богданомъ Матвѣвичемъ.

Заѣхавъ на перепутьи домой, Толстой только часамъ

къ 6 дня, то-есть, по тогдашнему—довольно поздно, попалъ къ Матвѣеву.

Обычно, незваные и неожиданные—именитые люди другъ къ другу не ѣздили, а всегда упреждали о своемъ пріѣздѣ.

Появленіе Толстого, не приславшаго извѣщенія о себѣ,—привело въ недоумѣніе и полковницу и всю старшую дворовую челядь въ домѣ Матвѣева. Самого Артамона не было дома.

Дворецкій, встрѣтившій возокъ Толстого у самыхъ воротъ, почтительно объ этомъ доложилъ боярину.

— Такъ я и полагалъ, што по дѣламъ сейчасъ ѣздитъ другъ мой любезный, Артамонъ Матвѣичъ... Да, не въ Верху-же (во дворцѣ) онъ... Такъ, долго, чай, не позадержится. А я подожду. Дѣло больно спѣшное, не терпится слышь... — вылѣзая уже изъ саней, рѣшительно заявилъ Толстой. И тутъ-же, словно мимоходомъ, спросилъ:

— А не сказывалъ самъ: гдѣ побываетъ? Гляди, ко Ртищевымъ, али къ Долгорукому со Черкасскими князьями, либонь къ Одоевскимъ везти себя наказывалъ, выѣзжаячи... Не слыхалъ-ли, парень?

— Сдается, што и такъ, бояринъ... Не упомяну. При выѣздѣ господина не былъ самъ, по домашнему занимался,—уклончиво отвѣтилъ дворецкій, зная, что особой дружбы между Матвѣевымъ и Толстымъ не было.

Когда дворецкій ввелъ гостя въ покои, Евдокія Матвѣева, выполняя долгъ хозяйки по европейскому, а не по московскому обычаю,—явилась сюда-же.

— Выпить, закусить чеве не изволишь-ли? — послѣ первыхъ привѣтствій предложила она, указывая на поднось съ медами, винами и разными сластями, принесенный за нею и поставленный на сосѣдній столъ.

— Выпью медку, горло промочу. Хозяйка проситъ—неможно отказать. Только, по нашему свычаю, милости про-

шу и самой пригубить малость для пущей ласки и охоты.

— Я ничего не пью. Прошу милости, бояринъ, не обезсудь...

— Инъ, будь по твоему... Много лѣтъ здравствовать хозяйшкѣ со всѣми чадами и домочадцами... Пошли Боже щедроты свои на домъ сей и на всѣхъ, хто въ емъ...

Съ поклономъ осушивъ кубокъ, Толстой пожевалъ пряника. Наступило молчаніе.

— Морозъ нонѣ силенъ,—заговорилъ гость, желая помочь хозяйкѣ въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ заговаривать первой, даже съ гостемъ—женщинѣ не полагается.

— Да. Холодно. Не даромъ у васъ говорятъ: что подъ конецъ морозъ, то злѣе. Скоро и теплѣть пора. А морозы да вьюги не стихаютъ.

— Въ сей часъ—оно ничаво. Притихло. А съ утра—и дую сивѣрко было. Кабы „самъ“ у тебя не зазябъ больно, коли много разъѣзжать доведется...

— Ну, того я не опасаюсь. На войнѣ да въ походахъ, гляди, мой Артамонъ Матвѣвичъ и не таку стужу видѣлъ.. Богъ дастъ, ничево...

Опять настало молчаніе.

— Сынокъ-то какъ, Андрюшенька вашъ,—началъ было снова Толстой, но остановился, слышавъ шумъ и движеніе за окнами во дворѣ. Кто-то въѣхалъ во дворъ.

— Ну, вотъ, — перебилъ самъ себя гость,—видно и самъ... Недолго ждать пришлось.

Онъ угадалъ. Не прошло трехъ минутъ, какъ вошелъ поспѣшно Матвѣвъ, предупрежденный слугой о томъ, кто его ждетъ.

— Не взыщи, Петръ Андреевичъ, што съ хозяйкой моей поскучалъ малость. Зналъ-бы, вернулся бы скорѣе.

Самъ виновать, што не упредилъ,—сталъ говорить хозяинъ Толстому.

Тотъ только руками замахалъ.

— И, што ты, милостивецъ, што ты, государь мой, Артамонъ, свѣтъ Матвѣвичъ... И любо тутъ было ждати, и мило тебя видати. А не упредилъ,—не моя вина. Дѣло важное, спѣшно приключилося... Только вотъ сейчасъ. Не поизволишь-ли потолковать съ тобою малость, господине?

— Идемъ, идемъ ко мнѣ въ покойчикъ... Тамъ никто не помѣшаетъ. Видно, што важное, коли ты?..

— Да ужъ такое... — на ходу, откланявшись хозяйкѣ и слѣдуя за Матвѣвымъ, быстро заговорилъ Толстой: — сказать надоть вотъ-вотъ скоренько, чтобы часу не упустить. Не, кое часу. И мигу невозможно проягать, кабы горя не вышло великаво...

— Што-жъ, толкуй, бояринъ. Видишь: одни мы. Никто не слышитъ, не помѣшаетъ. Безо всякой опаски можешь...

— Ну, гдѣ же безъ опаски. Дѣло, слышь, тако... Да, постой, государь мой... Перво на перво, повѣдай мнѣ на чистоту: другомъ али недругомъ считаешь ты себѣ Петра Андреича Толставо?.. Говори, государь мой, не таючись. Лучше прямо-то... Пра слово...

— Да я и при иномъ при комъ не лукавилъ николи. И тебѣ скажу: такъ оно .. Ни то, ни другое. Я тебѣ — чужой и ты мнѣ не близкой... Вотъ дума моя...

— Мда, оно и быть иначе не могло. Велика-ли нужда Матвѣву до Петрушки Андреева?—съ хорошо-разыгранной грустной обидой проговорилъ Толстой...

— Ну, инъ, слышь, государь ты мой милостивый, дозволь тебѣ словно-бы притчу одну повѣдать. Такъ, може, лучше мы до дѣла дойдемъ.

— Изволь, говори, коли часъ есть. Я полагалъ: въ таку пору ты за чѣмъ поважнѣе... А притча, — такъ и

притчу послушаю... А тамъ, не взыщи, проститься часъ буде. Въ Верхъ я нынче звать на ночь... Царица присылала... Такъ ужъ...

— Не задержу, небось... Коротенька притча моя... Слышь, два матерыхъ бирюка драчу завели. Очи — кровью налилися, когтями—землю роютъ... Шерсть—дыбомъ. Хто либонь-ково либонь да слопаеть... А промежъ нихъ—невеличка букашка прилучилася. Пока штъ,—ее и вовсе подъ ногтемъ любой бирюкъ размножить. И ухитрись она, скокъ на загривокъ одному, первому попавшему...

— Ровно блоха...

— Блоха?.. Ты такъ говоришь, хозяинъ ласковый?.. Инъ, и то пускай. И блоха—не плоха, коли въ чести живеть... И сѣла межъ ушами у бирюка. Што оба тамъ ни творять—букашка-то моя и видитъ. Ино, — и ей только-только не попадетъ. Да она увертлива.. И видитъ на одномъ бойцѣ сидючи: кому изъ двухъ скорѣе поколѣтъ... А помимо того, не сиди она поверху,—ей бы въ пыли растертой быть...

— Такъ, вижу умна твоя... букашка... Да — мнѣ то што?..

— Слушай!.. все скажу... Ино она видитъ, што ей самой не по сердцу. Помѣхой она быть не можетъ. Молвить громко-боится... У ково на гривѣ сидишь, тому и пѣсни пой... Извѣстно... А все же, не терпитъ сердце... Сказать надоть... Вотъ, зачѣмъ и пришелъ я. Кѣмъ хошь, считай меня... Надо же мнѣ свою шкуру беронить...

— Ежели къ сильнымъ не пристать,—такъ и квашни не поверстать... А все-же тобѣ нѣчто повѣдаю... Присягу я давалъ: не выдавать бы ково... Дѣла не открывать... Я и не открою, слышь, ничево... Одно скажу: постерегу малость...

— Ково остережешь то?.. Говори прямо, не путай, брось свѣю замашку, бояринъ.

— У кажнаво-своя, Артамонъ Матвѣичъ. Ты, гляди, кода либонъ и спасибо мнѣ за мою скажешь. Ну, слушай: вотъ, были вы анамнясь съ лекаремъ, съ Ромодановскимъ да съ царицей при царѣ при недужномъ... И лекаря вонъ высылали... И о чемъ-то съ царемъ толковали... И все то недругамъ твоимъ и царицы вѣдомо... И кода вы снова къ царю собираетесь, и какъ къ ему Петра — царевича вести замыслили... И все иное... Такъ, вотъ, остережись, Артамонъ Матвѣичъ... Слышь, про ны дѣла попомни... Не подъ охраной, почитай крадкомъ поведете малое дитя... Такъ, кабы на мѣсто трона—во Угличѣ не очутился царевичъ... Али — и похуже... Самъ знаешь, каки не люди на свѣтѣ живутъ, што имъ ничево не страшно, не соромно... За корысть — отца роднова зарѣжутъ, не то... Ну, я больше сказать ничево не воленъ, какъ присягу давалъ... Хе-хе-хе. Слышь, нонѣ бирюки и отъ блохъ — присягу брать стали... Вонъ каки времена пришли... Ну, вотъ и все... Не буду болѣ времени брать... Тебѣ слышь, въ Кремь пора, коли званъ... Прощенья прошу... Не пеминай лихомъ... Пусть я и какой — никакой по мыслямъ по твоимъ, Артамонъ Матвѣичъ... Да, одно вѣрь: не аспидъ я, не кровопійца, чтобы дозволить безневинную кровь проливать... Вотъ... А тамъ, какъ хочешь суди... Прощай, хозяинъ ласковый... Поскачу къ бирюкамъ своимъ... И не придется мнѣ того схватить, на чемъ они не поладили... Богъ ихъ знаетъ: хто правъ... Кусокъ, видно, сладкій... А я только младенческу душу сберечи хочу... Вотъ... Прощай...

И въ сопровожденіи хозяина гость пошелъ къ дверямъ.

Матвѣевъ былъ сильно взволнованъ всѣмъ, что сказалъ Толстой. Ему очень хотѣлось еще потолковать съ хитрымъ гостемъ. Но какъ разъ въ эту минуту стѣнные часы стали звонко, протяжно выбивать ударъ за ударомъ и Матвѣевъ словно вздрогнулъ отъ ихъ звука, не сталъ задавать Толстому

больше никакихъ вопросовъ, не удерживая его, простился и почти неучтиво поспѣшилъ выпроводить на крыльцо, приказавъ людямъ, чтобы подавали сани гостю.

— Торопиться, хозяинъ ласковый... Разумѣю, вижу... И немножко иначе: званъ, слышь къ Верху... Царь али тамъ царица зоветъ... А, все же, помни и про Угличъ... и про Битяговскаго со присными... Всево бываетъ... Не возьму я на душу грѣха... Ничего я тебѣ не сказалъ, никово не назвалъ... А остерегъ. Што бъ не остеречь — не давалъ я присяги... Душа моя чиста... Спаси Богъ... Прощай, хозяинъ ласковый. Поскачемъ далѣй... Хе-хе-хе... Прости...

Не успѣли сани Толстаго отѣхать и 50 шаговъ отъ воротъ Матвѣева, — ему на встрѣчу прокатилъ большой возокъ, провожаемый тремя-четырьмя челядинцами въ простыхъ чекменахъ. Но по лошадямъ и по возку — Толстой узналъ выѣздъ князя Ромодановскаго.

Повернувъ съ площади въ проулокъ, куда было надо, Толстой остановилъ свои сани, подозвалъ одного изъ провожавшихъ его челядинцевъ и негромко приказалъ:

— Слышь, Петька, слѣзай съ коня, пусть Митроша въ поводу ведетъ... Ты выѣзда боярскіе добре знаешь... Хто намъ встрѣлся вотъ за поворотомъ?

— Никакъ сани да кони князя Григорья Григорьича...

— Вотъ, вотъ. Въ гости онъ ѣдетъ туда, гдѣ и мы были. И охота мнѣ знать: ково нынѣ подзывалъ на вечерокъ Матвѣевъ... Такъ — походи околь усадьбы, только не близко, не узрили-бъ тебя... Да примѣчай: чьи люди да кони въѣзжать во дворъ будутъ... Какъ увидишь, что болѣе не ѣдутъ, — домой поспѣшай, мнѣ доложи. Все ладненько спроворишь — два алтына получишь, не сумѣешь — въ батоги поставлю... Слышь?..

— Вотъ какъ все промыслимъ, бояринъ-батюшко... Хошь впередъ деньгу отсыпай...

— Ну, гляди... Што-ни што, да всыплю... Живо...

Парень отдалъ коня товарищу и вернулся назадъ. Толстой поѣхалъ дальше, убаюкиваемый звяканьемъ наборной сбруи на коняхъ, скрипомъ снѣга подъ полозьями... Онъ полузакрылъ глаза, словно бы ему рѣзалъ глаза отблескъ лучей полной луны на бѣлоснѣжномъ настѣ дороги, еще не заѣзжанной, нетронутой почти послѣ недавней метели...

Не то дремалъ, не то думалъ о чемъ-то онъ все время, пока сани не подъѣхали къ воротамъ его небольшой усадьбы.

Часа черезъ два появился и Петька.

— И народу-же наѣхало къ Артамонычу,—вертя головой, таинственно сообщилъ парень.—Слышь, бояринъ,—я—ровно бы пьяный прикинулся... Все тамо маячилъ... Ровно бы съ чьево сусѣдскаво двора кабальный... Вотъ—и вызналъ все, со всѣми почитай конюхами и толковалъ... Хто—незнакомые... А какъ вижу, што знакомый парень,—я и рыло скошу... И...

— Ну, ладно. Сказывай, хто да хто тамо есть?... А свое—послѣ...

— Ково нѣтъ, легче сказать... Слышь: князь Григорья Григорыча повстрѣчали мы. Съ сыномъ пріѣхалъ. Да оба князья Одоевскіе, Никита Иванычъ съ Яковомъ съ Никитычемъ... Языковъ, Иванъ Максимовъ, да Ртищевъ Михайло, не то—Семень... Нѣ, Михайло... да Черкасскіе оба князи: Михайлы обое... Урусовъ Петра, князь... слышь, да Долгорукіе братаны... Оба Федорыча... да... Стой, вотъ, ровно и не всѣ... Подожди, бояринъ, припомню...

— Изъ Голицыныхъ хто былъ-ли?—желая помочь парню, спросилъ Толстой.

— Былъ, былъ... Какъ-же... Князь Борисъ былъ... И Василій... Не... Василья не было... Да, еще...: экъ ево...

— Лихачевъ, кравчій... Можетъ видѣлъ...

— Былъ, былъ и онъ... Да и поважнѣе... Вонъ, энтотъ, сѣдой такой, рожа-красная, ровно бы пожаръ на ей занялся... Борода копной висить...

— Князь Репнинъ Иванъ...

— Енъ, енъ самый... Вотъ какъ ты потрафилъ, бояринъ... Вотъ, почитай, и всѣ... Али, правду молвить, може и еще трое-четверо, да все народъ не такой значной, вонъ, какъ тѣ, што сказывалъ тебѣ... Ужъ, какъ милость твоя, отецъ ты нашъ... Чѣмъ пожаловать повелишь...

И парень добилъ челомъ.

— Ну, хоша ты, видно, тамъ успѣлъ хватить, по пути... Поди, половину и запамятовалъ, ково видѣлъ...

— Ни-ни... Побей меня Крестъ Святой... Разрази меня Владычица-Троеручица... Да лопни мои глаза, расколись моя утроба... Всѣхъ попомнилъ... Хошь самъ поѣзжай, погляди, бояринъ...

— Ну, буде вздоръ молоть... И не слѣдъ бы... Да ужъ обѣщано... На вотъ, ступай, пропивай... Да, гляди, утромъ— на работѣ исправно быть...

Онъ кинулъ пятаки парню. Тотъ на лету подхватилъ ихъ, стукнулъ въ полъ челомъ и радостно вышелъ изъ покоя, бормоча:

— Ну, вѣстимо, стану ровно листь передъ травой... Во всякъ часъ на дѣлѣ...

Парень не обманулъ Толстого. Если много народу собралось къ Хитрову, замышляя гибель Нарышкиныхъ, еще больше значительныхъ бояръ и князей собралось на совѣтъ къ Матвѣеву, такъ какъ на другой день рѣшено было идти къ больному царю, просить отъ него окончательныхъ распоряженій на счетъ наслѣдника.

И долго, за полночь были освѣщены окна двухъ-трехъ покоевъ Матвѣевского дома. Долго судили да рядили всѣ: какъ теперь быть?

Интрига „Хитровцевъ“ помимо лукавыхъ полупризнаній Толстого, едѣланныхъ Артамону, была извѣстна многимъ.

Когда же Матвѣевъ разсказалъ о посѣщеніи Толстого, о всемъ, что ему говорилъ этотъ лукавецъ, мнѣнія раздѣлились.

— Не на нашу-ль сторону взаправду переметнуться замыслилъ Петрушка-Шарпенюкъ... Воровать, да трусливъ, ровно кошка парень, хоша и смышленъ,—задумчиво проговорилъ старикъ Одоевскій.—Досада, Артамонычъ, што не потолковалъ ты съ имъ подолѣй. Може, и сторговались бы. Енъ—пригодный человѣкъ для всево...

— Пустое. Онъ за своимъ дядей, за Подорваннымъ *) руку тянетъ. Все повызнять приходилъ, не иначе... Лукавая бестія. Предатель вѣдомый. Можно-ль на ево слова вѣру класть? — отозвался хриплымъ, басистымъ голосомъ князь Иванъ Куракинъ, поддержанный и Репнинымъ.

— А, и то подумайте, бояре,—пѣвуче, съ нерусскимъ говоромъ замѣтилъ одинъ изъ князей Черкасскихъ Михайло Алёгуковичъ:—може, напужать насъ замыслилъ... Не водили-бы царевича къ отцу, только имъ и надо. Они со своимъ Федоромъ, съ хворымъ и повершатъ все на просторѣ, у царя, у немочнаго...

Своимъ, привычнымъ къ азіатскимъ придворнымъ интригамъ, умомъ—старикъ князь безотчетно угадалъ хитрость враговъ.

Но его не послушали.

— Пужать!.. Насъ?.. Дураковъ нашель, тоже, Шарпенюкъ... Нѣ. Умень больно парень, штобы дѣтски таки штуковины вымыслить... Онъ за дѣломъ приходилъ, не зря... Не станетъ такой хитряга шутики шутить,—въ одинъ голосъ отозвались бояре.

*) Прозвище Ивана Милославскаго.

— Семеро скажутъ: пьянъ, такъ и тверезый спать ложись,—покачивая своей большой, кудлатой головой, пробурчалъ Черкасскій и умолкъ.

Тогда заговорилъ мягко, осторожно, молчавшій до сихъ поръ, кравчій Лихачевъ, потирая полныя, мягкія свои ладони одна о другую:

— А, такъ скажемъ, бояре... И то сказать, не нынче, не завтра еще помираетъ царь нашъ, батюшка Алексѣй Михайловичъ... Да подастъ ему Господь здравія и силъ на многія лѣта!

— Аминь! Воистину. — Подай Господи! На многія лѣта,—какъ-то безотчетно, по привычкѣ всѣ сразу проговорили, собесѣдники.

— Такъ, малость пообождемъ... А то, — продолжалъ Лихачевъ,—Даниловичъ пущай у отца поспрашиваетъ толкомъ: чево надо ждать,—поворачивая голову къ молодому столынику, Михайлу Даниловичу, сыну врача Данила Гадена, также призванному на общій совѣтъ.—Сыну, чай не потаить, скажетъ отецъ правду, когда надо ждать преславной кончины нашево государя и милостивца?.. Посля—и за дѣло можно. Вонъ, сила насъ какая...—оглядывая все собраніе, самодовольно кивнулъ головой умный бояринъ.—Помимо насъ коли што и наладятъ „Хитровцы“ съ „Подорванцами“, съ Милославскими, гляди, мы и разладить сумѣемъ... За ими—рать-сила стрѣleckая, и то не вся. За нами—воины преславные. Охрана самая ближняя царя. Иноземскіе отряды, хотя числомъ и менѣй московскихъ полковъ, да одинъ—пятерыхъ стоитъ и по сноровкѣ, и по снаряженію. Чево-же загодя, ничево не видя—трусу праздновати... Пождемъ. Тамъ и увидимъ: какъ дѣло повернется. Наше—отъ насъ не уйдетъ.

— Еще ждать-то? Мало ждали. Надо было давно дѣло совершить. Пока еще здоровъ былъ государь, пока слушалъ

тѣхъ людей, кои ему добра радѣли... А теперь ждать — недругамъ въ руку играть, — горячо заговорилъ молодой князь Василій Голицынъ.

Какъ сотникъ выборной сотни и стоящій въ сторонѣ отъ происковъ Хитрово, онъ былъ тоже приглашенъ Матвѣевымъ.

— Слышь, не што злое мы умышляемъ: приказалъ бы царь сыну старшему: ради слабости Федора и непрочнаго здравія, нонѣ же объявить и молодшаго, Петра царевича, вторымъ по себѣ государемъ-наслѣдникомъ... Для земли же мы все свое дѣло удумали. Ей на благо. Чево-же тянуть и мѣшкать? Сказать государю. А онъ уже прикажетъ...

— Такъ, такъ, князь Василь Василичъ... Да, слышь, душа твоя прямая... Не знаешь ты всѣхъ путей дворскихъ: Мы-то съ чистой душой, да на насъ много черноты нанесено, много налгано. Все своимъ чередомъ надо. Вонъ слухъ ужъ есть: народъ задумали поднять Хитрые да Милославскіе... Со стрѣльцами и прямо, не кроючись, петли кружать... Скажетъ царь... А онъ на ложѣ скорбномъ. Слово ево посполнить намъ придется. Такъ, надо раннѣй все наладить да порасчестъ... Я тоже стою за слова, што, вонъ, Алексѣй Тимофѣевичъ сказывалъ, — обратясь къ Лихачеву, сказалъ наконецъ Матвѣевъ, раньше предоставлявшій слово гостямъ.

— Дѣло земское, великое! Истинно твое слово, княже. Такъ и спѣшить не слѣдъ. Съ нами Богъ. Знаешь. А поспѣшишь, ино и людей посмѣшишь... Пускай наши вороги въ зачинщикахъ будутъ на плохое... На нихъ и Господь встанетъ.

— А иное сказать: гостямъ позднимъ—кости глотать, какъ латиняне пишутъ... Ну, да коли мое не въ ладъ, я съ имъ и назадъ... Дѣлайте, какъ всѣ надумаете...

И пылкій, самолюбивый, юный князь Василій сталъ уже почти безучастно прислушиваться къ общимъ рѣчамъ.

Стали толковать о женитьбѣ молодого царевича. Намѣтитъ ему сразу невѣсту никто не рѣшался, чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ въ желаніи пробраться впередъ. Но назвали цѣлый рядъ подходящихъ именъ. Толковали о томъ, кому изъ присутствующихъ со своими друзьями придется взять на себя бремя нѣкоторыхъ должностей, если удастся свергнуть Хитрыхъ съ Милославскими и окончательно лишить ихъ выгодныхъ должностей и почета.

Тутъ, еще ничего не видя, многіе стали огрызаться другъ на друга, отпугивая отъ лакомыхъ кусковъ.

— И, бояре, што намъ шкуру дѣлать, медвѣдя не сваливши,—во-время вмѣшался Артамонъ Сергѣичъ: —хватитъ мѣстовъ и кусковъ на всѣхъ... Еще и останется. Велико дѣло земское. Однихъ воеводствъ хорошихъ сколько, не скажу ужъ про всѣ Приказы да про дворовое дѣло... И здѣсь всѣ размѣстимся... Свалить раннѣй врага надобно... А покуда къ столамъ прошу милости, перекусить, чѣмъ Богъ послалъ.

Сѣли за ужинъ. Но и здѣсь, то кучками, то всѣ вмѣстѣ, вели разговоръ про то новое, что должно настать, едва смежить глаза на вѣки старый больной государь и займетъ престолъ новый, а то и два царя молодыхъ.

— Вдвоемъ бы ихъ, чево лучше,—предложилъ Матвѣй Апраксинъ.—При каждомъ царѣ—свой дворъ. Почету болѣй. И дѣла бы вершились лучше, не въ одной рукѣ. Што одинъ царь упуститъ, то другой, либонъ совѣтники ево доглядятъ... И царицѣ-матушкѣ, Натальѣ Кирилловнѣ, аки правительницѣ при малолѣтнемъ сынѣ, мѣсто буде пристойное...

— Што жъ бы?.. И такъ бы не плохо,—подхватили голоса.

— Ну, ладно... Все обсудимъ, обо всемъ померекаемъ. Раннѣй знать надо: што Богъ дастъ... Сказано: повыждать

надо; што же впередъ заглядывать?—возразили болѣе осторожные, пожилые бояре.

Очевидно, у главарей все было рѣшено заранѣе и обдумано. А на такомъ большомъ собраніи, гдѣ не во всѣхъ были увѣрены, гдѣ надо было только намѣтить сочувствующихъ, подробно толковать о дѣлѣ не желалъ никто.

И, все-таки, за полночь затянулась бесѣда и трапеза у Матвѣева.

Но кромѣ Матвѣева и Богдана Хитрово, во многихъ еще домахъ, въ Бѣломъ Городѣ, въ Китай-городу и въ самомъ Кремлѣ въ эти дни собирались люди разныхъ сословій, имѣющіе власть, или отношеніе къ царству, и судили о томъ, какъ быть, чего ждать, какъ поступать, если умретъ больной царь.

У самого Патріарха съ ближними къ нему людьми о томъ же толки шли. Все почти доносилось ко владыкѣ, что на Москвѣ творится. Онъ выслушивалъ, покачивая своей сѣдой головой и повторялъ:

— Да буди воля Божья. Какъ Онъ сотворить, такъ и добро будетъ... Онъ—старый Хозяинъ земли русской... Ево святая воля. А намъ уповать подобаетъ...

ГЛАВА VIII.

Смерть тишайшаго царя.

Наступило утро 29 января 1676 года.

До зари Матвѣевъ уже во дворцѣ, на Верху появился, вызвалъ царицу, которая ни день, ни ночь не покидала больного мужа.

Потолковавъ немного съ нею и съ врачомъ, онъ тихо вошелъ въ опочивальню царя, слабо озаряемую ночникомъ. Занавѣси на окнахъ и на дверяхъ были спущены.

Огнемъ пылалъ Алексій, лежа въ полузабытии. Но Гадень успокаивалъ жену и друга, невнятно шепча имъ:

— Ну, и што жъ такое, што жаръ? Такая ужъ это хворь. Развѣ бываетъ какая-либо простудная немочь и безъ жару? Ну, скажите мнѣ? Не бываетъ, конечно! И не надо плакать. Все, Богъ дастъ, пройдетъ. Вотъ, проснется государь, я ему дамъ питье одно хорошее... Онъ и совсѣмъ успокоится... Развѣ жъ я первый день лечу государя, ага?..

— Ладно, може и правду ты говоришь,—со вздохомъ отозвался Матвѣевъ.

— Господи, спаси, исцѣли государя, — шептала Наталья:—Всѣхъ бѣдныхъ на Москвѣ одѣлю, вклады великіе сотворю на храмы, на обители... Боже, дай милости... Исцѣли болящаго... Съ колѣнъ не подымаясь, всѣ святыни обойду... Господи, самое дорогое, што есть, отдамъ на престоль Твой... Помоги ему, Господи...

Сохли у нея отъ волненія губы и лепетъ затихалъ, только глаза не отрывались отъ иконъ.

Такъ, передъ ними, прислонясь головой къ скамьѣ, не поднявшись съ колѣнъ, и задремала Наталья.

Матвѣевъ и врачъ не стали ее тревожить.

Врачъ ушелъ готовить свое питье. Матвѣевъ, выславъ очереднаго спальника, чтобы и тому дать передышку отъ ночного дежурства, откинулся головой на спинку кресла, въ которомъ сидѣлъ, и противъ воли, скоро задремалъ, но тревожнымъ, чуткимъ сномъ.

Такъ въ тишинѣ прошло около часу, или двухъ...

За окнами стало свѣтать. Но сюда не проходили лучи разсвѣта. Окна были плотно занавѣшаны и закрыты.

— Пи-ить, — вдругъ прозвучало едва слышно изъ того конца покоя, гдѣ стояло ложе царя.

Наталья и Матвѣевъ сразу очутились на ногахъ и быстро подошли къ больному.

— Што изволилъ сказать, государь?..

— Легше ли тебѣ, родимый мой, свѣтикъ?.. Чево желаешь, скажи?..

Оба эти вопроса прозвучали въ одинъ разъ.

Узнавъ жену и Артамона, Алексій сдѣлалъ слабую попытку улыбнуться имъ обоимъ.

— Со мной... вы... тутъ... Добро... Пи-ть...

— Пить государю. А я жъ несу, вотъ, въ самый разъ, — раздался голосъ Гадена, словно сторожившаго за дверью этой минуты.

Бережно держа въ рукахъ причудливый флаконъ венеціанской работы, наполненный питьемъ, онъ подошелъ къ столику у постели больного, взялъ небольшой кубокъ, налилъ въ него питья, отлилъ изъ кубка себѣ на ладонь, такъ что видѣли всѣ, и Наталья съ Матвѣевымъ, и спальникъ, вошедшій вмѣстѣ съ врачомъ.

Эту пробу изъ ладони Гадень проглотилъ въ доказательство, что питье не ядовито и въ немъ нѣтъ „наговора“...

Матвѣевъ принялъ кубокъ, подалъ его Алексѣю. Видя, что больному трудно держать въ рукахъ что-нибудь, онъ поднесъ питье къ губамъ царя, которому Наталья поддерживала голову.

Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, Алексѣй оторвался отъ краевъ кубка и снова опустилъ головой на подушки.

Матвѣевъ вылилъ остатки питья себѣ на ладонь и также, чтобы всѣ видѣли, выпилъ ихъ.

Наступило полное молчаніе. Только хрипло, тяжело дышалъ больной, полузакрывши глаза.

Черезъ нѣсколько минутъ питье, очевидно, стало дѣйствовать.

Мертвенно-блѣдное, землистаго какого-то оттѣнка, лицо Алексѣя немного оживилось, словно бы кровь заиграла подъ сухой, воспаленной кожей.

Онъ провелъ языкомъ по запекшимся губамъ и увлажнилъ ихъ немного. Дыханіе стало ровнѣе, не такъ хрипло и тяжело.

— Спаси ты Боже, Данилко... Знаешь ты... свое дѣло... Ишь, съ разу съ одинаво, легче мнѣ стало... Охъ, и отъ груди отвалило... А я ужъ мыслилъ: конецъ... Ништо... Всѣмъ — свой чередъ... Видно, и мнѣ... Полно, Наташа... Помни о сынѣ. . Не убивайся такъ... Подъ сяды... И вы... Сонъ я нынче какой видѣлъ... Вотъ, Данилко... Ты все знаешь... Растолкуй...

Онъ замолкъ, чтобы передохнуть послѣ долгой рѣчи.

Царица и всѣ, бывшіе въ спальнѣ, окружили кровать.

Наталья присѣла на самое лѣже, въ ногахъ царя.

Голова больного лежала на высоко-взбитой подушкѣ, и онъ заговорилъ медленно, но внятно, безъ особаго напряженія:

— Не с проста тотъ сонъ. Вѣщій. Вотъ и по сей часъ передъ очами все стоитъ, што во сняхъ привидѣлося... На площади, вотъ, я стою. Не то меня родитель покойный, не то я самъ Федю нарекаю, вотъ, какъ годъ назадъ оно было... Иду я въ облаченіи царскомъ, въ бармахъ, въ вѣнцѣ Мономашьемъ... Бояре, дума кругомъ, народъ... Черно по всей кремлевской площади отъ народу... А подъ ногами у меня—не то ковры и дорожки бархатныя разостланы, не то живые цвѣты цвѣтутъ... Отъ духу ихняво—голова кружится. Иду и думаю: вотъ, сыну царство сдамъ, самъ на охоту поѣду. И, словно бы новогодье, осень такая ясная... *) День—красный. Самая охочая пора... И на полъ пути покинулъ я тово, съ кѣмъ былъ, самъ словно на коня всѣлъ. Соколь у меня, мой Забой удалой, на рукавицѣ...

Алексѣй, вспомнивъ о любимой своей соколиной охотѣ, еще больше оживился.

Даже глаза, блестѣвшіе до тѣхъ поръ тусклымъ свѣтомъ, загорѣлись живѣе.

— И, вотъ, скачу я ужъ съ нимъ по полю, вдоль Москвы-рѣки. Мѣсто—знакомое.. Ловы—богатые... Взмыла цапля. За ней взмылъ мой Забой... Она отъ ево, на угонки... Куды... Грудью бьетъ ее соколь... Глядь, а изъ цапли коршунъ матерой оборотился, не то иная птица злобная, и ну Забоя рвать... Не стерпѣло мое сердце... Я съ коня въ высь рвуся, словно бы самъ туды кинулся на _помочь... И чудо явилоса...

— Чудо, невольно повторила Наталья, захваченная словами мужа.

— Ну, вѣстимо, какъ во снѣ бывастъ... Легкой я сталъ... Въ высь, вотъ, словно птица, лечу.

*) До Петра Новогодье справлялось 1 сентября.

— А ужъ ни сокола, ни верога ево нѣту... Чистая высь... И я, какъ на крылахъ несуся. И глянулъ сверху туды, гдѣ площадь, гдѣ нареканье пло... Вижу... такъ вотъ, ровно васъ: не одинъ тамо царевичъ... Много ихъ... Всѣ одинъ на друга не походятъ... Только всѣ въ нарядѣ царскомъ въ нашемъ родовомъ... Цѣпью золотой всю площадь перерѣзали, изъ Кремля, съ Верховъ въ Архангельскій Соборъ такъ и идутъ... такъ и идутъ...

— И народу черно кругомъ. Ужъ и площадь залило... До Москвы-рѣки народъ... За Москву... Куды не глянь, безъ конца народъ... Шапками машутъ, славу кричатъ... Ровно рокотъ, али дальній громъ тѣ клики ко мнѣ, въ высь-то доносятся...

Алексѣй остановился передохнуть...

— Какой дивный сонъ,—негромко отозвался Матвѣевъ.

— Стой, не все еще... Гляжу я, самъ—вотъ словно стою въ воздухѣ. И не оглядываюсь я, а чую, стоитъ еще нѣкто у меня за плечомъ... Да не одинъ, а много ихъ. Тянетъ меня оглянуться и боязно. Ровно што страшное тамъ, чево краше и не видѣть. И што-бы не томить себя, я ужъ собрался внизъ, къ землѣ ринутися... Снова туды. А, слышу, ровно-бы родителя покойнаго голосъ:— „Алеша, чево робѣешь? Оглянися. Мы здѣсь“...

— Глянулъ я, и впрямь, батюшка стоитъ. Да не одинъ... И Иванъ Василичъ царь тутъ съ сыномъ Федоромъ... И, Василь Ивановичъ... И всѣ иные, хто на Москвѣ да на Руси правилъ... Володимеръ - князь... И Ольга... Всѣ Рюриковичи. И самъ онъ тутъ. Высокой, хмурой, усы свои гладить... И сызнава говоритъ мнѣ батюшка: — „Слышь, Алеша, собралися мы встрѣчати тебя... А раннѣй ты все же къ имъ, туды вернешься. Къ роду нашему. Такъ скажи: лучше бы землей володѣли. Отъ насъ брали бы все, что получче. Намъ ужъ нашихъ грѣховъ не поправить. Они

бы хоша замолили все... Ступай съ Господомъ, да ворочайся поживѣй“...

— Сказалъ, и ровно крестомъ оѣнилъ меня. Я разомъ единымъ книзу, ровно камень палъ. Духъ заняло. Крикнуть хочу—не могу... Лечу, вотъ-вотъ разобьюся о землю... А голосу крикнуть нѣту. Тутъ я и прокинулся... Вотъ сонъ мой какой нынче...

И, очевидно, совсѣмъ утомленный порывомъ, больной оѣлъ въ подушкахъ, призакрылъ глаза, замолкъ.

— Дивный сонъ, — первый нарушая жуткое молчаніе, отозвался Матвѣевъ.

— Ну, и може государь великій мыслить, што то лихой сонъ. Та, нѣтъ. То добрый сонъ,—заговорилъ Гадень, на котораго поднялъ Алексѣй вопрошающій взглядъ. — Коли летаетъ хто во снѣ, значно крѣпкій сонъ, къ здоровью сонъ твой... Вотъ перво дѣло. Другое—надо правду молвить: вѣщій царскій сонъ тотъ, государь. Потомство свое царь видѣлъ... И все—въ царскихъ-же одеждахъ... Вотъ какой хорошій сонъ... Да посбылся бы онъ, пусть дастъ Господь... И государю еще много лѣтъ жить и на царствѣ сидѣти... Вотъ моя дума какая, государь, про той сонъ...

— Аминь, Данилушка, — съ просвѣтленнымъ лицомъ произнесла Наталья. Увѣренный тонъ врача, его толкованіе сна вернули бодрость и надежду измученной женщинѣ.

Заразили они вѣрой, очевидно, и самого больного, и Матвѣева.

— Аминь, аминь,—повторили оба за Натальей...

— Пожить-бы, правда... Молодъ еще Федя. Не жаль мнѣ себя, царства жаль. Много не налажено... Сколь много затѣяно. Гдѣ ему... осилить-ли парень-малолѣтокъ?.. Да и не крѣпокъ онъ у насъ. Господи, Господи... Велика доля царская... Да и бремя не легкое... Пожить-бы еще... Все бы лучше...—словно про себя проговорилъ Алексѣй.

— И поживетъ государь. Еще долго поживетъ на свѣтѣ, еще и насъ переживетъ. Што бы я самъ такъ жилъ, — увѣренно подтвердилъ Гадень. — Только берегти себя надо. Силы собирать... Морбусу тогда не одолѣть государя. Онъ одолѣетъ всяку хворь... Пусть я такъ буду счастливый... Отдыхать надо теперь государю. Рѣчей не держать долгихъ... Теперь, послѣ моего питья, если сызнова въ сонъ ударить ево, ужъ не будетъ такихъ сновъ. Спокойно заснетъ, мой царь милосливый... Покой надо ему.

— Ужъ, слышимъ, слышимъ, — съ невольной досадой заговорила Наталья. — Нешто мы станемъ мѣшать?.. Я, слышь, Алеша: помолиться выду... И, впрямь, коли полегше тебѣ, соколикъ, надо Господу хвалу воздать... Молить ево стану, што-бы...

Она не сказала. И, видимо, дѣлала усилія, чтобы не дать волю слезамъ, внезапно подступившимъ къ горлу.

— Иди, поплачь, помолися... Вѣстимо, у васъ, у бабья и радость, и печаль, все слезами выходитъ.. Помолися... Дары раздай. Ужъ я знаю тебя, богомольницу... Скажи тамо, Артамонъ, пусть выдадутъ царицѣ изъ моей казны сколько потребно буде ей... Пусть... Иди, милая... Легше мнѣ...

Осторожно склонилась царица къ больному, коснулась губами его плеча, которое выдавалось, исхудалое, острое, изъ-подъ рубахи, коснулась руки, лежащей поверхъ одѣялъ и вышла изъ покоя вмѣстѣ съ Матвѣевымъ.

Ушелъ и Гадень готовить новыя снадобья для больного царя.

Очередной спальникъ, по приказанію больного, раскрылъ „Златоустъ“ и сталъ читать негромкимъ, монотоннымъ голосомъ.

Алексѣй сначала слушалъ, полузакрывъ глаза, потомъ — снова задремалъ.

Спальникъ замѣтилъ это и, постепенно понижая голосъ, пересталъ читать.

Снова глубокая тишина настала въ опочивальнѣ.

На половинѣ царицы жизнь уше шла полнымъ ходомъ. Кипѣла обычная работа въ мастерскихъ и дѣвичьихъ, готовили на поварнѣ и въ людской избѣ. Въ домовой церкви ея, Екатерины Великомученицы что на Сѣняхъ, прошла заутреня и ранняя обѣдня безъ Натальи.

Анна Леонтьевна, Кирило Полуехтовичъ, младшая сестра Натальи, Авдотья, братья: Иванъ, Афанасій, Левъ, ближніе бояре и боярыни ждали царицу съ вѣстями о здоровьи Алексѣя, собравшись въ просторной столовой палатѣ.

Сюда прошла и Наталья.

— Господь милости послалъ,—встрѣчая дочь, проговорила Анна Леонтьевна и подала ей просфору, вынутую за здравіе царя и царицы.

— Легше далъ господь царю государю нашему, — повѣстилъ всѣмъ отъ имени царицы-дочери Кирило Нарышкинъ, выслушавъ нѣсколько словъ отъ Натальи.

— Слава те, Спасу Милостивому!..—Подай Господи!—откликнулись всѣ на эту радостную вѣсть, широко осѣняя себя крестомъ.

— Молитесь о здравіи государя, — сама проговорила Наталья, принимая общіе поклоны.

По приглашенію царицы, отецъ съ матерью, сестра, братья и нѣсколько болѣе близкихъ и родственныхъ боярынъ и бояръ съ дьякомъ Брянчаниновымъ прошли за Натальей во внутреннія покои терема.

Здѣсь царица подробно передала все, что видѣла и слышала у больного мужа.

Сонъ Алексѣя произвелъ впечатлѣніе на наивныхъ, суевѣрныхъ слушателей.

— Помретъ, гляди, помретъ скоро соколъ нашъ,—шам-

кая, рѣшительно заявила старая нянька Натальи, Кузьминшна.

Но Анна Леонтьевна такъ поглядѣла на безтолковую старуху, что та съежилась и отошла подальше въ уголь.

— Вретъ старая. Што она разумѣтъ,—вмѣшался Нарышкинъ, видя какъ сразу омрачилось лицо царицы дочери.— Поживетъ еще съ нами солнышко наше красное... Сама же, доченька, сказываешь: легче ему... И лекарь, вонъ толкуетъ, да не одинъ... Другихъ онъ звалъ... Съ чево помирать свѣту-государю нашему. Не перестарокъ... Не хворый какой.. Оздоровѣтъ. Слышь, и во снѣ покойный родитель молвилъ же царю: „тебѣ еще на земь вернуться надо“... Вотъ, и поживетъ...

— Поживетъ, вѣстимо.. А то — и моя какая жизнь будетъ... И Петруша нашъ... Што мы безъ него? Какъ намъ быть?!—съ глубокой тоской, которую давно таила въ душѣ, проговорила Наталья, горячо прижимая къ груди сына, успѣвшаго взобраться на колѣни къ матери.

Плохо понимая, что творится кругомъ, ребенокъ сталъ ласково гладить мать по волосамъ, по лицу, настойчиво повторяя:

— Мамушка, не плачь. Не дамъ тебя въ обиду. Слышь, мамушка, скажи: хто обидѣлъ. Я тятѣ скажу... Самъ голову срублю... Вотъ... видишь...

И мальчикъ схватился за рукоятку игрушечной сабли, подаренной ему московскими торговыми людьми въ день его ангела.

— Ладно... Зарубишь, вѣстимо. Не плачу я... Поди, играй,—спуская сына съ колѣнъ, сказала Наталья и обратилась къ отцу:

— Слышь, батюшка, пообщала я, коли полегше, буде государю,—самой святыни обойти, а въ иныя—на молебны послать на заздравны... Возьми тамъ казны у боярыни

казначей... Вотъ, и онъ съ тобой... — указала на Брянчина-нинова царица,—тоже пускай ѣдетъ... Къ Николѣ мученику, знаешь, гдѣ бывалъ ужъ, за Яузой.

— На Вшивой Горкѣ,—знамо, къ нему, государыня-доченька... Въ сей часъ поѣду. А еще куды не скажешь-ли?

— Куды?.. Да, много надобно... Всюду надо! Пусть молятъ Господа святые заступники... Вонъ, брата пошли, Ваню —къ чернымъ попамъ, въ Вознесенскую обитель, къ Спасу Нерукотворенному... Скоропомощникъ онъ... Мы тутъ съ матушкой у Онуфрія-Великомученика помолимся, отъ скорой смерти избавителя... Блиско, на Сѣняхъ тутъ... А тамъ и посовѣтуемъ съ матушкой да съ теткой: куды еще... Весь день нынѣ ни пить, ни ѣсть не стану... Буду молить Господа и Матерь Божію и угодниковъ святыхъ... Авось услышатъ молитву мою горячую... Авось... Поѣзжай, батюшко, не трать часу... А Афоня пускай въ Рубцово-Покровское съѣздитъ въ Село, къ Покрову... *) Много мнѣ помощи было отъ той Святыни. А еще ково — ко Спасу на Бору надо спосылать... Ишь, родителя видѣлъ покойнаго государь мой во снѣ... А тамъ и склепъ ихній, родовой, Романовыхъ... Надо за упокой помянуть... Да еще бы въ Китай-городъ къ Николѣ... Да на Арбатъ, къ нему-же, къ Чудотворцу... Нѣтъ, туды сама я... Помолю Явленова-то... Да къ Василию-Блаженному надо-бы, коли поспѣемъ... А къ Троицѣ пѣшкомъ пойду сама... Только бы оздоровѣлъ государь! Да... Ужъ мы тамъ съ матушкой потолкуемъ, посовѣтуемъ... Ёзжай съ Богомъ, батюшка... Братовъ посылай и еще тамъ ково... Казны возьмите... Не жалѣйте... А мы ужъ тутъ...

— Къ Христофору-Песѣя голова надо бы, государыня-

*) Теперь—улица Покровская, старинная вотчина Романовыхъ.

сестрица, — нервнительно замѣтила Авдотья Нарышкина, желая придти на помощь растерявшейся сестрѣ.

— Молчи, егоза, — цыкнула на нее мать: — Нешто государынѣ-царицѣ жениха себѣ вымаливать надо? Энто ужъ ты бѣгай ко Христофору, поклоны бей, въ дѣвкахъ не просидѣть-бы... Безъ тебя разберемъ: што да какъ? Поѣзжай съ Господомъ, старый... Видишь, государынѣ-доченькѣ не терпится. Успокойся, доченька... Мигомъ все поисполнимъ... Услышитъ Господь молитвы наши грѣшныя...

— И то не стою, старая. Ты ужъ сама помолчи, — отозвался Нарышкинъ. — Ну, кумъ, идемъ, — обратился онъ къ Брянчанинову. — И ты, Ваня и Афоня... Ъдемъ... Казны возьмемъ. А коней и не распрягали. Готовы возки стоятъ. Всѣ святыни объѣздимъ... Спокойна будь, государыня моя, доченька, Наташенька милая... Храни тебя Пречистая Матерь...

И низко поклонившись царицѣ дочери, Нарышкинъ вышелъ съ сыновьями и Брянчаниновымъ.

— Да, матушка, въ Ивановску обитель не забыть-бы, да въ Чудовску... Да... Господи, и память отшибаетъ у меня... Хочу сказать — сама не знаю, о чемъ?.. Ровно-бы разума не стааетъ во мнѣ... Ужъ больно я натерпѣлась, да намаялась... При емъ, при Алешѣ, при государѣ — молчу, терплю... Вотъ и не стерпѣть теперя, такъ тяжело мнѣ... Охъ, матушка, ужъ не оставь ты меня... Сестрица, Овдотьюшка...

И снова Наталья залилась слезами.

— Да, буде, Наташенька... Доченька моя... буде... Богъ не безъ милости... Помолимъ Ево Рабамъ послѣднимъ Онъ милости посылаетъ Свои... Неужто-жъ отринетъ твое моленье чистое?.. Слышь, надоть-бы водицы святой да просвирки отъ Псковскихъ чудотворцевъ поднести государю... Куды помогаетъ хорошо ото всѣхъ недуговъ святыня та...

Дѣло ужъ вѣдомое, государыня-доченька, не разъ испытанное...

— Послано ужъ, матушка. Нынче — завтра вернется посланный, привезетъ. Ровно на грѣхъ, нѣту ни воды той, ни просфоры. А бывала всегда... Вонъ, Наташенькѣ недужилось какъ-то, ей и дадено... Помогло... Привезутъ, дамъ государю... Все дамъ... Крови-бы изъ груди изъ моей рада источить ему, помогло-бы только... Господи, Господи!.. Матушка, снаряжать поѣздъ вели... Ъдемъ!..

— Ладно, доченька... Слышь, може—дождалась-бы тебѣ... Сама знаешь: царица днемъ, да безъ государя — словно и не ѣздитъ по Москвѣ... Не бывало того... Все больше по ночамъ, сама знаешь... И на богомолье, и въ переѣзды. Не слѣдъ, штобы всякій глазѣлъ на поѣздъ на твой на царскій и на тебя... Не укроешься такъ ужъ отъ людей-то...

— И не надо... Старое то дѣло... Мы, вонъ, съ государемъ, почитай, на виду у всѣхъ по Москвѣ ѣзживали... Такъ, на забаву смотрѣть, на пословъ иноземныхъ... А нынѣ, на дѣло на такое, на великое... Да, вотъ, што ты скажешь, бояринъ, — обратилась она къ Матвѣеву, сидѣвшему все время въ раздумьи: — выѣхать-ли мнѣ засвѣтло, али ночи ждать, истомить себя, измучати?..

— Ну, о чемъ толковать? Какъ повелишь, такъ и выѣдемъ. Пора ужъ и кидать старые свѣчаи, не то теремные, какъ ихъ кличутъ, а татарскіе, колодничи... Царицу-ль народу не видать? Пускай видятъ. Любить болѣ стануть...

— Слышь... Снаряжай-же поѣздъ самъ, бояринъ... Да скорѣе, прошу...

— Я не замѣшкаю. Ты не кручинься, государыня-Наташенька... Да поѣшь малость... Такъ и выѣдемъ изъ Кремля, часу не минетъ... Я самъ все... скоренько... А, слышь, мнѣ съ тобой ли ѣхать, али поотдохнуть позволишь? Пусть-бы

бояринъ Лопухинъ да Матюшкинъ, да Прозоровскій князь... Да Петровцевъ моихъ я въ охрану пошлю. Оно и крѣпко будетъ. А я ужъ больно заморился, второй день безъ сну...

— Ладно, какъ знаешь, бояринъ. Скорѣй бы оно лихъ...

— Говорю: часу не пройдетъ, въ колымагу усажу тебя, государыня-матушка ты моя...

И Матвѣевъ поспѣшно вышелъ изъ покоя.

Бояринъ точно сдержалъ обѣщаніе.

Наталя по настоянію матери съ сестрой и неvěсткой, Прасковьи, жены Ивана Нарышкина, только успѣла перекусить немного, перемѣнила домашнее платье на выѣздное, какъ уже явился съ докладомъ Матвѣевъ, что все готово и самъ усадилъ царицу въ большой зимній возокъ, въ „избушку“, запряженную двѣнадцатью санниками бѣлой масти. Въ ту-же огромную колымагу успѣли: Анна Леонтьевна, Авдотья Кириловна, неvěстка, Прасковья Алексѣевна; тетка царицы, жена Федора Полуэхтовича, Авдотья Петровна, боярыня, казначея Матрена Блохина и еще нѣсколько мамъ и „верховыхъ“ боярынъ, на попеченіи которыхъ находились взятые матерью царевичи: Петръ, Иванъ, царевны младшія и маленькая Наталя съ кормилицей.

Сестры царя и старшія царевны остались въ терему, какъ и Федоръ.

Обыкновенно и онъ зачастую провожалъ мачеху въ ея поѣздкахъ по монастырямъ и по святынямъ. Но сегодня царицу повѣстили, что „старшой царевичъ недуженъ малость“ и выѣздъ состоялся безъ него.

Такъ какъ монастыри и храмы, въ которыхъ хотѣла помолиться Наталя, были „за городомъ“, то-есть, за стѣнами Кремля,—впереди поѣзда шелъ стрѣмянной стрѣлецкій полкъ Матвѣева, Петровскіе стрѣльцы въ своихъ зеленыхъ кафтанахъ.

По бокамъ колымаги, какъ и за нею—ѣхали верховые

бояре, потомъ тянулись другіе возки со свитой царицы. Ъхала боярыня—кравчая, еще кой-кто изъ приближенныхъ лицъ; ъхали верхомъ: первый бояринъ и дворецкій Наталья Лопухинъ, стольникъ Иванъ Матюшкинъ, окольничій, Иванъ Федоровичъ Стрѣшневъ и Тихонъ, братъ его, съ которымъ особенно подружилась Наталья за веселый нравъ и острый языкъ.

Впереди колымаги ъхали еще верхомъ, по-мужски: 24 красивыя, рослыя „дворовыя женки“, амазонки царицы, изъ комнатной прислуги. На головѣ у нихъ были особыя, бѣлыя шляпы съ полями, подбитыя тафтою тѣлеснаго цвѣта. Желтыя, широкія шелковыя ленты ниспадали со шляпъ на самыя плечи — и были унизаны золотыми пуговками, жемчугомъ, украшены золотыми кистями. Спереди—короткая, бѣлая фата закрывала лицо до подбородка. Длинныя, широкія шубки и желтые сапоги довершали нарядъ. Этотъ женскій отрядъ Москва, очевидно, заимствовала еще у Золотой Орды, гдѣ султанши имѣли каждая своихъ амазонокъ.

Разные дѣяки, стольники и дядьки царевича Ивана,— всѣ, словомъ, кто дежурилъ на верху у царицы въ этотъ день,—дополняли свиту, верхами или въ возкахъ, смотря по возрасту и удали, или глядя по чину.

Поѣздъ растянулся на довольно большое пространство, хотя и не достигалъ тѣхъ размѣровъ, до какихъ доходили парадныя, большіе выѣзды царя и царицы.

Стоя у окна своей горницы, откуда виденъ былъ выѣздъ царицы, Анна Хитрово даже перекрестилась трижды широкимъ, истовымъ крестомъ.

— Слава Те, Спасу Многомилостивому. Сама змѣя съ дороги уползла. Теперя—легше буде дѣло все повершится...

Спустя часъ, или полтора въ ея покоѣ собрались всѣ главные участники въ задуманномъ дѣлѣ: оба Хитрово, дядя, Богданъ Матвѣевичъ и племянникъ, Александръ Севастьяно-

вичъ, оба Толстыхъ, Василій Семеновичъ Волинскій, думный дьякъ Титовъ, какъ лицо, необходимое для составленія важнаго акта; явился и духовникъ царя, благовѣщенскій протопопъ Андрей Саввиновичъ, упитанный, неподвижный, неуклюжій съ виду, но жадный на деньгу, ловкій, покладливый старикъ.

Враждуя съ патриархомъ, онъ присталъ къ врагамъ Нарышкиныхъ, надѣясь добиться особой силы при новомъ царѣ.

Когда пришли звать Федора къ старухѣ Хитрой по важному дѣлу, у царевича сидѣла Софья, князь Василій Голицынъ и стольникъ Иванъ Максимовичъ Языковъ, судья дворцовыхъ приказовъ.

Зная вліяніе умной, властолюбивой царевны на ея нерѣшительнаго брата, зная непримиримую ненависть дѣвушки къ молодой мачехѣ и всему Нарышкинскому роду,—и ее позвали на совѣщаніе также, какъ и Голицына съ Языковымъ.

Царевна скромно усѣлась поодаль, почти въ углу, за спиной брата и Анны Петровны, расположившихся въ широкихъ креслахъ. Остальные гости-соумышленники размѣстились на скамьяхъ, на стульяхъ, какъ попало.

Почти впереди всѣхъ усѣлся поближе къ царевичу тщеславный, глупый, но наглый и пронырливый Василій Волинскій, успѣвшій составить себѣ положеніе на „Верху“ не столько благодаря личнымъ заслугамъ, сколько работами золотешвейныхъ мастерицъ, которыхъ въ большомъ количествѣ собирала отовсюду жена Волинскаго. И чудныя вышивки, золотомъ, серебромъ и шелками, приносимыя въ даръ царской семьѣ и важнымъ боярамъ, а то и выполняемыя за деньги—вызывали расположеніе къ Волинскому со стороны нужныхъ людей...

Бояринъ, князь, Иванъ Андреевичъ Хованскій изъ стрѣ-

лецкаго приказа, голова полка стрѣльцовъ, которые въ этотъ день охраняли всѣ посты въ Кремлѣ, и еще нѣсколько стрѣleckихъ головъ и полуголовъ, извѣстныхъ своею преданностью старымъ порядкамъ и царевичу Федору,—были тоже позваны. Но, кромѣ Хованскаго, остальные стрѣльцы не рѣшались сѣсть и стояли небольшой кучкой у окна, выдѣляясь на темномъ фонѣ стѣны своими цвѣтными кафтанами, блестящимъ вооруженіемъ и желтыми сапогами. Самъ князь Хованскій, давно былъ извѣстенъ, какъ ярый „аввакумовецъ“, противникъ „Никоновцевъ“ и Матвѣева.

— Пошто такъ надобенъ я сталъ, матушка?—обратился царевичъ къ старухѣ Хитрой.

Голосъ его, и вообще слабый, звучалъ сейчасъ совсѣмъ глухо. Онъ былъ блѣденъ, чувствовалъ себя и на самомъ дѣлѣ очень плохо; но не могъ отказать Хитрой, которой, по старой памяти, словно побаивался немного.

Когда старуха, поминутно отирая слезы, возводя глаза къ иконамъ и вздыхая объяснила ему, что придется дѣлать,—Федоръ и руками замахалъ.

— Што-ты, што-ты, матушка... Да, нешто можно?! Грѣхъ-то какой великій. Може, государь-батюшко совсѣмъ инако мыслить, а я приду съ людьми, нудить стану: волю бы свою онъ поначилъ. Какъ тебѣ и въ голову запало, матушка? Нешто сама ты испоконъ вѣку не учила меня: батюшку-бы слушалъ, матушки бы не ослушался? А нынѣ-ишь што...

— А што? Какой грѣхъ? Была-бы жива матушка твоя, и не пришлось бы мнѣ, старухѣ, тебя на умъ наставлять. Сама бы все повершила. И грѣха тутъ нѣту. Не ты, што-ли, старшой сынъ, всему царству, всему отцову наслѣдью—единный господинъ?.. А тутъ мачеха, худородная, прости Господи, земщина у тея все поотняти тщится для сына, для своого, для Петеньки... А знаешь-ли ты...

Но тутъ старуха, чувствуя, что можетъ наговорить лишняго, сразу пріостановилась и обратилась къ протопопу Василию:

— Слышь, про што толкуеть царевичъ: грѣхъ!.. А, подумай: грѣ-ѣ-хъ?.. Ахъ, ты, Спасе Милостивый... Мое дѣло-тебѣ бы, царевичъ, дитятко ты мое милое, добро было... А про грѣхъ — вотъ онъ пусть...

— М-да, — протяжнымъ, густымъ голосомъ заговорилъ протопопъ Василій, къ которому обращены были теперь взоры Феодора и всѣхъ присутствующихъ: — Не токма што своа искати, и болѣ тово—грѣха не бываетъ, ежели оно по слову Божию... Сказано бо есть: „кто многое имѣеть — тому еще дано будетъ и преумножится; а кто мало имѣеть, у того отнимется и то, што имѣеть“. Тако рече Писаніе. А въ книгѣ Бытія не повѣдано ли, какъ произволеніемъ Божиимъ Іаковъ Израиль отня первородство у брата Исава за похлебку, за красную чечевичную... И благословеніе отцово отня у Исава-же, яко мать ево, Рахиль сотворила. И грѣха не было. Ибо—такъ Господь желалъ. Ты-же, царевичъ, первородство не продати-ли желаешь?.. Али не за своимъ благословеніемъ пойдешь къ одру болѣзни отца своего, царя-государя? Помысли и не кори ветхой дѣньми рачительницы своей, болярыни, коя родительницу замѣнила тебѣ... И царство зоветъ тебя, и всѣ бояре, синклиты и духовенство... Народъ весь, вся земля—тебя зовутъ, да пожить бы снова въ древлемъ благочестіи, тихо, благостно, почестно, како дѣды да прадѣды жили... Рано намъ новины разны на Руси заводити. А молодая царица-правительница при сынѣ, при малолѣтнемъ царѣ, ежели-бы Петра-царевича благословилъ на царство родитель... Нешто самъ понять не можешь, царевичъ: што буде отъ сего?.. Не ребенокъ ужъ ты... Во, безъ мала пятнадцать годковъ тебѣ... И самъ царь тебя-же объявлялъ, годъ тому минуло... Чево-же думать? Кой тутъ грѣхъ? За своимъ пойдешь!.. Свое и найдешь, слышь?

— Оно такъ... Вѣстимо, все такъ, отецъ протопопъ, какъ ты сказываешь, — поспѣшно заговорилъ царевичъ: — Нарекъ меня государь... Я—старшой. Мнѣ онъ и завѣщаетъ царство. И земли я тревожить не стану. По старому буду царить. Пошто-же теперь хвораго родителя нудить?.. Онъ и разгнѣваться можетъ, што докучаю я ему не въ пору. „Ишь, скажетъ: я не померъ еще, а сынъ старшой дотерпѣть не можетъ... Пришелъ, наслѣдья просить“... Хорошо-ли? А то все правда, што сказываешь, отче... Все истинно...

Сбитый съ позиціи, протопопъ побагровѣлъ даже отъ усилія мысли, но не находя, что дальше сказать, чѣмъ убѣдить отрока, такого сильнаго именно своєю чистотой и наивностью, только обѣими руками поглаживалъ съ боковъ широкую бороду и негромко посапывалъ.

Заговорилъ Богданъ Хитрово.

Зная мягкій, нерѣшительный характеръ Федора, способнаго въ тоже время проявить сильнѣйшее упрямство, если очень насѣсть на него, бояринъ началъ мягкимъ, и примирительнымъ тономъ, какъ будто-бы желая остановить и образумить тѣхъ, кто говорилъ раньше:

— И што это вы, други мои?.. И ты, боярыня-тетушка моя любезная, и ты, отецъ Василій. Нешто можно такъ? Царевичъ и впрямь помыслить, што мы супротивъ государя идемъ, али што неладно задумали... Душенька то у нево, ангела нашево, свѣтлая. Онъ чево разумомъ не дойдетъ, духомъ учуетъ... А, лихъ бы, и то надо прямо повѣдать: каки козни да подвохи съ супротивной стороны идутъ? Вѣстимо, не отъ матушки царицы Натальи Кириловны со младымъ царевичемъ... Нѣтъ. Отъ Артемона, слышь, отъ Матвѣева, отъ боярина и всему царству замутилеля... Оно, вѣстимо, не на государя на нашего, на царевича, на Федора Алексѣевича злоба Матвѣевская. Тово сказать не мочно. На насъ, на рабовъ царевича, да на присныхъ ево — злобится

той коварникъ. Мы-де ему и Нарышкинымъ дорогу заступаемъ... А возсіяетъ надъ землей, яко солнышко, юный царь Федоръ — и ему конецъ, старому грѣшнику. Наша тогда взяла. Вотъ пошто онъ и тянетъ въ цареньки—Петра малолѣтка передъ старшимъ братомъ. А царица—Наталья, первой въ царствѣ ставши, ни кому иному, какъ Матвѣеву да Нарышкинымъ землю на пагубу отдастъ, на потокъ, на раззоренье... И на душѣ у царевича же у старшова, у тебя, свѣтъ Федоръ Алексѣичъ, то быть должно, коли земля замутится... Ежели—доживешь только до того часу...

— Доживу?.. Да што?.. Да нешто? — со внезапной тревогой въ голосѣ заговорилъ Федоръ, видя, что Хитрой вдругъ запнулся и умолкъ на полусловѣ.

Лукавый бояринъ молчалъ. Юноша съ вопросомъ переводилъ взоръ съ одного на другого, на всѣхъ присутствующихъ. Никто не рѣшался заговорить и среди наступившаго тяжелаго молчанія Федоръ, склонивъ голову, блѣдный, уронивъ руки вдоль тѣла, сидѣлъ, глядя передъ собой немигающими глазами. А острая тревога все больше и больше росла въ сердцѣ юноши, словно тисками сжимала ему болѣющую грудь.

— Што ужъ тутъ отмалкиваться, братъ-государь? Я скажу, Фединька, коли другимъ не охота. Не взыщи, што дѣвичій обычай забываючи, въ боярскія рѣчи вступаюсь,—неожиданно прозвучалъ рѣзкій, сипловатый голосъ царевны Софьи:—Дѣло такое... Не то, лихъ, тебя да царства, и всѣхъ насъ касаемое... Всево гнѣзда Милославскихъ. Сестеръ всѣхъ насъ, царевенъ, и брата Ивана, не одново тебя... Только во услышанье не ведутся рѣчи, а всѣмъ вѣдомо, што и насъ всѣхъ извести задумали прихвостни Нарышкинскіе да Матвѣевцы, да Никоновцы треклятые... Кабы еще рать стрѣleckая не за насъ, кабы отъ нихъ не опаска малая,—и не было бы давно на свѣтѣ всево гнѣзда нашево.

Може, гляди, оно и лучше, што не идешь ты къ государю-батюшкѣ. Може—и не званъ имъ, а вороги туда зовутъ, по пути бы извести, али и на глазахъ у родителя. Хворый онъ, што подѣлаеть?.. Всего мы за Лихолѣтьѣ слышались. Видно и вновѣ бояре задумали на царской крови своей корысти поискать... Вотъ причина, што доброты наши затѣяли поживѣ тебя царемъ наречь... И государя-родителя хвораво надо на то привести, покуль живъ. Штобы народу вѣдомо было, хто царь. Може и государь-батюшка безъ прошенія безъ твоего наслѣдья тебѣ отдастъ. Такъ нешто вороги наши не скроютъ приказъ царскій? Поставятъ братца Петрушу, да не малолѣтка, вѣстимо, — себя поставятъ въ цари... Насъ—по кельямъ спервоначалу... А тамъ... Што съ сиротами бобылиться... Вонъ, што было Годуновскимъ дѣтямъ, то и намъ буде... А тебѣ, гляди, первому... Вотъ чеве не договорилъ бояринъ, такъ, не взыщи: я досказала, тебя, себя, всю землю жалѣючи, отъ смуты оберегаючи. Того ради и надоть тебѣ къ батюшкѣ-государю идти. Да за обороной крѣпкою. Не дать бы врагамъ въ руки здоровье твое...

Сказала и, отдавъ поклонъ брату, утѣлась, сдерживая сильное волненіе, овладѣвшее дѣвушкой отъ необычнаго поступка. Щеки Софьи пылали, глаза—горѣли изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ.

Федоръ выслушалъ молча рѣчь сестры. Только еще больше помертвѣли его щеки, еще ниже опустилась на грудь голова на тонкой, исхудалой шеѣ.

Опять наступило молчаніе.

У многихъ заскребли кошки на душѣ. А что, если царевичъ по своей прямотѣ и наивности пойдетъ одинъ къ царю и спросить его: правда ли то, что онъ слышалъ сейчасъ? И испортитъ своимъ личнымъ вмѣшательствомъ весь, такъ хорошо-налаженный, планъ...

Тогда вмѣшался Петръ Толстой. Онъ заговорилъ смѣло, рѣшительно:

— Э-эхъ, государыня-царевна, не мимо слово молвится: дѣвичья доля—шлыкъ да неволи. Вонъ, хорошо ты удумала, какъ рѣчь свою повела, а сколь опечалила царевича—свѣта нашево... Гляди, и въ тоску вогнала... Мыслить онъ теперь: „дома сидѣть — злу свершиться дать. Пойти на оборону роду—сызнова добромъ дѣло не покончится, свара пойдетъ; а, може,—и до крови дѣло добѣжить... И такъ—грѣхъ, и иначе—грѣхъ!“ А еще ты молвила, можетъ и не званъ-де царевичъ къ родителю. То ужъ и не слѣдъ бы сказать. Вонъ, самъ Матвѣевъ боярынѣ Аннѣ Петровнѣ сказывалъ, зоветъ-де царевича государь... И отъ лекаря Данилки, либо Стефанка, какъ ево тамъ, нехристя,—тѣ-же вѣсти были... Пошто зоветъ,—не вѣдаемъ мы. Такъ думать надо: на худое родитель сына на смертномъ одрѣ звать не станетъ. А и сами Нарышкинцы не посмѣютъ при царскихъ очахъ, во покояхъ царскихъ, гдѣ стрѣльцы охраной стоятъ, не ихнево полка... Ничево они явно не подѣлаютъ супротивъ здоровья и персоны царевича... То лишь сотворено быть можетъ, што поспѣли подговорить государя... И царь клятву какую ни на есть можетъ взять съ царевича... И клятвою тою,—ровно по рукамъ колодника,—свяжетъ ево... Вотъ чево беречись надо... Такъ, хто не вѣдаетъ, што клятва насильная — и не въ счетъ. Богъ той клятвы подневольной не слышитъ, не приѣмлетъ. Робенокъ малый про то вѣдаетъ... Объ томъ и помыслить надо. Къ тому и царевича свѣта нашево наткнуть: какъ ему быти?

Слушаетъ Федоръ умную, ловкую рѣчь боярина, который, словно въ книгѣ, читаетъ въ мысляхъ у царевича;—а самъ юноша видитъ передъ собой совсѣмъ не тѣ лица, которыя вокругъ, слышитъ въ душѣ иные звуки, любитъ картиной,

которая въ прошломъ сентябрѣ, всего годъ и 5 мѣсяцевъ тому назадъ, проносила у него передъ глазами.

Въ день Новаго года, 1-го сентября, царевичъ выстоялъ съ государемъ долгую службу у Нерукотвореннаго Спаса на Сѣняхъ, и оба вышли въ Переднюю Палату.

Дядьки вели царевича, одѣтаго въ лучшій его нарядъ. Бояре и думные люди—стояли въ Палатѣ густой толпой. Посидѣвъ немного, царь помолился и объявилъ:

— Приспѣлъ часъ сына нашего, благовѣрнаго царевича и великаго князя Федора Алексіевича Всемогущему Господу-Богу дать въ послуженіе, ввести его во святую соборную и апостольскую церковь и объявить его богомольцамъ нашимъ, святѣйшему отцу-патріарху, всему освященному собору, вамъ, боярамъ, окольничьимъ, думнымъ людямъ и всѣмъ чинамъ московскаго государства.

Какъ одинъ человекъ, какъ колосья отъ вѣтра—склонились всѣ, кто здѣсь былъ въ Палатѣ, привѣтствуя царевича, объявленнаго отнынѣ совершеннолѣтнимъ, и прокатились подъ сводами громкіе, привѣтственные крики:

— Живъ буди на многая лѣта, царевичъ Федоръ. Да живетъ... Здравъ буди и долголѣтенъ...

Отсюда въ торжественномъ шествіи, со всѣми боярами прошелъ царевичъ съ отцомъ снова въ церковь Спаса, тамъ взяли Нерукотворенный образъ, перешли въ Успенскій соборъ, который весь былъ залитъ огоньками лампадъ и ослопныхъ свѣчей, въ паникадилахъ и въ свѣщникахъ передъ образами.

Патріархъ, окруженный главнѣйшимъ духовенствомъ, всѣми десятью митрополитами, ждалъ появленія царя со старшимъ сыномъ.

Имъ навстрѣчу грянули мощные звуки: вся патріаршая стая пѣвчихъ заливаясь, выводила:

— Многааа лѣта... Многая лѣѣѣта... Многая лѣ-ѣта-аа а!..

И окна дрожали отъ сильныхъ голосовъ, огни колыхались надъ оплывающимъ воскомъ престольныхъ свѣчей.

Федоръ съ отцомъ заняли свое, царское мѣсто. Противъ нихъ—патріархъ.

И по два въ рядъ—потянулись князья московской церкви, митрополиты, архіепископы, архимандриты, игумены, протопопы, трижды кланялись царю съ царевичемъ, потомъ патріарху.

Медленно сошелъ со своего престола старецъ-патріархъ. Ему навстрѣчу двинулись и Федоръ съ Алексѣемъ.

Взявши слабой рукой золотую кадильницу, патріархъ сталъ кадить сперва святымъ иконамъ, потомъ—государю и царевичу, окадилъ и „стряпню государеву“, то есть, шапку и посохъ, которые держалъ оружничей царскій.

Весь остальной духовный высшій чинъ также кадилъ послѣ патріарха.

А пѣвчіе заливались, выводили сильными, красивыми голосами красивые, торжественные напѣвы избранныхъ псалмовъ. Потомъ загудѣлъ густой басъ протодіакона, читающаго пророчества—пареміи отъ Исайи, полныя глубокаго, затаеннаго смысла.

Отъ этого аромата кадилъ, отъ жары въ храмѣ, отъ напѣвовъ—голова кружилась съ непривычки у Федора, душа замирала и уносилась куда-то, за предѣлы земли...

А вдали рѣяло что-то прекрасное и пугающее: царскій тронъ, власть надъ всей обширной землей, надъ нѣсколькими царствами и народами...

Кончилось водоосвященіе.

Патріархъ произнесъ обычное, краткое привѣтствіе царю и нареченному царевичу, съ этой минуты признанному старшимъ въ родѣ послѣ царя.

Снова грянуло многолѣтіе всему царскому роду.

И заговорилъ самъ Федоръ.

Заранѣе заучилъ онъ, что нужно сказать. Несложныхъ нѣсколько фразъ. Благодарность отцу за нареченіе свое, пожеланіе здравія на многія лѣта... Почти—молитва.

Но Федоръ самъ не помнитъ, какъ сказалъ свою первую рѣчь, произнесенную здѣсь, во храмѣ, среди торжественной обстановки, передъ святынями иконъ, передъ лицомъ всей земли, представленной и этимъ знатнѣйшимъ духовенствомъ, и боярами, и военачальниками, стоящими поодаль толпой, сверкающей сталью и золотомъ доспѣховъ...

Съ ласковой улыбкой слушалъ отецъ невнятный лепетъ смущеннаго сына, привлекъ его къ себѣ и поцѣловалъ въ голову.

— Да живетъ государь, великій князь Алексій Михайловичъ на многая лѣта... Княжичу великому и царевичу-государю, Федору Алексіевичу многая лѣта, — возгласили тутъ же бояре и воеводы, обступая обоихъ густою толпой, осыпая дарами царевича.

— И вамъ желаю здравія и многолѣтія, бояре и синглиты мои честные, — отвѣтилъ на клики государь.

Въ поясъ поклонился имъ и духовенству Федоръ, тоже бормоча свое „здорованье“...

И опять длиннымъ, сверкающимъ на солнцѣ, шествіемъ, цѣпью парчевыхъ облаченій, воинскихъ нарядовъ и золотыхъ хоругвй, черезъ Благовѣщенскую паперть потянулись всѣ изъ храма въ Кремлевскій дворецъ.

Тутъ былъ пиръ устроенъ. Много даровъ роздалъ государь отъ своего имени и отъ имени царевича.

Съ той поры, хотя и не было объявлено всенародно, но всѣ знали, что старшій царевичъ Федоръ—будущій наследникъ трона.

Такъ велось искони, за рѣдкими исключеніями...

Такъ неужели же все это былъ сонъ?.. Другой перешелъ дорогу. Тому, другому, пока ребенку,—и блескъ, и власть, и величіе царское...

А Федору — долгіе годы унизительной, темной жизни... Униженіе передъ младшимъ братомъ. Или муки заточенія, быстрая, насильственная смерть... Смерть, когда жизнь такъ манить... Когда онъ и не успѣлъ еще пожить... Насладиться этой невѣдомой, но, навѣрное, прекрасной, заманчивой жизнью...

Порою, въ минуты страданій отъ внутреннихъ недуговъ, разрушающихъ хрупкое тѣло юноши, Федоръ помышлялъ уйти отъ міра, укрыться въ какой-нибудь тихой обители и тамъ, дальше отъ людей, ближе къ Богу, замаливать свои и чужіе грѣхи, ждать смерти, которая будетъ ужъ тѣмъ хороша, что избавитъ отъ нестерпимыхъ, продолжительныхъ мученій...

Но проходила черная полоса, царевичу становилось лучше, и благодаря помощи врачей, и при содѣйствіи собственныхъ молодыхъ силъ. Тогда снова въ немъ просыпалась жгучая жажда жизни, удовольствій, даже грѣха... Всего, всего, только бы не умереть, не извѣдавъ этой земной радости...

Нерѣшительный отъ природы, ослабленный болѣзнью, живущій различными порывами, которые смѣнялись причудливой чередой, Федоръ оставался всегда чуткимъ и чистымъ по душѣ. Въ немъ глохли тѣлесныя силы, но умъ работалъ сильно, и чувство справедливости, свойственное людямъ, лишеннымъ сильныхъ страстей, преобладало почти надъ всеми другими инстинктами.

Поэтому и сейчасъ, слушая рѣчи окружающихъ, онъ отдавалъ должное доводамъ cadaго изъ говорящихъ, самъ переживалъ не мало, но въ то же время, словно со стороны глядѣлъ на себя и на свои чувства и не зналъ: что предпринять, на что ему рѣшиться?

Преступнаго, конечно, ничего не могъ бы сдѣлать царевичъ. Но тутъ снова возникъ для него вопросъ: все ли

преступно, что люди заклеили этимъ именемъ?.. И не является ли порою преступленіе тѣмъ же подвигомъ, если оно совершено на гибель своей души, но для спасенія ближнихъ?..

Вотъ, именно теперь и надо подумать объ этомъ. Надо рѣшить. Губя свою душу, не спасаетъ ли онъ весь родъ матери своей, всѣхъ сестеръ и брата Ивана. Не спасаетъ ли землю отъ междоусобья? Если будетъ объявленъ царемъ онъ, старшій сынъ, тогда скорѣе всего кончина отца пройдетъ безъ особой смуты, хотя Матвѣевъ и его сторонники любимы народомъ и имѣютъ много приверженцевъ.

Все понималъ Федоръ. Но ясное представленіе о многомъ и не даетъ ему рѣшимости остановиться на чемъ-нибудь одномъ, проявить свою волю и сказать: „я хочу именно этого, хотя бы оно было и не совсѣмъ правильно“...

И долго сидитъ въ молчаливомъ раздумьи царевичъ.

А кругомъ въ тревогѣ сидятъ молодые и старые бородатые бояре, сидитъ сестра и лукавая старуха Хитрово, „составщица дворовая“, испытанная заговорщица; стоятъ стрѣльцы,—и всѣ ждутъ: какъ рѣшить, что скажетъ этотъ блѣдный, болѣзненный, робкій юноша, почти мальчикъ?..

Безъ него, безъ этого знамени, имъ нельзя выступить, какъ бы ни велика была земская и стрѣльцовская сила, стоящая за ихъ спиной.

Только именемъ Федора и во имя Федора можетъ быть совершенъ желанный переворотъ, который принесетъ царевичу внѣшній блескъ власти, а имъ—подлинную силу ея...

Всѣ видятъ тяжелое состояніе души царевича. Но каждый толкуетъ его по-своему и боится первый слово сказать, чтобы этимъ, неудачнымъ, быть можетъ, словомъ не испортить всего дѣла, кинувъ подозрѣніе или чрезмѣрный страхъ въ робкую душу слабого юноши.

Чувствуя на себѣ всѣ эти лихорадочно, трепетно го-

рящіе глаза, полные нѣмого ожиданія и вопроса, Федоръ окончательно смутился. Краска кинулась ему въ лицо.

Изъ блѣднаго оно стало багровымъ, а на глазахъ показались даже двѣ слезинки.

Закусивъ губу, онъ вдругъ обратился къ Ивану Языкову, молодому, красивому боярину незначнаго рода, который успѣлъ выдвинуться въ качествѣ судьи Дворцоваго приказа и особенно нравился Федору своей честной прямою, соединенной съ такою мягкостью, что самыя рѣзкія укоризны не обижали людей, когда ихъ произносилъ Языковъ.

— Ну, ты, Ваня... Што ты бы сказалъ?.. Ишь, молчишь все. Видишь, дѣло какое... Вотъ, и скажи, какъ тутъ быть?.. По-твоему какъ?..

— А, што же я скажу?.. По моему-то выйдетъ одно, а по твоему—иное. Вонъ, люди похитрѣй меня толковали. И дѣло имъ видно больше, ничѣмъ мнѣ. А ты же ни на то, ни на другое не присталъ, царевичъ. Ишь, душа больно робѣетъ у тебя, когда надо повершить что либонь... Какіе же совѣты мои и къ чему?.. А, вотъ, одно скажу: зоветь родитель-государь. Идти надо. Воля его отцовская и царская. Это — первое. Въ другое: съ опаской идти надо. Правда, самъ ты зла не мыслишь... А, все быть можетъ... Береженаго, сказываютъ, и Богъ бережетъ. А въ третье, вонъ, поди, и въ голову тебѣ не западетъ николи какое супротивство родителю оказать, али бо ему поруку какую, здравію ево, али чести учинить... Стало — и грѣха тутъ нѣту, коли сынъ къ родителю заявился да обое они толковать о чемъ станутъ. А придете вы обое на то, на што буде воля Божія. Вотъ дума какая моя. И тѣмъ оно добро, што тебѣ, государь, въ сей часъ и повершать ничево не надобно. Што буде, то буде, волею Господней не нашимъ людскимъ хотѣніемъ...

Слушая искреннюю рѣчь Языкова, всѣ просвѣтлѣли.

У Федора тоже прояснилось лицо и онъ закивалъ утвердительно головой.

— Такъ, такъ, Иванушко... По всякъ часъ ты правъ... Ужъ, и уменъ же ты...

— Дуракомъ николи не звали, а и больно въ умныхъ не слыву. Такъ, што на умѣ, то и на языкѣ у меня, какъ у пьянаго,—шуткой отвѣтилъ Языковъ.

Гуль одобреній былъ ему наградой со стороны всѣхъ, сидящихъ въ покоѣ.

— Вѣстимо, царевичъ, какъ не пойти, коли родитель позвалъ,—авторитетно заговорилъ молчавшій до сихъ поръ „дядька“ Феодора, осторожный и болѣзненно-честолюбивый бояринъ Федоръ Куракинъ.

— Ужъ, тутъ дѣло чистое, — громко, рѣшительно заговорилъ опять Петръ Толстой, видя, что все улаживается.— Проводимъ къ государю царевича. Ихъ царская воля. На чемъ ихъ милости рѣшатъ, на томъ и мы пристанемъ... Наше дѣло холопское, не такъ ли, бояре, и вы люди ратные?..

Говорить, а самъ переглядывается со всѣми.

И безъ словъ эти нѣмые взгляды досказали все, чего не высказалъ Толстой

— Вѣстимо: ихъ царская воля. Мы—рабы...

— Какъ они, государи?.. А надоть же и потолковать родителю съ сыномъ со старшимъ!

— Господня воля во всѣхъ дѣлахъ людскихъ, а въ царственномъ коловоротѣ—наипаче, — подтвердилъ и протопопъ Василій.

— Иди со Господомъ, дитятко мое... Да хранить тебя Спасъ Милостивый, — осылая питомца крестомъ, сказала боярыня Хитрово.

Софья, вставшая вмѣстѣ съ другими, отдала поясной поклонъ брату:

— Въ добрый часъ, братецъ, желанный мой... Ужъ и такъ бы я пошла съ вами, да, боюся, забранить батюшка, што не въ свои дѣла мѣшаюсь... Небось, какъ, постригать меня велить мачеха, то мое дѣло буде... А тутъ...

— Ну, буде, Софьюшка... Не печаль царевича,—вмѣшалась Хитрово:—Видишь, идетъ онъ къ царю... Нешто же допустить братъ сестеръ постригать безъ воли ихней?.. Все обладится, вѣрь ты мнѣ...

И обѣ женщины остались однѣ въ покоѣ, откуда съ разговоромъ вышли за царевичемъ всѣ, кто былъ на совѣщаньи.

Не успѣли они скрыться за дверьми, какъ Софья съ тревогой обратилась къ старухѣ-боярынь:

— Охъ, мать моя, боязно, какъ бы тамо чево не вышло, што и не ждали мы и не чаяли? Ишь, дуровой какой братецъ у меня. Кто ему што скажетъ, онъ на то и пристаесть. Ровно вертунъ на крышѣ. А тамъ...

— Тамъ будетъ, какъ намъ надо!.. Вонъ, Петра Толстой парень не промахъ... Языковъ-то спроста уговорилъ царевича къ государю идти... А Толстой и смекнулъ: туды бы привели безъ помѣхи царевича. Тамъ все буде, какъ по писанному... Вѣрь ты мнѣ, старухѣ...

— Дай Боже!.. Ужъ только бы намъ мачеху мою со всей родненькой ихней сократить. Господи, сорочку послѣднюю отдала бы на нищихъ да на масло... Пойду, Господа помолю, Матерь Ево Пречистую: дали бы намъ на враговъ odolънiе... Миръ тобѣ, матка, Анна Петровна, родимая...

И, поцѣловавъ Хитрово, царевна ушла на свою половину.

Старуха знала, что говорила Софья.

Петръ Севастьянычъ Хитрово, постельничій Алексѣя, какъ разъ заступилъ на свое дежурство, когда теплыя сѣни и два небольшихъ покоя передъ опочивальней больного стали наполняться толпой бояръ, дворянъ и стрѣleckихъ

головъ съ царевичемъ Федоромъ и Богданомъ Хитрово во главѣ.

Раньше здѣсь уже дожидался Юрій Долгорукій и съ нимъ еще нѣсколько бояръ, чтобы получить вѣсти о здоровьѣ царя.

Ихъ удивило, что царевичъ явился въ сопровожденіи такой большой свиты, къ тому же состоящей изъ лицъ, не причисленныхъ къ дворнѣ Федора.

Отвѣтивъ на поклонъ Долгорукова и бояръ, вставшихъ при появленіи царевича, Федоръ приказалъ Петру Хитрово:

— Повѣсти батюшку-государя, по зову и приказу ево царскому пришелъ-де я видѣть очи ево свѣтлыя. Ежели не почиваетъ, лихъ, государь.

— Прокинутъся изволилъ, а то почивалъ ево царская милость,—отвѣтилъ Петръ Хитрово, отдавъ низкій поклонъ царевичу.—Сдоложу въ сей мигъ... И о тебѣ, князь,—обратился онъ къ Долгорукому.—И о васъ, князя бояре,—отдавая поклонъ дядѣ, Богдану Хитрово и другимъ вельможамъ, вошедшимъ за царевичемъ въ этотъ покой.—А ты, отецъ протопопъ, може одинъ къ государю войти пожелаешь. О тебѣ чево царю и сказывать? Безъ доѣду вхожъ, чай,—съ новымъ поклономъ обратился онъ къ протопопу Василию.

— Вѣстимо, чадо мое. Отцу ли духовному можно претити къ государю внити егда возжелаетъ?

И первымъ, слѣдомъ за спальникомъ, прошелъ духовникъ Алексія къ нему въ опочивальню.

— Поизволь войтить, царевичъ, къ царю-государю. А и васъ всѣхъ, князя и бояре, жалуетъ царь милостью, зоветъ предъ очи свои, — объявилъ черезъ нѣсколько минутъ тотъ же Петръ Хитрово, появляясь на порогѣ и допуская царевича первымъ въ опочивальню. Послѣ другихъ проскользнулъ туда же и думный дьякъ, Титовъ, въ широкихъ карманахъ котораго всегда находился особый „кала-

марь“, длинный ящичекъ со всѣми принадлежностями для письма и куски хартіи разной величины.

Сейчасъ же почти этотъ покой, опустѣлый послѣ ухода бояръ, наполнился всѣми, кто оставался въ сосѣдней горницѣ и въ сѣняхъ.

Кой-кто сталъ заглядывать въ опочивальню черезъ полураскрытую дверь и прислушиваться, что тамъ происходитъ, сообщая негромко обо всемъ тѣмъ, кто стоялъ подале.

Алексѣй, послѣ сна чувствуя себя особенно бодро, полусидѣлъ на постели, обложенный подушками. Ноги и все исхудалое тѣло его почти тонули въ мягкой пуховой перинѣ, подъ складками одѣяла, подбитаго „черевами“ соболиными. Только плечи и голова выдѣлялись среди бѣлоснѣжной груди подушекъ.

Печи были жарко истоплены въ опочивальнѣ. И царь разстегнулъ даже косою воротъ рубахи, изъ-подъ которой выдавались костлявыя очертанія плеча и сильно исхудалая шея.

Очевидно, духовникъ успѣлъ ему сказать нѣсколько словъ о причинѣ прихода думныхъ бояръ и вельможъ. Сказалъ и о стрѣльцахъ, головы которыхъ ждали въ сосѣднемъ покоѣ.

Кивнувъ слегка головой на общіе, низкіе поклоны, отвѣтивъ слабымъ голосомъ на привѣтствія вошедшихъ и сына, Алексѣй, передохнувъ, заговорилъ:

— Вотъ, оно и ладно, што ты, сыне, не одинъ пожаловалъ. Словно Господь надоумилъ тебя. И всѣхъ, хто съ тобою. За недолгіе дни хвори нашей, какъ слышно,—многіе толки негожіе пошли по Москвѣ. Люди, слышь, только что не замутились. Забота всѣхъ взяла: хто сядетъ царемъ, егда часъ воли Божіей пріспѣетъ для насъ?..

— И, батюшко государь, о чемъ молвить изволишь,—

не подымая глазъ, рвущимся голосомъ заговорилъ Федоръ, пока больной дѣлалъ невольную передышку.— Подастъ Господь тебѣ еще здравія и силъ на многи лѣта, намъ, дѣтямъ твоимъ, на радость, землѣ на славу... Што и помянуть о смерти. Поживешь, гляди. Вонъ, Богъ далъ, лучше-жъ тебѣ стало...

— Такъ оно такъ. Да, слышь, сыне, на Бога надѣйся, самъ свое дѣло верши. Такъ старые люди толкуютъ. А ты, голубь, младъ еще... Слушай, што скажу. Отвѣтъ дашь, коли што спрошу. Не забывай, какъ смолоду учили тебя... Вотъ, и волимъ мы пообъявить нынѣ приказъ нашъ о царствѣ и о всемъ домѣ нашемъ и о добрѣ, какое припасено, родовое и царское.

— Слышь, отче, — обратился онъ къ Василю протопопу: — добудь ключи изъ-подъ изголовья. Ларецъ вонъ тамъ невеликъ въ укладкѣ кованной, што въ углу стоитъ. Добудь ево... Сюды поставь, на столъ, поближе къ царевичу. А другой бы хто сходилъ, позвалъ-бы къ намъ боярина Артамона... Да царицу съ царевичемъ Петромъ... Пусть бы и они послушали, о чемъ тутъ рѣчь буде.

И, совсѣмъ тяжело дыша, очевидно утомленный отъ долгой рѣчи и напряженія, Алексѣй, поблѣднѣвъ, откинулся совсѣмъ на подушки, среди которыхъ былъ усаженъ.

Федоръ, присѣвшій на скамѣ, недалеко отъ постели, — приподнялся и сталъ вглядываться съ тревогой въ лицо отца. Минутное оживленіе прошло. Глаза были закрыты. Подъ ними собрались большіе мѣшки и обозначились черные круги.

За нѣсколько дней болѣзни, въ темныхъ волосахъ царя, изрѣдка подернутыхъ, какъ искрами, сѣдыми волосами, — проступили теперь бѣлыя пряди и полосы сѣдины.

До боли острая, неясная тревога сжала сердце царевичу. Что это за таинственный недугъ, налетѣвшій такъ

быстро и такъ сильно въ короткое время подточившій, крѣпкаго до этихъ поръ, отца? Ужъ не порча-ли?.. Кому же было надо это сдѣлать...

И невольно сорвалось съ его устъ робкая просьба:

— Батюшко-государь, лекаря-бъ тоже твоево сюды... На всякъ случай...

Алексѣй только молча кивнулъ головой и протянулъ руку къ столу, гдѣ стояло питье, приготовленное Гаденомъ.

Петръ Хитрово, стоящій у постели и предупрежденный прежнимъ дежурнымъ, взялъ флаконъ, налилъ въ кубокъ, изъ кубка—отлилъ себѣ въ ладонь, выпилъ и съ поклономъ подалъ больному. Остатки, недопитыя Алексѣемъ, тоже выпилъ Хитрово.

— Иди,—снова очевидно получивъ силы послѣ пріема лекарства, приказалъ ему царь.—Зови, ково сказано...

— Исполню, государь. Да, слышь, молвить дозволю: на богомолье царица выѣхать изволила и съ царевичемъ. Бояринъ Матвѣевъ съ ею-же, въ провожатыхъ,—не совѣмъ рѣшительно солгалъ онъ.—А лекаря я мигомъ... Еще ково поизволишь...

— А далеко ль молиться царица пошла? Чай не за сто версть. Тута-жъ, на Москвѣ... Вотъ, и пошли за ей... Пока мы тутъ што, она и приспѣетъ,—тревожно вглядываясь сперва въ спальника, потомъ во всѣхъ окружающихъ, приказалъ Алексѣй.

— Надо быть, государь, куды за городъ снарядилась государыня, какъ стрѣльцовскій полкъ передъ поѣздомъ для охраны шелъ,—вмѣшался почтительно Богданъ Хитрово.

— У тетки я былъ въ покояхъ, оттуда видно было, какъ передъ теремомъ царицынымъ поѣздъ собирался... Да, слышь, Петруша, — обратился онъ къ племяннику своему: — чай знаютъ теремныя боярыни: куды царица путь держать изво-

лить. Поди, и догонить можно, повѣстить, што государь-де просить пожаловать на обратно.

— Да, да... Послать, догнать надо... Пусть повертитъ,—торопливо подтвердилъ царь.

Петръ Хитрово, провожаемый дядей, который на ходу ему что-то еще толковалъ негромко, вышелъ въ небольшую дверь, которая вела во внутренніе дворцовые покои. Здѣсь, какъ и во всѣхъ переходахъ, кромѣ дежурныхъ сѣнныхъ истопниковъ и придверника, стоялъ стрѣлецкій караулъ.

— Слышите,—приказалъ имъ строго Хитрово:—царскій приказъ вамъ грозный: ни единой живой души не допускать въ опочивальню этими дверьми. Кто-бы ни былъ... Слышите? Казни лютой всякаго предадутъ, хто ослушается приказу.

— Какъ прикажешь, господине, — отозвались караульные.

— А лекаря царскаво Данилку тожъ не пущать? — нерѣшительно спросилъ придверникъ:—онъ, то и знай, въ энти двери ходить—выходить. Слышь, кругомъ—больно далеко ему бѣгать. А порою надобно поскорѣича... Такъ онъ, слышь, баялъ...

— Ну, потолкуй еще... Сказано: живой души не пущать. Такъ и знай...

И Хитрово пошелъ дальше по переходу.

Въ опочивальнѣ царя, между тѣмъ, настало короткое молчаніе.

Щелкнулъ и зазвенѣлъ мелодично замокъ въ укладкѣ, на которую царь указалъ протопопу, и сама отскочила тяжелая крышка, очевидно, подпираемая сильной пружиной. Протопопъ взялъ небольшой, рѣзной ларецъ, стоящій въ сундукѣ, поверхъ всего и перенесъ его къ постели, на столъ, какъ указалъ Алексѣй.

Въ той-же связкѣ оказался небольшой, замысловатый ключикъ, которымъ и открыли ларецъ.

Въ немъ лежалъ большой свитокъ, духовное завѣщаніе царя, составляемое обыкновенно заблаговременно, на всякій случай, по готовымъ образцамъ прежнихъ царскихъ „приказовъ“, но съ измѣненіями, касающимися раздѣла городовъ, усадебъ, помѣстій и имущества царскаго соотвѣтственно числу наслѣдниковъ.

— Читай ужъ, пока, што тамъ по первоначалу. Гляди, и подойдетъ царица,—сказалъ Алексѣй думному дяку Титову, который ужъ оказался около стола, какъ будто для того онъ и явился сюда за всѣми.

— Приступимъ со Господомъ,—какъ бы благословляя на зачатіе дѣла, провозгласилъ протопопъ Василій.

— Господи благослови,—осѣняя себя крестомъ, эхомъ откликнулся Титовъ и привычнымъ, тягучимъ голосомъ началъ читать обычную вступительную формулу завѣщанія, а потомъ — и статьи его, одна за другою.

Окружащіе почти не слушали распоряженій, касающихся раздѣла родовыхъ имуществъ Романовскихъ. Они напряженно ждали главнаго, ради чего пришли сюда.

Вдругъ показался снова Петръ Хитрово и прошелъ поближе къ постели, ожидая, пока царь прикажетъ ему говорить.

Давъ знакъ Титову подождать, Алексѣй вопросительно поглядѣлъ на спальника.

— Ну, што?

— Въ три, алибо въ четыре мѣста собиралася государыня царица. Я ужъ двоихъ гонцовъ погонилъ... Они ужъ по пути допытываются: въ какой край поѣздъ повернулъ изъ воротъ изъ городскихъ. А лекаря и во дворцѣ, видно, нѣту... На домъ за имъ тоже послано. Гляди, не замѣшается, придетъ.

— Домой,—покачивая поникшей отъ слабости головой, повторилъ Алексѣй.—Быть тово не можетъ... Можетъ, сто-

мился отъ безсонья. Спать гдѣ въ покоѣ... Ступай, пусть поищали бы. Силъ мнѣ надо нонѣ... А, чую, плохо мнѣ сызнова... Неможется, совсѣмъ силъ не стаетъ...

— Батюшко, родимый, може уйти бы намъ, — быстро вступился Федоръ:—Въ иной часъ дочтемъ, какъ одужаешь, а нынѣ...

— И—и, гдѣ тамъ... Може, послѣдній мой и часъ пришелъ... Што откладывать... Немочно тому быть. Сиди, слушай... А ты, Петруша, самъ-ли лекаря погляди, али спосылай ково... Лихъ, поживѣе. Да свѣту намъ... Ишь, темно стало...

Правда, зимній, короткій день сталъ быстро догорать и вечернія тѣни уже ложились по угламъ комнаты, плохо освѣщаемой небольшими оконцами съ частымъ переплетомъ.

Хитрово съ помощью придверника быстро зажегъ нѣсколько многосвѣщниковъ, стоящихъ на столахъ, опустил на окнахъ занавѣски — и сразу невѣрный дневной свѣтъ смѣнился вечернимъ, болѣе ровнымъ освѣщеніемъ.

Спальникъ вышелъ, а Титовъ, предвинувъ поближе одинъ изъ двухъ канделябровъ, зажженныхъ на столѣ, гдѣ лежала хартія, поправилъ большіе свои очки и сталъ продолжать свое однообразное чтеніе:

„А царства всѣ мои и великія княжества, все государство и земли и власть самодержавную и короны всѣ, и кресты дѣдовскіе и прадѣдовскіе, скипетръ и державу, бармы и шапку Мономахову завѣщаю“ — прочелъ онъ наконецъ, — и сразу всѣ словно вздрогнули, какой-то неопредѣленный звукъ, слово полувздохъ, полувозгласъ вырвался изъ груди почти у каждого изъ слушателей.

Даже Федоръ, растерянный, словно подавленный видомъ больного отца, — какъ-то насторожился и внутренній испугъ великаго ожиданія мелькнулъ у него въ широко раскрытыхъ глазахъ.

— „И Царство Казанское, и Астраханское, и Касимовское, и Ливонскія земли, Кабардинскіе, Черкасскіе, и Польскіе предѣлы, вновь покоренные, и Украинскія земли казаческія, и всю Великую и Малую, Бѣлую и Порубежную—Русь,—все то завѣщаю и приказываю я“...

Тутъ умышленно, или случайно, но голосъ чтеца прервался, словно бы онъ не ясно разбиралъ: что дальше написано въ рукописи?

— Што встрялъ?..

— Читай, слышь!..

— Читай-же!..

Эти возгласы почти противъ воли, вывались у большинства слушателей.

— „Приказываю я,—снова повторилъ дьякъ и повелъ дальше своимъ однозвучнымъ голосомъ, словно и не слышалъ окриковъ: — сыну моему старѣйшему, царевичу Алексію“.

Дочелъ и остановился теперь какъ слѣдуетъ, окидывая взоромъ всѣхъ, словно желая видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ это имя покойнаго царевича, помѣщенное въ завѣщаніи, составленномъ, очевидно, лѣтъ семь тому назадъ, когда царевичъ былъ еще живъ.

Досадливое разочарованіе ясно отразилось у всѣхъ на лицѣ. Только Алексѣй, знавшій, что написано, — остался спокоенъ и что-то въ родѣ удовольствія промелькнуло на лицѣ у царевича. Онъ и хотѣлъ, и боялся услышать имя свое, или брата Петра. Послѣ этого, онъ зналъ, начнутся толки, можетъ быть, споры и вражда, словомъ все, чего онъ такъ боялся, чего не любилъ.

А тутъ — оказалось совсѣмъ иное. Еще никто не вписавъ въ завѣщаніе, если не считать умершаго брата. Значить...

Но дальше додумать Федоръ не успѣлъ. Мелькнуло у

него въ сознаніи, что дѣло еще не устроено. Свара и смута—также неизбѣжны, какъ и прежде, если только больной отецъ, жалѣя себя, не предоставитъ окружающимъ рѣшить: кому быть наслѣдникомъ престола. Но сейчасъ же, какъ бы прочитавъ его мысли, заговорилъ Алексѣй и вниманіе юноши приковалось къ отцу.

— Недуженъ я. На одрѣ лежу на смертномъ, быть можетъ. Слушай-же, сынъ мой, Федоръ. И вы всѣ бояре и воеводы мои, синклиты и совѣтники. Какъ клялися мнѣ и записи давали на послушаніе и службу вѣрную царю своему и всему роду ево... Вотъ воля моя какова.

Снова остановился для передышки больной.

Предупреждая то, что можетъ дальше сказать Алексѣй, — Богданъ Хитрово хотѣлъ было возвысить голосъ, что-то сказать, но Долгорукій и Федоръ и еще нѣсколько человѣкъ изъ его же, сторонниковъ, не дали ему говорить, — остановили, кто взглядомъ, кто движеніемъ, кто голосомъ:

— Нишкни... Тихо... Слушайте царя, бояре...

И среди полной тишины царь снова продолжалъ, обратясь къ Титову:

— Похеръ, Иванычъ, „Алексію“... Такъ... Ставь на полѣ: „Феодору“... Такъ!—слѣдя за движеніемъ пера Титова, сказалъ царь.

Живое удовольствіе сразу обозначилось на лицахъ у всѣхъ, кто былъ въ покоѣ.

Алексѣй замѣтилъ это, блѣдная, мимолетная улыбка озарила и его скорбное лицо.

— Написалъ? Далѣ: „со братомъ ево младшимъ, царевичемъ Петромъ“.

И словно не видя и не слыша сдавленного смятенія, которое всколыхнуло всѣхъ, едва царь продиктовалъ эти слова,—онъ продолжалъ:

— До несовершенныхъ лѣтъ — быти старшему брату,

тебѣ Федору, попечителемъ въ мѣсто отцово молодшему, Петру. А какъ настанетъ ево царское совершеніе лѣтъ, три на десять, — объявити ево всенародно соправителемъ царства. А до тѣхъ поръ — опеку и заботу о младомъ царевичѣ — вручаю матери ево, царицѣ Натальѣ и мужамъ совѣта испытаннымъ: боярину Артамону Матвѣеву, да князю Ромодановскому, да князю Борису Голицыну съ бояриномъ Абрамомъ Лопухинымъ, да боярамъ Кириллѣ Нарышкину, Федору Головину, Петру Прозоровскому, да инымъ боярамъ и князьямъ, коихъ царица съ совѣтниками на то изберетъ“.

Все это медленно, съ передышками продиктовалъ Алексѣй, слѣдя, какъ, противъ воли, можетъ быть, не торопливо и четко выводилъ дьякъ слова на поляхъ бумаги.

Пока Титовъ дописывалъ, что ему было сказано, царь обратился къ Федору.

— Чай, самъ знаешь, сыне, — слабъ ты здоровьемъ... Оженить тебя не успѣлъ я... Помру — и невѣдомо: дастъ ли тебѣ Господь потомство мужеска полу... Вотъ зачѣмъ велю о царствѣ и для Петруши... А въ другое: онъ, коли Богъ ему вѣку дастъ, — силенъ да боекъ у насъ, даромъ, што малъ. Не одна и самъ ты мнѣ сказывалъ: „вотъ, коли бы мнѣ Господь таково здоровье послалъ. Трудно де царить царю слабому, недужному“. Вотъ, и станетъ Петруша, какъ подростетъ, въ помощь тебѣ... И съ матушкой — царицей. Знаешь, какъ блюдетъ она всѣхъ васъ, дѣтей моихъ... Не глядя, што не родные вы... Вотъ въ чемъ послѣдняя воля моя. Всѣ вы слышали. Такъ и исполнить должны... Крестомъ Честнымъ и Богомъ тебя, сыне, заклинаю. И васъ, бояре... Ну... Дописывай, Иванычъ, што сказано... Я и руку приложу... Охъ...

И со слабымъ стономъ, окончательно обезсиленный отъ всѣхъ волненій и отъ напряженія, проявленнаго сейчасъ, —

Алексѣй въ полуобморокѣ откинулся на подушки, съ которыхъ поднялся было, обращаясь къ сыну и боярамъ.

Федоръ готовъ былъ отвѣтить отцу, что свято исполнить его волю, но увидѣвъ, что тотъ блѣднѣетъ и клонится на бокъ, крикнулъ:

— Што съ батюшкой?.. Лекаря покличьте скорѣе... Никакъ сомлѣлъ...

Кой-кто кинулся къ выходу, Петръ Хитрово—впереди всѣхъ.

Долгорукій и протопопъ Василій подошли къ постели, взяли руки царя, стали прислушиваться къ его дыханію.

Алексѣй, слабо вздохнувъ нѣсколько разъ, закрылъ глаза и пересохшими губами еле внятно пролепеталъ:

— Ништо... такъ, духъ захватило... Царицу... Матвѣева... дѣтей повидать-бы... Петрушу... Што долго они?..

— Въ единый мигъ, государь... Я самъ пойду... Я мигомъ!

И Долгорукій быстро вышелъ изъ опочивальни.

— Унесло ево во время,—негромко замѣтилъ Петръ Толстой Богдану Хитрово. — Тово гляди, мѣшать бы сталъ... Слышь, Иванычъ, подожди, не строчи,—обратился онъ къ Титову.

Но тотъ уже и самъ давно остановился на полусловѣ, какъ только поднялась суматица у постели царя.

— Надоть, бояре, свое толковать, за чѣмъ пришли,—вполголоса обратился ко всѣмъ Хитрово:—Гляди, кабы не взялъ Господь царя на глазахъ у насъ... Ишь, синѣетъ въсь... Пусть бы поизмѣнилъ волю свою...

— Вѣстимо, мѣшкать нечево,—снова вмѣшался Толстой. Вонъ. половина ево приказу записана. Коли бы не смогъ и руки приложить—все царская воля!.. Сказать свое намъ надо...

— Сказать, сказать, — откликнулись почти всѣ также негромко.

Пророкотали — и сейчас-же смолкли, словно сами испугались своей смѣлости.

Всѣ понимали, что медлить нельзя. Царская воля высказана передъ лицомъ царевича.

И если самъ Алексѣй не измѣнить ея — слабовольный, робкій, чистый душой, — Федоръ конечно ужъ не рѣшится поступить иначе, хотя бы и не осталось подписаннаго завѣщанія отъ умирающаго отца.

Всѣ понимали это, но никто не рѣшался заговорить первымъ. Дѣло было слишкомъ важное, большое. Слишкомъ много личныхъ и общихъ интересовъ было поставлено на ставку и можно было играть только очень осторожно, бить почти навѣрняка.

Но и молчать — нельзя. Вонъ, кромѣ „своего“ посланнаго, Петра Хитрово, — за царицей и за лекаремъ кинулся Долгорукій и еще нѣсколько лицъ изъ такихъ, которые завѣдомо держали руку Нарышкиныхъ. Они разыщутъ, приведутъ всю ненавистную компанію, и Матвѣева и иноземную стражу и стрѣльцовъ Петровскаго полка.

Весь планъ разстроится. Все будетъ потеряно.

— Э-эхъ, не будь Федя тутъ, — тихо шепнулъ Толстой Богдану Хитрово: — живо бы покончить можно... И вписать, што надо... И руку-бы онъ приложилъ... А тамъ — хто што узнаеть? Царевичъ повѣрилъ-бы, онъ такой...

Хитрово только отмахнулся рукой отъ совѣтника.

— Тамъ, што бы было... Ежели-бы, да кабы... Ты, вотъ, лучше дѣло царю скажи...

Толстой, словно не слышалъ предложенія, — пошелъ кому-то еще шептать свои соображенія.

И неожиданно для всѣхъ заговорилъ Василій Волынкій, завѣдомый трусъ и „легкодушъ“.

Если остальные отъ неудачи заговора теряли особья преимущества въ государствѣ, теряли власть и сопряженные

съ нею крупныя выгоды, почетъ и силу,—Волынскій терялъ все, можетъ быть, и самую жизнь.

Онъ, собственно, не имѣлъ значенія самъ по себѣ или по родовымъ связямъ. Держался своимъ угодничествомъ, заискивалъ передъ каждымъ сильнымъ человѣкомъ. Но, открыто приставъ къ врагамъ Нарышкиныхъ—онъ, конечно, будетъ раздавленъ послѣдними, если они восторжествуютъ. А тѣ, къ кому онъ присталъ—и не подумаютъ заступаться особенно за „суму переметную“, какъ величали боярина. Ни охоты, ни силъ не будетъ для этого у побѣжденной партіи.

И вотъ, руководимый отчаяніемъ трусости, Волынскій первый теперь заговорилъ среди наступившаго неловкаго молчанія:

— Государь ты нашъ батюшко, Алексій свѣтъ Михайловичъ, не вели казнить, дай слово молвить, какъ оно по старому, словно по писанному молвится... Вѣстимо, твоя воля царская... Але-жъ и намъ, боярамъ, рабамъ твоимъ вѣрнымъ, вмѣстно слово молвити, коли што на умѣ да на душѣ лежитъ...

Ободренные этимъ вступленіемъ, всѣ остальные единомышленники, раньше стоящіе и шепчущіе по разнымъ угламъ горницы,—сгрудились тѣсной толпой вокругъ постели такъ, что почти оттерли отъ нея и царевича.

Къ послѣднему подошелъ Языковъ и сталъ около него какъ бы на стражѣ, очевидно, почуявъ, что дѣло принимаетъ особый оборотъ.

Сюда-же, по указанію Хитрово, подошли Хованскій и еще два—три человѣка, наблюдая, какъ повліяетъ вся послѣдующая сцена на Федора, чтобы не допустить его вмѣшаться въ событія.

Алексѣй очевидно, слышалъ и понялъ, что говоритъ ему Волынскій. И раньше онъ предвидѣлъ: не затѣмъ пришли къ нему бояре, чтобы покорно и молча выслушать его рѣ-

шеніе. Но царю думалось, что Федоръ въ эту тяжелую минуту проявить мужество, остановить ихъ натискъ на больного отца.

Онъ ошибся.

Сердце сжалось у Федора, когда онъ услышалъ неподобающее, необычное, чуть ли не наглое обращеніе худороднаго боярина къ больному царю.

Но встать, запретить, прикрикнуть на него и на всѣхъ, чтобы всѣ молчали?..

На это не хватило воли и духу у болѣзненнаго юноши. А его чуткое сознаніе подсказывало ему, что подобная попытка осталась бы безрезультатной. Кромѣ честнаго Языкова,—онъ видѣлъ,—никто не окажетъ ему настоящей помощи.

И совсѣмъ осѣвъ на своемъ мѣстѣ, словно желая втиснуться въ стѣну, у которой стояла скамья, Федоръ сидѣлъ, опустья голову, заломивъ тонкіе, блѣдные пальцы рукъ, оброненныхъ безсильно на колѣни.

Ничего не отвѣтилъ больной Волинскому. Голосъ ли отказался ему служить, или негодованіе мѣшало, — трудно было разобрать. Онъ только поглядѣлъ на боярина долгимъ, укоризненнымъ взоромъ и черезъ силу покивалъ головой.

Принимая это движеніе за приглашеніе продолжать рѣчь,—Волинскій снова заговорилъ:

— Вотъ наша дума, государь... Не только, слышь, тѣхъ, хто тутъ, а и всево боярства, и воинства твоего славнаго... Стрѣлецкіе полки всѣ то-же ладятъ... Вонъ, бояринъ Хованскій да головы, да полуголовы стрѣлецкіе, што съ нами пришли, да тысячники солдатскаво строю, и рейтары... И отцы духовные... Всѣ съ нами за одно... Вотъ, и поизволь выслушать, царь-государь, о чемъ просить станемъ, на чемъ челомъ добьемъ тебѣ... Ужъ не посѣтуй на раба твоево худороднаво, коли што не такъ молвилъ. Дѣло

великое и часъ самый останній... Того и гляди, осиротѣемъ, мы бѣдные, безъ тебя, милостивецъ ты нашъ... Вотъ, сказать и надобно...

Видя, что Алексѣй молчить, — выдвинулся впередъ, отстраняя Волинскаго, и заговорилъ Хитрово:

— Свѣтъ ты нашъ, батюшко — царь, солнышко ты наше ясное... Ужъ, не посѣтуй... Може, дастъ Господь, — и ослишь хворь... вернется здоровье къ тебѣ... Будешь по старому царить надъ землей и надъ нами, рабами твоими вѣрными... А, все-же, не ровень часъ. И самъ ты, государь, мудро удумалъ: волю свою прочесть намъ приказалъ... Вотъ, о ней о самой и хотимъ молвить слово. Ужъ коли осиротить насъ Господь за грѣхи за наши, не станеть тебя, яснаво сокола, надежи нашей, — дай намъ царя единово, настоящаго, што бы смуты да свары не было на Руси... Вѣстимо, мудрое было слово твое: слабъ твой старшой царевичъ... Скорбью тѣлесною взысканъ отъ Господа. Да разумомъ же свѣтелъ, ровно звѣзда въ небѣ ясная. И супругу возьметъ себѣ въ часъ добрый... А Господь, хранящій царство и державу нашу многи годы, — дастъ ему потомство и наслѣдье на укрѣпленіе царства, какъ и всѣмъ то было государямъ московскимъ... А два царя на царствѣ?... И рядомъ-то цари не уживаются мирно, въ сосѣднихъ земляхъ. Все покоры идутъ. А тутъ надъ одной землей — два царя. Да еще одинъ — молодшій отъ другога. Не царь править — совѣтчики, — такая помолвка есть старая... А тутъ — у кажнаго царя своя дума буде... Новая свара... Кому туго придется? Землѣ... Вотъ, государь, чево ради и молимъ тебя: отложи, што далъ буде — на волю Божию. Свое дѣло поверши, дай по себѣ наслѣдника, сына своого старшова, какъ оно и водилося донинѣ. И самъ, гляди, на дѣло рукъ своихъ съ небеси возрадуешься, какъ призоветъ тебя Господь въ селенія свои...

— Всѣ молимъ тебя о томъ-же,—съ поклономъ, одинъ передъ другимъ заголосили бояре.

— Молимъ, молимъ, государь!—донесли изъ сосѣдняго покоя голоса тѣхъ, кто по чину не рѣшался войти въ опочивальню царскую, или не помѣстился въ ней, такъ какъ во время рѣчи Хитрово вся она переполнилась сторонниками боярина.

Алексѣй, тяжело дышавшій отъ приступа удушья, ничего не отвѣчая, только разразился сильнымъ приступомъ кашля, среди котораго едва слышно прохрипѣлъ:

— Лекаря... На..талья... Петру..ша... Помираю...

Федоръ услышалъ хрипѣнье и кашель отца, двинулся было къ постели, но нечаянно, или умышленно—бояре сдѣлали видъ, что не замѣчаютъ желанія царевича, не слышатъ его просьбы:

— Къ батюшкѣ, пустите къ батюшкѣ...

И всѣ сплошной стѣной сгрудились у постели, не давая видѣть, что тамъ творится.

А Хитрово громко заговорилъ:

— Што изволишь говорить, государь?.. Соизволяешь на прссьбы наши на смиренныя, на мольбы рабскія? Пиши, слышь, дьякъ... Старшему царевичу Федору царство...

— На...таша... Петруша... Помираю... лекаря...—уже болѣе внятно выкрикнулъ, весь трепеща въ агоніи, Алексѣй.

— Послано, послано по ихъ... Гляди, подъѣдутъ... Ужъ потерпи, государь-батюшка... Отецъ Василій, шель-бы ты, святѣйшаго патріарха повѣстилъ... Ишь, кончается свѣтъ—государь нашъ... Да лекаря тамъ скорѣе-бы... Може, помочь какую дастъ...

— Арта... Артамона...—снова выкрикнулъ умирающій.

— Да боярина Матвѣева поглядѣть прикажи,—продолжалъ распоряжаться Хитрово, очевидно, овладѣвшій положеніемъ.—Вонъ, сказываютъ, не поѣхалъ онъ и съ царицей.

Во дворцѣ гдѣ нигдѣ. . Князь Иванъ,—позвалъ онъ Хованскаго: — Ты бы самъ!.. Да, Иванъ Максимычъ, и ты, Федорычъ, вы и царевича поотвели бы!.. Гляди, ему самому, никакъ не по себѣ стало... Въ тотъ бы покой ево... Тамо попросторнѣе... Што ужъ тутъ... Попамъ тута мѣсто...

И Федоръ, почти лишившійся сознанія, почувствовалъ, какъ Языковъ и Куракинъ его осторожно поднимаютъ и ведутъ въ сосѣдній покой.

Здѣсь слухъ юноши поразилъ знакомый голосъ царицы Натальи.

Она, очевидно, вернулась съ пути, предупрежденная какимъ-нибудь благожелателемъ.

Выбѣжавъ изъ колымаги, кинулась на верхъ къ царю, но тамъ уже были предупреждены и ее не пускали въ опочивальню, увѣряя, что врачи запретили волновать больного подъ угрозой его внезапной смерти.

Князь Хованскій тоже самое подтвердилъ царицѣ, когда показался въ сѣняхъ, гдѣ на рукахъ своихъ боярынь билась въ рыданіяхъ Наталья, прижимая къ груди царевича Петра и умоляя пустить ее въ опочивальню.

— Туды, къ государю... Не стану плакать. Не потревожу ево... Туды... Туды пустите!..—повторяла она.

— Никакъ не можно тово, государыня матушка. Потерпи, слышь, малость... И самъ призоветъ тебя царь—государь... Полегше, слышь, стало ему... А вы-бы, боярыни, дѣло свое знали,—обратился онъ къ провожатымъ Натальи: чай, видите: не по себѣ государынѣ. Ничѣмъ съ ей сюды тискаться, на ту половину, въ теремъ-бы поотвели ея милость...

Анна Левонтьевна съ младшей дочерью, и боярыни Наталья, растерянные, напуганные всѣмъ, что совершается кругомъ, хотѣли уже исполнить распоряженіе находчиваго князя.

— Не рушьте меня... Никуды не иду... Тута буду... Али не слышите, што я приказываю,—вдругъ властно окрикнула ихъ Наталья. — Али ужъ я тутъ самая послѣдняя стала?!. Ужъ коли на то пошло,—стрѣльцовъ кликну. Они мнѣ путь дадутъ къ супругу, къ государю моему... Ступай, Дарья, зови голову стрѣлецкаго, што провожалъ нашъ поѣздъ. Сюды ево... Ты, Абрамъ, — обратилась она къ Лопухину, али бо ты князь, — идите, зовите... Не посмѣютъ они не пропустить васъ...

Прозоровскій и Лопухинъ двинулись къ выходнымъ дверямъ. Но Хованскій, едва Наталья заговорила о стрѣльцахъ, — уже предупредилъ ихъ. Пока князь и Лопухинъ протискивались въ толпѣ заговорщиковъ, умышленно не выпускавшихъ обоихъ изъ давки, какъ не пропускали они къ Алексѣю царицы,—Хованскій уже былъ во дворѣ, гдѣ еще находился отрядъ Петровскаго стрѣлецкаго полка, провожавшій поѣздъ царицы.

Стрѣльцы знали князя, служившаго въ главномъ стрѣлцкомъ приказѣ и не удивились, когда онъ приказалъ:

— Скорѣе въ розрядъ свой поспѣшайте. Тамо всему полку собираться бозъ промедленья приказано отъ боярина, отъ Артамона Сергѣича.

Покорно повернули ряды свои стрѣльцы и потянулись къ дворцовымъ воротамъ.

И когда Прозоровскій съ Лопухинымъ успѣли таки выбиться изъ сѣней,—они не нашли во дворѣ Петровскаго отряда. Только чужіе стрѣльцы, сторонники Милославскихъ, завзятые „Аввакумовцы“ толковали о чемъ-то съ княземъ Хованскимъ, стоя густой толпой передъ самымъ дворцовымъ крыльцомъ, и недружелюбно, глумливо поглядѣли на обоихъ „Нарышкинцевъ“.

— Услалъ проклятый князекъ, продажная душа, на-

шихъ-то, — сказалъ Лопухинъ Прозоровскому, сжимая въ безсильной злобѣ кулаки.

И оба поспѣшили обратно къ царицѣ, оставшейся теперь совсѣмъ беззащитной среди завѣдомыхъ недруговъ тамъ, наверху...

Наталья, видя бесплодность попытокъ, узнавъ, что Матвѣевскихъ стрѣльцовъ успѣли удалить, — въ отчаяньи опустилась на скамью и беззвучно рыдала, прижимая къ себѣ перепуганнаго царевича.

Вдругъ сквозь толпу пробился къ ней Матвѣевъ, только сейчасъ узнавшій, что творится во дворцѣ.

Часть провожатыхъ царицы вернулась въ теремъ; тамъ стало извѣстно, что царь умираетъ, а царицу не допускаютъ къ нему.

Поднялось смятеніе, плачъ.

Усталый, измученный Матвѣевъ, спавшій въ одномъ изъ покоевъ терема Натальи, — проснулся, вскочилъ и, понявъ въ чемъ дѣло, кинулся къ царю.

У маленькой двери уже стоялъ Гаденъ и спорилъ съ часовыми, не пропускающими лекаря въ опочивальню.

— Прочь съ дороги. Меня не узнали, што-ли? — крикнулъ на нихъ Матвѣевъ.

Но хмурые стрѣльцы и не пошевелинулись, особенно, когда замѣтили, что Матвѣевъ безоруженъ.

— Какъ не знать, бояринъ? Да намъ отъ самова государя приказъ даденъ въ эти двери никому ходу не давать. Такъ ужъ не погнѣвись.

И бердыши стрѣльцовъ, которыми тѣ перегородили обомъ дорогу, не сдвинулись ни на волосъ.

— Пустое вы брешете, собаки. Не могъ царь... Пусти, говорятъ...

И Матвѣевъ, толкнувъ сильно одного изъ стрѣльцовъ, ухватился за древко сѣкиры, чтобы отвести его и очистить себѣ путь.

— Ну, ужъ, нѣтъ... Ты не толкай, бояринъ. Гляди, лихо бы не было... Намъ своя голова — твоей дорожке, — грубо отрывая руку Матвѣева отъ бердыша и отталкивая его назадъ, пригрозилъ стрѣлецъ постарше. И другой рукой потянулся къ ножу, рукоятка котораго виднѣлась изъ-за пояса.

Стиснулъ зубы до боли, закрипѣлъ ими бояринъ, но — дѣлать было нечего.

Гнѣвъ, брань — не помогутъ. Очевидно, тутъ что-то не спроста... Наглецы увѣрены въ своей безнаказанности, если такъ поступаютъ съ нимъ, съ другомъ самого царя, съ родичемъ царицы.

Здѣсь времени терять нечего. Надо скорѣй, хотя бы дальними переходами, пройти къ царю, узнать, что тамъ дѣлается.

И Матвѣевъ кинулся назадъ.

Гаденъ за нимъ.

Обойдя дворомъ, оба они едва пробились только въ сѣни, гдѣ нашли новую толпу людей, возбужденныхъ, враждебно — поглядывающихъ на нихъ.

И тутъ-же въ углу различили Наталью, окруженную своими боярынями.

Царица отъ рыданій была въ полуобморокѣ. Царевичъ Петръ — громко плакалъ и тормозилъ мать, запрокинутая голова которой лежала на плечѣ у старухи Нарышкиной. Сестра Авдотья и золовка Прасковья Нарышкина уговаривали мальчика, сами едва удерживая рыданія:

— Помолчи, нишкни, желанный... Тише, Петенька... Дай покой матушкѣ... Видишь, тошнехонько ей... Буде... Ты ужъ не блажи...

— Мама... Мамушка... Померла мамушка... Вонъ и не глядитъ... Пусть глянетъ мамушка... Мама... Мамка, глянь а меня, — упорно повторялъ ребенокъ, обливаясь слезами.

Отъ крика и плача голосокъ царевича, всегда звонкій и пріятный, звучалъ хриплыми, надорванными нотами.

Увидя Матвѣева, царевичъ сразу рванулся къ нему:

— Дѣдушка... Сергѣичъ, мамка умираетъ!.. Не дай ей помереть, — вонъ, глянь... Глянь! — трепеща и прижимаясь къ боярину, залепеталъ ребенокъ.

Гаденъ приблизился къ Натальѣ, стараясь помочь ей.

По его просьбѣ, Авдотья Нарышкина пробилась на крыльцо и скоро вернулась съ ковшомъ холодной воды.

Натальѣ обрызгали лицо, напоили ее и царица стала приходить въ себя.

Матвѣевъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло и не сталъ даже дѣлать попытки пробраться въ опочивальню къ больному царю.

— Слышь, государыня, перемоги себя... Я мигомъ за своими стрѣльцами спысываю... Тутъ иначе ничево не подѣлать, — шепнулъ онъ Натальѣ.

— Нѣту, услали ихъ, — еле слышно отвѣтила Наталья и снова залилась слезами.

— Вернемъ, ништо... Пока царь живъ, — время не ушло... Вы бояре, поберегите царицу, а я скоро назадъ, — шепнулъ онъ Лопухину и Прозоровскому.

— Ладно, дѣлай, што знаешь... Мы ужъ тутъ... — отвѣтилъ Лопухинъ.

Вдругъ зазвучалъ колокольный перезвонъ. На крыльцѣ послышалось движеніе.

Распахнулись двери и показался самъ патріархъ, окруженный высшимъ духовенствомъ, своими боярами и соборнымъ причтомъ.

— Господи... Вотъ защита Твоя!.. — вырвалось съ воплемъ у Натальи.

Не отпуская сына, она кинулась къ старцу Іоакиму и, какъ птичка, бѣгущая подъ защиту отъ налетающаго кор-

шуна,—укрылась подъ рукой пастыря, простертой съ благословеніемъ надъ головой ея и ребенка.

Какъ бы противъ воли раступились всѣ, кто раньше стоялъ стѣной у дверей палаты, и пропустили патріарха въ сосѣдній покой, а оттуда и въ опочивальню царя.

Съ патріархомъ прошла Наталья и царевичъ Петръ. Снова послышался шумъ. Показалась другая толпа: шли сестры царевны, дочери Алексѣя, со своими боярынями и ближней свитой, вели царевича Ивана его дядьки; Симеонъ Полоцкій шелъ со всѣми.

Явились и царевичи „служащіе“, потомки Казанскихъ, Сибирскихъ, Касимовскихъ царей, живущихъ при Московскомъ дворѣ.

Матвѣевъ стоялъ въ нерѣшимости.

Идти ли ему за стрѣльцами, или прежде проникнуть въ опочивальню, посмотрѣть, что тамъ произошло. Что стало съ Алексѣемъ?

Сразу у боярина промелькнула мысль: ужъ если позвали патріарха, позвали дѣтей всѣхъ, значитъ дѣло кончено. И силой ничего не подѣлаешь.

Рѣшивъ такъ, Матвѣевъ прошелъ съ царскими дѣтьми въ опочивальню, въ которой теперь было гораздо меньше народу, чѣмъ передъ появленіемъ патріарха. Незначительные люди выскользнули въ сосѣдніе покои, въ сѣни. Остались только главные бояре. Былъ уже уставленъ аналой для патріарха, дымилось тяжелое кадило въ рукахъ у протодіакона...

Алексѣй лежалъ въ агоніи, съ потемнѣлымъ лицомъ, какъ бываетъ у полузадушенныхъ людей. Гаденъ, подойдя къ постели только могъ печально сообщить окружающимъ:

— Отходить великій государь...

Наталья упала у постели и снова забилась въ рыданіяхъ.

Царевичъ Федоръ, котораго подняли съ его мѣста,—словно во снѣ, подошелъ къ ногамъ постели остановился тамъ и, тупо уставясь въ лицо умирающаго отца, не произнесъ ни звука. Только изъ глазъ его катились одна за другой, холодныя, крупныя слезы.

Патріархъ началъ служить краткую литію, возложилъ схиму на умирающаго. Скоро Алексѣй совсѣмъ затихъ...

— Скончался государь,—снова негромко объявилъ лекарь, опуская руку покойника, въ которой уже не ощущалось бѣеніе пульса.

— Не стало солнышка нашево, государя великаво князя, Алексія Михайловича. Блаженнаго успенія сподобился онъ, солнце наше красное... Челомъ ударимъ, бояре, нареченному царю и государю нашему, великому князю и самодержцу всея Русси, Феодору Алексіевичу на многая лѣта,—громко первый объявилъ, всюду поспѣвающій Петръ Толстой.

И перекатываясь изъ покоя въ покой, перекидываясь за ихъ предѣлы, на дворцовыя площади, гдѣ слышались такіе же клики, громкій гулъ поздравленій слился съ надгробными рыданіями надъ ново-преставленнымъ рабомъ Божіимъ, царемъ Алексѣемъ...

Едва только было объявлено воцареніе Федора, новый царь, совершенно потрясенный всѣмъ, что пришлось пережить въ такое короткое время,—былъ уведенъ на его половину и лекаря настояли чтобы онъ легъ немедленно въ постель.

А въ томъ-же помѣщеніи, въ „деревянныхъ хоромахъ“ опочившаго Алексѣя, въ передней палатѣ, старѣйшій изъ бояръ и по годамъ, и по роду, потомокъ князей Черниговскихъ, почти восьмидесяти-лѣтній князь Никита Иванычъ Одоевскій приводилъ „къ вѣрѣ“, то-есть, къ присягѣ новому государю всѣхъ, кто тутъ былъ на лицо.

Князь, Яковъ Никитычъ, помогалъ отцу.

Вѣсть о смерти Алексѣя скоро разнеслась и по Кремлю, и по Москвѣ. Столовая палата тоже наполнилась боярами и служилыми людьми, желающими проститься съ прахомъ покойника и принести присягу Федору.

Сюда явился одинъ князь Яковъ и до разсвѣта шло цѣлованіе креста и подписаніе присяжной записи, составленной также, какъ была составлена она при воцареніи Михаила и Алексѣя.

Старикъ Одоевскій, передохнувъ нѣсколько часовъ, подкрѣпленный сномъ, — проѣхалъ въ Успенскій соборъ, гдѣ также присягали всю ночь новому повелителю „всѣя Русіи и иныхъ земель и царствъ“...

Федоръ совсѣмъ расхворался и не вышелъ къ тѣлу отца, выставленному въ Архангельскомъ соборѣ на короткое время для поклоненія.

Когда-же надо было хоронить отца, — больной царь явился, все-таки, къ погребенію, сидя въ креслѣ, которое комнатные столъники несли на рукахъ, также, какъ и сани, покрытые чернымъ бархатомъ, въ которыхъ, по обычаю, слѣдовала за печальной процессіей вдова покойнаго царя, Наталья Кирилловна.

Царица сидѣла въ саняхъ почти безъ чувствъ, припавъ головой къ плечу, провожающей дочку, Анны Леонтьевны; заплаканное лицо Натальи было закрыто густой фатою.

Вопреки обычаю, Софья уговорила остальныхъ сестеръ и онѣ всѣ тоже вышли въ траурныхъ нарядахъ провожать къ могилѣ гробъ отца. Но, чтобы не нарушать благопристойности, царевны шли какъ бы „инкогнито“, смѣшавшись съ толпой другихъ боярынь и бояръ, провожающихъ тѣло съ рыданіями и стонами.

Не было обычной свиты вокругъ царевенъ и нарядъ ихъ ничѣмъ не выдѣлялся среди остальныхъ...

Только на одну ночь опоздалъ, не поспѣлъ къ похоро-

намъ, раньше еще вызванный изъ Астрахани, изъ своей почетной ссылки,—Иванъ Михайловичъ Милославскій.

И сейчасъ-же принялъ самое дѣятельное участіе въ правленіи, къ неудовольствію Богдана Хитрово, хотя и самъ онъ, и тетка, Анна Петровна были тоже не забыты въ первыхъ милостяхъ новаго царя.

2 февраля была объявлена и разслана по городамъ царская грамота о вступленіи на престолъ царя Федора Алексѣевича. Въ ней говорилось такъ:

— Царь и великій князь Алексій Михайловичъ скончался въ 4 часу ночи (то-есть, по нашему — около 8 часовъ вечера), на 30 генваря; а, отходя сего свѣта,—державу всея Россіи пожаловалъ, приказалъ намъ и на свой престолъ благословилъ насъ, сына своего“...

Симеонъ Полоцкій въ то же самое время сочинилъ и широко обнародовалъ. „Прощаніе царя Алексія со всѣми ближними ему“.

Витіеватымъ слогомъ излагались прощальныя рѣчи усопшаго, обращенныя, будто-бы къ наслѣднику, Федору, къ женѣ, къ остальнымъ дѣтямъ и сестрамъ его.

Но рядомъ съ этими официальными документами—вырвались изъ толстыхъ, глухихъ стѣнъ дворца иныя вѣсти, нехорошіе слухи...

Многихъ смущалъ вопросъ: по какой причинѣ царь раньше не успѣлъ объявить боярамъ своей воли, или не выразилъ ее письменно относительно передачи престола старшему сыну. И только за три часа до кончины —нарекъ наслѣдника.

Очевидно, у самого Алексѣя до послѣдней минуты не созрѣло рѣшеніе, такое, казалось бы, простое и законное—старшему сыну передать землю и царство.

Почему-же это?

Конечно, нашлись люди, которые по-своему объясняли желающимъ, почему это такъ вышло...

Возникла рознь и толки между стрѣleckими полками, принимающими молчаливое, но важное участіе въ послѣднихъ событіяхъ.

Тѣ полки, которые оказались явно на сторонѣ Милославскихъ и Хитрово,—были особенно награждены.

Не мало темныхъ слуховъ проникло и въ простой народъ московскій...

Но все это пока было безформенно, неясно. Слухи не успѣвали сложиться въ открытыя обвиненія, изъ подозрѣній не зарождалось еще упорной увѣренности, тѣмъ болѣе, что вѣсти самыя разнорѣчивыя, самыя противоположныя другъ другу, налетали со всѣхъ сторонъ: изъ царскаго дворца, изъ теремовъ вдовой царицы, изъ теремовъ царевенъ старшихъ и меньшихъ, отъ боярскихъ дворовъ и посадовъ: Милославскихъ, Языкова, Хитрово, Матвѣева, Голицына и другихъ... И кружились эти слухи и вѣсти, сбивая съ толку москвичей, порождая въ нихъ неясное озлобленіе, непонятный имъ самимъ, страхъ и тревогу въ душѣ...

Темные, какъ осенняя ночь, смутные, какъ туманная даль, эти слухи и толки имѣли только одну общую примѣту: они были полны ожиданіемъ чего-то новаго, желаннаго, небывалаго еще. Не было скорби о старомъ, о немъ говорили, словно о покойникѣ, какъ будто вмѣстѣ съ Тишайшимъ царемъ умерло оно, это старое, привычное. И теперь ждали иного отъ юного Федора Алексѣевича, хотя всѣ знали, что онъ много мягче и слабѣе Тишайшаго. Даже раздавались дерзкіе голоса, обвинявшіе новаго владыку земли въ слабоуміи.

— Бабы станутъ теперь царствомъ вертѣть, старыя и молодыя!—такъ негромко толковалъ не только простой людъ, но и близкіе ко дворцу лица.

И все-таки, у всѣхъ назрѣвала увѣренность, что старое, привычное — отжило свой вѣкъ, что должно настать нѣчто новое, можетъ быть и тяжкое для многихъ, но неизбѣжное, богатое важными послѣдствіями.

Конецъ I ой книги.

PG3470.Z43N68 1914 kn.1
Zhdanov, Lev, b. 1854.
Novaia Rus'.

21285356

A000021285356